

Н.И.Лешиловская

ИЛИРИЗМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

ИЛЛИРИЗМ

*К истории
хорватского национального Возрождения*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

Монография посвящена истории иллирийского движения — одной из наиболее важных проблем национального возрождения югославянских народов в XIX в. Автор, опираясь на многочисленные источники (документы, прессу и другие издания той поры), рассматривает социально-экономические и политические предпосылки иллиризма, изучает начало иллирийского движения и его социальные основы. В монографии дается подробный анализ идеологии иллиризма и программы иллирийского движения в 30—40-х годах XIX в., в период мощного подъема национального движения южных и западных славян. Автор монографии уделяет также большое внимание политической истории иллирийского движения в Хорватии в 40-х годах XIX в. и связям его с национально-освободительным движением других славянских народов.

Книга рассчитана на специалистов-славяноведов, а также на лиц, интересующихся проблемами становления наций и национально-освободительных движений.

Ответственный редактор

В. И. Фрайдаон

1-6-3
93-68 (I)

ВВЕДЕНИЕ

Характерный для конца XVIII и первой половины XIX в. подъем буржуазно-демократического движения в Европе сопровождался бурным ростом национально-освободительной борьбы славянских народов, в частности в Австрийской империи.

В 30—40-х годах XIX в. в Хорватии и Славонии, являвшихся частью Венгерского королевства, входившего в состав государства Габсбургов, развернулось национальное, общественно-политическое и культурное движение, названное по ведущей идеи «Великой Иллирии» иллиризмом. Оно получило известный резонанс в других хорватских областях — Военной Границе и Далмации. Имело это движение определенный отзвук и в прочих югославянских землях.

Иллиризм, вызванный к жизни развитием капитализма в условиях разложения феодального строя и формированием хорватской пции, явился важной и яркой страницей в истории хорватского народа. Направленный на разрешение вставших перед хорватским обществом исторических задач при переходе от феодализма к капитализму, иллиризм знаменовал собой начало национальной борьбы периода подымающегося капитализма.

Иллирийское движение оказало существенное влияние на национальное, политическое, социально-экономическое и культурное развитие хорватского народа. Без исследования иллиризма невозможно попытать многие стороны последующего развития хорватского общества, в первую очередь национально-освободительного движения хорватского народа.

Изучение иллиризма имеет и более широкое научное значение. Выяснение сущности и особенностей хорватского национально-освободительного движения на заре

буржуазного развития поможет изучить общие закономерности и отличия национального Возрождения у южных славян в целом. Иллирийское движение представляет собой научный интерес и для выяснения существа и форм национально-освободительной борьбы славянских народов Австрийской империи. Иллиризм развивался в тесном общении с национальными движениями других славян в габсбургской монархии, между славянскими движениями существовали глубокие идеологические и тактические связи.

Хорватское национальное Возрождение привлекает к себе внимание историка еще и потому, что иллиризм, развившийся под знаменем учения о славянской взаимности вдохновенного романтика, словацкого поэта и мыслителя Яна Коллара, был проникнут стремлением к укреплению и расширению связей хорватского народа с другими славянами. Иллирийское движение внесло существенный вклад в укрепление славянской солидарности. Без исследования иллиризма затруднительно освещение межславянских отношений в первой половине прошлого столетия.

Особое значение имеет характеристика иллиризма для выяснения югославянских связей¹. Иллиризм оказал значительное влияние на общественную мысль югославянских народов и тактику их национально-освободительных движений. В свою очередь он и сам испытал идеиное влияние со стороны других югославянских народов, вобрал в себя опыт их национального Возрождения. Научная разработка иллирийского движения облегчит понимание идеологии югославян и их национальной борьбы. Кроме того, с иллиризмом связана первая на славянском юге и вполне определенная программа объединения югославян, принадлежавшая не одиночкам-мыслителям, ахватившая довольно широкий слой хорватской и даже югославянской общественности, а главное — попытка практического претворения ее в жизнь. Именно в иллиризме кроются истоки последующей идеологии и практики югославизма, подготовившего в определенном смысле рожде-

¹ В монографии понятие «югославяне» применяется к славянским народам, входящим в современную Югославию, в то время как под «южными славянами» понимаются все славяне Балканского полуострова.

ине югославянского государства. Изучение иллиризма прольет свет на исторические пути, приведшие к объединению югославянских народов в независимой Югославии.

Начало иллирийского движения следует отоспить к 1835 г., когда оно стало приобретать организационные формы. Завершился этот этап хорватской национально-освободительной борьбы поражением революции 1848—1849 гг. и установлением абсолютизма в Австрийской империи. Монография посвящена исследованию хорватского национально-освободительного движения в 1835—1847 гг., т. е. до начала революции в Австрийской империи. С развитием революции произошли существенные перемены в расстановке общественных и политических сил в Хорватии и Славонии, в активности массового движения, в требованиях общественно-политических течений, в тактике национальной борьбы. Все это заставляет выделить революционные годы в качестве предмета специального исследования.

Проблематика иллиризма — весьма широкая и сложная. В настоящей работе не ставится задача обстоятельной и подробной характеристики всех сторон этого многообразного общественного явления. Монография представляет собой попытку рассмотрения наиболее существенных вопросов иллиризма: социально-экономических и политических предпосылок возникновения движения, его социальной базы, идеино-политических позиций общественных течений в нем, основных форм национальной борьбы и значения иллиризма в общественно-политическом и национальном развитии хорватского народа. Ряд моментов, особенно это касается работы Пожунского сейма², хорватского сабора, жупаний, деятельности сторонников иллиризма и т. д., ввиду подробного рассмотрения этих вопросов в литературе освещается в монографии кратко, а то и вовсе опускается.

При исследовании иллиризма автор исходит из положений марксизма-ленинизма о национальных движениях эпохи восходящего развития буржуазного общества.

Иллирийское движение имеет большую историографию. Тем не менее, несмотря на обилие трудов, охватывающих проблему в целом или затрагивающих ее отдель-

² Хорвато-венгерское государственное собрание заседало в Пожуне (теперь Братислава).

ные стороны, многие важные вопросы иллиризма далеко еще не изучены. Не показаны в достаточной мере общественно-экономические условия, вызвавшие иллиризм. Не получили глубокого научного освещения его социальные основы. Несмотря на наличие ряда работ, затрагивающих идеологическую сторону этого движения, идеиные позиции и классовая сущность общественно-политических течений в нем по существу не выяснены. Не раскрыто в литературе и его значение. В большей мере освещены культурная и общественно-политическая деятельность сторонников иллиризма. Более или менее обстоятельно исследована его фактическая история.

Буржуазная историография оставила богатое наследство по иллирийскому движению. Оно привлекало к себе исключительное внимание в первую очередь буржуазных хорватских историков. Желая дать в своих трудах ответ на животрепещущие вопросы национальной борьбы, хорватские историки много писали об иллиризме, в котором правомерно видели начало современного им национального движения. Это были сводные работы, охватывающие развитие хорватского общества в первой половине XIX в. в целом, специальные монографии, статьи, содержащие биографические сведения об отдельных деятелях иллиризма, раскрывающие творческий облик хорватских писателей и поэтов эпохи Возрождения, характеризующие деятельность сторонников национальной борьбы, раскрывающие их связи с другими славянскими народами и т. д.; наконец, публикации, охватывающие в основном переписку хорватских национальных деятелей. Но для всей буржуазной исторической литературы по иллиризму характерны описательность, идеалистическая основа исторической концепции и отсутствие научного анализа.

В русской историографии фундаментальным исследованием иллиризма явилась книга дореволюционного слависта П. А. Кулаковского «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения», вышедшая в Варшаве в 1894 г. Это была первая крупная специальная работа по иллиризму вообще, которая содержала последовательное изложение его литературно-языковой и культурно-просветительной сторон.

Впервые в хорватской историографии в 1878 г. дан общий обзор иллиризма И. Милчетичем в работе «Хор-

ваты от Гая до 1850 г.»³. Подробнее в 1879 г. остановился на развитии хорватского общества в этот период виднейший представитель хорватской историографии второй половины XIX в. Т. Смичиклас во втором томе капитального труда «История хорватская», представляющего собой первое последовательное изложение хорватской истории с древних времен до 1848 г.⁴ Отдельные вопросы иллиризма затрагивались Смичикласом и в других работах⁵.

Первым исследователем иллиризма в самой Хорватии был Дж. Шурмин. Его перу принадлежит двухтомник «Хорватское Возрождение»⁶, а также многочисленные статьи, посвященные частным вопросам, и публикации документов по этой проблеме. Р. Хорват остановился на иллирийском движении в работе «Новейший период хорватской истории»⁷.

Иллиризмом занимался крупнейший представитель хорватской буржуазной историографии Ф. Шишич, принадлежавший к строго генетической исторической школе. В 1913 г. вышел третий том его «Хорватской истории», охватывающий период с 1790 по 1847 г.⁸ Книга Шишича представляет собой наиболее подробное и основательное изложение не только культурного, но и политического развития Хорватии в первой половине XIX в. Исследуемый вопрос затрагивался и в других работах Шишича⁹.

Несколько в стороне по своей исторической концепции стоят хорватский историк, лингвист и историк литературы Ф. Фанцев. Он интересовался главным образом

³ I. Milčetić. Hrvati od Gaja do godine 1850. Zagreb, 1878.

⁴ T. Smičiklas. Poviest Hrvatska, d. II. U Zagrebu, 1879.

⁵ T. Smičiklas. Obrana i razvitak hrvatske narodne ideje od 1790 do 1835 godine. — «Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti» (далее — Rad), knj. LXXX; U Zagrebu, 1866; он же. Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. — Rad. knj. CX. U Zagrebu, 1892. T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. U Zagrebu, 1892.

⁶ D. Šurmin. Hrvatski preporod, I i II. Zagreb, 1903, 1904.

⁷ R. Horvat. Najnovije doba hrvatske povjesti. Zagreb, 1906.

⁸ F. Sišić. Hrvatska povijest, d. III. U Zagrebu, 1913.

⁹ F. Sišić. O stogodišnjici ilirskoga pokreta. — «Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti» (далее — «Ljetopis JAZU»), sv. 49. Zagreb, 1937; он же. Jugoslovenska misao. Beograd, 1937.

проблемой генезиса хорватского Возрождения¹⁰. В отличие от других историков, видевших причину возникновения иллиризма в идеином влиянии Европы, Фанцев рассматривал Возрождение как прямое продолжение идей, возникших в Хорватии еще в XVI в., и подчеркивал исключительную хорватскую направленность идеологии Возрождения.

Хорватские буржуазные историки, собрав огромный и важный фактический материал по иллиризму, в то же время искали причину его возникновения в идеиной сфере и отрывали его от материальных условий жизни Хорватии того времени. Они изображали это движение в плане «единого потока», не различая в нем идеино-политических течений. Тесно связанные с национальной борьбой хорватской буржуазии, они подчеркивали общенародный характер иллиризма и апологизировали его, желая тем самым оправдать современное им национальное движение.

Значительный вклад в исследование иллиризма внесли современные историки Югославии. В последние годы появился ряд монографий, которые затрагивают эту проблему. Опубликовано много статей, а также документов, касающихся конкретно исследуемого вопроса.

Современные хорватские историки единодушны в определении хронологических рамок иллиризма (1835—1849), в поисках причин его возникновения в ходе развития капитализма. Однако в освещении других вопросов среди них существуют серьезные разногласия.

В. Богданов в 1949 г. в монографии «Общественная и политическая борьба в Хорватии в 1848—1849 гг.», затем в ряде других работ и, наконец, в 1958 г. в книге «История политических партий в Хорватии» дал характеристику социальных основ, политической идеологии и практики этого движения¹¹. В. Богданов определяет иллиризм как демократическое по составу участников, антифеодальное и революционное по своему общественно-политическому содержанию движение. По мнению исто-

¹⁰ F. Fancev. Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790—1832). U Zagrebu, 1933; он же. Hirstvo u hrvatskom preporodu. — «Ljetopis JAZU», sv. 49. Zagreb, 1937.

¹¹ V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49. Zagreb, 1949; он же. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958.

рика, иллиризм преследовал цель полного политического и социального освобождения южных славян путем вооруженной борьбы и их политического объединения. Точка зрения В. Богданова о демократическом и революционном характере идеологии и политической практики иллиризма оказала влияние на некоторых югославских исследователей¹². В то же время она встречает и серьезные возражения со стороны других хорватских учёных.

Экономист и историк Р. Бичанич в книге «Элементы капитализма в хорватской экономике и политике», вышедшей в 1952 г.¹³, характеризует иллиризм как специфически хорватское национальное, буржуазное по своей социальной природе, движение с экспансивной буржуазной идеологией.

По мнению А. Бараца, запимавшегося историей хорватской литературы, иллиризм опирался на «новые общественные силы» и имел «отчетливо прогрессивные социальные черты», иллиры чувствовали себя «самыми близкими к широчайшим слоям народа, а именно: крестьянству», — и их усилия были «абсолютно позитивны»¹⁴.

Хорватский ученый Я. Шидак является автором ряда статей по данной проблеме. Он затрагивает некоторые ее стороны и в работах более широкого плана¹⁵. Я. Шидак в целом рассматривает иллиризм как либеральное движение. По мнению историка, роль, которую в Венгрии играло среднее либеральное дворянство, в Хорватии принадлежала Народной партии, объединившей в 40-х годах сторонников национальной борьбы¹⁶.

¹² М. Живанчевич. Иван Мажурачић. Нови Сад, 1964.

¹³ R. Bićanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952.

¹⁴ Вагас. Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, knj. I. Književnost ilirizma. Zagreb, 1954, str. 41, 42, 44, 48, 50.

¹⁵ J. Šidak. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj do 1848. — «Historijski zbornik» (далее — HZ), 1960; он же. O uredniku i značenju ilirskog «Branislava» (1844—45). — HZ, 1961; он же. Južnoslovenska ideja u ilirskom pokretu. — «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 3. он же. Hrvatsko pitanje u Habsburškoj monarhiji — «Historijski pregled», IX, 1963; он же. Prilog razvoju jugoslavenske ideje do g. 1914. — «Naš temelj 1965»; он же. Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10.

¹⁶ J. Šidak. Prilozi..., str. 191.

Некоторые стороны хорватского национального движения рассмотрены в работах других хорватских историков. Еще в 30-х годах XX в. Й. Хорват, публицист и историк, неоднократно затрагивал проблему этого движения¹⁷. В 1956 г. Й. Хорват и Я. Равлич издали крупную публикацию «Письма Людевиту Гаю», в комментариях к которой содержатся ценные сведения по иллиризму¹⁸. Личности Гая Й. Хорват посвятил специальную монографию. Некоторые вопросы иллирийского движения нашли освещение в книге того же автора «История прессы в Хорватии. 1771—1939»¹⁹. В 1965 г. Я. Равлич издал книгу «Хорватское национальное Возрождение»²⁰ с весьма произвольной периодизацией. Конкретные вопросы иллиризма рассмотрены в работах Я. Равлича, К. Георгиевича, И. Бадалича, А. Лисаца и других историков²¹. В 1966 г. вышел юбилейный выпуск журнала «Коло», целиком посвященный хорватскому национальному Возрождению²².

В советской литературе иллиризм получил краткое освещение в первом томе «Истории Югославии», вышедшем в 1963 г., а также в отдельных статьях, опубликованных в «Ученых записках» Института славяноведения.

При подготовке настоящей монографии были использованы фактические сведения по истории исследуемого вопроса, содержащиеся в исторической литературе и в разнообразных печатных источниках. Главное место

¹⁷ J. Horvat. Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936; он же. Kultura Hrvata kroz 1000 godina. Zagreb, 1939.

¹⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956. Об этой публикации подробнее см.: И. И. Лещиловская. Отражение истории Хорватии и Славонии первой половины XIX в. в письмах Людевиту Гаю. — «Славянское источниковедение». М., 1965.

¹⁹ J. Horvat. Људевит Гај. Београд, 1960; он же. Povijest novinstva Hrvatske. 1771—1939. Zagreb, 1962.

²⁰ J. Ravlić. Hrvatski narodni preporod, I. Ilirska knjiga. Zagreb, 1965.

²¹ J. Ravlić. Ilirska čitaonica u Zagrebu. — HZ, 1963; он же. Povijest Matice hrvatske. — В кн.: «Matica hrvatska. 1842—1962». Zagreb, 1963; K. Georgijević. Grof Janko Drašković (1770—1856). Sarajevo, 1958; J. Badalić. Ruski pisci u književnosti hrvatskog preporoda. — «Hrvatsko kolo». Zagreb, 1946; A. Lisac. Oko «Branislava» i njegova urednika. — HZ, 1958—1959.

²² «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10.

среди последних занимает национальная газета с литературным приложением, издававшаяся с 1835 г. деятелями иллирийского движения, а также публицистические брошюры, периодический орган «Коло», выходивший в Загребе с 1842 г. и содержавший литературный, научный и публицистический материалы. Для изучения идеологии иллиризма особое значение имеют многочисленные и разнообразные сочинения представителей хорватского Возрождения. Важное место в кругу источников занимают корреспонденции хорватских национальных деятелей, а также письма представителей югославянской общественности, славянских ученых, литераторов к Гаю. Они вошли в серию публикаций под общим названием «Материалы по истории хорватской литературы»²³. Особого внимания в ней заслуживает публикация В. Дежелича «Письма, написанные д-ру Людовиту Гаю, и некоторые его сочинения (1828—1850)», вышедшая в 1909 г.²⁴ Много новых интересных писем содержится в названной выше публикации Й. Хорвата и Я. Равлича.

Все эти источники содержат богатые сведения по социальному составу, теории иллиризма, идеяным позициям общественно-политических течений в нем, деятельности сторонников национального движения внутри Хорватии и Славонии, откликам на иллиризм в других хорватских землях — Военной Границе, Далмации и Истрии, — отношению к нему югославянской общественности, связям иллирийского движения с национально-освободительными движениями других славянских народов.

В настоящей работе были использованы также автобиографические материалы, мемуарная литература, дневники, путевые записки как хорватских национальных деятелей, так и русских ученых и путешественников, посетивших Хорватию в 40-е годы XIX в. В этих источниках, требующих особо критического отношения, имеется ряд интересных сведений по иллирийскому движению.

Особое место в кругу источников занимают архивные материалы. Рукописное наследство деятелей хорватского Возрождения, а также бесцензурная газета «Брапислав»

²³ «Građa za povijest književnosti hrvatske» (далее — «Građa...»).

²⁴ V. Deželić. Pisma pisana d-ru Iudevitu Gaju i neki njegovi sastavci (1828—1850). Zagreb, 1909.

позволяют дать более глубокое освещение отдельных вопросов иллиризма. При подготовке монографии были использованы рукописные материалы Л. Гая, Л. Вукотиновича, Д. Раковаца, И. Кукулевича-Сакчинского, Б. Шулека, А. Вакановича и других деятелей иллиризма, хранящиеся в Архиве Югославянской академии наук и искусств, в Рукописном отделе (Трезоре) Национальной и Университетской библиотеки в Загребе и Архиве Хорватии в Загребе²⁵.

²⁵ Arhiv Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti (далее — Arhiv JAŽU); Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor; Arhiv Hrvatske u Zagrebu.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЛЛИРИЗМА

Политическое положение Хорватии и Славонии в первой половине XIX в.

В конце XVIII — первой половине XIX в. хорватские земли входили в состав Австрийской империи, однако они были раздроблены в административно-политическом отношении. Хорватия со Славонией и отдельно Приморье занимали особое положение внутри Венгерского королевства. Военная Граница, представлявшая собой систему военных поселений, Далмация и Истрия в качестве особых провинций непосредственно подчинялись австрийским властям.

Политическое положение Хорватии и Славонии в системе Венгерского королевства и Австрийской империи определялось их особыми правами, называвшимися «jura municipalia». Носителем этих прав был местный дворянско-помещичий класс. Официально они состояли в следующем¹. Верховная власть в Триедином королевстве² принадлежала королю и сабору. Местное управление возглавлял бан — наместник короля. Он назначался королем по рекомендации сабора. Триединое королевство направляло в Пожунский сейм трех делегатов, избранных сабором. Без их согласия Пожунский сейм не имел права принимать законы, затрагивающие интересы этого королевства. Славонские же жупании, подобно венгерским комитатам, непосредственно посылали своих представителей в Пожунский сейм.

Хорватия подлежала налогообложению в половинном размере (в расчете на единицу обложения), по сравнению с Венгрией. Она была освобождена также от постоя

¹ J. Šidak. Historijska čitanka za hrvatsku povijest, I. Zagreb, 1952, str. 177—178.

² Так назывались королевства Хорватии, Славонии и Далмации.

и содержания солдат. Эти привилегии не распространялись на Славонию. Хорватия в условиях государственной монополии на соль в Австрийской империи могла свободно ввозить морскую соль, которая была много дешевле каменной. Интересно, что на территории Хорватии и Славонии протестантам запрещалось иметь недвижимую собственность, пести государственную и общественную службу и даже селиться. Государственным языком здесь был латышский.

В течение XVIII в. автономия Хорватии и Славонии была Габсбургами весьма ущемлена. В особенности это касалось функций и деятельности сабора и бана. Их компетенция была настолько урезана, что ни о какой действительно самостоятельной их политической роли не могло быть и речи.

Упорная централизаторская политика Иосифа II, Французская буржуазная революция, растущее недовольство местных крестьян подтолкнули хорватское дворянство, которое чувствовало себя слабым для защиты своих привилегий, к укреплению политического союза с венгерскими помещиками. В 1790 г. оно согласилось на административное подчинение Хорватии и Славонии венгерскому Наместническому совету — верховному политическому органу Венгрии, непосредственно подчинявшемуся императору. Хорватское дворянство в страхе перед возможностью введения Габсбургами всеобщего налогобложения передало также Пожунскому сейму право определения налогов для Хорватии, но с оговоркой, что налоги, возлагавшиеся на нее, должны рассматриваться отдельно от венгерских. Эти акты, законодательно оформленные Пожунским сеймом, еще более ослабили авторитет и значение хорватского сабора и бана и подорвали хорватскую самостоятельность.

В первой половине XIX в. сабор фактически был подчинен Пожунскому сейму и собирался лишь накануне заседаний последнего, чтобы избрать делегатов на сейм и дать им соответствующие инструкции, а также после закрытия сессии сейма, чтобы провозгласить принятые там законы, без чего они не имели в Хорватии и Славонии юридической силы. Хорватский бан в своих действиях был зависим от австрийских и венгерских властей. Венгерский же Наместнический совет защищал интересы Венгрии, в ущерб Хорватии и Славонии.

Тем не менее благодаря «муниципальным правам», несмотря на всю их фактическую ограниченность, Хорватия и Славония имели более благоприятные условия для политического, национального и культурного развития, нежели другие земли.

С конца XVIII в. в политической жизни Хорватии и Славонии наметились новые перспективы. После смерти Иосифа II централизация по-прежнему составляла основу внутренней политики курса австрийского правительства в отношении Венгерского королевства, но в первое время не в столь насилиственной и жесткой форме, как это было при Иосифе II. Ожесточенное сопротивление венгерского и хорватского дворянства, с одной стороны, заинтересованность центральной власти, особенно в период войн с революционной Францией, в финансовых средствах и рекрутах, с другой — принудили австрийское правительство к политическим маневрам и известным уступкам требованиям Венгрии.

Вместе с тем реакционная монархия стремилась воспрепятствовать влиянию Французской революции и распространению революционных идей в империи путем усиления полицейских мер и цензуры. Уже в 1791 и 1792 гг. были изданы особые цензурные указы. Полиция сделалась самым мощным фактором в государстве. В 1793 г. было организовано особое министерство Polizei-Hofstelle. Над каждым видным и влиятельным лицом был установлен тайный полицейский надзор. После раскрытия в 1794 г. в Вене и Пеште республиканского движения, прозванного в литературе якобинским, полиция стала поистине всемогущей. Даже умеренные масонские ложи стали для правительства подозрительными. В 1801 г. вышел патент, запрещавший чиновникам участвовать в каких бы то ни было тайных обществах. С 1805 г. цензура была передана в ведение министерства полиции. Могли издаваться только официальные газеты. Еще в 1794 г. каталог запрещенных книг достиг 4476 позиций³.

После Венского конгресса 1815 г., с усилением дворянско-монархической реакции во всей Европе, в Авст-

³ Костић, Неколико идејних одраза француске револуције у нашем друштву крајем 18 и почетком 19 века. — «Зборник Матице српске. Серија друштвених наука», 3. Нови Сад, 1952, стр. 5, 14.

рийской империи утвердился феодально-абсолютистский режим, получивший по имени всемогущего государственного канцлера название «система Меттерниха». Гонения на печать, цензурные строгости, конфискация заграничных изданий, всеобъемлющий шпионаж, доносы, разгул явной и тайной полиции, патрулирование целых народов друг на друга — все это преследовало цель душить любые ростки прогрессивной политической мысли, всякое стремление к политическим переменам, любой протест против абсолютизма и феодального угнетения. Австрийская монархия заняла ведущее место в «Священном союзе», созданном в 1815 г. реакционными правительствами для подавления освободительных движений в Европе. Абсолютистскими методами управляло австрийское правительство и в Венгерском королевстве. С 1811 по 1825 г. император не созывал Пожунский сейм, распущенный в связи с его оппозицией требованиям центрального правительства. В венгерских комитатах и хорватских жупаниях всевластными стали королевские комиссары, пользовавшиеся чрезвычайными полномочиями и имеющие право с помощью военной силы добиваться выполнения директив австрийских властей. Однако после войны в Италии 1820—1821 гг. австрийское правительство, нуждавшееся в денежных средствах, вынуждено было несколько смягчить политический режим в Венгерском королевстве и восстановить в правах Пожунский сейм.

Полицейские меры были бессильны задержать развитие революционной и национально-освободительной борьбы, которая развернулась в конце XVIII в. и усиливалась с ростом капитализма в неавстрийских землях империи. Ее усилиению в немалой степени способствовала Французская революция. Прямым ее отголоском было восстание 1789 г. против австрийского владычества в Бельгии. Буржуазные в своем существе движения развернулись в Италии, Чехии, Галиции.

В конце XVIII в. венгерское среднее дворянство начало борьбу за улучшение условий буржуазного развития Венгрии и ее национальное освобождение. Но с самого начала венгерское освободительное движение заключало в себе глубокое внутреннее противоречие, в немалой степени обусловившее его поражение в революционные 1848—1849 гг. Стремясь к обеспечению широкого и устойчивого внутреннего рынка для венгерского

сельского хозяйства и промышленности, к упрочению своего господства на нем, с одной стороны, рассчитывая на усиление фронта борьбы против австрийского господства, с другой — венгерское среднее дворянство вступило на путь насильственной мадьяризации невенгерских народов, населявших земли «Короны св. Стефана».

Венгерские помещики обратили особое внимание на Хорватию и Славонию. Помимо того, что эти области могли значительно увеличить венгерскую территорию, они занимали важное географическое положение на пути к Адриатическому морю, которое открывало для Венгрии доступ к мировому рынку. Господство над Хорватией и Славонией могло облегчить венгерскому дворянству также обладание Военной Границей, которая означала многотысячные военные резервы, в силу самых тесных, исконных связей между этими землями. В 1843 г. председатель Пожунского сейма Ст. Серенчи заявил: «Хорватия — такая часть нашей родины, которая, имея в виду торговлю и военную силу, заслуживает самого большого внимания. Именно поэтому наше самое горячее желание заключается в том, чтобы в Хорватии установился мир»⁴.

В целях полного подчинения Хорватии и Славонии своей власти венгерское среднее дворянство стало упорно добиваться на Пожунском сейме упразднения их «муниципальных прав», введения венгерского языка в качестве государственного, их территориального расчленения.

По всем этим вопросам в Пожунском сейме развернулась острые борьба между хорватскими представителями и венгерским средним дворянством. Решающее значение в данном случае имела позиция австрийского императора, без санкции которого законы Пожунского сейма не имели юридической силы. Она определялась стремлением Габсбургов путем использования национальных противоречий ослабить оппозицию феодально-абсолютистскому режиму в Венгрии и упрочить позиции династии в империи.

Особую настойчивость венгерское среднее дворянство проявляло в языковом вопросе. Впервые требование о введении венгерского языка в официальную жизнь Венгерского королевства было выдвинуто венгерской

⁴ Имелось в виду обострение борьбы между сторонниками илиризма и мадьяронами. Цит. по кн.: F. Šišić. Hrvatska povijest, d. III. U Zagrebu, 1913, str. 303.

оппозицией на Пожунском сейме 1790—1791 гг. Однако сейм ограничился тогда принятием закона об обязательном изучении венгерского языка в гимназиях, академиях и университете Венгрии. В судах и учреждениях остался латинский язык⁵.

В 1791 г. хорватский сабор был вынужден согласиться на введение венгерского языка в низших и средних школах Хорватии и Славонии в качестве необязательного предмета изучения. Пожунский сейм 1792 г. возвел это в закон⁶. В 1805 г. венгерская оппозиция в Пожунском сейме сделала новую попытку навязать в школы и учреждения Хорватии и Славонии венгерский язык.

Абсолютистский режим усилил страх хорватского дворянства перед германизацией и централизацией. Стремясь к сближению с венгерскими помещиками, оно пошло на уступки их националистическим требованиям. В 1827 г. хорватский сабор согласился с решением Пожунского сейма 1825 г. об обязательном изучении в хорватских школах венгерского языка⁷.

Однако эта уступка не могла удовлетворить венгерское националистически настроенное дворянство. На сейме 1830 г. оно активно добивалось ликвидации хорватских муниципальных прав. Венгерская оппозиция росла и крепла. На Пожунском сейме 1832—1836 гг. она заявила о себе со всей серьезностью.

Таким образом, с конца XVIII в. Хорватия и Славония, испытывая неослабевающее политическое давление со стороны австрийского правительства, подверглись настойчивому националистическому натиску и со стороны венгерского господствующего класса. При этом, начиная с середины 20-х годов XIX в., угроза мадьяризации и политической ассимиляции Хорватии и Славонии с Венгрией особенно усилилась.

Социально-экономическое развитие Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в.

Конец XVIII — первая половина XIX в. знаменовались в социально-экономическом развитии Хорватии и Славонии кризисом феодализма и переходом от феодального строя к капиталистическому.

⁵ П. А. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 10.

⁶ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 55, 111.

⁷ Там же, стр. 136.

Основной отраслью общественного производства в Хорватии и Славонии было сельское хозяйство. Хорватия являлась областью преимущественно мелких и средних, Славония — крупных помещичьих хозяйств. В 1848 г. в Хорватии на долю 13 владений, имевших более 180 крестьянских наделов каждое, приходилось 26,5% паделов, а в Славонии 8 поместий, включавших более 270 наделов каждое, охватывали почти 70% крестьянских паделов в области⁸.

Развитие международной торговли, промышленная революция в австрийских наследственных землях и связанный с ней рост городов и имперского сельскохозяйственного рынка, укрепление капиталистической промышленности в хорватских областях обусловили увеличение помещичьего товарного производства в Хорватии и Славонии, хотя оно и происходило в условиях стеснительной для хорватской торговли таможенной системы. Товарность помещичьих хозяйств начала быстро расти с 70-х годов XVIII в. Она особенно поднялась в период наполеоновских войн, когда в силу повышения потребностей армий в продовольствии, запрещения ввоза в австрийские наследственные земли дешевого русского хлеба и увеличения нужд в зерне западных территорий значительно повысились цены на зерно⁹. Если в 70-е годы XVIII в. из Вировитицкой жупании в Славонии по Драве и Муре ежегодно вывозилось хлеба на 150 тыс. форинтов¹⁰, то в период наполеоновских войн значительно больше — на 250 тыс.¹¹.

Поставщиками его были крупные помещичьи хозяйства. В период войн с Францией хлебная торговля славонских помещиков стала особенно интенсивной¹².

⁸ R. Bićanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952, str. 77.

⁹ П. Ж. Паx. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Budapestini, 1952, стр. 100.

¹⁰ F. Taube. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und des Herzogthums Syrmien, Bd. III. Leipzig, 1778, S. 3.

¹¹ J. Demian. Darstellung der Oesterreichischen Monarchie nach den neuesten statistischen Beziehungen, Bd III, Abt. 1. Wien, 1805, S. 526.

¹² С. Гаврилович. Аграрни покрети у Срему и Славонији почетком XIX века. Београд, 1960, стр. 14.

Однако с окончанием войн рыночные условия серьезно изменились. В Европе разразился всеобщий зерновой кризис. Цены на зерно резко упали. Хорватские помещики столкнулись с усилившейся конкуренцией венгерских дворян, которые в свою очередь с трудом находили сбыт для значительной выросшей в военные годы хлебной продукции своих владений¹³. Венгерский хлеб, более качественный и дешевый, чем хорватский, стал вытеснять хорватское зерно на имперском и даже на хорватском рынках¹⁴.

Большой удар развитию хлебной торговли хорватских помещиков нанес в 30-е годы XIX в. рост русской торговли зерном. После 1829 г., когда были сняты запреты для русского черноморского флота, дешевая одесская пшеница¹⁵ стала заполнять рынки азиатических гаваней, составляя на мировом и австрийском рынках серьезную конкуренцию венгерскому и хорватскому зерну. В 1847 г. русский хлеб проник в глубь австрийских земель вплоть до Штирии¹⁶. Хорватские помещики оказались в тяжелых условиях, не находя рынков для сбыта хлеба. Не смягчало положение даже то, что в 20-е годы XIX в. улучшились условия экспорта скота и табака — важной товарной продукции помещичьих владений¹⁷. Втянутые в рыночные отношения помещики Хорватии и Славонии были вынуждены решать проблемы капиталистической конкуренции, проблемы торгового производства.

Укрепление связей помещиков с рынком происходило также за счет продажи ими промышленных изделий. Со второй половины XVIII в. в господских владениях, главным образом крупных, усилилось промышленное строительство. Помещики возводили текстильные, стекольные, фаянсовые, сахароваренные, табачные, металлургические предприятия, лесопилки и т. д. На помещичьих промыш-

¹³ П. Ж. Пах. Указ. соч., стр. 108.

¹⁴ R. Bićanić. Počeci..., str. 71.

¹⁵ Она была на 40 крестьеров на ваган (45 кг) дешевле южно-венгерской. (R. Bićanić. Počeci..., str. 71).

¹⁶ R. Bićanić. Počeci..., str. 71.

¹⁷ И. И. Лещиловская. Из истории торговли Хорватии — Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. — «Ученые записки Института славяноведения» (далее — УЗИС), т. XXIV. М., 1962, стр. 231, 232, 234.

ленных предприятиях в основном применялся наемный труд¹⁸.

В первой половине XIX в. помещики иногда вступали в деловой контакт с буржуазными предпринимателями для устройства и эксплуатации промышленных предприятий. Помещик И. Адамович сотрудничал с пеким Мейером, граф Я. Драшкович — с Херцбергером, помещик Салопек — с торговыми помощниками из Праги братьями Либковитц¹⁹. Однако организация промышленных предприятий в помещичьих владениях не получила широкого распространения вследствие узости внутреннего рынка, финансовых затруднений, нехватки и дороговизны рабочей силы, конкуренции австрийских изделий.

Помещики занимались и иного рода предпринимательством. Они возводили гостиницы на торговых и почтовых дорогах, оборудовали купальни на целебных источниках. Богатые дворяне становились членами торгово-промышленных компаний и акционерных обществ²⁰. Словом, в рассматриваемое время помещики использовали все доступные им способы обогащения, в том числе и буржуазные.

Рост помещичьего зернового производства был связан в первую очередь с увеличением барской запаски. В 20—30-е годы XIX в. с ухудшением условий хлебной торговли и переориентацией ряда помещичьих хозяйств на овцеводство в связи с повышением спроса на шерсть на мировом рынке появилась особая заинтересованность помещиков в лугах и пастбищах²¹. Расширение барских уго-

¹⁸ R. Bićanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, str. 87, 94, 144, 157, 160, 217; M. Despot. Pokušaji manufakture u Gradanskoj Hrvatskoj u 18. stoljeću. Zagreb, 1962, str. 19, 21, 22, 56.

¹⁹ R. Bićanić. Doba... str. 247, 248; K. Firinger. Počeci manufakture i industrije u Osijeku. — «Osječki zbornik», br. VI. Osijek, 1958, str. 147.

²⁰ И. И. Лещиловская. К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. — УЗИС, т. XVIII. М., 1959, стр. 141—142.

²¹ С. Гаврилович. Аграрни покрети..., стр. 18, 71 и сл.; он же. Сељаштво на властелинству Нуштар-Габош (1687—1849). — «Матица српска. Зборник за друштвене науке», 30. Нови Сад, 1961, стр. 28, 46.

дий происходило главным образом за счет сокращения крестьянских земель, что означало разрушение самой основы феодального хозяйства.

Стремясь к повышению доходности своих владений, помещики стали уделять больше внимания методам ведения хозяйства и прибегать к хозяйственным новшествам²². Осушались болота и трясины, расширялись посевные площади путем разработки целины²³. Землевладельцы приобретали сельскохозяйственные орудия, повышающие производительность труда. В начале XIX в. граф Пеячевич, например, пытался использовать молотилку в имении Вировитица.

Помещики рационализировали отдельные виды сельскохозяйственных работ. В начале XIX в. в ряде славонских поместий обмолот хлеба стал производиться ручными цепами с привлечением сезонных рабочих²⁴, что обеспечивало более высокое качество молотьбы, нежели обмолот при помощи скота.

В рассматриваемое время начался переход с чистого пара на занятый пар²⁵. Помещики стали заботиться об улучшении обработки полей и ухода за лугами, о повышении плодородия почвы, более интенсивном ее использовании и т. д. Помещичьи инструкции конца XVIII—начала XIX в. управляющим имениями заполнены агрономическими наставлениями²⁶. С 70-х годов XVIII в. в помещичьих хозяйствах начало развиваться шелководство. К середине XIX в. большое значение в них приобрели новые пропашные культуры — кукуруза и картофель. Возросла роль интенсивных торгово-промышленных культур — табака и копопли²⁷. Наиболее дальновидные помещики выступили за освоение новых технических куль-

²² О развитии производительных сил в помещичьем хозяйстве см.: И. И. Лещиловская. К вопросу о разложении..., стр. 127 и сл.

²³ См. С. Гаврилович. Сельаштво..., стр. 25, 26.

²⁴ J. Csaplovics. Slavonien und zum Theil Croatien, Th. I. Pesth, 1819, S. 142.

²⁵ R. Bićanić. Počeci..., str. 115.

²⁶ J. Bösendorfer. Agrarni odnosi u Slavoniji. Zagreb, 1950, str. 206—258; I. Karaman. Dva gospodarska pravilnika za feudalne gospoštije u Hrvatskoj i Slavoniji oko godine 1800. — «Starine», knj. 50. Zagreb, 1960, str. 427—460.

²⁷ R. Bićanić. Počeci..., str. 117.

тур, корнеплодов и кормовых трав²⁸. Помещики улучшили породы скота, его содержание²⁹.

Выражением известного подъема производительных сил в помещичьих хозяйствах явилось образование в 1841 г. Сельскохозяйственного общества, в которое вошли в основном представители дворянства и духовенства.

Интерес помещиков к состоянию своих хозяйств и как следствие этого — введение ими технических улучшений усилилось к середине XIX в. Правда, в условиях барщинного труда хозяйственные новшества получили место еще лишь в немногих помещичьих владениях. Тем не менее они выражали собой сдвиг в развитии производительных сил и служили разрушению свойственной феодальной эпохи рутинности техники.

Рационализация производства требовала много больше рабочих рук, чем могла дать барщина в нормах, установленных генеральными урбариами на основании техники производства и потребностей в рабочих руках еще в середине XVIII в. Между 1799 и 1810 гг., например, в поместье Вальпово число рабочих дней, использованных на барской пашне, увеличилось с 16 100 до 35 600, в садах и виноградниках — с 2200 до 8600, в скотоводстве — с 600 до 3800, на строительных работах — с 5900 до 35 000³⁰.

Растущую потребность в рабочей силе помещики старались удовлетворить прежде всего за счет усиления отработочной повинности крестьян. Вместе с тем они чаще стали прибегать к капиталистическому найму, дополняя, а иногда и заменяя им барщину. Этому способствовало постепенное осознание помещиками экономических преимуществ вольнонаемного труда. К 40-м годам XIX в. твердо установилось соотношение производительности вольнонаемного и барщинного труда. Считалось общепризнанным, что три поденщика могут выполнить работу за 10 кметов³¹. В Славонии в первой половине XIX в. свободный наемный труд оплачивался на 70—100% выше подневольного³².

²⁸ «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Družtva», 1842, br. 1, str. 13, 27; br. 7, str. 108; br. 9, str. 129—130, 134.

²⁹ R. Bićanić. Doba..., str. 143.

³⁰ I. Karaman, Valpovačko vlastelinstvo. Zagreb, 1962, str. IX, 67.

³¹ R. Bićanić. Počeci..., str. 116.

³² С. Гаврилов и Ѽ. Аграрни покрети..., стр. 18, 19. Помещик обязан был оплачивать принудительный труд крестьян сверх обязательной барщины из расчета 12 крейцеров за день.

Выше уже отмечался переход некоторых славонских помещиков в первой половине XIX в. к капиталистической организации молотьбы. Показателем повышения спроса на паемную рабочую силу был рост поденной платы, хотя известное влияние на последнюю оказало и падение стоимости денег. В Славонии в конце 70-х годов XVIII в. поденная плата составляла 20—30 крейцеров, в первой половине XIX в. — 50 крейцеров³³.

В период с конца XVIII — до середины XIX в. разложение феодальной системы и капиталистическая перестройка помещичьих владений, в основном хозяйствственно сильных, заметно продвинулись вперед.

Переход от феодального хозяйства к капиталистическому, связанный с разрушением старых хозяйственных форм, поставил хорватских помещиков перед рядом экономических и политических проблем. Одной из самых острых была проблема капитала. Технико-экономическая перестройка барских хозяйств, необходимость которой помещики со всей силой ощутили в условиях сельскохозяйственного кризиса, последовавшего за наполеоновскими войнами, требовала денег, которых не было у подавляющей части помещиков. Изменения быта и потребностей дворян, общее вздорожание жизни усиливали их нужду в деньгах. Те накопления, которые помещикам удалось сделать в период благоприятной зерновой конъюнктуры в начале века, были в значительной мере потеряны в результате полной дезорганизации денежной системы в империи и двух девальваций, проведенных после окончания войн с Францией.

В первой половине XIX в. большинство дворян имело долги. Многие были на пороге разорения. Задолженность и разорение особенно усилились в неурожайные 1813—1819 гг.³⁴ Известный публицист и общественный деятель второй половины XIX в. И. Ткалац в воспоминаниях отмечал, что загребский капитул, занимавшийся кредитными операциями под ипотеку, не в состоянии был в 40-х годах XIX в., несмотря на свои несметные богат-

³³ F. Taub e. Указ. соч., т. III, стр. 18; R. Bičánić. Ročesi..., str. 92.

³⁴ И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској. Београд. 1925, стр. 46—47.

ства, удовлетворить растущие потребности помещиков в деньгах³⁵.

В экономически отсталых хорватских областях помещики не могли получить кредитов па буржуазных началах. Капиталистические источники кредитов находились либо в Вене, либо за границей. Но получение кредитов там для хорватского дворянства затруднялось существовавшим в Хорватии и Славонии старым дворянским правом на родовые земли, которые не могли быть отторгнуты за долги. Поэтому экономические трудности гнали дворян, особенно мелких, в сети ростовщиков, требовавших за кредитные услуги баснословные проценты.

Для ведения торгового хозяйства требовался широкий и обеспеченный сельскохозяйственный рынок. В существующих условиях внешний и австрийский рынки не были устойчивыми для сбыта хорватской сельскохозяйственной продукции. Они обеспечивали лишь ограниченное накопление капитала. Не говоря уже о том, что крупные рынки находились от Хорватии далеко, экспортные возможности ее искусственно ограничивались установленными австрийским правительством высокими вывозными пошлинами и прямыми запретами³⁶. Центральная власть при помощи таможенной системы ограничивала доступ хорватской сельскохозяйственной продукции на внешние рынки и направляла ее в наследственные земли. Это давало возможность австрийскому рынку диктовать низкие цены.

Однако и австрийский рынок не был устойчивым и свободным для сбыта хорватского продовольствия и сырья. Между Венгерским королевством и австрийской частью монархии существовала таможенная граница. Высокие таможенные тарифы затрудняли и сужали вывоз в наследственные земли. В первой половине XIX в. внутренние пошлины достигали половины взимавшихся на границах империи, а в отношении некоторых товаров даже равнялись им³⁷. Помимо пошлины, взимались еще и другие сборы. Центральное правительство регулировало своей торговой политикой вывоз хорватских сельскохозяйствен-

³⁵ И. Ткалац. Успомене..., кн. II. Београд, 1926, стр. 5.

³⁶ См. И. И. Лещиловская. Из истории торговли..., стр. 240—241.

³⁷ Al. Fényes. Statistik des Königreichs Ungarn, Th. I. Pesth, 1843, S. 263, 264.

ных продуктов в австрийские наследственные земли в зависимости от интересов австрийских аграриев и буржуа.

Внутренний хорватский рынок был узким, развитие его зависело от темпов промышленного строительства.

Наконец, организация отвечающего духу времени товарного хозяйства требовала высокой производительности и квалификации применявшегося труда. Новая техника, рациональные формы земледелия, связанные с тщательной обработкой почвы, были несовместимы с малопроизводительным барщинным трудом крестьян. Интересы товарного хозяйства толкали к замене в поместьях экономически несостоятельной барщины свободным наемным трудом. Но, главное, крестьянство в первой половине XIX в. резко усилило борьбу против феодальной эксплуатации.

Экономические трудности и нарастание крестьянской борьбы заставили хорватское дворянство задуматься над национально-политическими и даже социально-экономическими проблемами.

В результате глубоких перемен, происходивших в экономике Хорватии и Славонии, местное дворянство не представляло в социальном и идеальном отношениях единого целого. Крупные помещики относительно безболезненно включались в систему капиталистического рынка, приспосабливая к его запросам свои экономически мощные хозяйства. Но, будучи наиболее обуржуазившимися в экономическом плане, они в то же время были наименее заинтересованы в каких-либо изменениях существующих порядков.

Малосостоятельные помещики с развитием капитализма оказались в бедственном положении. Долги, ростовщическая кабала, реальная угроза разорения нависли над мелкими и средними дворянами. Большинство из них судорожно цеплялось за рушившиеся феодальные устои, стремясь любыми путями и способами сохранить старые хозяйствственные формы. Однако небольшая часть небогатых помещиков, оказавшихся на пороге разорения и страдавших не столько от самого развития капитализма, сколько от уродливости его форм в отсталой и угнетаемой Хорватии, постепенно проникалась сознанием необходимости облегчения и улучшения условий перестройки своих хозяйств на буржуазный лад, понимая выгодность перехода на аграрнокапиталистический путь развития.

Расширение барских угодий за счет находившихся в руках крестьян земель имело следствием ухудшение земельного обеспечения кметов. Во время регуляций конца XVIII в., заключавшихся в разделении господских и крестьянских угодий и уточнении в связи с этим феодальных повинностей, в сремских поместьях Рума, Илок, Шид, Вуковар и Чалма было изъято у крестьян и присоединено к барской запашке 10 947.7 га земли³⁸. В поместье Нуштар-Габош в середине XVIII в. основная масса крестьян держала в пределах половины надела, а к концу первой половины XIX в. — меньше половины надела и даже вовсе не имела надельной земли³⁹.

Одновременно с ослаблением производственной основы крестьянского хозяйства усиливался феодальный гнет. Помещики приспосабливали свои хозяйства к требованиям рынка в условиях нехватки капитала, отсутствия умения и навыков в организации капиталистического хозяйства путем увеличения феодальных повинностей кметов, особенно барщины. В первой половине XIX в. крестьяне повсеместно жаловались властям, что принудительная работа на барина, несмотря на установки генеральных урбариев, по сути дела стала неограниченной⁴⁰. В поместье Нуштар-Габош с 1801 по 1806 г. кметы отработали на помещика, вместо полагавшихся по норме 21 996 дней, 44 908 $\frac{1}{4}$ дня⁴¹. В поместье Рума в начале века кметы ежегодно работали на барина в среднем на 11 666 дней больше, чем полагалось по норме, в поместье Илок — на 17 957 дней⁴². Полагавшаяся за сверхурочную барщину оплата в годы инфляции практически не имела значения.

В 1810 г. в Славонии сверхурочная оплачиваемая барщина официально была ограничена 56 днями в году с полного надела. Но это не принесло значительного облегчения кметам. По существу были закреплены существовавшие до тех пор размеры барщины, диктовавшиеся потребностями помещиков в рабочей силе на конец пер-

³⁸ 19 039. 5 ютаров. С. Гаврилович. Аграрни покрети..., стр. 72, 73.

³⁹ С. Гаврилович. Сељаштво..., стр. 35.

⁴⁰ С. Гаврилович. Аграрни покрети..., стр. 73 и сл.

⁴¹ С. Гаврилович. Сељаштво..., стр. 26.

⁴² S. Gavrilović. Građa za privrednu i društvenu istoriju Srema početkom XIX stoljeća. Novi Sad, 1958. Table I, III.

вого десятилетия XIX в.⁴³ Тенденция к усилению феодальной эксплуатации крестьян сохранялась вплоть до 1848 г.⁴⁴

Венгерское либеральное дворянство, толкаемое потребностями экономического развития, силой крестьянского движения и интересами национальной борьбы, провело в Пожунском сейме в 1836, 1840 и 1844 гг. законы, направленные на некоторое смягчение феодальной эксплуатации крестьян и облегчение капиталистической перестройки барских хозяйств. В 1840 г. сейм официально узаконил факультативный выкуп крестьянами феодальных обязанностей по договоренности с помещиками при сохранении власти феодалов. Но аграрное законодательство 30—40-х годов лишь частично было претворено в жизнь, и до 1848 г. почти никто из крестьян не выкупил своей земли и не освободился от повинностей⁴⁵.

На протяжении первой половины XIX в. серьезно возросло налоговое бремя на крестьян. В Сремской жупании налоги с 1790 по 1848 г. увеличились на 91,6%, в то время как все население выросло на 24,41%⁴⁶. Налоги росли в четыре раза быстрее, чем население, хотя нужно учитывать и влияние на них изменившегося курса денег.

Значительную часть сельского населения составляла беднота. Вместе с тем из среды крестьян выделялись и отдельные богачи. Однако социальная дифференциация крестьянства только начиналась. По существу хорватские крестьяне были еще классом-сословием феодального общества.

Во второй половине XVIII в. наступил некоторый спад в крестьянском движении, вызванный жестоким подавлением восстаний 30—50-х годов, а также изданием центральной властью генеральных урбарев, хотя и не внесших, правда, принципиальных изменений в крестьянскую жизнь, все же впервые официально регламентировавших повинности кметов. Однако с начала XIX в. в Хорватии

⁴³ I. Karaman. O nekim osnovnim problemima ekonomsko-socijalnog razvoja na području Slavonije i Srijema u početku XIX stoljeća. — HZ, 1961, str. 250—252.

⁴⁴ С. Гаврилович. Сељаштво..., стр. 28, 46; он же. Срем у револуцији 1848—1849. Београд, 1963, стр. 12.

⁴⁵ Al. Jelacić. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji god. 1848—1849 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925, str. 9—10.

⁴⁶ С. Гаврилович. Срем..., стр. 14.

и Славонии, в связи с ухудшением условий жизни, начался новый подъем крестьянского движения. Этому способствовало усиление антифеодальной борьбы в соседних с Хорватией и Славонией землях Австрийской империи, особенно крупнейшее выступление крестьян в 1831 г. в Словакии и кровопролитное восстание 1846 г. в Галиции. Активизация крестьянства в Славонии содействовала и развернувшаяся в начале века национально-освободительная борьба сербского народа против турецких угнетателей.

Под влиянием восстания в Сербии произошло крупное крестьянское выступление в 1807 г. в Среме. На всем протяжении первой половины XIX в. в Хорватии и Славонии было неспокойно. В 30—40-х годах в связи с новыми регуляциями и дальнейшими захватами помещиками крестьянских земель отпор крестьянства усилился. Вооруженные выступления кметов произошли в 1830 и 1846 гг. в Загребской жупании⁴⁷. Накануне 1848 г. в связи с голодом и эпидемией тифа брожения среди крестьян наблюдалась по всему Венгерскому королевству. Классовые противоречия обострились до предела.

Хотя до 1848 г. выступления хорватских крестьян не носили подлинно массового характера, борьба их являлась составной частью крестьянского движения, разворачивавшегося во всей Австрийской империи, и это увеличивало силу борьбы. Нараставшее крестьянское движение показывало необходимость и неотложность коренных общественных преобразований.

В конце XVII—первой половине XIX в. в обстановке общего хозяйственного подъема произошли некоторые сдвиги в развитии промышленности в Хорватии и Славонии. За это время значительно выросли мелкие промыслы в городе и деревне, продолжавшие оставаться основным источником снабжения населения промышленными изделиями. Если в 70-х годах XVIII в. в Венгерском королевстве 1 человек, занятый в ремесле, приходился на 242 жителя, то в 1857 г. только в Хорватии 1 ремесленник был на 79 жителей⁴⁸.

⁴⁷ «Novine», 25, 28. XI, 16. XII 1846, str. 394, 398, 417; S. Antoljak. Bune pučana i seljaka u Hrvatskoj. Zagreb. 1956, str. 191—194; С. Гаврилович. Аграрни покрети..., стр. 23 и сл., 35 и сл., 112 и сл.; 151 и сл.

⁴⁸ R. Bićanić. Doba..., str. 44, 80.

Городское цеховое ремесло все теснее связывалось с рынком. Началось разрушение строя цехового ремесла. Среди мастеров выделялись отдельные ремесленники, укрупнившие мастерские до уровня капиталистических предприятий и подчищавшие себе экономически несостоительных производителей, в то время как большая часть ремесленников беднела и многие из них попадали в зависимость от капитала. Разложение цеховой системы сопровождалось усилением борьбы мастеров с внецеховой конкуренцией⁴⁹.

Капиталистическое производство в форме простой кооперации и мануфактуры получило наибольшее развитие в лесной, поташной, деревообрабатывающей промышленности, начавшей интенсивно расти со второй четверти XIX в., в шелкомотальной промышленности, возникшей здесь во второй половине XVIII в., в мукомольной, пищевой, табачной, кожевенной и других отраслях экономики. Капиталистическая организация производства проникла и в горнорудное дело, в целом слабо развитое в хорватских областях.

С 30-х годов XIX в. в Хорватии и Славонии началось строительство небольших фабрик. В 1838 г. по Саве прошел первый австрийский пароход. В 1844 г. по этой реке плавал пароход, принадлежавший первому национальному пароходному обществу «Слога». В 1846 г. в Загребе была основана хорватская сберегательная касса.

В капиталистической промышленности Хорватии и Славонии участвовал австрийский и иностранный капитал. Это содействовало развитию капитализма в хорватских землях, но в то же время увеличивало их экономическую зависимость от Австрии и ее политическое влияние⁵⁰.

Несмотря на отмеченные выше сдвиги в состоянии промышленности, Хорватия и Славония по темпам и уровню промышленного развития далеко отставали от развитых земель Австрийской империи. В 1849 г. стоимость действующих паровых машин здесь составляла около

⁴⁹ О городском ремесле подробнее см.: И. И. Лещиловская. Из истории городского ремесла в Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. — Сб. «Генезис капитализма в промышленности». М., 1963, стр. 307—338.

⁵⁰ Материалы о развитии капиталистической промышленности взяты из книги: R. Bićanić. Doba...

26 тыс. форинтов, в Венгрии — 788 тыс. форинтов, а в Чехии и Моравии — более 2750 тыс. форинтов⁵¹. Развитие капитализма в промышленности Хорватии и Славонии протекало преимущественно в отраслях, занятых переработкой сельскохозяйственного сырья и производством полуфабрикатов.

Замедленность и однобокость промышленного развития Хорватии и Славонии объяснялись в первую очередь феодальной зависимостью крестьян и феодальными ограничениями, результатом чего было отсутствие квалифицированной рабочей силы, нехватка капиталов, дороговизна наемного труда, малая емкость внутреннего рынка. Однако значительную роль играла и экономическая политика австрийского правительства, которое стремилось превратить Венгрию, Хорватию и Славонию в источник получения дешевого продовольствия и сырья для австрийских провинций и рынки для сбыта австрийских промышленных изделий. В конце XVIII—начале XIX в. этому служила система особых разрешений, выдававшихся центральным правительством на организацию винцеховых промышленных предприятий. Она позволяла Габсбургам регулировать развитие мануфактурной промышленности в отдельных частях империи в соответствии с интересами австрийской метрополии.

Свою экономическую политику австрийское правительство проводило также за счет увеличения таможенных тарифов. В период правления Марии-Терезии при ввозе промышленных изделий из Венгерского королевства в австрийские наследственные земли взималась 15%-ная пошлина, равная половине сбора с иностранных товаров, а при ввозе австрийских промышленных товаров в Венгерское королевство — 2—5%-ная пошлина. Иосиф II в 1786 г. вообще ввел свободный ввоз промышленных изделий из Австрии в Венгрию, Хорватию и Славонию. На вывоз же венгерских и хорватских промышленных товаров в австрийские наследственные земли была установлена пошлина, составлявшая 10—30% стоимости товара. После смерти Иосифа II беспошлинный ввоз австрийских промышленных изделий в Венгрию и Хорватию был отменен. Однако коренных изменений система внутренних пошлин не претерпела. При этом пошлины на поступав-

⁵¹ R. Bićan ić. Doba..., str. 344.

шье из Венгерского королевства в Австрию товары, и без того весьма значительные, были тем выше, чем больше была степень обработки того или иного продукта⁵².

Сложное влияние оказывал на экономическое развитие Хорватии и Славонии относительно быстрый рост австрийского промышленного капитализма, происходивший в немалой степени за счет консервации Габсбургами в Венгрии и Хорватии цеховых отношений и затормаживания здесь мануфактурного и фабричного строительства. Развитие австрийской капиталистической промышленности, безусловно, подрывало феодальные формы хозяйства в Хорватии и Славонии. Вместе с тем, опираясь на поддержку государства, обладавший высокой конкурентной способностью австрийский промышленный капитал душил слабую капиталистическую промышленность Хорватии и Славонии, мешал всестороннему развитию местного производства, зарождению и укреплению здесь наиболее высоких форм обрабатывающей промышленности.

С упрочением капитализма росла внутренняя торговля в Хорватии и Славонии. Показателем этого был, в частности, рост ярмарочной торговли. Если в 1755 г. в хорватских гражданских землях было проведено 48 наиболее важных ярмарок в 12 местах, то в 1804 г. — уже 187 ярмарок в 48 населенных пунктах⁵³. В конце первой половины XIX в. ярмарки устраивались в 132 местах⁵⁴. Самые крупные из них проходили в Загребе, Карловаце, Вараждине, Сисаке и Осиеке. На них стекались товары из самых разных мест хорватских земель. Живая торговля велась также на ежепедельных базарах и в лавках. Широкое развитие получила торговля вразнос, обслуживавшая преимущественно деревню.

Развитие общехорватского рынка имело свои особенности. Он формировался в рамках имперского рынка как его составная часть. Это обстоятельство оказывало противоречивое влияние на складывание общехорватского рынка. О сложном влиянии австрийского промышленного капитализма на хорватскую экономику вообще говорилось выше. Несомненно при этом, что возможность использования австрийского рынка экономически разобщала

⁵² R. Bićánić. Doba..., str. 200, 201, 327.

⁵³ «Историја народа Југославије», књ. II. Београд, 1960, стр. 1011.

⁵⁴ См. «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848». U Zagrebu.

хорватскую территорию, отдельные части которой определились не столько на другие хорватские земли, сколько на различные имперские хозяйствственные центры.

Особенностью развития общехорватского рынка было и то, что он формировался в условиях административно-политического и таможенного разделения хорватской территории. Это затрудняло экономические спошения между отдельными хорватскими областями и ставило их в зависимость не только от развития капитализма в самих этих землях, но и от политики австрийского правительства, отнюдь не склонного к экономическому сплочению хорватской территории.

В таких условиях развитие общехорватского рынка проходило в двух направлениях: экономической консолидации каждой из земель, с одной стороны, и укрепления экономических связей между ними — с другой.

За период с конца XVIII до середины XIX в. вырос вывоз продукции из Хорватии и Славонии и ввоз товаров в эти земли, увеличились обороты их транзитной торговли. В 1783/84 г. только через морские порты — Риеку, Бакар, Кралевицу, Црквеницу и Нови — было экспортировано товаров на 1053 тыс. форинтов и импортировано на 1302 тыс. форинтов. В 1841/42 г. стоимость вывезенных через Риеку, Бакар и Кралевицу товаров составляла 2505 тыс. талеров⁵⁵, стоимость ввезенных — 1215 тыс. талеров⁵⁶. За указанный период экспорт только через пазовые порты в денежном выражении увеличился в 3,5 раза, а импорт — в 1,5 раза⁵⁷.

Самую живую торговлю Хорватия и Славония вели с Военной Границей и Приморьем⁵⁸. В первой половине XIX в. в экономических отношениях между ними появились новые черты. Богатые торговцы из Хорватии и Славонии стали переводить часть своих капиталов в промышленность Военной Границы. В свою очередь крупные купцы и промышленники Риеки (Адамич, Скарпа, Фран-

⁵⁵ Талер был равен 1,5 форинта.

⁵⁶ «Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatia und Slavonien, nebst einigen ungedruckten Denkmälern Ungrischer Geschichte». Halle, 1798, S. 376; F. Reden. Allgemeine vergleichende Handels- und Gewerbe-Geographie und Statistik. Berlin, 1844, S. 872.

⁵⁷ Происшедшее падение стоимости денег не может существенно изменить общей картины роста внешнеторгового оборота.

⁵⁸ И. И. Лещиловская. Из истории торговли..., стр. 227 и сл.

кович и др.) участвовали в промышленной эксплуатации Хорватии и Славонии⁵⁹. С Далмацией и Истрей, которые экономически тяготели к Италии, Хорватия и Славония были связаны гораздо слабее. С расширением торговых и промышленных связей между отдельными частями хорватской территории постепенно складывалось ее экономическое единство, создавались материальные предпосылки для воссоединения хорватских земель, хотя Далмация и Истрия пока оставались в стороне от этого процесса. Внутри Австрийской империи Хорватия и Славония поддерживали живое торговое общение с австрийскими наследственными землями и Венгрией.

Особо следует отметить укрепление в первой половине XIX в. торговых отношений Хорватии и Славонии с другими югославянскими землями внутри и вне Австрийской империи, особенно со словенскими областями, Сербией и Боснией⁶⁰. Это обстоятельство в немалой степени содействовало формированию югославянского самосознания.

Особенности экономического развития Хорватии и Славонии наложили отпечаток на социальную структуру хорватского общества. Здесь не сложилось сколько-нибудь экономически значительного и влиятельного слоя национальной городской буржуазии⁶¹.

В середине XIX в. в Хорватии и Славонии насчитывалось 14 000 ремесленников, торговцев и предпринимателей, что составляло 1,5% населения⁶². Городская буржуазия была малочисленной. Притом значительная часть ее была инонациональной, в первую очередь немецкого происхождения. Поэтому численность национальной буржуазии была еще ниже.

Экономические позиции формированвшейся национальной буржуазии были слабыми. Концентрация денежных средств проходила в Хорватии и Славонии медленно и не достигла высокой степени развития. В конце XVIII в. в Вараждинской жупании насчитывалось 128 торговцев

⁵⁹ R. Bićanić. Doba..., str. 91, 118, 414, 416.

⁶⁰ См. И. И. Лещиловская. Из истории торговли..., стр. 229 и сл.

⁶¹ О развитии городской национальной буржуазии см.: И. И. Лещиловская. Особенности развития национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. — УЗИС, т. XXX. М., 1966, стр. 75—85.

⁶² R. Bićanić. Doba..., str. 344.

разных национальностей, из этого числа было лишь 11 крупных купцов-оптовиков⁶³. По данным 1828 г., в Сремской жупании было 144 торговца скотом, хлебом и вином и 553 торговца лавочными товарами. Из них два торговца имели капитал по 8 тыс. форинтов, семь — по 5 тыс., двенадцать — по 3 тыс., восемнадцать — по 2 тыс., двенадцать — по 1,5 тыс., одиннадцать — по 1 тыс. форинтов. Остальные являлись мелкими лавочниками⁶⁴. Лишь немногие торговцы в Хорватии и Славонии имели значительные капиталы, исчислявшиеся сотнями тысяч форингов.

Крупная национальная городская буржуазия в Хорватии и Славонии была связана в основном с торговлей и во вторую очередь — с промышленностью. Торговля, в особенности хлебом, скотом и древесными изделиями, была важнейшим источником накопления капитала в этих землях⁶⁵.

В основном из числа купцов вышли крупные национальные промышленники. При этом торговцы, переводившие часть своих капиталов в промышленность, обычно продолжали заниматься торговыми операциями. Производителями поташа и дубовой клепки здесь выступали почти исключительно купцы. Большинство собственников лесопилок, мельниц с высокой производственной мощностью, речных судоверфей, шелкомотальных предприятий и т. д. сочетало промышленную деятельность с торговой⁶⁶.

Торговля была основой обогащения известного торговецо-предпринимательского дома Враничани. В первой половине XIX в. семья Враничани наряду с торговлей занималась производством дубовой клепки, организацией промышленных предприятий в Загребе, Риеке и Карловаче. Получившие в начале века дворянство Враничани были солидными земельными собственниками. Они имели несколько богатых поместий, организованных па феодальный лад. Наиболее деятельный член этой фамилии Амброд Враничани-младший, активный деятель национального движения, торговал в Карловаче с 1837 г. Он запи-

⁶³ «Staatskunde...», S. 293.

⁶⁴ С. Гавриловић. Срем..., стр. 50.

⁶⁵ «Преглед историје југословенских народа (од најстаријих времена до 1848 године)», д. I. Београд, 1960, стр. 241.

⁶⁶ R. Bićanić. Doba..., str. 107, 110, 114, 119, 250.

мался главным образом торговлей хлебом, древесиной и производством в больших масштабах дубовой клепки. А. Враницани был основателем национального пароходного общества на р. Саве⁶⁷.

Но и вышедшие из мелких производителей буржуа нередко занимались торговлей. Случалось, что, связав себя с торговым капиталом, они на время и даже совсем порывали с промышленным производством⁶⁸.

Характерной чертой крупной национальной буржуазии была крайняя недифференцированность ее предпринимательства. Наряду с внешней торговлей буржуа вели торговлю и на внутреннем рынке, при этом торговые операции их не были специализированы, занимались ростовщичеством. Они вкладывали капиталы в промышленное производство, притом нередко в такие его отрасли, которые не были связаны с профилем их торговой деятельности. Состоятельные буржуа сдавали в наем дома, брали на откуп наиболее важные статьи городских доходов, арендовали поместья имения, извлекали доходы из собственных поместий и т. д. Все это отражало экономическую незрелость буржуазного класса.

Состоятельная городская буржуазия в значительной своей части не была самостоятельной в экономическом отношении. Многие средние и даже крупные торговцы и предприниматели зависели от австрийских и иностранных торговых и промышленных фирм⁶⁹.

Зажиточные слои городской буржуазии были тесно связаны с дворянско-помещичьим классом. Их торговые и ростовщические операции касались главным образом помещиков. Богатые торговцы и предприниматели занимались сельским хозяйством, сохраняя докапиталистические методы эксплуатации крестьян. Они покупали имения, арендовали помещичьи земли, брали на откуп монопольные права дворянства (право на распивочную продажу спиртных напитков, содержание мясных лавок, устройство базаров, рыбной ловли и т. д.), скупали у помещиков барщинные дни и использовали труд крестьян по своей надобности. Наиболее крупные торговцы и пред-

⁶⁷ R. Bičanić. Doba..., str. 108, 251, 416, 417.

⁶⁸ См. И. И. Лещиловская. Из истории городского ремесла..., стр. 316—332.

⁶⁹ R. Bičanić. Doba..., str. 119, 351.

приниматели, используя свое богатство и связи, покупали дворянские дипломы или другим путем приобщались к дворянскому классу⁷⁰.

Состоятельный буржуа до известной степени были связаны с дворянством и политически, участвуя от лица свободных королевских городов в работе сабора и Пожунского сейма, хотя, конечно, это участие было далеко пересоразмерно с их численностью⁷¹. Все это не могло не содействовать политическому сближению богатой буржуазии с известными кругами дворянства.

Указанные особенности экономического и социального развития зажиточной национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии обусловили ограниченность ее интересов, непоследовательность и нерешительность в борьбе против феодальных порядков и национального гнета, близость ее устремлений с устремлениями либерального крыла дворянско-помещичьего класса. Состоятельная национальная буржуазия, малочисленная, связанная с существующим строем, не могла играть самостоятельной и решающей политической роли.

В ином положении находилась мелкая городская буржуазия, которая состояла в основном из цеховых мастеров и лавочников. Хотя цеховые отношения связывали предпринимательскую инициативу зажиточных мастеров, в то же время они обеспечивали их рабочей силой в лице учеников, подмастерьев, экономически слабых производителей и были орудием подавления конкуренции, которая возрастила с развитием капитализма. Поэтому мастера были заинтересованы в сохранении цехового строя. Связь с цеховыми формами производства порождала консервативные черты в устремлениях этой части мелкобуржуазной среды.

В то же время мелкая городская буржуазия подвергалась эксплуатации со стороны дворянско-помещичьего класса. Большая часть ремесленников и лавочников, проживавшая не в свободных королевских городах, а в торговово-промышленных городках, принадлежавших крупным землевладельцам, находилась в феодальной зависимости от

⁷⁰ И. И. Лещиловская. Особенности развития национальной городской буржуазии..., стр. 80—82.

⁷¹ Свободные королевские города, как и дворянские жупании, посыпали в сабор по два представителя.

помещиков и несла феодальные повинности⁷². Мелкая буржуазия подвергалась возраставшему налоговому давлению. Большую тяжесть представляла для нее жупанийская барщина. Экономический гнет сопровождался бесправием мелкой буржуазии, необеспеченностью личности и имущества⁷³.

По условиям своей жизни мелкая городская буржуазия занимала промежуточное положение между городской верхушкой и крестьянством. Хотя по жизненным условиям она имела много общего с крестьянством, все же положение ее было много лучше, чем кметов. Мелкие торговцы и ремесленники не подвергались такому гнету со стороны землевладельцев, как крестьяне. Поэтому стихийные устремления мелкой буржуазии отличались от устремлений не только помещиков и зажиточной буржуазии, но и крестьянства. В начале XIX в. в Славонии мелкая городская буржуазия не участвовала ни в одном из крестьянских выступлений⁷⁴. Угнетенная и бесправная городская мелкая буржуазия не могла не стремиться к последовательной ликвидации господства и власти помещиков. Но в то же время она страшилась решительной инициативы бедняков. Ввиду экономической слабости и разобщенности ее политическое сознание было низким.

Хотя национальная городская буржуазия в Хорватии и Славонии была слабой и неразвитой, ее существование в условиях феодальной системы имело важное значение для всей общественной жизни в этих землях. С ней был связан экономический прогресс. Ее деятельность цементировала национальные связи. Городская буржуазия самым фактом своего развития оказывала влияние на социально-политическую линию и психологию господствующего класса. Наряду с либеральным дворянством она была той социальной силой, с которой было связано возникновение национальной буржуазной идеологии.

Рабочий класс в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. заметно еще не выделился из общенародной

⁷² С. Гавриловић. Аграрни покрети..., стр. 100; он же. Занатлије и трговци у Шиду за време спахиске власти (1777—1848). — «Матица српска. Зборник за друштвене науке», 18. Нови Сад, 1957, стр. 11.

⁷³ С. Гавриловић. Шид..., стр. 9, 10.

⁷⁴ С. Гавриловић. Аграрни покрети..., стр. 61, 62, 210, 211.

массы, был слаб и немногочислен. В середине XIX в. в ремесле и капиталистической промышленности здесь было занято всего 8 тыс. наемных рабочих⁷⁵. У них лишь зарождалось единство интересов, сознание необходимости коллективной борьбы с капиталистами.

Итак, в конце XVIII—первой половине XIX в. в Хорватии и Славонии протекал процесс разложения феодального строя и развития капиталистических отношений. К исходу этого периода социально-экономические сдвиги стали особенно заметными. Однако формирование буржуазного общества, его экономики и классов проходило в Хорватии и Славонии с огромным трудом и крайне медленно. Оно тормозилось господством феодальных порядков и политической зависимостью хорватских земель.

Особенности национального развития Хорватии и Славонии в первой половине XIX в.

Переход от феодализма к капитализму, как и всюду, сопровождался в хорватских землях рождением хорватской нации. Процесс национальной консолидации хорватов протекал в специфических условиях, что определило его особенности.

Национальное угнетение и административно-политическая раздробленность не могли остановить процесс формирования хорватской нации, но оказывали отрицательное влияние на его ход. Процесс быстрее всего шел в Хорватии. Эта область была наиболее «хорватской» из всех провинций, составлявших хорватскую этническую территорию. Хорватское население здесь было наиболее компактным, оно в наименьшей мере подверглось денационализации.

В Хорватии существовали и поддерживались исконные традиции хорватской политической самостоятельности. Здесь были более благоприятные условия для экономического, политического и культурного развития, чем в Военной Границе, Далмации и Истрии. В районе самых сильных в экономическом отношении городов Хорватии — Карловац, Сисак, Вараждин — закладывалось главное ядро хорватской нации. Здесь был центр формировавшегося хорватского национального единства. В этом смысле

⁷⁵ R. Bićanić. Doba..., str. 344.

Хорватии припадлежала ведущая роль в национальной консолидации хорватов.

Стягивание хорватов в нацию проходило в разных хорватских землях в неодинаковых условиях, поэтому и процесс национальной консолидации имел в каждой области свои особенности.

Для понимания иллирийского движения, развернувшегося главным образом на территории Хорватии и Славонии, необходимо остановиться на условиях и особенностях складывания национальной общности хорватов в первую очередь в этих землях. Тем более что Хорватия оказывала определяющее влияние на формированную хорватскую нацию в целом.

Национальное оформление хорватов здесь протекало в обстановке двойного экономического, политического и национального угнетения со стороны австрийского и венгерского господствующих классов, что замедляло социально-экономическое, политическое и культурное развитие рассматриваемых земель. Однако ионациональный гнет одновременно сплачивал нацию.

Сложное влияние на формирование хорватской нации оказывало австрийское государство. Центральное правительство отнюдь не желало ускорить в хорватских землях складывание буржуазных классов и общественных отношений. Наоборот, оно задерживало промышленное развитие Хорватии и Славонии, обрекая их на роль аграрных придатков австрийской метрополии. Австрийское правительство поддерживало и охраняло административно-политическую раздробленность хорватских земель, искусственно изолировало их друг от друга, систематически и планомерно урезывало автономию Хорватии и Славонии. Оно стояло на пути политического сплочения хорватской нации, ее политической самостоятельности, явившейся паилучшим условием для развития производительных сил в период подымающегося капитализма и оформления народа в нацию. Феодально-абсолютистское австрийское государство преследовало передовую демократическую мысль, препятствовало созреванию национально-политической освободительной идеологии, сеяло вражду между народами. В то же время австрийское правительство для противодействия усилинию венгерского национального движения ограждало хорватов от мадьяризации и допускало их культурное развитие,

Хорватия и Славония имели разные исторические судьбы. Территория их неоднократно расчленялась, подвергалась частично иностранной оккупации. Славония длительное время находилась под властью Турции. Административно-политическое объединение Хорватии и Славонии произошло лишь в 1745 г. Поэтому у населения этих провинций не сложилось единых исторических, политических и культурных традиций. Между его частями были сильны областнические перегородки, культурная и бытовая обособленность. Лишь в середине XVIII в. открылась возможность для передвижения населения из Хорватии в Славонию и обратно. Прошедшие с того времени 50 лет были слишком небольшим сроком для серьезного сдвига в преодолении областничества и психологических различий у населения. При этом отдельные части населения Хорватии и Славонии в течение веков считали себя особыми народами.

Понятие *хорват* охватывало лишь население трех жупаний — Загребской, Вараждинской и Крижевецкой. Жители Славонии назывались славонцами, Срема — сремцами.

В Славонии положение затруднялось еще и тем, что после опустошения, пережитого областью в начале XVIII в. в связи с австро-турецкими войнами, в результате усиленно проводившейся на протяжении столетия колонизации, сельское и городское население значительно пополнилось сербами, немцами, венграми, словаками, румынами и т. д., принесшими свои культурно-бытовые отличия и навыки, а в среде дворянства стали преобладать немцы и венгры. Все это осложняло в Хорватии и Славонии национальную консолидацию хорватов, формирование сознания национального единства.

Как было сказано выше, Хорватия и Славония пользовались некоторой, хотя и куцей, автономией. Наличие особой политической территории оказывало положительное влияние на национальное развитие хорватского народа. Существование традиционных политических институтов, особых законов, властей в какой-то мере ограждало Хорватию и Славонию от националистического произвола австрийских и венгерских правителей, стесняло или по крайней мере ослабляло насильственную колонизацию этих земель, германизацию и мадьяризацию населения,

Условия жизни крестьян в Хорватии и Славонии наложили свой отпечаток на формирование хорватской нации. Феодальная зависимость забитого и темного крестьянства тормозила, конечно, этот процесс. Кроме того, в Хорватии и особенно в Славонии сохранялись еще задужные хозяйства. Задруги в несколько десятков человек были в Славонии далеко не редким явлением. Задруга своею замкнутостью, с одной стороны, способствовала сохранению крестьянством в условиях угнетения национальной самобытности, с другой — сковывала развитие капитализма в деревне, стесняла передвижение населения. Задруга консервировала местные культурно-бытовые отличия и навыки.

Одна из особенностей национального развития Хорватии и Славонии состояла в том, что консолидация хорватов в нацию происходила здесь при недостаточной развитости национальной буржуазии: ее малочисленности, экономической слабости и политической незрелости. Поэтому определяющее влияние на общественно-национальное и идеологическое развитие хорватов в буржуазном направлении оказывали передовые, патриотически настроенные дворяне, проникавшиеся постепенно сознанием необходимости общественных преобразований. Они выступали в союзе с зажиточной национальной буржуазией. Важная роль в формировании национальной буржуазной идеологии принадлежала интеллигенции.

Языковый вопрос также имел в Хорватии и Славонии свои особенности. В течение ряда веков государственным языком здесь был латинский. Это был язык законодательства, управления, судов, церкви, школы, внешних сношений. В общественной жизни и в дворянско-буржуазных семьях был сильно распространен немецкий язык. Господство в Хорватии и Славонии латинского и немецкого языков, насильтвенное навязывание венгерского языка было серьезным препятствием для развития национального литературного языка хорватов и находилось в глубоком противоречии с потребностями развивавшегося капитализма и национальной консолидацией хорватского народа. Все это делало языковую проблему в Хорватии и Славонии крайне острой.

В хорватских землях было три весьма различающихся между собой диалекта: кайкавский (в Хорватии), штокавский (в Славонии, Далмации и на большей части тер-

ритории Военной Границы) и чакавский (в Приморье)⁷⁶. Все три говора имели свою литературу и глубокие традиции. Но во второй половине XVIII в. наступил застой в литературной и культурной жизни во всех хорватских землях⁷⁷. В результате засилья латинского и немецкого языков лишь немногие образованные хорваты звали и пользовались родным диалектом и были знакомы с литературой на нем. Многообразной и сложной была орография в силу господствовавшего приема обозначать хорватские звуки, не свойственные латинскому языку, путем сочетания нескольких букв. Этот литературно-языковый и орфографический разнобой явился серьезной помехой на пути к общехорватскому литературно-языковому единству.

Хорватская нация формировалась в тесном общепении с другими югославянскими нациями. В результате укрепления экономических и культурных отношений между югославянскими народами хорватское национальное самосознание складывалось как часть югославянского сознания, чувство национального единства у хорватов тесно переплеталось с сознанием югославянской общности.

Хорватская нация складывалась в сложных условиях, преодолевая огромные трудности. Опи были связаны с господством феодальных порядков и национальным угнетением. На протяжении первой половины XIX в. национальный гнет значительно усилился, получив реакционное выражение в попытках мадьяризации хорватского народа. Перед формировавшейся хорватской нацией со всей силой встал вопрос не только о создании лучших условий развития, но и возникла необходимость защиты своего бытия вообще.

Одновременно с образованием хорватской нации в Хорватии и Славонии проходило стягивание в нацию и сербов. В силу того, что хорваты и сербы на территории Хорватии и Славонии жили вперемежку, что они являлись очень близкими между собой народами, национальное разграничение между ними проходило очень мед-

⁷⁶ Свои названия диалекты получили по вопросительному местоимению «что» (кай, што и ча).

⁷⁷ L. Jopke. Jezična problematika u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 234.

лению. В первой половине XIX в. далеко не везде у населения сложилось представление о национальном различии сербов и хорватов. Но в Сремской жупании, расположенной в непосредственной близости от Сербии, национальная консолидация сербов уже весьма продвинулась вперед и находила свое проявление в сознательных национальных действиях интеллигенции и буржуазии.

Разложение феодализма и развитие капиталистических отношений, антифеодальная борьба крестьян, формировавшие хорватской нации обусловили необходимость и неотложность решения коренных вопросов общественного развития — ликвидации феодальных порядков, политического объединения и национального освобождения хорватских земель. Глубокие экономические, политические и национальные противоречия вызвали к жизни в Хорватии и Славонии национально-освободительное движение, направленное на решение назревших социально-экономических и общественно-политических проблем.

В Хорватии и Славонии был невозможен революционный путь решения назревших общественных противоречий, поскольку здесь не было общественной силы, способной к сознательному революционному руководству пародными массами. Слабая нерешительная буржуазия была враждебна крестьянству. Рабочий класс по существу только рождался. Поэтому решение назревших противоречий взяли на себя верхушечные слои хорватского общества. Вызванное к жизни внутренними хорватскими условиями национально-освободительное движение постоянно испытывало влияние общеавстрийской обстановки, общего подъема капитализма и буржуазно-национальной борьбы в империи.

НАЧАЛО ИЛЛИРИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Идейные предшественники и вдохновители иллиризма

Развитие капитализма и формирование хорватской нации обусловили глубокие перемены в духовной жизни хорватского общества. Важной предпосылкой их были усиление и успехи буржуазной революционной и национально-освободительной борьбы в Европе и особенно внутри Австрийской империи.

Конец XVIII—первая половина XIX в. знаменовались в Европе подъемом борьбы против феодализма, абсолютизма и национального угнетения. Французская буржуазная революция 1789 г. нанесла решающий удар по феодальному строю на Европейском континенте. Июльские события 1830 г. во Франции, революция и провозглашение независимости Бельгии, польское восстание всколыхнули Европу. В Германии разворачивалось движение за буржуазные преобразования и объединение страны. Освободительная борьба захватывала Италию и другие части Австрийской империи. На Балканах первой подняла знамя национальной борьбы против турецкого угнетения сербская буржуазия.

Эти события будили и активизировали общественную мысль в Хорватии и Славонии, ускоряли складывание буржуазной идеологии.

Французская революция 1789 г. вызвала большое возбуждение в Австрийской империи. Несмотря на попытки рогатки, идеи революции проникали в монархию. Антифеодальная и антимонархическая литература в виде оригинальных и переводных брошюр, памфлетов и т. п. широко распространялась в Австрии¹.

¹ Н. Гавриловић. Велика француска револуција и срби у јужној Угарској.—«Матица српска. Зборник за друштвене науке», 26. Нови Сад, 1960, стр. 18.

В Венгерском королевстве Французская революция была в центре внимания общественности. Книги о ней моментально распродавались. Быстро появлялись их рукописные переводы. В Венгрии число политических брошюр и сочинений, вышедших в 1790—1794 гг., перевалило за 300. Распространялись революционные листки². Под непосредственным влиянием Французской революции в Вене и Пеште в 1794 г. образовались тайные общества с антифеодальной, республиканской программой действий. Это движение получило название «якобинского». В Венгрии оно возглавлялось аббатом И. Мартиновичем.

Идеи Французской революции произвели сильное впечатление и на хорватское общество. Местное дворянство весьма своеобразно воспользовалось ими. Идеи общественного договора и конституционной монархии стали его теоретическим оружием в борьбе против реформ и абсолютизма Иосифа II за сохранение своих экономических и политических позиций³. Вместе с тем революционные события подтолкнули отдельных наиболее дальновидных представителей хорватского господствующего класса выступить за некоторые, правда, очень познательные нововведения⁴. Ободренные успехами французской буржуазии загребские горожане в 1790 г. поставили вопрос о предоставлении им права голоса в хорватском саборе⁵.

Прямое влияние Французская революция оказала на хорватскую интеллигенцию плебейского происхождения. Общество Мартиновича было связано с Хорватией и Славонией. И, безусловно, из идеино близкого ему круга вышла революционная песня на кайкавском наречии, которая распространялась с 1794 г. в двух вариантах и была вывешена в том же году на воздвигнутом в Загребе «дереве свободы». Это был символ революции в то время. Песня призывала крестьян подняться вместе с французами на борьбу за всеобщее равенство и социальное осво-

² V. Bogdanov. Hrvatska revolucionarna pjesma iz godine 1794 i učešće hrvata i srba u zavjeri Martinovićevih jakobinaca. — «Starine», knj. 46. Zagreb, 1956, str. 484.

³ J. Šidak. Odjeci Francuske revolucije i vladanje Napoleona I. u hrvatskim zemljama. — «Katalog Napoleonove Ilirske province». Ljubljana, 1964, str. 38.

⁴ Там же.

⁵ E. L. m l. Zagrebački građani traže god. 1790. pravo glasa na saboru. — «Vjesnik kr. državnog arkiva u Zagrebu», god. VI, Zagreb, 1934, str. 201—204.

бождение⁶. Все это были предвестники перемен, наступавших в идеологической сфере.

Французская просветительская идеология и особенно прогрессивная немецкая философия и литература воздействовали на формирование хорватской буржуазно-национальной мысли. Просветительское положение о естественном равенстве людей между собой, идеи Гердера о роли славянства, о месте и значении национального языка, пафос немецкого романтизма воодушевляли передовые хорватские общественные силы к патриотической деятельности и вселяли уверенность в будущем.

Большое влияние на общественное сознание в Хорватии и Славонии оказalo начавшееся в конце XVIII в. национальное Возрождение славянских народов, особенно в Австрийской империи.

С формированием национального самосознания у славянской общественности в империи появилось стремление к научной разработке отечественной истории, возникло внимание к народному творчеству, родилось понимание важности собирания и изучения фольклора, появилось романтическое увлечение народной поэзией. Внимание славянской общественности сосредоточилось на вопросе о родном языке и культуре, их развитии и судьбах. В конце XVIII в. были сделаны первые шаги в создании национально-просветительных и научных учреждений у австрийских славян. Национальное Возрождение славянских народов в Австрийской империи сопровождалось также появлением общественного интереса к происхождению славян, их родине, истории, языкам, судьбам и значению в мировом историческом процессе. Мысль о большой этнической, исторической и языковой близости славянских народов, высказывавшаяся славянскими хронистами, историками и писателями еще в далекие времена, стала получать теперь научное, теоретическое обоснование.

Идея славянской общности, опиравшаяся на величие исторического прошлого славянских народов, укрепляла в них уверенность в неизбежном национальном Возрождении. Тесное соединение общеславянских и национальных моментов было свойственно идеологии Возрождения

⁶ V. Bogdanov. Hrvatska revolucionarna..., str. 331—337; J. Šidak. Odjeci..., str. 38.

у австрийских славян ужे на начальной его стадии, по особению — позднее.

Выдающиеся научные труды родоначальника славяноведения чеха Й. Добровского в области чешского языка, славянского языкознания вообще и истории, исследования славянских древностей словенца Е. Копитара, выступление серба Д. Обрадовича в пользу живой народной речи как основы сербского литературного языка были наиболее значительными явлениями в начальный период национального Возрождения австрийских славян.

Со второго десятилетия XIX в. значительно оживилась национальная и культурная жизнь славян в Вене, Праге, Пеште. С 1814 г. в Вене стали выходить сборники сербских народных песен, очень скоро получившие европейскую известность. Собирателем и издателем их был Вук Караджич. В 1818 г. Караджич издал на новой орфографии словарь с грамматикой сербского языка, включавший слова исключительно из живой народной речи. С его выходом началась острая борьба в кругах сербской общественности вокруг реформы Караджича⁷.

В 20-е годы XIX в. в Австрийской империи выходят периодические издания на славянских языках, издаются сборники чешских и словацких народных песен, печатаются словари, грамматики, ведутся горячие споры о новой чешской орфографии, появляются на свет «открытия» поэта В. Гапки «Краледворская рукопись» и «Любушин суд»⁸, сыгравшие в то время большую роль в подъеме национального сознания чешского народа. Идет большой спор о литературном языке для словаков, делаются попытки создания единой орфографии для пишущих латиницей славян, рождаются идеалистические замыслы об одном общеславянском языке.

Двадцатые годы знаменовались подъемом славянской науки. В 1826 г. на немецком языке вышла книга Павла Иозефа Шафарика, словаика по происхождению, «История славянских литератур», представлявшая собой первое общеславянское исследование в области литературоведения. В 1828 г. появилось сочинение Шафарика «О проис-

⁷ В. И. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 372 и сл.

⁸ Вышли в 1818 и 1819 гг. Впоследствии была установлена подложность рукописей.

хождении славян», а в 1837 г. — его фундаментальный труд «Славянские древности». Это были первые действительно научные труды по древней истории славянства. В книгах Шафарика, показывавших славян как единое целое, раскрывались роль и место славянских народов в создании европейской цивилизации. Работы Шафарика произвели огромное впечатление на славянскую общественность, способствовали дальнейшему усилению интереса к славянскому вопросу и осознанию роли славян в развитии европейских народов.

В 20-е годы впервые прозвучал романтический голос выдающегося поэта и мыслителя Яна Коллара. В 1824 г. вышла его поэма «Дочь Славы». В ней Коллар воспел героическое прошлое славян и их выдающихся деятелей. Поэма была проникнута идеей славянского величия, большой близости славянских народов друг другу и содержала призыв к их единению⁹. Поэма Коллара произвела сенсацию. Сонеты из нее заучивались славянской молодежью наизусть.

В 1830 г. Коллар сформулировал свою знаменитую идею о сведении всех славянских литературных языков к четырем: русскому, польскому, сербскому и чешскому. С еще большей определенностью он выразил свои взгляды на славянские литературные языки в 1836 г. в альманахе «Гронка» и особенно в своей наиболее известной брошюре о литературной взаимности славян. Мысль о необходимости сближения славянских наречий и соединения их в большие группы не была новой для того времени. Она высказывалась многими учеными и писателями, в том числе и Шафариком¹⁰. Но у Коллара мысль о четырех славянских литературных языках была тесно связана с его учением о славянской взаимности.

В 1837 г. Коллар издал книгу «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа». Он представлял себе всех славян как один народ, разделенный на роды и наречия, мыслил культурное сближение славян путем равного распространения и знания четырех славянских языков, создания

⁹ В 1832 году поэма вышла в новом издании, значительно расширенном. И. В. Ягич. История славянской филологии, стр. 265.

¹⁰ П. А. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 95, 96.

кафедр славистики в университетах, основанный славянских библиотек, книжного обмена, совместной научной работы ученых, собирания и изучения славянского фольклора. Этот труд заключал в себе теоретическое обоснование идеи славянской взаимности.

В 30-е годы XIX в. начался перелом в политической языки в Чешских землях.

В Хорватии и Славонии знали о Добровском и Копитаре, слышали об открытиях Ганки, читали труды Шафарика, сюда донеслась и слава о сербских народных песнях. Национальное пробуждение славянских народов, в первую очередь в Австрийской империи, оказывало ободряющее, живительное впечатление на хорватское общество, способствовало развитию национального самосознания, складыванию буржуазной национально-освободительной идеологии.

Сильное впечатление на хорватское общество произвело подъем национальной жизни в соседней Венгрии. Хорватские области были связаны с ней многовековыми экономическими, политическими и культурными узами. Борьба венгров за права национального языка, основание венгерского национального музея, военной академии, академии наук, издание политических газет и брошюр, вставших на защиту национальных интересов Венгрии, — все это не могло не порождать в хорватской среде раздумий о перспективах национального развития хорватов.

Во второй половине XVIII в. стали обнаруживаться признаки формирования хорватского национального самосознания. Они сделались более заметными с начала XIX в. Показателем этого на начальной стадии было усиление общественного внимания к отечественной истории, пробуждение интереса к живой народной речи и народному творчеству, постановка языкового вопроса.

На исходе XVIII и в начале XIX в. в Хорватии были переизданы некоторые труды по хорватской и южнославянской истории, написаны новые исторические сочинения, появились первые работы по истории хорватской литературы¹¹.

Еще в 1756 г. далматинский францисканец А. Качич-Миошич, хорошо знавший жизнь своего народа, издал

¹¹ F. Fancev. Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790—1832). U Zagrebu, 1933, str. XV i sl.

в Венеции книгу на штокавском диалекте «Пряятая беседа славянского народа». Она представляла собой собрание народных песен и песен, написанных самим Качичем-Миошичем по образцу эпической народной поэзии на исторические сюжеты из жизни южных славян¹². Сочинение Качича-Миошича имело блестящий успех и неоднократно переиздавалось¹³. Хорватский историк середины XVIII в. Б. Крчелич также интересовался пародийной поэзией как историческим источником¹⁴.

Известное влияние просветительских идей сказалось на взглядах и деятельности загребского епископа М. Врховаца, в прошлом кавалерийского офицера. Он был в дружественных отношениях с аббатом И. Мартиновичем. Врховац проявлял интерес к славистике, переписывался с Добровским и Конитаром. В конце XVIII в. Врховац купил в Загребе типографию, где печатались книги на кайкавском диалекте, но по настоянию Франца II вынужден был ее продать. Врховаца занимал вопрос о едином и простом хорватском правописании, о развитии «иллирийского» языка и т. д. В 1813 г. епископ обратился с посланием на латинском языке к духовенству своей епархии о собирании пародийных песен, пословиц, поговорок и старинных книг. Однако этот призыв не встретил отклика со стороны духовенства¹⁵.

В 1823 г. священник Л. Форко начал собирать хорватскую заздравную поэзию с целью ее опубликования¹⁶.

Нельзя сказать, что до XIX в. в Хорватии вообще не было интереса к родному языку. В предшествовавшие времена писались грамматики и словари кайкавского наречия, делались попытки реформ кайкавского правописания и даже предпринимались шаги к сближению в литературе кайкавского и штокавского диалектов. Однако это были незрелые, спорадические высказывания и практические опыты одиночек писателей и лингвистов, не оставлявшие заметного следа в общественном сознании и жизни.

¹² См. В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, стр. 980—981.

¹³ В. И. Ягич. История славянской филологии, стр. 75.

¹⁴ F. Fancev. Dokumenti..., str. XVII.

¹⁵ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 54, 55; Đ. Surmijn. Hrvatski preporod, I. Zagreb, 1903, str. 40—48.

¹⁶ F. Fancev. Dokumenti..., str. XXXVIII.

Иная обстановка сложилась в рассматриваемое время. С конца XVIII в. возрастает интерес общественности к родному языку и литературе. В 1792 г. впервые родился замысел об издании хорватской газеты, но он остался нереализованным. Одно за другим следуют печатные выступления в пользу развития родного языка, и, главное в них появляется зрелая постановка языкового вопроса.

Первым глубокое для своего времени понимание языковой проблемы проявил в 1796 г. карловацкий хлеботорговец Й. Шипуш в книге «Основа хлебной торговли согласно природе и событиям», написанной на кайкавском наречии. В предисловии к ней Шипуш высказался за единый литературный язык для Хорватии, Славонии и Далмации на базе одного из господствовавших там говоров, рассматривая этот вопрос в тесной связи с интересами хлебной торговли¹⁷.

В 1815 г. девятнадцатилетний А. Миханович в Вене издал на кайкавском диалекте брошюру «Слово отечеству о пользе писания на родном языке»¹⁸. В ней Миханович обрушился на латинский язык в Хорватии и Славонии, призываая соотечественников пользоваться родным языком и развивать его. Это был первый публичный протест против засилья латыни в Хорватии и Славонии и весьма смелое для того времени выступление в защиту отечественного языка. Из брошюры Михановича прямо вытекал вывод о необходимости введения родного языка в учреждения и школы. Несколько позднее Миханович пытался впервые издать поэму «Осман» Гундулича, рукопись которой он нашел в Италии. Однако, не встретив отклика на свое объявление о подиске, он от издания поэмы отказался¹⁹.

В 1818 г. Ю. Шпорер, сын состоятельного карловацкого торговца, студент-медик, добился разрешения на издание в Вене политической и литературной газеты для Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии «Огласник илирски»²⁰. Как явствует из объявления о выходе газеты,

¹⁷ Предисловие перепечатано в кн.: F. Fancev. Dokumenti..., str. 38—42. Небезынтересно отметить, что книжка Шипуша была напечатана в типографии Врховаца (D. Šurm i n. Hrvatski preporod, I, str. 40).

¹⁸ F. Fancev. Dokumenti..., str. 118—123.

¹⁹ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 57.

²⁰ F. Šišić. O Sporerovim novinama. — «Grada...», knj. 7. U Zagrebu, 1912, str. 59 i sl.

Шпорер собирался издавать ее на языке, представлявшем собой синтез «хорватского, славонского, далматинского и истриского» наречий²¹.

Однако подписька не имела никакого успеха, и газета эта не вышла.

Через несколько лет Шпорер, будучи уже врачом, выпустил в Карловаце па штокавском диалекте, хотя и не совсем чистом, «Алманах илирски за 1823 г.». В предисловии к этому изданию Шпорер более определенно высказался за единый литературный язык для «иллиров»²², под которыми он понимал население Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии. Издание же Шпорером альманаха па штокавском диалекте показывало, что он был склонен теперь искать основу единого литературного языка в штокавском говоре.

Были и другие выступления в печати в пользу литературно-языкового единства хорватских земель²³. В эти годы далеко не одиночки помышляли в кайкавской Хорватии о едином литературном языке для Хорватии, Славонии и Далмации и видели его основу в штокавском говоре²⁴, на котором говорила большая часть хорватского народа.

Противоречивые тенденции заключались в произведениях и деятельности священника Т. Миклоушича, наиболее видного писателя и издателя кайкавской литературы до иллиризма. В предисловии к своему сочинению «Столетний календарь» (1818 г.) Миклоушич призывал соотечественников ценить, развивать и больше издавать книги на родном языке. Но одновременно он убеждал их твердо держаться кайкавского наречия и старой орографии²⁵.

В 1821 г. в предисловии к своему главному сочинению, своего рода хорватской энциклопедии, — «Выбору повествований всякого рода, для пользы и увеселения служащих» Миклоушич вновь обращался к своим землякам

²¹ F. F a n c e v. Dokumenti..., str. 133—134.

²² Там же, стр. 181—182.

²³ Об этом писали каноник М. Маханович — 1814 г., А. Надь — 1818 г. (F. F a n c e v. Dokumenti..., str. XXXIII).

²⁴ Там же, стр. XXXIII.

²⁵ Предисловие перепечатано в книге: F. F a n c e v. Dokumenti..., str. 138—139.

с горячим призывом последовать венгерскому примеру и поднять значение родного языка²⁶.

Миклоушич проявлял интерес к народным песням и собирал их²⁷. У него были элементы возрожденческой идеологии, однако он не смог еще подняться над провинциализмом и отстаивал литературно-языковую изолированность Хорватии от других хорватских земель.

В Славонии священник А. Филипович в 1826 г. призывал земляков к организации литературного общества для издания книг и журналов²⁸.

Печатные выступления в защиту отечественного языка в конце XVIII—начале XIX в. носили еще характер общих рассуждений. Они содержали мысль о расширении сферы пользования родным языком, заключали в себе догадки о потребностях и направлении литературно-языкового развития хорватского народа, но были лишены ясного представления о его конкретных путях.

В эти годы в Хорватии были предприняты попытки практического введения штокавского диалекта, хотя и не совсем чистого, в литературу. Выше уже упоминалось издание Шпорером альманаха на штокавском наречии. В 1816—1818 гг. по инициативе инспектора начальных школ Хорватии и Славонии Т. Кошчака была использована штокавица в школьных учебниках²⁹. Эти начинания не повлекли за собой серьезных последствий, штокавица еще долгие годы оставалась чуждой кайкавской Хорватии, но они явились показателем растущей тенденции к литературно-языковому объединению всего хорватского народа на базе штокавицы, близкой и понятной большей части хорватского населения.

С начала 30-х годов XIX в. процесс формирования хорватского национального самосознания значительно усилился.

На рубеже 20 и 30-х годов как поэт, историк и лингвист в печати выступил Людовит Гай. Он родился 8 июля 1809 г. в городке Крапине в семье аптекаря, гимназический курс прошел в Вараждине и Карловаце. Уже в гим-

²⁶ Предисловие перепечатано в кн.: F. Fancev. Dokumenti..., str. 149—151.

²⁷ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 60.

²⁸ V. Dukat. Književno prosvjetni rad Adama Filipovića Helden-talskoga. — Rad, knj. 203, U Zagrebu, 1914, str. 98.

²⁹ F. Fancev. Dokumenti..., str. XXXIV. XXXV.

назии Гай стал интересоваться историей своей родины. Он познакомился с трудами Мавро Орбини, который писал о славе и могуществе южных славян, и других историков южного славянства. В 1826 г. Гай выпустил на немецком языке книжку о крапинских замках. С Крапиной было связано старинное сказание, переходившее из одного исторического сочинения в другое, о том, что из расположенных вблизи нее замков вышли когда-то три брата — Чех, Лех и Мех, явившиеся родопачальниками трех славянских держав — Чехии, Польши и Московии. Первая книга Гая была пропитана чувством гордости за славян и их историю³⁰.

В том же году было напечатано первое стихотворение Гая на кайкавском диалекте «Хорватия». Вскоре появились другие стихотворения Гая, посвященные его родине — Загорью³¹.

Сильное впечатление произвела на Гая книга Каичча-Миошича, вышедшая в 1826 г. в новом издании в Дубровнике. Она увлекла Гая красотой штокавского говора³² и пробудила в нем интерес к народной поэзии.

Большое влияние на формирование идеологии Гая оказало пребывание в Грацком университете, куда он перешел из Венского университета в начале 1827 г. В то время в Вене, Граце, Пожуне и других городах существовали уже славянские кружки, где обсуждались вопросы национального развития. В Граце Гай вошел в студенческое общество югославян, именовавшее себя «Иллирийским клубом». Члены этого кружка стремились поднять значение своих родных языков³³. Председателем и душой «Иллирийского клуба» был серб из Военной Границы Мойсие Балтич. С его помощью Гай выучился кириллице, штокавщине и познакомился с сербскими народными песнями в издании Караджича³⁴. В Граце Гай лично узнал также словенцев Матяшича, Кочевара и Мурко³⁵. Среди словенцев в те годы живо обсуждались

³⁰ V. Gaj. Knjižnica Gajeva. Zagreb, 1875, str. XXII—XXIII.

³¹ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 87.

³² В 1850 г. Гай писал в автобиографии, что благодаря Каиччу-Миошичу он понял «сладость и достоинство иллирийского языка» (V. Gaj. Knjižnica Gajeva, str. XXIII).

³³ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 88.

³⁴ V. Gaj. Knjižnica Gajeva, str. XXIV.

³⁵ F. Ilešić. Stanko Vraz u školama. — «Grad a...», knj. 5. U Zagrebu, 1907, str. 104, 106.

вопросы правописания. Тесное общение с национально-настроенной югославянской молодежью ввело Гая в интересы югославянского Возрождения, укрепило в нем национальное сознание.

В студенческие годы Гай усиленно занимался хорватской историей. Он собирал также пословицы и хорватские пародные песни. В Граце Гай стал задумываться над правописанием и языком родной литературы. В 1829 г. он обсуждал с польским славистом А. Кухарским вопросы грамматики и правописания³⁶. По свидетельству Курелаца, Гай рекомендовал словенцу Мурко издать свой словенский словарь чешской графикой³⁷. Это значит, что у Гая было представление о направлении, которым следовало идти в упорядочении и упрощении орфографии пишущих латиницей югославян.

В Граце завязалась дружба Гая с Деметером, которая имела большое значение для формирования их мировоззрения. Из интереса обоих к национальному вопросу родилась мысль о подъеме и развитии хорватской литературы, основании национального театра и музея³⁸.

Университетское образование Гай завершил в Пеште, куда он переехал в 1829 г. с надеждой найти важные рукописи и материалы по хорватской истории. Пребывание в Пеште было временем интенсивного духовного развития Гая. Национальные устремления, зародившиеся у Гая еще в гимназические годы, очень смутные тогда и отчасти подсознательные, окрепшие и развившиеся в Граце, стали обретать в Пеште свою конкретность и завершенность.

В Пеште Гай оказался в атмосфере нараставшего венгерского национального движения и яростных националистических нападок идеологов венгерского дворянства на невенгерские, в том числе и хорватский, пароды. Здесь он непосредственно наблюдал словацкое и сербское национальное Возрождение. В Пеште Гай вращался в кругу чехов, словаков и сербов, задумывавшихся над национальными судьбами своих пародов и находившихся под сильным влиянием колларовских идей³⁹. Но главное —

³⁶ V. Deželić. Pisma pisana d-ru Iudevitu Gaju i neki negovi sastavci (1828—1850). Zagreb, 1909, str. XVI.

³⁷ V. Deželić. Pisma..., str. XV.

³⁸ V. Gaj. Knjižnica Gajeva, str. XXVI.

³⁹ «Građa...», knj. 3. U Zagrebu, 1901, str. 250.

в Пеште Гай лично познакомился с Я. Колларом, пользовавшимся в это время уже большим влиянием на славянскую молодежь в венгерской столице, а через него — и с Шафариком, завладевавшим умами передовой славянской интеллигенции.

Коллар обучал Гая чешскому языку. С Колларом Гай беседовал о правописании, о газете и вообще о способах пробуждения национального сознания у славян⁴⁰.

С Шафариком Гай познакомился вначале письменно. По рекомендации Коллара Шафарик, готовивший новое издание «Истории славянских литератур», обратился к Гаю с просьбой сообщить ему материалы по хорватской литературе. По получении их Шафарик написал Гаю письмо, где говорил о необходимости духовного единства между славянами и распространении просвещения как условия славянского единения⁴¹. Лично Гай узнал Шафарика в 1833 г., когда посетил Прагу⁴². Шафарик и Коллар оказали наибольшее идеальное воздействие на Гая.

Еще будучи в Пеште, Гай стал деятельным поборником и пропагандистом идеи единства и цельности славянства, колларовского учения о славянской взаимности. Идеи Шафарика и Коллара были живо усвоены Гаем потому, что они соответствовали интересам хорватского национального развития, показывая путь к увеличению силы и значения немногочисленного хорватского народа и создавая опору для его национального существования. Гай воспринял учение о славянской взаимности как идеологическое оружие, призванное обеспечить национальное существование малых славянских народов перед лицом мадьяризации и германизации путем соединения их сил, опоры на более крупные родственные народы.

Творческое осмысление учения о славянской взаимности привело Гая к мысли о необходимости сближения хорватов с ближайше родственными народами. В 1830 г. в Буде он издал на кайкавском диалекте и немецком языке брошюру, посвященную кайкавскому правописанию⁴³.

⁴⁰ V. Deželić. Pisma..., str. XVII; П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 97.

⁴¹ V. Deželić. Pisma..., str. 175—178; Đ. Šurmin. Hrvatski preporod, I, str. 131, 132.

⁴² V. Deželić. Pisma..., str. XVII.

⁴³ «Kratka osnova Horvatsko-Slavenskoga Pravopisaña, poleg mu-droëubneh, narodneh i prigospodarneh temečov i zrokov.

В соответствии с лингвистическими воззрениями того времени, отводившими орфографии весьма важную роль в развитии языка, Гай в своей брошюре характеризовал реформу кайкавского правописания как первоочередное условие подъема и развития отечественного языка. В целях орфографического сближения хорватов с другими славянами, пишущими латиницей, Гай переписал чешскую графику на кайкавское наречие. Учитывая опыт Витезовича, он положил в основу нового правописания принцип обозначения каждого хорватского звука посредством одной латинской буквы с использованием при этом надстрочных, так называемых диакритических, знаков.

Гай выражал надежду, что в Славонии, Далмации, Штирии, Каринтии и Крайне орфография также будет переделана по тому же методу. Он считал, что только таким путем многочисленные наречия «великого славянского языка» сольются в четыре главных наречия и литература на них станет общим достоянием всех славян. Таким образом, в этой книге Гай достаточно ясно высказался за орфографическое единство всех хорватов и близких к ним словенцев на базе нового, реформированного им правописания. Вместе с тем, хотя и не совсем отчетливо, он выразил также стремление к их литературно-языковому объединению. Но при этом Гай, как известует из его исторических сочинений 1829—1831 гг., исходил из того, что словенцы в древности были хорватами⁴⁴.

Выступив с новым правописанием кайкавского диалекта, Гай стал добиваться постепенного его введения в жизнь. Однако его возможности были крайне ограничены. Единственное, что он мог сделать, это убедить своих друзей в Загребе, озабоченных состоянием родного языка и литературы, отказаться в повседневной практике от старой орфографии и принять новую. В письмах из Пешта он доказывал преимущества и целесообразность нового правописания, призывал последовательно его придерживаться, стыдил за колебания и отступления от него и

Od L. O. G. Kurzer Entwurf einer kroatisch-slavischen Orthographie nach Philosophischen, nazionälen und ökonomischen Grundsätzen, von L. v. G., Vu Budimu, 1830. Перепечатано в кн.: F. Fancev. Dokumenti..., str. 222—235.

⁴⁴ F. Fancev. Postanak i historijska pozadina Gajeve pjesme «Još Horvatska ni prepala». — «Hrvatska revija», god. III, br. 12. Zagreb, 1935, str. 628—630.

т. д.⁴⁵ Его убежденность и настойчивость принесли свои положительные результаты.

В Пеште, помимо орфографии, Гай интересовался также лексикой и грамматикой кайкавского диалекта. И в этих вопросах он шел по пути реформ, хотя пока неуверенно и не совсем ясно представляя себе конечные цели. Так, в письме Раковацу от 20 марта 1831 г. Гай высказался за введение некоторых штокавских норм в grammaticalnyj строй literaturnoy kajkavshiny. Что касается лексики, то, по мнению Гая, и здесь следовало стремиться к сближению с другими славянами и не создавать новых слов, а заимствовать их, в случае надобности из других славянских языков⁴⁶.

В студенческие годы национальный вопрос приобрел для Гая наиважнейшее значение. В 1831 г., находясь в Пеште, он сделал следующую запись: «...Мы были раньше славянами, раньше хорватами, пожели христианами»⁴⁷.

Колларовское учение о славянской взаимности помогло Гаю в общественных условиях 30-х годов подняться над узкостными, провинциальными традициями, понять необходимость преодоления сепаратизма и литературно-языковой разъединенности хорватского народа, ликвидации духовной изолированности хорвата от других родственных народов.

Славянская взаимность с самого начала не была для Гая отвлеченным идеалом и самоцелью. Для него это было руководство к определению назревших задач национального развития хорватского народа, путь к решению хорватской литературно-языковой проблемы, условие сохранения и развития хорватской национальной самобытности в обстановке насилиственной денационализации. «Среди славян, — писал он, — хорват может быть хорватом, а среди немцев и венгров хорват в ряду последний, т. е. ничто»⁴⁸. Однако представление о том, кто входит

⁴⁵ «Građa...», knj. 3, str. 249, 250.

⁴⁶ Там же, стр. 251.

⁴⁷ Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor, R. 3989. Gaj Ljudevit. Pesme i proza, II. Literarno-poučni sastavci. Misli i bilješke o jeziku, narodnosti, hrv. povijesti, politici i dr.

⁴⁸ В тексте — tešća podrepica, — что буквально означает «худой курдюк». Эта записка, находящаяся среди неопубликованных материалов Гая, написана кайкавщиной, по новым правописанием. Исходя из этого ее следует датировать концом первой

в понятие «хорваты», было у Гая в первой половине 30-х годов нечетким, неясным и неустойчивым. Иногда этот термин он применял только к той части хорватского народа, которая говорила на кайкавском диалекте, иногда обнимал им всех хорватов, иногда же распространял на хорватов и словенцев вместе.

Выступая за орфографическое и литературно-языковое сближение хорватов с другими славянами, Гай руководствовался в первую очередь потребностями развития хорватского языка и литературы. Уже в брошюре о правописании Гай отмечал, что новая орфография сделает хорватские книги более доступными для чехов и поляков, облегчит и удешевит печатание книг. Эта мысль в более конкретной форме выражена им в письме Рацовацу от 20 марта 1831 г. Гай писал, что, если бы не старая орфография, можно было бы через Коллара только в Чехию продать 50 экземпляров переведенной на кайкавский диалект драмы Коцебу «Крестоносцы»⁴⁹. В том же письме Гай характеризовал противников новой орфографии как самых больших врагов хорватов и славянства. «... Такие хотят, — писал он, — чтобы хорваты еще меньшей частью стали, нежели и без того являются»⁵⁰. Словом, Гаю было ясно, что интересы развития хорватского языка и литературы требовали духовного сближения хорватов с другими славянами. Только таким способом хорватская литература могла получить читателей, хорватские писатели — материальную основу для своего творчества, а хорватский народ — опору для духовного развития.

Таким образом, еще в студенческие годы у Гая сложилось понимание ближайших задач национального и культурного развития хорватского народа. Он заявил о себе как убежденный сторонник духовного сближения хорватов с другими славянскими народами, видя в этом залог национального существования хорватов. Гай выступил как реформатор хорватского правописания применительно, правда, еще к кайкавскому диалекту. Он понял необходимость литературно-языкового соединения всех хорватов, создания национальных культурно-просветительских учреждений и обществ.

половины 30-х гг. XIX в. Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu.

⁴⁹ «Grada...», knj. 3, str. 251.

⁵⁰ Там же.

Ни в опубликованных сочинениях Гая начала 30-х годов, ни в его рукописных материалах, относящихся к этому времени, нет заявлений, которые бы свидетельствовали об оформлении у Гая уже в эти годы мысли о литературно-языковом объединении южных славян. П. А. Кулаковский ошибочно датировал 1830-м годом хранящееся в рукописном отделе Национальной и Университетской библиотеки в Загребе сочинение Гая «Об объединении проживающих в старопллирискых дистриктах славян в одном литературном языке»⁵¹. Все содержание этой рукописи говорит о том, что она представляет собой немецкий вариант статьи «Правописание», относящейся к марта 1835 г.⁵² Вероятнее всего, к мысли о литературно-языковом объединении всех южных славян Гай пришел около 1835 г. под влиянием потребностей литературного соединения хорватского народа и улучшения условий развития его литературы.

В начале 30-х годов национальные идеи захватили довольно широкий круг хорватской общественности. Около 1830 г. в Загребе возник первый кружок патриотически настроенной молодежи. По воспоминаниям А. Мажурапича⁵³, активного деятеля национального движения, в нем, помимо самого А. Мажурапича, работавшего тогда частным учителем, принимали участие Векослав Бабукич, изучавший право в Загребской академии, Маракович — учитель находившегося в Загребе варшавского слависта Кухарского, Йосип Марич — клирик, Фрапо Курелац — гимназист, Иван Деркос — юрист и Лавослав Жупан — сын собственника типографии и книжной лавки в Загребе. В кружке обсуждались вопросы национальности вообще, языка и правописания⁵⁴. Вскоре этот кружок расши-

⁵¹ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 97.

⁵² Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu, Trezor, 4701, 175 A III. Gaj Ljudevit. Ueber die Vereinigung der in den altilirischen Distrikten wohnenden Slaven zu einer Büchersprache. Впервые на это указал хорватский историк М. Шрепел (M. Šrepel. Gajev rukopis o književnom jedinstvu ilirske Slavena. — «Статьи по славяноведению», вып. I. СПб., 1904, стр. 194—198).

⁵³ Эти воспоминания были записаны И. В. Ягичем.

⁵⁴ «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения», Варшава, 1894. Разбор орд. ак. И. В. Ягича. — «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. 64. СПб., 1899. Приложения, № 10; стр. 17. Предположительную дату возник-

рился. Но им не ограничивалась сфера распространения национальных идей в хорватском обществе.

Между проникавшейся национальным сознанием загребской молодежью и Л. Гаэм поддерживался довольно тесный контакт. Гай вел переписку с Д. Раковацем, изучавшим право в Загребской академии, с Мараковичем, Ф. Курелацем, клириками Штоосом, Маричем⁵⁵.

Книга Гая о правописании, произведшая сильное впечатление на хорватскую общественность⁵⁶, создала ему авторитет, особенно в загребских молодежных кругах. В одном из писем Раковац отмечал большой интерес в Загребе к личности Гая⁵⁷. Сам он в 1830 г. писал, что Гай пробудил в нем любовь к родному языку, и выражал желание быть верным помощником в его патриотических начинаниях⁵⁸. Из переписки Гая с Раковацем видно, что Гай, имевший более четкие национальные воззрения, оказывал влияние и направлял идеологическое развитие загребской молодежи⁵⁹. Уже в самом начале 30-х годов он был призван в молодежной среде ее идеальным руководителем.

Единомышленники Гая учили родной язык, переходили в повседневной практике, хотя и не без колебаний, к новой орфографии и пропагандировали ее в близких себе кругах⁶⁰.

С 1830 г. в Хорватии началась борьба мнений из-за орфографической реформы Гая⁶¹. Молодежь зачитывалась трудами Шафарика, изучала славянские языки, полная веры в силу, мощь и будущее славянства.

Озабоченные состоянием родной литературы молодые люди, отказавшись как от немецкого, так и латинского

новения кружка можно установить следующим образом. Известно, что А. Мајкурапич закончил Загребскую академию в 1830 г. и до 1834 г. занимался частной учительской практикой. В. Бабукич учился в академии в 1830—1832 гг. Польский ученый Кухарский приехал в Хорватию в 1829 г., в 1830 г. он был уже в Москве (П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 96). Значит, кружок возник не ранее 1830 г.

⁵⁵ См. «Građa...», knj. 3, str. 248—251, 252; V. Deželić. Pisma..., str. 104—105, 161—171.

⁵⁶ Ф. Курелац писал Гаю в апреле 1831 г., что брошюра Гая его «поразила» (V. Deželić. Pisma..., str. 104).

⁵⁷ Там же, стр. 166.

⁵⁸ Там же, стр. 162, 163, «Građa...», knj. 3, str. 242, 243.

⁵⁹ «Građa...», knj. 3, str. 249 i sl.

⁶⁰ См. V. Deželić. Pisma..., str. 104, 162 i sl., 167.

⁶¹ Там же, стр. 338; «Građa...», knj. 3, str. 248.

языков, выступили в печати с произведениями на родном диалекте, традиционными пока по форме, по проникнутыми патриотическими настроениями. В одах молодых клириков Павао Штооса и Йосипа Кундека, юриста Раковаца и других звучала любовь к Хорватии, к родному языку, забота о судьбах отечества, вера в его национальное Возрождение⁶².

В связи с растущим интересом хорватской общественности к родному языку в январе 1832 г. профессор Смодек, незадолго до этого окончивший Пештский университет, стал факультативно и бесплатно преподавать в Загребской академии — высшем учебном заведении Хорватии и Славонии — для всех желающих кайкавский диалект по новой орфографии Гая. Близко стоявший к павлинной выше группе загребской интеллигенции Смодек предпринял это начинание, несомненно, по договоренности с ней. Несмотря на противодействие со стороны ряда профессоров и учившихся в академии венгров, лекции Смодека пользовались большим успехом и собирали многочисленную аудиторию. Их посещали студенты, профессора, адвокаты⁶³. Этот первый практический шаг на пути хорватского Возрождения трудно переоценить, если учесть, что родной язык вообще не преподавался в Хорватии и Славонии.

В 1832 г. Смодек подготовил грамматику кайкавского диалекта на кайкавском наречии, но с учетом и штокавщины, и немецком языке. Она строилась на несколько измененном правописании Гая. Эта книга не была напечатана⁶⁴.

В начале 30-х годов XIX в. в Хорватии появились брошюры с национальным содержанием. В 1832 г. пакануне хорватского сабора, который должен был выбрать делегатов на Пожунский сейм, родовитый, по постепенно разорявшийся хорватский граф Янко Драшкович⁶⁵ выступил с брошюрой «Диссертация»⁶⁶. Она была напутствием

⁶² П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 111, 112, 113.

⁶³ Đ. Šurmin. Hrvatski preporod, I, str. 144.

⁶⁴ «Града...», knj. 3, str. 256; V. Deželić. Pisma..., str. 174.

⁶⁵ Я. Драшкович родился в 1770 г. в Загребе. Образование получил в венском университете. До 1806 г. Драшкович служил в армии. С конца 20-х годов он постоянно жил в Загребе (П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 101, 102, 103).

⁶⁶ Disertacija iliti razgovor, darovan gospodi poklisarom zakonskim

хорватским делегатам, отправлявшимся на Пожунский сейм. Однако ее содержание и значение были гораздо шире.

«Диссертация» была первой политической брошюрой в Хорватии, написанной на штокавском наречии, хотя и с большой примесью кайкавского диалекта. Драшкович применил в ней свою особую орфографию.

Избрание Драшковичем штокавского диалекта для своей брошюры, продиктованное, по словам автора, широким распространением его среди «славо-хорватов, как народа наших королевств», и в соседних землях, а также наличием на нем богатой литературы⁶⁷, свидетельствовало о сознательном стремлении Драшковича к литературно-языковому объединению хорватов на основе штокавского говора и соединению их таким образом с другими югославянами.

Драшковичставил в «Диссертации» вопрос о самостоятельном политическом развитии Хорватии и Славонии внутри Венгерского королевства, затрагивал их экономику и культуру. В этой брошюре была впервые сформулирована мысль о «Великой Иллирии» — политическом объединении хорватских, словенских земель, Боснии и Герцеговины на основе исторического права и языкового родства их населения. Для широкого распространения своих идей Драшкович перевел «Диссертацию» на немецкий язык.

Почти одновременно с «Диссертацией» вышла брошюра Ивана Деркоса на латинском языке «Гений отечества над спящими своими сыновьями»⁶⁸. Деркос был хорошо знаком с современной ему литературой о славянах, возвещавшей их национальное Возрождение⁶⁹. Его брошюра в основном была посвящена литературно-языковому вопросу, но затрагивала и политическое развитие Хорва-

i budućem zakonotvorcem kraljevinah naših, za buduću Dietu ungarsku odaslanem, držan po jednom starom domorodcu Kraljevinah ovih. U Karlovcu, 1832. Перепечатано в кн.: F. Fancev. Dokumenti..., str. 297—315.

⁶⁷ F. Fancev. Dokumenti..., str. 297.

⁶⁸ Genius patriae super dormientibus suis filiis, seu folium patrioticum, pro incolis regnum Croatiae, Dalmatiae, et Slavoniae in excitandum, excolendae linguae patriae studium a Joanne Derkoosz. Zagrabiae, 1832. Перепечатано в кн.: F. Fancev. Dokumenti..., str. 273—296.

⁶⁹ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 107.

тии и Славонии. Автор отстаивал в ней территориально-политическую целостность Хорватского королевства, исторически обосновывал его право на свободное и самостоятельное от Венгрии развитие. Одушевленный идеей славянского Возрождения, Деркос доказывал в брошюре необходимость и возможность подъема и развития отечественного языка. Он выступал за создание единого литературного языка для Хорватии, Славонии и Далмации путем слияния их наречий с преимуществом штокавщины. Деркос высказывался за литературно-языковое объединение на штокавской основе всех югославянских областей, кроме Штирии, Каринтии и Крайны.

Брошюры Драшковича и Деркоса вышли из разных слоев хорватского общества, но они были близки по сформулированным в них национальным идеям. Это говорило о сходстве настроений в социальнополитических группах хорватской общественности.

Сочинения Драшковича и Деркоса были выражением расширения и углубления в Хорватии и Славонии национальных чувств. В политической части брошюры Драшковича и Деркоса во многом перекликались с формулировавшимися ранее положениями. Восстановление самостоятельного Триединого королевства в его исторических границах всегда было важнейшим вопросом дворянской политики в Хорватии и Славонии. В 1830 г. под именем секретаря сабора Й. Кушевича была издана брошюра на латинском языке «О муниципальных правах и статутах королевств Далмации, Хорватии и Славонии»⁷⁰. В этой брошюре, не выходившей за рамки традиционной дворянской политической идеологии, на основании исторических актов доказывалось право Триединого королевства на самостоятельное положение внутри Венгерского королевства. Однако у Драшковича и Деркоса постановка вопроса о политическом единстве и внутренней самостоятельности основного комплекса хорватских земель сочеталась с сознанием языкового родства разных частей хорватского населения и необходимости их литературно-языкового единения, и это было уже проявлением растущего национального самосознания: сознания

⁷⁰ F. F a n c e v. Dokumenti..., str. 236—254. Действительным автором этой брошюры был архивариус В. Киринич (J. H o g r a t. Povijest novinstva Hrvatske. 1771—1939. Zagreb, 1962, str. 82).

национальной целостности хорватской территории, национального единства хорватского народа, закономерности его духовного и политического объединения, права его на национальное развитие.

В Хорватии и Славонии с зарождением национального самосознания сразу был поднят языковый вопрос как в плане путей формирования национального языка, так и его места в общественной жизни. Возникновение вопроса о языке было закономерным следствием развития капитализма. Особенности же хорватского национального развития — засилье латинского и немецкого языков, навязывание венгерского языка, пестрота орфографии местных наречий, разность литературных языков, безразличие большей части общественности к судьбам родного языка и даже пренебрежение к нему — делали языковую проблему в Хорватии и Славонии особенно жгучей и выдвигали ее на первый план национальной жизни. В брошюрах Драшковича и особенно Деркоса был сделан шаг вперед в ее решении. То, что в книге Гая о правописании было лишь падежной и скрытым стремлением, здесь звучало как программа, как осознанная потребность хорватского национального развития.

В брошюре Деркоса со всей четкостью была сформулирована мысль о необходимости создания общехорватского литературного языка.

Тяга к духовному сближению с родственными народами в брошюрах Драшковича и Деркоса получила конкретное оформление в идее литературно-языкового объединения на штокавской основе югославян.

В рассматриваемое время в Хорватии появились брошюры, направленные против мадьяризации. В их числе была апопимпая брошюра, изданная А. Вакаповичем в 1833 г., в период работы Пожунского сейма, на немецком языке в Карловаче, «Должны ли мы стать венграми?» Ее автором был словацкий пастор С. Хойч. В ней раскрывались жестокие методы мадьяризации славянского населения в Венгрии. Брошюра произвела огромное впечатление и в течение года выдержала три издания⁷¹. Самы по себе подобные брошюры не являлись показателем складывания хорватского национального самосознания, однако их большая популярность, несомненно, наход-

⁷¹ J. Horvat. Povijest novinstva ..., str. 99.

дилась в прямой связи с растущим интересом хорватского общества к национальному вопросу. Брошюры содействовали возбуждению умов.

В 20—30-х годах наблюдался подъем литературы на местных наречиях в Хорватии и Славонии. Местные литературы были пропитаны региональным сознанием. Но сам факт их оживления отражал такие процессы в общественной идеологии, которые неизбежно вели к пониманию существования национальной проблемы.

Осенью 1832 г. кайкавский диалект впервые прозвучал на подмостках профессиональной сцены. Правда, с середины XVII в. в учебных заведениях Хорватии и Славонии разыгрывались пьесы на родных диалектах. Но это были любительские спектакли, интерес к которым фактически ограничивался степами школы. Иной общественный резонанс получило исполнение произведений на кайкавском наречии немецкой театральной труппой в Загребе. В 1832 и 1833 гг. в немецком театре исполнялись пьесы на местном диалекте⁷². Это послыханное дотоле мероприятие, предпринятое администрацией театра, как пельзя лучше отражало изменения в настроении и духовных потребностях хорватской публики, ее возраставшее тяготение к родному языку и культуре.

Весьма решительную позицию занял относительно мадьяризации хорватский сабор, открывшийся в 1832 г. Он единодушно избрал одним из хорватских представителей в Пожунский сейм Я. Драшковича. Решения сабора, хотя и проникнутые интересами феодального класса, своей направленностью в защиту прав Хорватского королевства, его самостоятельного политического развития произвели сильное впечатление на современников, в том числе на Смодека, Раковаца, Бабукича⁷³. Работа сabora 1832 г., отражая намечавшиеся перемены в сознании господствующего класса, способствовала в свою очередь укреплению хорватской национальной мысли.

К середине 30-х годов XIX в. в Хорватии сложились не только объективные, но и субъективные условия для развертывания организованной национально-освободительной борьбы. К этому времени наиболее дальновидные

⁷² S. Batušić. Hrvatski jezik osvaja zagrebačku pozornicu. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 367, 368.

⁷³ F. Fancev. Postanak i historijska pozadina..., str. 622.

представители хорватской общественности поняли назревшие потребности общественного и национального развития Хорватии и Славонии. Они выступили с пропагандой национальных идей. Был сформулирован ряд положений конкретной программы действий в национальной области. Определенные круги хорватского общества духовно созрели для их восприятия и поддержки.

По окончании Пештского университета Гай с конца 1831 г. окончательно поселился в Загребе⁷⁴. Его связи с национально настроенной загребской интеллигенцией в предшествующие годы и идеологическое влияние на нее облегчили ему организующую роль. Умный, прекрасно образованный, обладавший блестательным красноречием Гай сумел сплотить национально мыслящих хорватов и встать во главе них, а разрозненные идеи, желания и тенденции объединить и выплыть в конкретную программу.

Свою общественно-национальную деятельность Гай и его ближайшие соратники начали с создания печатного органа для пропаганды национальных идей и объединения патриотических сил.

Мысль об издании национальной газеты давно зародилась в кругах хорватской общественности. Как было сказано выше, сам Гай в Пеште обсуждал с Колларом в числе прочих проблем вопрос о газете. Вместе с тем из письма Раковаца Гаю от 25 ноября 1830 г. из Загреба видно, что Раковац самостоятельно пришел к мысли о необходимости национальной газеты для подъема и развития отечественного языка и литературы⁷⁵. Профессор Мойзес с 1832 г. планировался издавать газету на родном языке гаевским правописанием⁷⁶. Так или иначе, в начале 30-х годов мысль об издании хорватской газеты была распространенной.

В 1832 г. Гай обратился к венгерскому Наместническому совету с просьбой разрешить ему издание на хорватском языке политической газеты с литературным приложением. Эту просьбу поддержали Загребская жупания

⁷⁴ С начала 1832 г. Гай служил в Банском столе (высшем суде Хорватии и Славонии), затем в адвокатской конторе. В 1834 г. он получил звание «доктор философии» (V. Deželić. Pisma..., str. XXIII, XXV).

⁷⁵ «Građa...», knj. 3, str. 249.

⁷⁶ V. Deželić. Pisma..., str. 166.

и ряд городов. В 1833 г. венгерский Наместнический совет разрешил Гаю издавать литературный орган. Тогда Гай решил воспользоваться парадоксами австро-венгерскими противоречиями и непосредственно в Вене добиваться разрешения на издание политической газеты. Лишь после двухкратной аудиенции у императора Франца II и огромных хлопот Гай в октябре 1834 г. получил разрешение на издание политической газеты и литературного журнала⁷⁷.

В январе 1833 г. Гай написал песню «Хорватов согласие и соединение». Она была посвящена единству хорватов, к которым Гай в то время относил и словенцев, и политическому Возрождению Хорватии. В марте того же года графиня Сидония Рубидо исполнила ее в концерте, и с этого времени песня получила широкую популярность⁷⁸. Ставшая знаменитой, она чаще называлась по своей первой строке «Еще Хорватия не погибла».

В 1834 г. в Загребе под руководством Гая неоднократно собирались Драгутин Раковац, Векослав Бабукич, Павао Штоос, Людевит Вукотипович и Антуан Мажурапич для обсуждения и окончательной разработки программы деятельности⁷⁹. Ее общие направления были сформулированы 20 октября 1834 г. в объявлении о выходе газеты.

1 января 1835 г. в Загребе вышел первый номер политической газеты «Новине хорватске» с литературным приложением «Даница хорватска, славонска и далматинска»⁸⁰ на кайкавском наречии и старом правописании. Это был единственный в то время политический орган у австрийских югославян.

Газета явилась идеальным и организационным центром, объединившим проникнутых национальным сознанием хорватов, а также многих других югославян. Ее выход знаменовал собой начало в Хорватии и Славонии организованного национального движения.

⁷⁷ Đ. Šurmin. Hrvatski preporod, I, str. 148 i sl.

⁷⁸ F. Fancev. Postanak i historijska pozadina..., str. 623, 624, 631; J. Šidak. Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi. — «Kolo», 1966, bp. 8, 9, 19, str. 139.

⁷⁹ J. Horvat. Povijest novinstva..., str. 101.

⁸⁰ «Novine Horvatzke», «Danicza Horvatzka, Slavonzka i Dalmatinzka» (далее — «Novine», «Danica»).

Социальная база иллирийского движения

Иллирийское движение не имело строгих организационных форм, официально припятой программы. Ее роль выполняли отдельные произведения руководящих деятелей пациональной борьбы. Культурные и особенно политические тенденции иллиризма были довольно расплывчаты. Среди его участников и даже внутри руководства не было единства взглядов и стремлений, однакового понимания целей и задач движения. Участников пациональной борьбы объединяли не столько положительные программные требования, выдвигавшиеся ее руководством, сколько противодействие денационализации, особенно мадьяризации. Это заметил еще Ф. В. Чижов, русский ученый и общественный деятель, посетивший Хорватию в 1845 г. Он писал в своем дневнике: «Вообще по всему видно, что иллирийская партия решительно — частность; одно тут общее — нелюбовь к маджарам, не больше»⁸¹.

Поскольку иллирийское движение не имело строгих организационных и программных норм и для его сторонников не было обязательным безоговорочное и полное принятие программных установок, это создавало возможность для участия в национальном движении разных социальных групп. Участие это выражалось в различных формах и отличалось неодинаковой степенью активности. В свою очередь разнохарактерность социальной базы национального движения и связанная с ней неоднородность общественно-политических устремлений его участников были условием образования и существования в иллиризме разных течений.

В свете сказанного в понятие «участник движения» можно вкладывать весьма широкое содержание.

В работах югославских историков имеются противоречивые высказывания относительно социальной базы иллирийского движения, хотя вплотную никто, кроме В. Богданова, этим вопросом не занимался. Р. Бичанич считаетносителем иллирийского движения хорватскую буржуазию⁸². А Барац полагает, что иллиризм опирался на «но-

⁸¹ И. В. Козьмеко. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник. — «Славянский архив». М., 1958, стр. 148.

⁸² R. Bičanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952, str. 133.

ые общественные силы», вышедшие из буржуазии, крестьян и мелкого дворянства⁸³. Я. Шидак в статье «Иллирийское движение» в одном месте связывает иллиризм с новым классом, который, по словам автора, «вначале состоял большей частью из интеллигенции различного общественного происхождения, в основном плебейского». В другом месте историк пишет о сотрудничестве в рамках движения «молодой буржуазии с дворянством»⁸⁴. В последней работе по иллиризму историк видит его опору в средних слоях общества⁸⁵.

В. Богданов, подробно останавливающийся на социальном составе участников движения, считает посителями и сторонниками его представителей «нового буржуазного класса», в первую очередь торговую буржуазию и буржуазную интеллигенцию, а также познанье духовенство, низших граничарских офицеров, часть мастеров, подмастерьев и промышленных рабочих, мелкое дворянство⁸⁶. В. Богданов постоянно подчеркивает демократический, плебейский состав участников иллирийского движения. Однако выводы Богданова о социальных основах иллиризма слабо, а в некоторой части и вовсе не обоснованы и выглядят тенденциозно.

Иллиризм на протяжении 1835—1847 гг. проделал большую эволюцию по составу участников движения. Зародившись в кругах загребской интеллигенции и мелкопоместной учащейся молодежи, движение постепенно охватило значительную часть хорватского общества.

В 1847 г. на торжественном вечере по случаю открытия зала Народного дома присутствовали аристократы, великие жупаны, главы и служащие различных учреждений, дворяне, генералы, полковники, представители высшего и низшего духовенства, а также мелкие чиновники, учителя, литераторы, горожане, торговцы, ремесленники и т. д.⁸⁷ Эти данные, отражая социальную неоднородность участников иллирийского движения, вместе с тем показывают его основные силы.

⁸³ A. V a g a c. Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, knj. I. Zagreb, 1954, str. 41, 44.

⁸⁴ «Enciklopedija Jugoslavije», IV. Zagreb, 1960, str. 339, 342.

⁸⁵ J. Š i d a k. Hrvatski narodni preporod—ideje i problemi, str. 144.

⁸⁶ V. .B o g d a n o v. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, str. 97, 101—109, 115—124.

⁸⁷ «Danica», 1847, br. 7, str. 28,

В иллиризме прежде всего принимали участие хорватские помещики. Один из ведущих деятелей национальной борьбы Б. Шулек в 1844 г. прямо указывал, что «иллирийские патриоты — большей частью дворяне»⁸⁸. Многие помещики были активными деятелями национального движения, другие ограничивались сочувствием и его пассивной поддержкой.

Хорватские помещики были массовыми участниками национальных общественно-культурных мероприятий. Они посещали балы, музыкальные вечера, любительские театральные представления, устраивавшиеся с целью утверждения хорватского языка в обществе, пропаганды национальной культуры и распространения патриотических идей. Среди посетителей зрелиц не все были сторонниками движения, но большинство, безусловно, составляли сочувствовавшие ему.

По сообщению «Дапицы», на любительском театральном представлении, которое было дано на национальном языке в Крапине в октябре 1841 г., присутствовало более 500 человек, в том числе почти все «видные загорские господа»⁸⁹. Национальное представление в Крапине в 1843 г. посетило почти все загорское дворянство, а также многие местные и крайнишеские аристократы⁹⁰. Горожане, дворяне и аристократы были представлены на балах, которые были даны на масленицу в 1843 г. Обществом стрелков в Загребе и прошли под знаком идей иллиризма⁹¹.

Дворяне подписывались на национальную газету и журнал, оказывая тем самым материальную поддержку этим изданиям⁹². Виднейший поэт иллиризма Враз отмечал в 1848 г., что «помещики, священники и пародные чиповники» были самой надежной и многочисленной опорой национальной литературы⁹³.

⁸⁸ «Šta nameravaju liri?» U Biogradu, 1844, str. 112. Брошюра была написана Шулеком, но издана анонимно.

⁸⁹ «Danica», 1841, br. 40, str. 162.

⁹⁰ «Danica», 1843, br. 36, str. 144.

⁹¹ «Danica», 1843, br. 9, str. 36.

⁹² J. H o r v a t , J. R a v l i ē. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, str. 27, 484.

⁹³ Цит. по кн.: И. М а м у з и ћ. Станко Враз и списка книжевности. — «Српска Академија Наука, Зборник радова», књ. XVII, Београд, 1952, стр. 294.

Помещики делали пожертвования на основание национальных культурных заведений и обществ: в фонд «Матица Илирска» (фонд для издания и распространения книг на национальном языке), в пользу национального театра и музея⁹⁴.

Показателем активного участия представителей дворянско-помещичьего класса в иллирийском движении является наличие их среди членов различных национальных обществ. Дворянство составляло значительную часть членов Иллирийской читальни в Загребе, возглавляемой графом Я. Драшковичем⁹⁵. Оно играло заметную роль в работе Загребской и других читален⁹⁶. Во главе читальни в Вараждине стоял Метел Ожегович, в Крижевцах — первый вице-жуупан Иван Зидарич. В состав центрального комитета Сельскохозяйственного общества, образованного по инициативе национальных деятелей, в 1847 г. входили: 6 помещиков, 5 духовных лиц, 3 горожанина, 2 представителя интеллигенции и 1 генерал⁹⁷.

Представители дворянско-помещичьих кругов принимали деятельное участие в организации национальных театральных представлений и концертов. Помещик Будимир Праунспергер, большой судья Загребской жупании, был одним из организаторов первой любительской постановки национальной драмы Кукулевича-Сакцинского «Юран и София, или Турки под Сисаком» в 1839 г. в Сисаке. Он активно участвовал и в политической борьбе⁹⁸.

Среди представителей господствующего класса были деятельные поборники национального языка, пытавшиеся с самого начала иллиризма на практике ввести хорватский язык в служебные дела. Помещик М. Вишкович, явившийся судьей Вараждинской жупании, в 30-х годах повседневным употреблением национального языка, в том числе и в служебной практике, пытался расширить сферу его употребления, сделать национальную речь привычной

⁹⁴ «Novine», 27.I 1847, str. 30; 10.II, str. 46; 22.V, str. 161; 28.VII, str. 238.

⁹⁵ «Matica hrvatska. 1842—1962». Zagreb, 1963. Dokumenti, str. 260—263.

⁹⁶ «Danica», 1839, br. 31, str. 123.

⁹⁷ «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848». U Zagrebu.

⁹⁸ «Danica», 1838, br. 14, str. 56; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 120, 121, 397.

в обществе, по возможности заменить им латынь, господствовавшую в официальной жизни⁹⁹.

Дворяне давали балы и обеды с целью распространения национальных идей и демонстрации патриотических чувств, находили проявление своему патриотизму в чествованиях Л. Гая¹⁰⁰ и т. д.

Помещики были той силой, которая в жупанийских скупщинах и на соборе проводила политическую линию иллиризма.

Видная роль дворянства в иллиризме определялась не столько численностью участвовавших в национальных мероприятиях помещиков, сколько их влиянием, опытом общественной деятельности, политическим весом и, наконец, активностью.

В иллирийском движении принимала участие лишь часть дворянства Хорватии и Славонии. Различные группы внутри помещичьего класса занимали разную позицию в национальном вопросе и были неодинаково деятельны. Эти различия были связаны в основном с имущественной состоятельностью и географическим размещением землевладельцев.

Известным показателем национальной активности помещиков по районам может служить позиция жупанийских скупщин. Но следует сразу же оговориться, что иллирийские группировки внутри скупщин составляли не только помещики, но и представители интеллигенции. В Хорватии и Славонии была распространена практика передачи помещиками права голоса на скупщинах поддворянам. Интеллигенция, активно участвовавшая в иллиризме, использовала этот обычай, собирая голоса политически пассивных дворян. Так, на весьма ответственной генеральной скупщине Загребской жупании 25 мая 1845 г. из 300 сторонников Народной партии (так называли себя участники национального движения с 1843 г.) более 200 были представителями интеллигенции¹⁰¹. Но это не может изменить того факта, что иллирийские группировки внутри скупщин в условиях политического господства дворянства отражали настроения именно определенной части помещиков данной жупании.

⁹⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 483, 484.

¹⁰⁰ «Danica», 1840, br. 13, str. 51; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 37, 38, 447.

¹⁰¹ F. Šišić. Hrvatska povijest, d. III. U Zagrebu, 1913, str. 401.

С начала иллирийского движéния его базой была Загребская жупания. Но в 1845 г. численный перевес в жупанийской скупщице оказался за противниками иллиризма, и они захватили управление жупанией в свои руки.

В конце первой половины 40-х годов XIX в. в Вараждинской и Крижевачкой жупаниях скупщины находились под контролем национально настроенных помещиков.

Укрепление позиций сторонников национального движения в Вараждинской жупании было связано в первую очередь с поступательным развитием национальной борьбы. Но этому благоприятствовал также тот факт, что в 1845 г. с поста администратора (исполняющего обязанности великого жупана) был смещен граф Иван Непомук Эрдеди, один из самых ярых противников иллиризма, а на его место был назначен Мирко Лентулай, сочувствовавший национальному движению¹⁰².

В 40-х годах у руководства Вараждинской и Крижевачкой жупаний стояли национально настроенные помещики. В Вараждинской жупании сочувственно относился к национальной борьбе Мирослав Швагель¹⁰³, первый вице-жупан до 1846 г., и Александар Шимунич¹⁰⁴, сменивший его на этом посту. Они фактически возглавляли жупанийское управление. Национальные идеи поддерживали большие судьи Иван Чегел, Тома Писачич Хижановечкий¹⁰⁵. В 1845 г. большим судьей был избран Кукулевич-Сакцинский¹⁰⁶, являвшийся самой деятельной фигурой в иллирийском движении в этот период. Это избрание отражало усиление позиций сторонников национальной борьбы в Вараждинской жупании. Активным сторонником Народной партии являлся Петар Хорват, в 1845 г. посланник Вараждинской жупании в саборе¹⁰⁷.

¹⁰² F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 387.

¹⁰³ «Novine», 21.X 1846, str. 352.

¹⁰⁴ Там же; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 452; F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 457.

¹⁰⁵ «Novine», 11.XI 1846, str. 378; «Građa...» knj. 2. U Zagrebu, 1899, str. 218; J. Ravlić. Ilirska čitaonica u Zagrebu. — HZ, 1963, str. 199.

¹⁰⁶ T. Smičiklas. Život i djela Ivana Kukuljevića Saksinskoga. — Rad, knj. CX. U Zagrebu, 1892, str. 139.

¹⁰⁷ «Građa...», knj. 2, str. 223; F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 451 i sl., 457, 459,

В Крижевачкой жупании иллиризму сочувствовал первый вице-жупан Иван Зидарич¹⁰⁸. На жупанийской службе состояли здесь Людевит Вукотинович — один из руководящих деятелей движения, Антун Немчич-Гостовинский, Франко Жигрович, деятельные участники национальной борьбы¹⁰⁹, и др.

С конца первой половины 40-х годов XIX в. решения скupшин Вараждинской и Крижевачкой жупаний, заключавшие в себе противодействие мадьяризации, направленные на обеспечение автономии Хорватии и Славонии и улучшение условий их национального развития, целиком отвечали политической линии иллиризма¹¹⁰.

Иная картина наблюдалась в Славонии. Дворянство здесь не проявляло национальной активности. В Пожегской жупании в 40-х годах основная часть дворянства выступала против мадьяризации и усиления венгерских позиций вообще¹¹¹. Однако большинство дворян здесь не обнаруживало понимания национальной проблемы. В Вировитицкой жупании дворянство также не выражало национального сознания¹¹². В Сремской жупании, где дворянство было крупным и в основном венгерского и немецкого происхождения, давали себя знать мадьяронские настроения. Редакция газеты «Новиш» в 1846 г. писала: «... Срем не только не был до сих пор иллирийским, но был в действительности антииллирийским, как это, между прочим, подтверждает переписка этой жупании на венгерском языке, продолжающаяся и попыте»¹¹³.

В иллиризме приняли участие в основном помещики Хорватии. Среди дворян Славонии национальные идеи практически успеха не имели. Как было отмечено выше,

¹⁰⁸ «Danica», 1840, br. 13, str. 51; F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 457.

¹⁰⁹ «Znameniti i zasluzni Hrvati». Zagreb, 1925, str. 198, 285, 297; V. Dukat. O životu i književnom radu Antuna Nemčića.— В кн.: А. Немчић-Гостовински. Putosvitnice, knj. I. Zagreb, 1942, str. 10, 14.

¹¹⁰ «Branislav», 1844, str. 38—40; «Novine», 9, 12.VII 1845, str. 224, 228, 229; 6, 13.X 1847; str. 317, 325; 16.X, str. 330, 331; «29. Srpanj 1845». Vojni Sisak, 1870, str. 30, 31, 35, 39.

¹¹¹ «Novine», 11.XI 1846, str. 376; 15.V 1847, str. 155; 6.X, str. 318—319.

¹¹² «Novine», 24.IV 1847, str. 130; 11.VII 1846, str. 233; 20.X 1847, str. 338.

¹¹³ «Novine», 31.X 1846, str. 366; см. также «Branislav», 1844, str. 3, 4, 33.

Хорватия была областью преимущественно мелкого и среднего, Славония — крупного дворянства. Приведенные выше материалы касаются участия в иллиризме в основном небогатых помещиков. Из пеображеной дворянской среды вышли два ведущих деятеля национального движения — Иван Кукулевич-Сакцинский¹¹⁴ и Людевит Вукотинович¹¹⁵. Активную роль в иллиризме играли мелкие, экономически необеспеченные дворяне М. Богоевич и А. Немчич-Гостовицкий. Следовательно, национальная борьба захватила главным образом низшие слои помещичьего класса.

Исходные мотивы участия в иллиризме и социально-политическая позиция в нем разных групп дворянства были неодинаковы.

Переход от феодального строя к капиталистическому, затруднившийся в Хорватии и Славонии зависимым положением этих земель, был особенно тяжелым для мелких и средних слоев внутри господствующего класса. Неудивительно поэтому, что некоторая часть средних и мелких помещиков, лишенных возможности хозяйственного маневрирования, задыхавшихся от долгов и баснословных ростовщических процентов, неуклонно катившихся к полному разорению и потому охваченных глубоким недовольством и страхом за свое будущее, оказалась заинтересованной в облегчении и улучшении условий своей хозяйственной деятельности и обеспечении широких возможностей накопления капитала в Хорватии и Славонии, одним словом, в ослаблении препятствий, которые задерживали и сковывали капиталистическое развитие.

Под воздействием экономических трудностей и, главное, нараставшего крестьянского движения во всей

¹¹⁴ И. Кукулевич-Сакцинский родился в 1816 г. в Вараждине в дворянской семье. Среднее образование он получил в Хорватии. Закончив кадетскую школу, Кукулевич-Сакцинский до 1842 г. служил в армии, затем вышел в отставку и вернулся в Хорватию. Кукулевич-Сакцинский поддерживал и пропагандировал иллирийские идеи почти сначала движения (Т. Smičić klas. Život i djela Ivana Kukuljevića Sackinskoga, str. 111 i sl.).

¹¹⁵ Людевит Вукотинович родился в 1813 г. в Загребе. Учился в Загребе и Пожуне. С 1836 г. находился на жупанийской службе, с 1840 — большой судья (П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 348; О. Sojat. Ljudevit Vukotinović i četrtdesetosma. — HZ, 1956, str. 31).

Австрийской империи, в обстановке, когда хозяйственное положение средне- и мелкопоместных дворян было особенно неустойчивым и возможность освобождения крестьянства помимо и даже вопреки их интересам становилась все более и более реальной в связи с усилением крестьянской борьбы и ростом антикрепостнических настроений в кругах венгерской общественности, среди части мелких и средних дворян раньше всего сложилось сознание неотвратимости либеральных реформ, появились соображения путем обязательного выкупа крестьян не только предотвратить революцию в деревне, но и разрешить частично проблему капитала.

Неблагоприятно для хорватского дворянства, особенно среднего и мелкого, складывалась и политическая обстановка. Националистические действия венгерской оппозиции заключали для хорватского дворянства, в первую очередь небогатого, угрозу отстранения от политической деятельности, потери служб. Б. Шулек в 1844 г. отметил, что в случае введения в Хорватии и Славонии в качестве официального венгерского языка, которого в этот период никто здесь не знал, хорваты потеряют свои служебные места¹¹⁶. Служба же была важным, а случалось, и решающим источником помещичьих доходов.

В силу ограниченных возможностей Хорватии и Славонии и зависимого их положения спрос на должности рос здесь значительно быстрее их предложения. Граф А. Оршич в своих воспоминаниях весьма образно характеризовал обстановку, сложившуюся в начале века. «Число адвокатов так велико, — писал он, — что скоро превысит число процессов»¹¹⁷. Получение места было связано с большими трудностями. Когда И. Кукулевич-Сакцинский, намереваясь покинуть армию, в 1841 г. попросил отца, человека весьма известного в дворянских кругах и имевшего солидные связи, найти ему какое-нибудь пусть незначительное место, то получил ответ: «Все переполнено»¹¹⁸.

В такой обстановке, с постепенным разорением мелкого дворянства и возраставшим значением службы среди

¹¹⁶ «Šta namjeravaju liri?», str. 81, 82.

¹¹⁷ Цит. по кн.: J. H o g v a t. Kultura Hrvata kroz 1000 godina. Zagreb, 1939, str. 410—411.

¹¹⁸ T. S m i ě k l a s. Zivot i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga, str. 125, 126.

источников его доходов, бедные дворяне оказались особенно заинтересованными не только в сохранении за собой старых служебных мест, но и в расширении сферы доступных им и их сыновьям должностей в гражданской администрации, армии и хозяйстве и, следовательно, в ослаблении политico-административной зависимости Хорватии и Славонии и обеспечении их всестороннего развития.

Наконец, рост и укрепление буржуазии, интересы национальной борьбы вынудили в конечном итоге некоторых небогатых дворян понять необходимость преобразований и в политическом устройстве Хорватии и Славонии.

Нарастание хозяйственных трудностей и политического давления, особенно со второй четверти XIX в., углубило недовольство части средних и мелких хорватских дворян политической и экономической обстановкой и подтолкнуло их к решительным действиям. Все это происходило в условиях роста капиталистических отношений и укрепления хорватской буржуазной нации, в условиях, когда национальная буржуазия была слабой и неразвитой, когда мелкое дворянство само испытывало пагубные последствия недостаточности и замедленности развития капитализма в Хорватии и Славонии. Поэтому выступление этой части хорватских средних и мелких помещиков, хотя и не сразу и с колебаниями, объективно, а частично и субъективно переросло под воздействием самих экономических и политических обстоятельств в движение, направленное на улучшение условий буржуазного и национального развития хорватских областей вообще.

Кризис феодального строя и развитие капитализма вызвали существенные изменения в устремлениях части средних и мелких помещиков. Однако это была довольно узкая, хотя и постепенно расширявшаяся, группа внутри небогатого дворянства. Большая часть экономически слабых помещиков, несмотря на трудности, стояла на позициях защиты и сохранения в неприкосновенности феодальных порядков в экономике и политике, т. е. социально-экономических и политических дворянских прав и привилегий.

Именно с этих позиций в предшествовавшие времена, особенно во второй половине XVIII в., хорватское дворянство во главе с аристократией боролось против цент-

ралитаторской и абсолютской политики Габсбургов. Те же стремления руководили им, когда оно с конца XVIII в. стало оказывать сопротивление мадьяритаторским действиям венгерского господствующего класса, своего бывшего союзника по антиавстрийской борьбе. В замене венгерским языком латинского, чего требовали венгерские помещики, хорватское дворянство увидео угрозу не только своему политическому господству, но и экономическим позициям, поскольку все законодательные акты, фиксирующие их права на землю и кметов, были составлены на латыни. В 1807 г. асессор Петрович писал епископу Врховацу из Пожуна, что если будет введен венгерский язык, «тогда прощай Вербёди¹¹⁹ и с ним государственные права»¹²⁰. Когда же на Пожунском сейме 1832—1836 гг. венгерское либеральное дворянство поставило вопрос о пересмотре урбара, это и вовсе оттолкнуло консервативное большинство небогатых хорватских помещиков от Венгрии.

Борьба, которую хорватские помещики вели в указанные времена спачала против Габсбургов, а затем против венгерского дворянства, посила феодальный характер. Требование восстановления Триединого королевства, опиравшееся на историческое государственное право, было продиктовано стремлением к воскрешению стариных вольностей дворянских. А выступление против немецкого и венгерского языков имело целью отстоять позиции латыни в хорватских землях.

К иллирийскому движению консервативное хорватское дворянство примкнуло далеко не все и не сразу. Но уже позиция хорватского сaborа 1836 г., поддержавшего инициативу Гая о создании в Загребе общества развития национального языка и литературы, была свидетельством начавшегося усвоения дворянским сабором национальных идей. Однако с самого начала консервативное дворянство воспринимало их лишь в такой мере, в какой это допускали интересы привилегированного сословия, и связывало борьбу за национальный язык с укреплением своего политического и социального господства перед ли-

¹¹⁹ Вербёди — венгерский юрист, составивший в XVI в. на латинском языке свод законов, представлявший юридическое оформление прав феодального класса.

¹²⁰ Цит. по кн.: Ђ. Ћурчин. Hrvatski prerogod, I, str. 06.

цом мадьяризации и венгерского либерализма. Консервативное дворянство, педовольное существовавшей экономической и политической обстановкой, стремившееся любыми способами сохранить феодальные порядки и свою власть в Хорватии и Славонии, согласилось с некоторыми национальными лозунгами, потому что этого требовала сама жизнь с ее успехами капитализма и подъемом буржуазии. В новых общественно-политических условиях оно было вынуждено защищать свои интересы, идеологически и тактически приспосабливаясь к требованиям времени, выступать с обновленным идеальным оружием и в новом облачении.

Отдельные сторонники иллиризма были среди крупных помещиков и титулованной аристократии. Граф Я. Драшкович являлся виднейшей фигурой иллиризма¹²¹. Активное участие в движении принимал граф Йоро Оршич, происходивший из старинного хорватского рода. Он числился среди самых богатых землевладельцев Хорватии¹²². Ф. В. Чижов отмечал в дневнике, что Оршич «сильно стоит за настоящую иллирийскую партию»¹²³.

Близко к руководству движением стоял граф Альберт Нугент, сын австрийского генерала, верховного военного командующего в Хорватии. А. Нугент сотрудничал в «Данице», активно участвовал в политической борьбе¹²⁴. Проявляли национальную активность Метел Ожегович и Герман Бужан, неоднократные делегаты Пожунского сейма, занимавшие в 40-х годах высокие государственные должности¹²⁵. В дружбе с загребскими писателями

¹²¹ Генерал Нейштедтер писал в своих мемуарах: «Старый граф Янко Драшкович всегда считался главой иллирийской партии, что придавало ей определенный блеск, и Гай поддерживал его в этой роли, потому что это было в интересах Гая и в интересах его партии». Цит. по книге Т. Smičikla, F. Marković. Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. У Zagrebu, 1892, str. 89.

¹²² И. Ткалац. Успомене из юности у Хрватској. Београд, 1925, стр. 188.

¹²³ «Славянский архив», 1958, стр. 152.

¹²⁴ J. Ravlić. «Tajno društvo za osnivanje slavenskog carstva» u puku «Karl Ferdinand», br. 51 u Veneciji god. 1844. — «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. III. Zagreb, 1957, str. 136—138; J. Sidak. J. Ravlić. «Tajno društvo...» (HZ, 1960, str. 240); «29. Srpanj 1845», str. 11.

¹²⁵ «Danica», 1838, br. 21, str. 81; V. Deželić. Pisma..., str. 150; «29. Srpanj, 1845», str. 37, 46.

был молодой граф Дж. Эрдеди¹²⁶. Сочувствовал национальному движению Никола Зденчай — вице-жупан Крикенвацкой жупании, а в 1838—1844 гг. великий жупан Загребской жупании. Он являлся одним из основателей Сельскохозяйственного общества. Главным образом его тактике сторонники иллирийского движения были обязаны своей победой над мадьяронами во время выборов служащих Загребской жупании в 1842 г.¹²⁷

Временами оказывали содействие национальному движению барон Л. Бедекович, граф Ж. Войкффи, граф С. Кеглевич¹²⁸.

О поддержке отдельными аристократами и высокими должностными лицами иллирийского движения свидетельствует их участие в работе читален в Загребе и Вараждине¹²⁹.

Но в целом в иллирийском движении приняли участие не многие аристократы. В своей подавляющей части крупные помещики и знать выступили ярыми противниками иллиризма, составив антинациональную мадьярскую группировку¹³⁰.

Включение отдельных представителей хорватской аристократии в крупных дворян в иллирийское движение объяснялось различными мотивами. Некоторые аристократы и видные помещики под влиянием экономических и политических трудностей склонялись к смягчению пазревших противоречий. Другие, державшиеся более пассивно, поддержали иллиризм, принимая лишь его антимадьяризаторскую сторону. Показательно в этом плане замечание И. Ткалаца в его воспоминаниях о том, что старик Никола Зденчай хотя и примкнул к иллирийскому лагерю, однако «смеялся над добронамеренной, но туманной политикой „иллиров“»¹³¹.

¹²⁶ «29. Srpanj 1845», str. 23; T. Smičiklas, F. Marković. Matica..., str. 116.

¹²⁷ «Dela Stanka Vraza», d. V. Zagreb, 1877, str. 179—180; «29. Srpanj 1846», str. 19; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 504.

¹²⁸ V. Deželić. Pisma..., str. 75, 153, 154; «Grada...», knj. 2, str. 223; F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 420, 457.

¹²⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 280; «Matica hrvatska. 1842—1962», str. 260—263.

¹³⁰ Подробнее об этом см. ниже.

¹³¹ И. Ткалац. Успомене..., Београд, 1925, стр. 196.

Большим влиянием в политической жизни Хорватии и Славонии пользовался барон Ф. Кульмер, близко стоявший ко двору, с 1845 г. великий жупан Сремской жупании. Кульмер в 40-х годах был противником мадьяронов и оказывал время от времени поддержку национальному движению. С его мнением считался Драшкович¹³². Позиция Кульмера была связана с позицией венгерских консерваторов. Он видел в иллиризме средство для ослабления венгерского либерального движения, представлявшегося ему серьезной опасностью для существующего общественно-политического порядка в целом, и поддерживал иллиризм в такой мере и постолько, поскольку этого требовали и допускали интересы *status quo*. Кульмер свою склонность к иллиризму сочетал с глубокой преданностью двору.

Крупную роль в общественно-политическом и культурном движении играла интеллигенция: журналисты, писатели, адвокаты, врачи, аптекари, преподаватели, дворянские домашние учителя, служащие помещичьих имений, низшие жуданийские и городские служащие, лица, работавшие в конторах адвокатов, и т. д. Хорватская интеллигенция не была многочисленной. Но большая часть ее проживала в городах, и это увеличивало ее общественный вес.

Среди инициаторов, вдохновителей и активнейших деятелей иллирийского движения большую часть составляли представители интеллигенции. К их числу в первую очередь относились Людовит Гай, издатель национальной политической газеты и журнала, Драгутин Раковац, выходец из семьи управляющего епископским имением, мелкий чиновник, журналист, секретарь Сельскохозяйственного общества¹³³, грек Димитрие Деметер, вышедший из влиятельной и богатой торговой семьи, врач по образованию¹³⁴, Векослав Бабукич, выходец из горожан, с 1838 г.

¹³² «Građa...», knj. 1. U Zagrebu, 1897, str. 255.

¹³³ Д. Раковац родился в 1813 г. в Бишкуповце у Вараждина. Учился в гимназии в Загребе и Вараждине. Философские и юридические науки изучал в Загребской академии, по окончании которой некоторое время служил в конторах адвокатов. Раковац имел звание адвоката, но юридической практикой не занимался (Iv. Filipović. Dragutin Rakovac. U Zagrebu, 1867).

¹³⁴ Д. Деметер родился в 1811 г. в Загребе. Гимназию окончил в Загребе. Учился в университетах в Граце, Вене, Падуе.

секретарь, а затем и казначай Загребской читальни¹³⁵, братья Мажуранич, происходившие из зажиточной крестьянской среды, Антуи — преподаватель и Иван — адвокат, затем городской служащий¹³⁶. Л. Гай, Д. Раковац, В. Бабукич и А. Мажуранич составляли тесный кружок в начальный период движения¹³⁷. Они были его руководящим ядром.

Интеллигенция являлась одной из движущих сил иллиризма. Деятели умственного труда поддерживали национальные периодические издания и на местах проводили подписку на них¹³⁸. Представители интеллигенции составляли значительную часть членов Загребской читальни¹³⁹. На очередном собрании ее членов в 1841 г. адвокат Йосип Микулич был избран одним из ревизоров касс театрального общества и читальни, а загребский горожанин аптекарь Юрай Аугустин — кассиром театральных взносов¹⁴⁰. Представители интеллигенции входили в состав общества Народного дома. Адвокаты Янко Бриглевич и Петар Очич вошли в комитет по обследованию его кассы¹⁴¹.

В 1836 г. получил степень доктора медицины (П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 340—341).

¹³⁵ В. Бабукич родился в 1812 г. в Пожеге. Гимназический курс прошел в Пожеге и Печухе. Высшее образование получил в Сегедине и в Загребской академии. В 1836 г. получил адвокатский диплом, но юридической практикой не занимался. До 1838 г. был мелким служащим, работал в конторах адвокатов, преподавал (T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 245, i sl.).

¹³⁶ А. Мажуранич родился в 1805 г. в местечке Нови Винодолски, в Приморье. Он окончил Загребскую академию. В 1834 г. получил диплом адвоката, но юридической практикой не занимался. До 1848 г. работал в загребской гимназии (T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 289—299). И. Мажуранич родился в 1814 г. Учился в Риеке, Сомбатхеле (Венгрия) и Загребе. Сотрудничал в «Данице» с начала ее выхода. В 1837—1840 гг. работал в адвокатской конторе, в загребской гимназии. Получив в 1840 г. звание адвоката, И. Мажуранич стал адвокатом в Карловаце. С 1841 по 1849 г. служил попечителем сирот при городском управлении (М. Живанчевич. Иван Мажуранич. Нови Сад, 1964, стр. 15, 18, 25, 28, 30, 35, 38, 44).

¹³⁷ T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 246.

¹³⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 148, 149, 287, 308, 309, 507.

¹³⁹ «Matica hrvatska. 1842—1962», str. 260—263.

¹⁴⁰ «Danica», 1841, br. 26, str. 106.

¹⁴¹ «Novine», 26.VIII 1846, str. 286.

Интеллигенция активно участвовала в любительских театральных представлениях на национальном языке¹⁴².

Учителя были деятельными борцами за введение нового правописания и национального языка в учебные заведения¹⁴³.

Много адвокатов, профессоров, учителей и других деятелей умственного труда было среди лиц, припесших добровольные пожертвования для организации национального музея¹⁴⁴.

Представители интеллигенции собирали народные песни, рассказы, в письмах к Гаю ободряли его и поддерживали его национальную деятельность и т. д.¹⁴⁵

Наконец, интеллигенция проявляла большую активность в политической борьбе. Выше уже говорилось, что она принимала деятельное участие в работе жупанийских скупщин, усиливая таким образом в них иллирийские группировки. Представители патриотически настроенной интеллигенции были среди жертв кровавой стычки мадьяронов и сторонников национального движения в 1843 г. и расстрела последних войсками в 1845 г.¹⁴⁶ Интеллигенция и в иных формах выражала свою поддержку национальной борьбе¹⁴⁷.

Это была буржуазная по своему положению интеллигенция, происхождением связанная с буржуазными, мелкобуржуазными и дворянскими кругами.

Переход от феодализма к капитализму сопровождался оформлением интеллигенции в массовую общественную прослойку, складывавшуюся за счет выходцев из разных социальных групп. Это обстоятельство, а также сам характер переходной эпохи, которая знаменовалась подъемом хозяйства, складыванием буржуазной идеологии, оформлением национального литературного языка, оживлением на этой основе литературы и искусства, развитием просвещения и науки, способствовали повышению роли интеллигенции в общественной жизни. Силой общественного развития интеллигенции, которая являлась продук-

¹⁴² «Danica», 1841, br. 19, str. 74; br. 27, str. 110; 1846, br. 17, str. 68.

¹⁴³ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 287, 308.

¹⁴⁴ «Noyine», 15.V 1847, str. 154; 19.V, str. 158; 26.V, str. 166; 29.V, str. 170.

¹⁴⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 326, 433—435.

¹⁴⁶ «29. Srpanj 1845», str. 18, 25.

¹⁴⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 507.

том капитализма и занимала буржуазное положение, в условиях переходного периода предопределялась роль глашатаев нового мировоззрения и культуры, носителей буржуазной идеологии.

С укреплением общественных позиций у интеллигенции сложились и свои специфические, свойственные ей как общественной прослойке интересы, определявшиеся в конечном итоге ее общей социальной-политической ориентацией. Хорватская интеллигенция повседневно в своей деятельности сталкивалась с многочисленными ограничениями, порожденными феодализмом и национальной зависимостью Хорватии и Славонии. Естественно, что с повышением роли в общественной жизни у нее появилось стремление к улучшению условий и расширению сферы своей деятельности. Необходимыми предпосылками этого были ослабление преград, которые мешали подъему экономики, установление политических свобод и хорватской национальной самостоятельности, одним словом, обеспечение в Хорватии и Славонии благоприятных условий для развития буржуазного общества.

Недовольство хорватской интеллигенции существующими отношениями усугублялось насильственной мадьяризацией. Введение в Хорватии и Славонии в качестве официального венгерского языка означало бы для местной интеллигентии ослабление ее общественных позиций, отстранение от служб и лишение материальных средств к существованию.

Хорватская интеллигенция в первую очередь ощущала влияние поднимавшегося национального движения в других славянских землях внутри и за пределами Австро-Венгерской империи. Многие представители местной интеллигенции, в том числе Гай, Деметер, Бабукич, И. Мажуранич и другие, учились в Австро-Венгрии или Венгрии, где уровень преподавания был выше и возможности специализации шире, нежели в Загребской академии. Здесь хорватская молодежь вращалась в кругу славянского студенчества, охваченного национальными идеями и чувством славянской солидарности, и непосредственно наблюдала подъем национальной борьбы в империи. Это содействовало расширение кругозора и развитию национального самосознания у учащихся хорватов. Наконец, хорватская интеллигенция благодаря постоянному общению с литературой оказалась в гуще национальных про-

блем. Все сказанное в немалой степени определило активную роль деятелей умственного труда в национально-освободительной борьбе.

Отмечая большую роль интеллигенции в иллиризме, необходимо подчеркнуть, что она не была и не могла быть самостоятельной политической силой. Являясь неоднородной по своему социальному составу общественной прослойкой, она в разных своих частях выражала устремления различных социальных групп и слоев. Вышедшая из дворянства и состоятельной буржуазии часть интеллигенции, по условиям своей жизни близкая к ним и тесно связанная с ними в своей деятельности, отражала экономические и политические тенденции либеральных помещиков и буржуазной верхушки. Разочарование крыло интеллигенции, жившее в условиях, близких к тем, в которых находилась мелкая буржуазия, не могло не сочувствовать широким слоям населения и не стремиться к выражению их интересов.

В торгово-промышленной среде не было единства в отношении общественно-национальных проблем. Часть ее поддержала иллирийское движение. Его участниками были крупнейшие хорватские купцы и предприниматели братья Никола¹⁴⁸ и Амбroz Враничани. Последний являлся одним из ведущих национальных деятелей в Карловаче.

Активным деятелем иллиризма был торговец Франко Ловрич. Сотрудник национальных периодических изданий, активный член Сельскохозяйственного общества Ловрич возглавлял национальную борьбу в Сисаке¹⁴⁹. Он был одним из организаторов первой постановки в 1839 г. в Сисаке национальной драмы «Юрап и София, или Турки под Сисаком» Кукулевича-Сакцинского.

Действительно поддерживал национальное движение сисакский же торговец Михайло Чапч. Он частично финансировал агитационную кампанию, проводившуюся сторонниками иллиризма накануне выборов жупанийских служащих, и сам в 1845 г. непосредственно участвовал в ней. Чапч был членом пароходного общества «Слога»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 488.

¹⁴⁹ Там же, стр. 293—295.

¹⁵⁰ Там же, стр. 119—121.

Активно участвовал в национальном движении крупный загребский торговец Анастасие Попович. В 1841 г. он был избран на собрании членов Загребской читальни паряду с адвокатом И. Микуличем ревизором касс театрального общества и читальни¹⁵¹. В 1847 г. он входил в состав центрального комитета Сельскохозяйственного общества¹⁵². Поддерживал иллиризм один из самых солидных загребских торговцев Йован Маллин. Он и торговец Аптуп Носсан входили в упомянутый выше комитет по обследованию кассы Народного дома¹⁵³. И. Маллин был также членом центрального комитета Сельскохозяйственного общества¹⁵⁴. Он и в других формах оказывал помощь национальной борьбе¹⁵⁵.

Много торговцев было среди членов Иллирийской читальни в Загребе¹⁵⁶. Особенно активную роль торговцы играли в Карловацкой читальне¹⁵⁷. Лица, занимавшие высшие посты в городском управлении, числились среди членов читальни в Вараждине¹⁵⁸.

Многие торговцы участвовали в Сельскохозяйственном обществе¹⁵⁹, содействовали добровольными пожертвованиями организаций национального музея¹⁶⁰. Торговцы и горожане вообще участвовали в любительских театральных представлениях на национальном языке¹⁶¹. Торговцы-сербы Коаковичи из Карловаца, жертвуя 10 форинтов «Матице Иллирской», в письме к Гаю от 1846 г. обещали ему постоянно защищать и поддерживать «нашу славную народность хорватскую»¹⁶².

Особенно активно поддерживали национальные мероприятия торговцы Сисака и Карловаца. Это были важнейшие торговые центры Хорватии. Здесь сосредоточи-

¹⁵¹ «Danica», 1841, br. 26, str. 106.

¹⁵² «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848». U Zagrebu.

¹⁵³ «Novine», 26.VIII 1847, str. 286.

¹⁵⁴ «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848».

¹⁵⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 486, 487.

¹⁵⁶ «Matica hrvatska. 1842—1962», str. 260—263.

¹⁵⁷ «Novine», 18.I 1843, str. 20; 15.I 1845, str. 17; 14.VIII 1847, str. 257.

¹⁵⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 280.

¹⁵⁹ «List mesečni horvatsko-slavonskoga Cospodarskoga Družtva», 1842, br. 12, str. 1—14.

¹⁶⁰ «Novine», 1847, 10.II, str. 46; 26.V, str. 166.

¹⁶¹ «Danica», 1841, br. 27, str. 110; «Novine», 12.V 1847, str. 150.

¹⁶² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 258,

вались наиболее значительные в Хорватии национальные торговцы.

В 1839 г. в Сисаке все расходы, связанные с любительской постановкой хорватской драмы «Юран и София», покрыли торговцы¹⁶³. В Загребе, Карловаце и Сисаке в 1840 г. театральная труппа, приглашенная из Нови Сада, давала представления на национальном языке. Все делалось за счет добровольных пожертвований. Как отмечала «Даница», в Сисаке в этом деле особенно выделялись торговцы¹⁶⁴.

В 1840 г. торговая гремия (цех) Карловаца постановила свои дела вести на «иллирийском» языке¹⁶⁵. В 1846 г. городская скопщина Карловаца в связи с выборами представителей на юбилей палатина вынесла решение, направленное на защиту автономии Триединого королевства¹⁶⁶. Когда в 1847 г. хорватский сабор принял решение о введении хорватского языка в качестве официального в Хорватии и Славонии, обусловив реализацию этого акта предварительным одобрением императора, город Карловац выступил за немедленное введение хорватского языка в жизнь¹⁶⁷. Русский общественный деятель Ф. В. Чижов писал в 1845 г. о карловацком обществе: «Здесь все в сильном брожении, разумеется словесном, но словесном потому, что здесь все держатся народной партии»¹⁶⁸.

Были проявления сочувствия и содействия иллирийскому движению в торгово-промышленной среде других городов. Национальный патриотизм окрасил торжества, которые проводились в 1842 г. в Загребе, где власти благосклонно относились к иллиризму, в связи с 600-летней годовщиной со дня провозглашения Загреба свободным королевским городом¹⁶⁹. Прямой поддержкой национальной борьбе прозвучал 30 июля 1845 г. протест загребских горожан в связи с вооруженной расправой, учиненной правительственными войсками над сторонниками национального движения¹⁷⁰.

¹⁶³ «Danica», 1839, br. 41, str. 162.

¹⁶⁴ «Danica», 1840, br. 44, str. 174.

¹⁶⁵ «Novine», 12.XII 1840, str. 393.

¹⁶⁶ «Novine», 17.X 1846, str. 347, 348.

¹⁶⁷ «Novine», 22.XII 1847, str. 415.

¹⁶⁸ «Славянский архив», 1958, стр. 141.

¹⁶⁹ «Danica», 1842, br. 38, str. 151, 152; br. 39, str. 153—155.

¹⁷⁰ «29. Srpanj 1845», str. 26; F. S i s i c. Hrvatska povijest, str. 421—423.

В 1846 г. в Вараждине городская скупщина постановила на своем первом заседании после ее избрания пользоваться в своих делах лишь хорватским языком и на нем вести делопроизводство¹⁷¹.

В 1847 г. города Загреб, Карловац, Крижевцы дали своим делегатам на сabor инструкции, проникнутые национальными интересами¹⁷².

Решения городских органов, направленные на защиту хорватской нации, отражали позицию и настроения целых групп внутри буржуазного класса, в основном зажиточных.

В иллиризме приняла участие часть торговцев и предпринимателей. В основном по своей национальной принадлежности это были хорваты и сербы, по степени имущественной состоятельности — представители зажиточных кругов. Включение состоятельной хорвато-сербской буржуазии в национальную борьбу произошло не сразу, заметным ее участие стало на рубеже 30—40-х годов и особенно в 40-х годах XIX в. Наиболее высокую национальную активность проявляла зажиточная буржуазия Хорватии, главным образом ее южных городов, где экономические позиции национальных торговцев и предпринимателей были самыми сильными.

Зажиточная национальная буржуазия в Хорватии и Славонии, малочисленная, экономически незрелая, могла получить общественный вес и реально отстаивать свои интересы лишь в союзе с частью господствующего класса и пуждалась в поддержке с этой стороны. Такой союз был возможным и облегчался благодаря тому обстоятельству, что, несмотря на существенные различия в положении, городская национальная верхушка в силу особенностей своего социально-экономического развития имела интересы, весьма близкие к устремлениям либерального дворянства.

Эти социальные группы сближала прежде всего заинтересованность в том, чтобы облегчить и ускорить накопление капитала, устраниТЬ все препятствия на рынке, поставить государственные материальные средства на службу своим интересам, т. е. обеспечить благоприятные условия для буржуазного развития.

¹⁷¹ «Novine», 2.XII 1846, str. 402.

¹⁷² «Novine», 16.X 1847, str. 329, 330, 331; 23.X str. 341.

Враждебные широким слоям народа, они в одинаковой мере стремились разрешить назревшие вопросы общественного развития помимо масс, путем соглашения с правящими кругами.

Близкой была их позиция по ряду других вопросов, в том числе по вопросу о рынке. Названные социальные группы объединяла большая заинтересованность в австрийском рынке, нежели в венгерском. Главным в данном случае было то, что и для втянутых в товарооборот помещиков, и для зажиточной буржуазии, занятой в основном торговлей или переработкой сельскохозяйственного сырья, вопрос о рынке сводился к сбыту продовольствия, полуфабрикатов и сырья. Австрийский рынок более соответствовал профилю хорватской торговли, нежели венгерский. Он был способен придать хорватскую сельскохозяйственную продукцию и предоставить необходимые промышленные товары, в то время как Венгрия сама испытывала затруднения со сбытом своего продовольствия и сырья и нуждалась в изделиях обрабатывающей промышленности. При этом через Австрию и Триест в значительной мере осуществлялся хорватский вывоз за границу и импорт иностранных товаров¹⁷³. Даже Риека в первой половине XIX в. была преимущественно собирательной гаванью для триестского порта, который являлся важным международным рынком, где встречались купцы со всего света¹⁷⁴. Поэтому и хорватские помещики, и зажиточная буржуазия в своем большинстве предпочитали австрийский рынок венгерскому и стремились к обеспечению наиболее благоприятных для себя условий его полного и широкого использования. Им в одинаковой мере не импонировало стремление венгерской оппозиции к отделению от австрийского рынка и установлению защитной таможенной системы на границах венгерского с включением в него и славянских провинций. В 1847 г. город Карловац в инструкции своим делегатам на сabor высказался за упразднение таможенной границы между Венгрией и Австрией, Хорватией и Далматией¹⁷⁵, т. е. за ликвидацию неблагоприятной для хорватской торговли таможенной границы между австрийскими наследствен-

¹⁷³ R. Bićanić. Doba..., str. 351, 352.

¹⁷⁴ R. Bićanić. Doba..., str. 351.

¹⁷⁵ «Novine», 23.X 1847, str. 341.

ными землями и хорватскими областями. Конечно, все это не исключало других тенденций по вопросу о рынке в хорватской буржуазной среде, но главным, определяющим было указанное направление.

Объединяла средних помещиков и состоятельный национальную буржуазию также опасность, которую таила в себе националистическая политика венгерского дворянства как для их экономических, так и политических позиций. Буржуазия понимала, что реализация программы венгерских помещиков отнюдь не расширит, но еще более сузит ее права. И только свободное национальное развитие Хорватии и Славонии будет способствовать ее экономическому и политическому росту.

Все это создавало предпосылки для буржуазно-помещичьего сотрудничества на поприще общественно-национальной борьбы. Хотя зажиточная национальная буржуазия приняла участие в иллирийском движении, она не играла в нем самостоятельной роли. До 1848 г. она не выдвинула из своих рядов влиятельных политических деятелей, в лучшем случае это были лидеры местного значения. И инициатива в борьбе была не в ее руках. Буржуазия выступала под национальным знаменем либерального дворянства и призывала его руководство.

Большая часть торгово-промышленного населения в Хорватии и Славонии по разным причинам осталась в стороне от национальной борьбы. Даже в 1847 г. национальная газета вынуждена была писать: «Мы не можем похвастаться, чтобы наши горожане, вообще говоря, были самыми большими друзьями народности, покровителями просвещения, опорой родины...»¹⁷⁶

Особенно холодное отношение к иллиризму наблюдалось в Осиеке¹⁷⁷. В корреспонденции, помещенной в газете Гая в 1846 г., отмечалось, что осиечане безразлично относились к национальному языку, что вообще ни одно культурно-просветительное учреждение или общество не смогло продержаться здесь длительное время. В плачевном состоянии находилась в Осиеке иллирийская читальня. «Патриоты» в городе были малочисленны, они не проявляли активности и не имели опоры в обществе¹⁷⁸.

¹⁷⁶ «Novine», 12.V 1847, str. 149.

¹⁷⁷ См. письмо М. Георгиевича Гаю из Осиека от 13.IX 1839 г. (J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 177, 178).

¹⁷⁸ «Novine», 14.XI 1846, str. 384.

В 1847 г. общество Осиекской читалкин после трехлетнего существования распалось¹⁷⁹. По мнению корреспондента, в Осиеке насчитывалось наименьшее число подписчиков национальной газеты. Здесь туто расходились книги на хорватском языке¹⁸⁰. Господство немецкого и венгерского языков среди горожан Осиека отмечал в своем дневнике и Чижов¹⁸¹. И это было в наилучшем и экономически развитом центре Славонии.

Не было национального воодушевления среди основной массы жителей Вараждина. Здесь господствовала атмосфера бездействия и безразличия к национальной борьбе. Вот как в корреспонденции из Вараждина, помещенной в газете за 1846 г., описывался этот город в связи с выборами администрации жупании: «Уже вчера, в воскресенье, стал наш обычно весьма мертвый город живее, как только сюда со всех сторон, по большей части из Загорья, Загреба и Заладского комитата пахлынули пришельцы, чтобы быть участниками сегодняшнего торжества. Наибольшее внимание вчера привлекло прибытие простых дворян¹⁸², которые после полудня совместно со многими патриотами в красных шапках¹⁸³ с национальной музыкой и национальным знаменем на своих повозках в длинном ряду приехали в город. Начиная со вчерашнего дня и на наших улицах сразу много больше слышится наш национальный хорватский язык, что здесь, в Вараждине, на бесчестие всего нашего народа, иначе весьма редкое явление; потому что наши горожане *постолько* приняли с неких пор нрав, язык и обычай немцев, что иностранец легко мог бы подумать, что находится не в хорватском городе, но в Аугсбурге или Франкфурте»¹⁸⁴.

Представитель национально настроенного духовенства А. Ткачевич, проехавший в 1846 г. по Хорватии и Славонии и изложивший свои впечатления от поездки в статье «Краткое описание долгого путешествия», в свою очередь отмечал господствовавший дух «иностраницы»

¹⁷⁹ «Danica», 1847, br. 38, str. 151.

¹⁸⁰ «Novine», 14.XI 1846, str. 384.

¹⁸¹ «Славянский архив», 1958, стр. 185. См. также: «Novine», 10.X 1846, str. 342.

¹⁸² Дворяне-однодворцы. О них см. ниже.

¹⁸³ Красные колпаки были частью иллирийского костюма.

¹⁸⁴ «Novine», 21.X 1846, str. 352. Несколько позднее газета вновь подтверждала, что в Вараждине среди горожан сильно распространен немецкий язык. («Novine», 28.XI 1846, str. 400).

в Вараждине. Он с горечью констатировал, что ни от одного «порядочного» человека здесь хорватского слова не слышал. Даже в самой читальне раздавалась немецкая речь¹⁸⁵.

Национальная газета сообщала, что в 1846 г. в Вараждине общество дилетантов давало театральные представления на немецком языке и предполагало продолжить их и в следующем году. При этом, писала газета, помещение всегда было полно, а полученные деньги распределялись обществом далеко не в национальных интересах¹⁸⁶.

Яркую характеристику положения в разных хорватских городах дал один венгерский современник. В «Путевом дневнике по Хорватии», опубликованном в 1846 г., он писал: «Я должен сказать, что Загреб более горячо и воодушевленнее относится к своему языку, нежели Крижевцы или Вараждин. Здесь и немец говорит по-хорватски, там и видный хорват — только по-немецки»¹⁸⁷.

Что касается Загреба, и Ф. В. Чижов отмечал бурное развитие здесь национальной жизни. «Все это пишется в одном из самых славянских городов, — записывал он в своем дневнике, — где в настоящую минуту жизнь кипит, где все движется, все борется...»¹⁸⁸ Однако подобное впечатление от Загреба складывалось не за счет торгово-промышленного населения, а за счет дворянства, духовенства и интеллигенции, составлявших около половины его жителей¹⁸⁹. Торгово-промышленное население в своей массе и в Загребе держалось пассивно. Даже в 1846 г. «Даница» сетовала по поводу бала, устроенного местными горожанами, на то, что здесь очень мало слышалась национальная речь и даже входные билеты были написаны не на хорватском языке. «Это действительно достаточная характеристика нашего среднего сословия...»¹⁹⁰ — заключала она.

Национальная волна весьма слабо затронула жителей

¹⁸⁵ «Danica», 1847, br. 39, str. 156.

¹⁸⁶ «Novine», 17.IV 1847, str. 124.

¹⁸⁷ «Novine», 1.VII 1846, str. 223.

¹⁸⁸ «Славянский архив», 1958, стр. 142.

¹⁸⁹ В начале XIX в. Загреб насчитывал около 8 тыс. жителей, из которых 3 тыс. составляли дворяне и духовные лица. Горожане в большей части были здесь немецкого происхождения (F. S i š i č. Hrvatska povijest, str. 7).

¹⁹⁰ «Danica», 1846, br. 8, str. 32.

и других городов. В Пожеге иллрийская читальня фактически бездействовала¹⁹¹. В Копривнице национальная деятельность, притом весьма слабая, началась лишь на границе 1846—1847 гг.¹⁹² А. Немич в письме Гаю в 1839 г. отмечал: «Кто читал „Тысячу и одну ночь“ и хотел бы увидеть реальную картину окаменелого города, пускай приезжает в Копривницу или в Крижевцы: здесь также все мертв...»¹⁹³

Безразличие основной массы торгово-промышленного населения к иллрийскому движению было связано с национально-политической пассивностью зажиточной и национальной буржуазии, мелкой буржуазии и паемых работников.

Зажиточная буржуазия немецкой и других национальностей в целом имела отличные от хорватской буржуазии национальные устремления. Но отдельные представители инополицальной буржуазии, испытывая давление австрийского капитала, проявляли сочувствие хорватской национальной борьбе.

Положение мелкой городской буржуазии было противоречивым. С одной стороны, она страдала от феодального угнетения, с другой — уже реально ощущала угрозу для своего экономического существования со стороны свободного капитализма. Отсюда в ее стремлениях были взаимно исключающие тенденции. Мелкая буржуазия была заинтересована в более или менее последовательной ликвидации феодализма и освобождении от всех и всяческих форм феодального угнетения. В то же время цеховые мастера стремились к сохранению цехов, видя в них гарантию от разорения в условиях капиталистической конкуренции и условие обеспечения дешевой рабочей силой в лице учеников и подмастерьев.

Угнетаемая и бесправная, озабоченная завтрашним днем мелкая городская буржуазия, радикальная и реакционная в одно и то же время, была далека от того, чтобы поддерживать социально-экономическую и политическую линию либеральных помещиков и зажиточной буржуазии. Благодаря своей умеренности буржуазно-дворянская программа не отвечала чаяниям мелкой буржуазии об освобождении от феодального гнета. В то же время, отрицая

¹⁹¹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 459.

¹⁹² «Novine», 5.XII 1846, str. 408; 23.XII, str. 428.

¹⁹³ V. Deželić. Pisma..., str. 141.

некоторые феодальные институты, она порождала у цеховых мастеров боязнь за цеховые привилегии. И националистические действия венгерского дворянства непосредственно, вплотную не затрагивали интересы этой группы населения так, чтобы это могло оттеснить на второй план давление со стороны «своего господствующего класса. Но единичные случаи сочувственного отношения мелких торговцев и производителей к национальному движению имели место¹⁹⁴.

Большой успех идеи иллиризма имели среди пизшего католического духовенства. Еще в 1839 г. редакция «Даницы» отмечала, что среди ее подписчиков имелось довольно большое число представителей «почтенного, патриотически настроенного духовенства»¹⁹⁵. Ф. В. Чижов в 1845 г. записывал в дневнике: «Духовенство сильно держится иллирийской партии»¹⁹⁶.

Тайный осведомитель австрийского правительства в Загребе в свою очередь отмечал в письме министру полиции от 17 апреля 1847 г.: «... Славянством больше всего интересуется католическое и православное духовенство. Большей частью пизшего (плебейского) происхождения... Хорватско-славонская газета, которую основал д-р Гай (которая имеет политическое содержание и насчитывает примерно 800 подписчиков), большей частью рассыпается сельским священникам, в том числе весьма значительное число экземпляров направляется в Военную Границу...»¹⁹⁷

Уже в начале 30-х годов горячими сторонниками национальных идей были семинаристы Павао Штоос, с 1842 г. жупник в Покупском, и Мато Топалович, впоследствии профессор католической семинарии в Дьякове, главный деятель иллиризма в Славонии¹⁹⁸. Близкими Гаю лицами были семинарист, затем капелан Мавро Броз, капелан Славолюб Финк¹⁹⁹, жупник Юрай Тординац²⁰⁰ и др.

¹⁹⁴ «Danica», 1841, br. 27, str. 110; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 287.

¹⁹⁵ «Danica», 1839, br. 18, str. 71.

¹⁹⁶ «Славянский архив», 1958, стр. 166.

¹⁹⁷ Цит. по кн.: V. Bogdanov. Historija..., str. 115—116.

¹⁹⁸ V. Dežolić. Pisma..., str. 227—265.

¹⁹⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 71 i sl., 156, 157.

²⁰⁰ «Znameniti i zaslužni Hrvati», str. 266.

Одним из основателей иллирийской читальни в Копривнице был жупник Адам Жувич²⁰¹. Первым секретарем Вараждинской читальни являлся францисканец Х. Хергович²⁰². Во главе филиала Сельскохозяйственного общества в Сисаке стоял вице-архиђакон Ф. Каллабар²⁰³.

По свидетельству национально пастроенного представителя духовенства А. Вебера-Ткачевича, в 1846 г. в районе Цветлиса (Хорватия) не было жупного дома, где бы «со стены не приветствовала миловидная звезда с молодым месяцем»²⁰⁴. Во всей Славонии иллирийское движение получило наибольший отклик в Дьякове и его округе. Причину этого А. Ткачевич видел в том, что Дьяково было местом пребывания епископа и многочисленного духовенства²⁰⁵.

Много представителей духовенства было среди лиц, принесших добровольные пожертвования для организации национального музея²⁰⁶. Духовенство составляло почти 30% членов Сельскохозяйственного общества²⁰⁷.

Все вышеприведенные материалы свидетельствуют о массовом участии низшего католического духовенства в национальной борьбе.

К национальному движению примкнули отдельные представители высшего католического клира. С начала иллиризма национальные идеи поддержал К. Аджић, настоятель францисканского монастыря в Вуковаре²⁰⁸. Капоник Вукович был вице-председателем Загребской читальни, одним из основателей Сельскохозяйственного общества. Он возглавлял комитет по обследованию кассы Народного дома²⁰⁹.

²⁰¹ «Novine», 23.XII 1846, str. 428.

²⁰² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 200.

²⁰³ «Novine», 30.XII 1846, str. 435.

²⁰⁴ Эмблема сторонников иллиризма («Danica», 1847, br. 39, str. 156).

²⁰⁵ Там же, стр. 155.

²⁰⁶ «Novine», 15.VII 1846, str. 237; 15.V 1847, str. 154; 19.V, str. 158; 26.V, str. 166; 29.V, str. 170.

²⁰⁷ См. «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Družtva», 1842, br. 9, str. 147—148; br. 12, str. 1—14.

²⁰⁸ V. Deželić. Pisma..., str. 1—10; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 21—22.

²⁰⁹ «Novine», 26.VIII 1846, str. 286; T. Smičiklaš, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 20.

Лояльное отношение к национальному культурному движению проявлял дьяковский епископ Й. Кукович²¹⁰.

Национальной борьбе в известных рамках покровительствовал сам загребский епископ Ю. Хаулик. Он возглавлял Сельскохозяйственное общество. Исполняя обязанности бана, Хаулик содействовал организации национального театра. В 1840 г. по просьбе сабора он принял на себя покровительство над научным обществом, об основании которого сабор просил еще в 1836 г.²¹¹ Хаулик в 1841 г. призвал подчиненное ему духовенство к поддержке культурно-просветительных начинаний Иллирийской читальни в Загребе²¹². Он и в других формах выражал благоприятное отношение к национальной культурной борьбе²¹³. В связи с лояльностью Хаулика культурным мероприятиям иллиризма мадьяронская группировка потребовала в 1847 г. смещения его с должности исполняющего обязанности бана и перевода в другую епархию²¹⁴.

Однако Хаулик не был склонен к изменениям в политическом положении Хорватии и Славонии. Он и барон Кульмер были в 1845 г. против выдвижения сабором требования о восстановлении хорватского Наместнического веча — высшего административно-политического органа Хорватии и Славонии²¹⁵.

С развитием капитализма в низших слоях духовенства появилась тяга к реформам. Капелланы, жившие в нужде, сельские священники, социальным происхождением связанные с крестьянством и мещанством, по характеру своей деятельности и условиям жизни приближавшиеся к интеллигенции, все, кто тяготился целибатом, склонялись к преобразованиям в общественной жизни и церкви, видя в этом путь к улучшению своего материального и общественного положения. Эти тенденции, а также церковная политика венгерского среднего дворянства

²¹⁰ «Danica», 1847, br. 39, str. 155; «Novine», 3.X 1846, str. 331; «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 293.

²¹¹ «Danica», 1841, br. 6, str. 22; 1842, br. 17, str. 67; «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848»; J. R a v l i c. Ilirska čitaonica..., str. 177, 188, 190.

²¹² J. R a v l i c. Ilirska čitaonica..., str. 190.

²¹³ См. «Danica», 1846, br. 21, str. 82.

²¹⁴ «Novine», 22.IX 1847, str. 301.

²¹⁵ J. Horvat, J. Ravlic. Pisma..., str. 511.

побудили низшее духовенство к активной поддержке национально-освободительной борьбы.

Иные мотивы были у духовных сановников. Высший клир ревностно охранял существующий порядок. Он был обеспокоен нарастанием венгерских либеральных сил и их политикой в церковном вопросе. Эти обстоятельства толкали высший клир к поддержке тех сторон иллиризма, которые могли воспрепятствовать успехам венгерского национального движения.

Важную, если не решающую роль в определении общественных позиций хорватского католического духовенства играла церковная и языковая политика венгерского среднего дворянства. Венгерская оппозиция упорно добивалась равноправия протестантов с католиками в Хорватии и Славонии, рассчитывая тем самым расчистить путь для колонизации хорватских областей, введения венгерского языка в церковную жизнь и обязательного его знания всем духовенством (это должно было стать условием возведения в сан священника)²¹⁶. Реализация данной программы привела бы к отстранению многих хорватских священников от служб, сужению материальной базы католического духовенства в Хорватии и Славонии и падению его влияния.

Политика венгерского дворянства пробудила в среде хорватского духовенства стремление упрочить свои позиции в Хорватии и Славонии, желание освободиться от церковной зависимости от Папы и создать самостоятельную хорватскую церковь.

Православное духовенство, имевшееся главным образом в Славонии, несмотря на призывы со стороны деятелей иллиризма к объединению действий католиков и православных, активного участия в иллирийском движении не принял. Низшее православное духовенство, по своему положению весьма отличавшееся от католического, было ограничено в правах и бедно. Его волновали вопросы улучшения материального положения, равноправия с католическим духовенством, вопросы, которые не находили должной поддержки в кругах иллиризма. Определенную роль играли и национальные мотивы. Православное духовенство по своей национальной принадлежности было сербским. Формирование сербской нации сопровождалось

²¹⁶ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 32—33.

подъемом сербского национального движения в Венгрии, идеологи которого были враждебно настроены к иллиризму. Сказалась, наконец, и религиозная рознь.

Заметную роль в национальном движении играла учащаяся молодежь, в особенности католических семинарий.

Уже в 1833 г. Гай имел среди загребских семинаристов значительное число последователей²¹⁷. С 1836 г. в загребской семинарии действовало национальное молодежное общество «Коло молодых патриотов». Семинаристы устраивали концерты и музыкальные вечера, где все произведения исполнялись на национальном языке. Они пропагандировали таким путем народную музыку и произведения национального искусства²¹⁸. Редакция «Даницы» в 1846 г. писала: «...Мы со всем правом можем гордиться духовной молодежью здешней (загребской. — И. Л.) семинарии. Эти молодые патриоты не только без всякого насилия основательно учат национальный язык, в нем неустанно упражняются (академическая молодежь могла бы последовать их примеру) и написанные на национальном языке книги прилежно читают, но паряду с этим стремятся пером и делом продвигнуть вперед национальную литературу»²¹⁹. Не считая литературы на других языках, загребская духовная молодежь покупала до 100 экземпляров почти каждого пользования национальных книг. Это покрывало почти третью часть типографских расходов писателя. «Трудно найти на свете семинарию, — замечала „Даница“, — которая была бы столь прочной опорой национальной литературы»²²⁰. Гай недаром именовал загребских семинаристов «своим войском»²²¹. Национальные идеи имели успех и среди учащихся католической семинарии в Дьяково.

Отдельные случаи протеста против мадьяризации наблюдались со стороны гимназистов²²². Иллиризм поддерживала также хорватская молодежь, учившаяся за пределами Хорватии и Славонии.

²¹⁷ Đ. Šurmin. Hrvatski preporod, I, str. 163.

²¹⁸ «Danica», 1841, br. 18, str. 69; 1842, br. 17, str. 67; J. Horvat, J. Račić. Pisma..., str. 71—77, 162, 163, 449, 450.

²¹⁹ «Danica», 1846, br. 29, str. 118.

²²⁰ Там же.

²²¹ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 256.

²²² «29. Srpanj 1845», str. 10; И. Ткалац. Успомене... Београд, 1925, стр. 132, 133.

В Загребской академии обстановка для национальных выступлений студенчества была менее благоприятной, чем в семинариях, где среди наставников молодежи были активные сторонники иллиризма²²³. В результате постановления венгерского Наместнического совета об обязательном знании профессорами Загребской академии венгерского языка в 40-х годах XIX в. преподавателями здесь были преимущественно венгры или омадъярены хорваты. В 1844 г. в академии было только два профессора-хорвата²²⁴. Это обстоятельство не могло не оказывать влияния на степень национальной активности учащейся в академии молодежи:

В рассматриваемое время учащаяся молодежь своим происхождением в основном была связана с пепривилегированными классами. В Загребской академии удельный вес дворянской молодежи с 31,1% в 1790—1795 гг. понизился до 6,1% в 1825—1830 гг.²²⁵ В католических семинариях преобладающее большинство составляли выходцы из мелкобуржуазной и крестьянской среды²²⁶. Учащаяся молодежь, отражая устремления называемых социальных групп, видела в иллирийском движении путь к общественно-политическим преобразованиям. Не удивительно поэтому, что именно в среде учащихся появились радикально настроенные деятели иллиризма.

Хорватское национально-освободительное движение не затронуло крестьянские массы. Острота классовых противоречий между помещиками и крестьянами, узость программных требований иллиризма, нежелание его руководства привлечь крестьян к активной борьбе — все это обусловило неучастие хорватских крестьян в национальном движении, что в свою очередь явилось основной причиной его слабости.

Однако, несмотря на то что субъективно крестьянство не приняло участия в культурно-политической борьбе, оно сыграло огромную роль в обеспечении исторической возможности хорватского Возрождения. Народные массы

²²³ В дьяковской семинарии национальными начинаниями молодежи руководил в 40-х гг. Мато Топалович («Novine», 29.V 1847, str. 17).

²²⁴ «Branislav», 1844, str. 3.

²²⁵ J. Šidak. Južnoslovenska ideja u ilirskom pokretu. — «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 3, str. 35.

²²⁶ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 72.

своим трудом обеспечивали развитие производительных сил, своей классовой борьбой определили поступательное развитие хорватского общества. Крестьянство, сохранившее в условиях многовекового национального угнетения национальную самобытность и язык, было той социальной основой, на которую опирались деятели иллиризма в своих культурных начинаниях. Хорватские писатели, поэты и филологи, создавая общепротестный литературный язык, искали и находили в народных песнях, преданиях, пословицах и поговорках лексический материал, сюжеты для своих литературных произведений. В крестьянском музнировании и попевках представители хорватского Возрождения черпали мелодии для патриотических песен, материал для национального музыкального искусства.

Дворяне-однодворцы, обладавшие сословными дворянскими привилегиями, кроме права на владение заселенными землями, а в экономическом и культурном отношении мало отличавшиеся от крестьян, цепко держались за свои права. Они не были заинтересованы в изменении политических и хозяйственных условий.

Однако было бы неправильно говорить, что дворяне-однодворцы совершили не приняли участия в хорватском национальном движении. На жупанийских скопищах и особенно на выборах жупанийских должностных лиц часть их выступала в числе сторонников («кортешей») Народной партии. Но их участие в политической борьбе было спорадическим и зачастую несознательным, если учесть темноту дворян-однодворцев, зависимость многих из них от помещиков, распространенность во время выборов так называемого кортешования. Оно заключалось в угощении видными помещиками дворян-однодворцев с целью привлечения их на свою сторону и проведения с их помощью на жупанийские должности своих ставленников, а то и самих себя²²⁷. Сторонники иллирийского движения, как и

²²⁷ Ф. В. Чижков, наблюдая подготовку к генеральной скопище Загребской жупании, записывал 25 мая 1845 г. в своем дневнике: «Вся дорога покрыта разными повозками. Некоторые едут в колясках в четыре лошади с прекрасной упряжью, другие — в телегах, по пяти, по четыре и по шесть в каждой, это все мелкопоместные дворяне (Ф. В. Чижков имел в виду дворяне-однодворцев. — И. Л.), потому что завтра главная congregatio. В трактирах их потчуют; по всему видно, что большая часть этих господ (подбиты) ехать или деньгами, или потчи-

его противники, использовали подобный метод «агитации» для проведения в жупанийское управление своих кандидатов и втягивали таким путем дворян-однодворцев в общественно-политическую борьбу.

Иллирийское движение имело своих сторонников главным образом в Хорватии. В Славонии и особенно в Среме идеи национальной борьбы встретили поддержку по существу лишь со стороны католического духовенства и отдельных представителей других слоев общества. Причины этого коренились в особенностях экономического, политического и национального развития Славонии.

После освобождения Славонии от турок ее господствующий класс, интеллигенция, горожане значительно пополнились венграми и немцами. Процент пехорватского населения здесь был выше, нежели в Хорватии.

В Славонии преобладали крупные помещики, не испытывавшие благодаря своим солидным хозяйственным возможностям и связям больших экономических трудностей, порождавших оппозиционность средних и мелких землевладельцев Хорватии. Имело значение также и то, что славонские помещики в силу особого положения Славонии в политическом отношении стояли ближе к венгерскому дворянству, нежели помещики Хорватии. В Славонии не сложилось и таких традиций дворянской политической борьбы, какие были в Хорватии.

В Славонии, за исключением Осиека, не было крупных, экономически развитых городов. Поэтому общественные позиции буржуазии и интеллигенции были здесь слабее, чем в Хорватии.

Важным обстоятельством, непосредственно сказавшимся на хорватском национальном движении в Славонии, был начавшийся процесс национальной консолидации сербов. В Славонии он шел быстрее, чем в Хорватии. Здесь сербского населения было больше, плотность его выше и связи его с ядром сербской патрии шире. Поэтому если в Хорватии сербские торговцы и сербская интеллигенция сотрудничали с буржуазией и интеллигенцией хорватского происхождения в рамках хорватского национального движения, то в Славонии, особенно в Сремской жупании, сербская буржуазия и интеллигенция проявляли

ванье... Движение сильное. Завтра, говорят, собираются до четырех тысяч; посмотрим» («Славянский архив», 1958, стр. 144, 145).

свои, особые от хорватских, национальные интересы. Сербов здесь больше волновали вопросы сербского Возрождения, нежели объединительные идеи иллиризма. Но некоторые сербы здесь, одни дольше, другие кратковременно, сочувствовали иллиризму²²⁸.

Итак, иллиризм в Хорватии и Славонии захватил лишь верхние и средние слои общества и был движением социально узким. Его социальную основу составляли среднее и мелкое дворянство, зажиточная буржуазия, интеллигенция, католическое духовенство, учащаяся молодежь и отдельные аристократы. Спорадически в иллирийском движении участвовали дворяне-однодворцы.

Иллиризм по составу его участников не был «чистым» буржуазным выступлением. Это было национальное движение хорватских обуржуазивавшихся сил, выступавших в блоке с феодально настроенной частью дворянского класса.

В тесном сотрудничестве рождавшихся буржуазных сил с феодальными, переплетенными капиталистических устремлений с феодально-дворянскими интересами заключались главное противоречие и вся сложность иллирийского движения.

Вопрос о руководстве иллирийским движением является едва ли не самым сложным, а потому и спорным в историографии. До настоящего времени в исторической литературе шел и ведется спор, кто был лидером иллиризма — Гай или Драшкович²²⁹. Однако имеющиеся по этому вопросу точки зрения нельзя считать убедительными, ибо в основе тех и других лежит ошибочное мнение о единстве и целостности иллирийского движения. В действительности иллиризм ни в социальном, ни в идей-

²²⁸ V. Deželić. Pisma..., str. 241; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 177, 178.

²²⁹ Ф. Фапцев и Р. Бичапич считали первым лидером Возрождения Драшковича (F. Fapsev. Janko grof Drašković u svjetlu dokumenata i činjenica — «Savremenik», 1938, XXVII, str. 203; R. Bičapić. Počeci..., str. 141). Т. Смичикалас уравнивает роль Гая и Драшковича (T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 88, 89). П. А. Кулаковский, К. Георгиевич и Я. Шидак отводят решающую роль в иллиризму Гаю (П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 25, 80, 81, 82, 155, 282; K. Georgijević. Grof Janko Drašković, str. 29, 53, 54; J. Šidak. Hrvatski narodni preporod — ideje i problem. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 141—142).

ном отношениях не представлял единого целого. В иллиризме действовали разные общественные сплы, боровшиеся под знаменем разных общественно-политических идеалов, по объединяемые стремлением оградить Хорватию от мадьяризации и отстоять ее политическую самостоятельность.

Инициативной, направляющей и вдохновляющей силой в иллиризме была группа молодых интеллигентов и мелких дворян во главе с Гаем, которая держала в руках национальную газету. Но в практической деятельности, в конкретных национальных мероприятиях официально главенствовал аристократ Драшкович как наиболее авторитетная и блестящая фигура в глазах дворянства. Гай и Драшкович как нельзя лучше отражают соглашение и сотрудничество либеральных и консервативных сил в иллиризме.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЛЛИРИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ И ИХ ПРОГРАММЫ

Теоретические основы иллиризма

Иллирийское движение до 1848 г. прошло два этапа в своем развитии: период 30-х и период 40-х годов XIX в. Они разошлись между собой зрелостью общественно-политических течений, характером их программ и формами национальной борьбы.

В иллирийском движении с самого начала утвердились разные идеиные направления. Организующим и направляющим в иллиризме был буржуазно-дворянский лагерь. Теоретические основы его идеологии заложены в 30-годах Л. Гаем, высказавшим их на страницах периодической печати. Они были развиты затем в 40-х годах в газетных и журнальных статьях и отдельных брошюрах, написанных Д. Раковацем, Б. Шулеком, Л. Вукотиновичем и др. Выдвинутые идеиными вдохновителями этого течения теоретические положения были приняты и поддержаны также идеологом консервативного крыла в иллиризме Я. Драшковичем. Таким образом, теоретические основы были общими для всего движения в целом.

Теоретические положения иллиризма получили слабое освещение в исторической литературе. Хотя об идее всеславянства и «Великой Иллирии» постоянно говорилось в работах, посвященных иллирийскому движению, эти идеологические положения не были проанализированы. Историки не проследили эволюцию теоретической базы иллиризма в ходе национальной борьбы, в первую очередь видоизменение идеи о «Великой Иллирии».

Идеология иллирийского движения не была четко разработана его вдохновителями. Ее положения формулировались национальными деятелями разрозненно и противоречиво. Идеология эволюционировала в процессе развития движения, и теоретические позиции его руководителей

не всегда и не во всем совпадали. В этом сложность изучения идеологической стороны иллиризма.

Хотя теория и претерпела некоторую эволюцию с развитием движения, по принципиальные ее положения не изменились. Поэтому идейную концепцию иллиризма следует рассматривать применительно ко всему изучаемому периоду в целом.

Теоретической основой движения была идея славянской общности: идея этнического родства, культурной и языковой близости и единства исторических судеб всех славянских народов.

Наиболее обстоятельно и последовательно идея славянского единства была развита в работах Л. Гая. Этому, безусловно, способствовало то, что он в большей мере, чем остальные деятели иллиризма, испытал влияние Шафарика и Коллара и глубже проинкулся их учением. Уже брошюра Гая о правописании была проникнута мыслью об общности славян. Со всей определенностью эта идея была сформулирована им в статье «Наш народ», опубликованной в «Данице» 29 августа 1835 г.¹ Гай определял численность славян в 80 млн. человек и отводил им больше половины Европы и третью часть Азии. Он образно сравнивал славян с огромным великаном, голова которого омыается лазурным Адриатическим морем, а ноги упираются в китайскую степь. В правой руке он держит Черное море, а в левой — Балтийское. Его голова — средняя Иллирия, грудь — Венгрия и Карпаты, его сердце — под Татрами, желудок — польская равнина, а живот и ноги — неизмеримые русские просторы. «И этот великан, — заключал Л. Гай, — есть *наш народ*, народ самый большой в Европе, народ Славянский, так как кости и мясо этого неистового тела есть братья Славяне, а кровь, которая оживляет это огромное тело, есть одна кровь нашей матери Славы, т. е. одна пародность Славянская»².

В качестве основания для установления родства славян между собой и разделения их на группы Гай брал язык. В соответствии с языковыми различиями он делил славянский народ на две главные ветви — иллиро-русских и чешско-польских славян. Эти ветви в свою очередь подразделялись им на колена: иллирийское и русское в пер-

¹ «Danica», 1835, br. 34, str. 234—236.

² Там же, стр. 234.

вой ветви, чешское и польское — во второй. В иллирийское колено Гай включал словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, черногорцев, сербов и болгар. В русское колено входили русские и русины. Чешское колено, согласно Гаю, составляли чехи, мораване, словаки и сербы из Лужиц. В польское колено он включал поляков³.

Д. Раковац в программной брошюре «Маленький катехизис для взрослых» (1842 г.) и Б. Шулек в книге «Каковы памерепия иллиров?» (1844 г.) также подразделяли славян на четыре группы: русскую, польскую, чешскую и иллирийскую⁴.

В статье «Краткое введение в историю Великой Иллирии», опубликованной в апреле 1836 г., Гай останавливался на происхождении славян. По мнению автора, в древнейшие времена Европу населял один пра народа, который разделился на четыре колена — славянское, немецкое, латинское и греческое⁵. Гай не без преувеличения писал об участии славянского элемента в образовании почти всех современных ему европейских народов. Он не видел в Европе государства, где бы в далекие исторические времена не поселились славяне. Гай полагал, что многочисленное славянское колено осталось наиболее чистым и близким к тому пра народа, который явился источником происхождения всех европейских народов. В этом колене сохранилось, писал Гай, «зерно старины, для всей единоплеменной европейской семьи спасительной и примирительной братской любви, силы и свободы»⁶. Близкие мысли развивал Д. Раковац в указанной выше брошюре. Он называл четыре главных рода в Европе: романский, германский, греческий и славянский⁷.

Журнал «Даница» неоднократно писал о заслугах славян в развитии европейской цивилизации, об их ведущей роли в спасении европейской культуры от монголов и татар⁸.

³ «Danica», 1835, br. 34, str. 235, 236.

⁴ D. Rakovac. Mali katekizam za velike ljudi. Zagreb, 1842, str. 17; «Sta nameravaju Iliri?». U Biogradu, 1844, str. 60.

⁵ «Danica», 1836, br. 18, str. 70, 71.

⁶ Там же, стр. 72.

⁷ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 17.

⁸ «Zasluga slavjanah za civilizaciju europejsku». — «Danica», 1840, br. 50; «Vineta, severna Venetia». — «Danica», 1843, br. 40, 41 i dr.

Идеологи иллиризма настаивали на автентичности славян в Европе, отмечали древность их истории, единство с немцами, греками и другими европейскими народами, но в то же время самостоятельное от них происхождение и развитие славян, подчеркивали важную роль славян в формировании европейской цивилизации. Все это служило обоснованием равных с другими народами прав славян на национальное существование и свободное развитие.

Взгляды Л. Гая на происхождение и развитие славянства, вполне сформировавшиеся к середине 30-х годов XIX в., были передовыми для своего времени, хотя они не были свободны от серьезных преувеличений и элементов мессианизма. Они сложились в первую очередь на основании соображений и догадок, высказанных Шафариком в его первых трудах по истории славянских литератур и этногенезу славян, и под влиянием учения Коллара о едином славянском народе, разделенном на роды и паречия, и четырех славянских литературных языках. Эти мысли были выражены Колларом к этому времени частично в поэме «Дочь Славы», частично же в «Исследованиях о названиях, начале и древностях славянского народа и его племен» (1830 г.). Дальнейшие исследования и работы Шафарика и Коллара утвердили Гая и его единомышленников в означенных воззрениях.

Вообще мысль о большой этнической близости славянских народов друг к другу исстари высказывалась и славянскими хронистами, писателями, лингвистами и историками. С конца XVIII в. в обстановке подъема национально-освободительных движений славянских народов она получила особенно широкое распространение в кругах славянской общественности и была научно обоснована в трудах Шафарика. Идея культурно-языковой и исторической общности славян как путь к лучшему отвечала интересам национально-освободительных движений славянских народов, пуждавшихся в силу малочисленности каждого из них во взаимной поддержке и опоре. Создание принадлежности к многочисленному и славному своим историческим прошлым славянскому племени придавало силы в национальной борьбе и вселяло уверенность в победе. Вполне естественно поэтому, что данное теоретическое положение, имевшее большую историческую традицию, весьма популярное и научно обоснованное в рас-

сматриваемое время, легло в основу идеологий хорватского национально-освободительного движения и явилось теоретическим оружием в борьбе за национальную свободу и равноправие.

Хорватские национальные деятели были горячими сторонниками колларовского учения о славянской взаимности, учения о сближении славянских народов путем их взаимного ознакомления и просвещения. В своих сочинениях они неустанно его разъясняли и пропагандировали. Идея всеславянства была для деятелей иллиризма опорой в борьбе за национальное существование и развитие самого по себе немногочисленного хорватского народа. Учение о славянской взаимности явилось для хорватских национальных деятелей руководством к большой и разносторонней деятельности, направленной на культурно-идеологическое сближение хорватов с другими славянами.

Центральной идеей иллирийского движения была мысль о «Великой Иллирии», давшая название хорватскому национально-освободительному движению. Она была сформулирована не сразу. Несмотря на то, что в своем зародыше идея «Великой Иллирии» присутствовала уже в «Диссертации» Драшковича, в национальной печати она со всей четкостью была выдвинута лишь во второй половине 1835 г.

Впервые со всей определенностью Л. Гай высказался о «Великой Иллирии» в августе 1835 г. в упомянутой выше статье «Наш народ». Он включил в «Великую Иллирию» Хорватию, Славонию⁹, Далмацию, Нижнюю Венгрию, Нижнюю Штирию, Крайну, Каринтию, Истрию, Боснию, Черногорию, Герцеговину, Дубровник, Сербию, Болгию и т. д.¹⁰ В «Объявлении», где излагалась программа национальных периодических изданий на 1836 г., Гай символично изобразил «Великую Иллирию» в виде лиры, которую держит в своих руках дева Европа. Струны этой лиры, согласно Гаю, составляли перечисленные выше земли¹¹. Следовательно, Л. Гай в первые годы иллирийского движения мыслил под «Великой Иллирией» территорию, населенную южными славянами¹².

⁹ Понимались как гражданские, так и военные области.

¹⁰ «Danica», 1835, br. 34, str. 235.

¹¹ «Danica», 1835, br. 48, str. 292.

¹² Возможно, что, определяя таким образом географические рамки «Великой Иллирии», Гай опирался на мнение Коллара,

С течением времени и Драпкович изменил свой воззрения на «Великую Иллирию», значительно раздвинув ее границы¹³. В 1838 г. в брошюре: «Слово иллирийским благородным дочерям о древней истории и новейшем литературном возрождении их отечества» он объединял в одно целое Горицу, Каринтию, Крайну, Истрию, Штирию, Хорватию и Славонию с Воеппой Границей и Приморьем, Далмацию с Дубровником, Котором и островами, восемь подунайских, потиских, подравских и по-мурских комитатов Венгрии, Боснию, турецкую Хорватию, Герцеговину, Болгарию, Албанию, Македонию, Сербию и Черногорию¹⁴.

Приблизительно тех же границ придерживался Шулек в брошюре «Каковы намерения иллиров?» Попутно «Иллирия» он охватывал Хорватию, Славонию, Далмацию, Истрию, Каринтию, Крайну, Штирию, южную часть Венгрии, Сербию, Боснию, Черногорию, Болгарию и Албанию¹⁵.

С развитием национального движения идеологи иллиризма постепенно расширяли территорию воображаемой «Великой Иллирии». В конечном итоге они объединяли этим понятием все юнославянские и частично примыкающие к ним неславянские земли.

Однако практически хорватские национальные деятели все же сводили «Великую Иллирию» к югославянским областям. Гай в «Объявлении» от 5 декабря 1835 г., характеризуя задачи «Даницы», отмечал, в частности, что она будет знакомить с историей и бытом «всех иллиров,

хотя в хорватской исторической литературе также высказывались сходные взгляды. Коллар в 1830 г. в своей книге «Исследования о названиях, начале и древностях славянского народа и его племен» понятием «иллиры» объединял каринтийцев, крайицев, штирийцев, истринцев, хорватов, далматинцев, славонцев, боснийцев, сербов, дубровчан, черногорцев, герцеговинцев, болгар, жителей Баната, Бачки и т. д. («Danica», 1835, br. 31, str. 122).

¹³ В стихотворении «Молодежи Иллирийской» (1836 г.) Драпкович понятием «Великая Иллирия» охватывал уже территорию от Истрии до Болгарии и от Адриатического моря до Трансильвании («Danica», 1836, br. 7, str. 26).

¹⁴ Ein Wort an Iliriens hochherzige Töchter über die ältere Geschichte und neueste literarische Regeneration ihres Vaterlandes vom grafen Janko Drašković. Agram, 1838, S. 18.

¹⁵ «Šta nameravaju Iliri?», str. 1.

то есть южных славян: сербов, хорватов и словенцев...»¹⁶ Раковац в брошюре прямо писал, что хорваты, сербы и словенцы — три главные ветви «юго-западнославянского народа»¹⁷. На них, собственно, и ориентировались хорватские лидеры в практических действиях.

Объединяя южнославянские земли в воображаемую «Великую Иллирию», идеологи хорватского национального движения исходили из того, что население их составлял один единокровный народ. «...Мы во всей Иллирии, — подчеркивал Гай в «Объявлении» от 6 июня 1835 г. — видим, любим и почитаем только одну, единственную славянскую братию, которую природа предопределила как одно большое племя для одного общества...»¹⁸ Драшкович в «Слове иллирийским благородным дочерям» писал об «особой иллирийской народности», простиравшейся от итальянских до греческих земель и насчитывающей более 8 млн. человек¹⁹.

В «Объявлении» от 1839 г. Гай, говоря о южных славянах, со всей определенностью заявлял: «...Мы все-таки едины не только по крови и языку вообще, так как в этом смысле мы представляем одно тело и с чехами, поляками и русскими, но едины как раз в самом узком смысле по наречию, по песням, по обычаям, по местным воспоминаниям, одним словом, по особой пародности иллирийской, насчитывающей несколько тысяч лет, и по естественному призванию к одной общей цели»²⁰.

Охватывая южнославянские земли понятием «Великая Иллирия», хорватские национальные деятели опирались на национальный принцип, на положение о национальном единстве населявшего данную территорию народа. Исходными данными для этого служили им этнографические сведения и сознание единства целей.

Но с самого начала Гай, развивая теорию единокровного иллирийского народа, в центре внимания имел хорватов. В своей знаменитой песне «Еще Хорватия не погибла», которая с некоторыми изменениями была напечатана в «Дапице» 5 февраля 1835 г., он писал о возрождении Хорватии и называл всех югославян «хорва-

¹⁶ «Danica», 1835, br. 48, str. 292.

¹⁷ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 16.

¹⁸ «Danica», 1835, br. 22, str. 88.

¹⁹ J. Drašković. Ein Wort..., S. 17, 18, 23.

²⁰ «Danica», 1839, br. 47, str. 186.

тами», проявляя тем самым панхорватистские тенденции²¹. Его известные давории, написанные в конце 1835 г., «Прилетели птицы кукушки» и «Эй, братья, эй, герои!»²² имели национальное хорватское содержание. Автор обращался в них к хорватам, призывая их к защите своей родины. «Братья, мы все — хорваты!» — восклицал он. В неопубликованной записке Гай приблизительно в это же время писал: «Мне действительно кажется странным, что некоторые славонцы столь упрямо защищают свое имя как собственное имя своего народа, что никоим образом не хотят и не позволяют считать себя хорватами. Такие люди ни своего языка в действительности не понимают, ни истории своей родины не помнят или лучше сказать являются чужестранцами как среди народности, так и на своей родине». То же самое Гай говорил и относительно Далмации. В заключение он утверждал: «Хорват — истинное собственное имя славянского племени, которое в настоящее время держит районы старой Далмации и всего Иллирия»²³. Эти важные для понимания идеологии Гая стихотворения и материалы говорят о сознательной концентрации внимания Гая на хорватах. В дальнейшем выделение хорвата внутри иллиров становилось все более отчетливым.

Однако не все деятели иллиризма не всегда мысленно выделяли хорвата из югославянской среды, а если и выделяли, то, особенно в начале, отнюдь не как особую нацию. Притом и попятие «хорваты» многими распространялось лишь на кайкавскую часть хорватского народа. Идеология иллиризма представляла собой сложное явление, в ней далеко не все было четким, ясным и определенным.

Первоначально хорватские деятели безоговорочно писали о населении «Великой Иллирии» как об одном нераздельном и цельном народе. Но с развитием хорватского национального сознания, с одной стороны, и появлением и усилением оппозиции иллиризму, с другой,

²¹ «Danica», 1835, br. 5, str. 17—18.

²² «Danica», 1835, br. 41, str. 262, 263.

²³ Записка написана кайкавщиной с большой примесью штокавщины, смешанным (новым и старым) правописанием (Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor. R. 3989. Gaj Ljudevit. Pesme i proza, II. Literarno-poučni sastavci. Misli i bilješke o jeziku, narodnosti, hrv. povijesti, politici i dr.).

положение несколько изменилось. Эта оппозиция шла со стороны югославянской общественности, в первую очередь сербской буржуазии и интеллигенции, не желавших отказалось от своих национальных позиций и выдвинувших программу югославянского объединения под главенством сербов, а также и со стороны части хорватского дворянства, которое опасалось за свои политические привилегии.

Поэтому идеологи иллиризма со временем признали генетические различия между отдельными частями иллирийского народа, собственно между хорватами, сербами и словенцами, и заявили о безусловном их сохранении. «Серб никогда не будет хорватом или краинцем, — писал Гай в 1839 г., — а эти двое, раз они не являются сербами, ни за что и не могут быть ими»²⁴. Однако эти различия в глазах хорватских деятелей не могли поставить под сомнение национальное единство народа в целом.

Деятели иллиризма выдвинули единое для всего артического славянства название «иллиры», хотя вначале были колебания в пользу названия «хорваты». Они приравнивали имя «иллиры» к этонимам «немцы», «французы», «англичане», «итальянцы». Наименования «хорваты», «славоицы», «далматинцы», «сербы», «босняки» и т. д. они считали частными, специальными и отводили им значение, равнозначное понятиям «венецианцы», «тосканцы», «римляне», «неаполитанцы»²⁵. Выступая за общее для всех южных славян имя «иллиры», хорватские национальные деятели допускали в то же время сохранение и частных наименований²⁶. Лидеры иллиризма настаивали на единстве иллирийского народа, подчеркивая независимость отдельных его частей. Единое собирательное имя должно было духовно сплотить южное славянство.

Л. Гай доказывал правомочность названия «иллиры» для южных славян и преимущество его перед другими терминами (например, югославяне), ссылаясь на древность этого понятия, широкое применение его в литературе и прямую связь южных славян с древней Иллирией. Вместе с тем он категорически возражал против распрост-

²⁴ «Danica», 1839, br. 47, str. 186; см. также: «Danica», 1842, br. 21, str. 81.

²⁵ «Danica», 1836, br. 27, str. 108; 1839, br. 47, str. 186; D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 17.

²⁶ «Šta nameravaju Iliri?», str. 106, 107, 111, 112, 129, 130.

ранения на все южное славянство какого-либо из частных, по его терминологии, наименований²⁷. Хорватский лидер пришел к пониманию того, что только пейтральное имя может способствовать сбиранию южнославянских сил²⁸.

Хорватские национальные деятели вели происхождение иллиров от древних иллирийцев. В связи с этим они безоговорочно отиосили последних к славянам. Этому вопросу Гай в 1839 г. посвятил специальную статью «Кто были древние иллирийцы?» В ней он доказывал славянское происхождение древних иллирийцев, ссылаясь на древнегреческих и римских авторов, средневековых хронистов, предшествовавших и современных ему авторитетных историков, а также на историю южнославянских обычаев и обстоятельства развития «иллирийского» языка²⁹. Тех же взглядов придерживался Драшкович в своем «Слове». Он называл древнюю Иллирию «главной прародиной славянского народа»³⁰. На славянском происхождении древних иллирийцев настаивал также Шулек в своей брошюре³¹.

Среди писателей и историков как в предшествовавшие времена, так и в начале XIX в. было общим убеждение в том, что древние иллирийцы являлись славянами, хотя некоторые ученые уже высказывали сомнение па этот счет. Так что взгляд хорватских деятелей па древних иллирийцев сложился в соответствии с уровнем развития исторической науки в то время и совпадал с общепринятым мнением, тем более что оно вполне отвечало национальной идеологии иллиризма. Однако хорватские деятели не изменили этнографической оценки древних иллирийцев и после выхода «Древностей» Шафарика, где он отказался от своих ранее высказывавшихся догадок о славянском происхождении населения древней Иллирии. Здесь

²⁷ «Danica», 1839, br. 47, str. 186, 187.

²⁸ В 1839 г. Гай писал в «Объявлении»: «...Через пристрастное навязывание односторонних наименований наш народ никогда не сможет объединиться в одно большое, для сохранения народности в будущем настоятельно необходимое, целое» («Danica», 1839, br. 47, str. 186).

²⁹ «Danica», 1839, br. 10, 11, 12, 13, 15. См. также замечания редакции «Даницы» к статье: A. Übernick. Reč od sloga. — «Danica», 1842, br. 32, str. 126.

³⁰ J. Drašković. Ein Wort., S. 1. См. также: «Danica», 1836, br. 7, s. 26.

³¹ «Šta nametavaju Iliri?», str. 13—14.

уже сказались тактические соображения идеологов иллиризма. Они стали в конечном итоге сильнее авторитета уважаемого ими ученого³².

На вопросе о происхождении «иллирийского народа» останавливались Драшкович и Шулек. Первый полагал, что иллиры как народ сложились в результате смешения иллирийско-славянской ветви с северо-западной славянской ветвью, которая была известна под именем хорватов. Она обитала к северу от Карпат и переселилась в Иллирию в VII в.³³ Шулек более категорично писал о смешении древних иллирийцев с хорватами и сербами³⁴. До Шулека вскорь об этом говорилось и в «Данице»³⁵. При этом хорватские идеологи представляли себе данное смешение не как соединение равноправных частей, а скорее как ассимиляцию переселившихся в Иллирию северо-западных славян с древними иллирийцами³⁶.

Так доказывалась автохтонность южных славян на Балканском полуострове. В условиях первой половины XIX в. это означало, что они имеют право быть хозяевами той территории, которую издревле населяли.

Хорватские национальные деятели много писали о высокой культуре, воинственности и свободолюбии древних иллирийцев³⁷, прибегая при этом к фантастическим преувеличениям. Драшкович в упомянутой брошюре утверждал, что именно от иллирийцев Европа узнала письменность, полеводство, виноградарство и судоходство³⁸. Шулек писал, что римлянам понадобилось 200 лет, чтобы подчинить себе Иллирию, и иллирийцы 120 раз восставали, прежде чем покорились Риму. Однако, продолжал Шулек, они никогда не были рабами римлян, а были их союзни-

³² Из тактических соображений Гай в 1837 г. отказался напечатать в «Данице» статью Шафарика «De Terra Boiki» (о прародине хорватов и сербов). В ней Гай усмотрел попытку изобразить хорватов и сербов русскими колонистами («Grada...», knj. 3 U Zagrebu, 1901, str. 254).

³³ J. Drašković. Ein Wort..., S. 6, 7.

³⁴ «Šta nameravaju Iliri?», str. 10—14.

³⁵ «Danica», 1839, br. 47, str. 186; 1842, br. 32, str. 126.

³⁶ Согласно идеологам иллиризма, в северо-восточной части Иллирии произошла ассимиляция с древними иллирийцами болгар, связанных происхождением с татарами (см. «Danica», 1839, br. 47, str. 186).

³⁷ J. Drašković. Ein Wort..., S. 2 i sl.; «Danica», 1838, br. 4, str. 14; 1842, br. 7, str. 25—27.

³⁸ J. Drašković. Ein Wort..., S. 2.

ками. Много раз древние иллирийцы сами избирали римских императоров. Своим происхождением были связаны с ними 43 императора и две императрицы Рима и Константина Поля и т. д.³⁹ Все это должно было возвеличить южных славян, показать древность и богатство их исторического прошлого, способность к историческому развитию, большую роль их в развитии европейской культуры. Тем самым утверждалась справедливость национальной борьбы южных славян за равноправие и свободу, как и неизбежность ее победы.

Итак, идея «Великой Иллирии» была идеей единства, национальной общности южных славян.

Формулируя мысль о «Великой Иллирии», идеологи хорватского национального движения исходили из потребностей национальной борьбы. В 1839 г. Гай в «Объявлении» писал: «Наше намерение состоит не в том, чтобы частные названия ликвидировать, но лишь в том, чтобы соединить их под общим народным наименованием, так как с каждым частным именем связаны особые события, которые вместе составляют историю общей иллирийской народности. Намерение наше не в том, чтобы меньшие или большие числа сбросить со счета, а в том, чтобы слить их в одну единицу, т. е. собрать в одно общее число. Намерение наше не в том, чтобы отдельные прутья сломать, а в том, чтобы все связать в один пук, дабы такой пучок злобный чужестранец не сломал столь легко, как он сломал бы прут за прутом»⁴⁰.

³⁹ «Sta nameravaju Iliri?», str. 5, 6.

⁴⁰ «Danica», 1839, br. 47, str. 186—187.

В том же плане писал и Б. Шулек в 1844 г. «Никто вам силой не навязывает и не приказывает, — заявлял он, обращаясь к хорватам, — чтобы как раз все вы обязательно именовали себя иллириами, иллирийские патриоты желают вам только показать, что все вы можете называть себя иллириами и что из-за этого не следует бояться какой-либо опасности, которая грозила бы вашим правам. Они хотят только показать, что племя хорватское и славонское не такое малочисленное, как утверждают постоянно его враги; что хорваты и славоны лишь одна часть большого иллирийского народа, так же как в свою очередь иллирийский народ — часть великого славянского народа; что они не нуждаются в чужом языке для просвещения своего народа, по что они способны свой собственный язык развить, свою собственную литературу утвердить и на своем языке свой народ просветить, ибо иллириев имеется почти 12 миллионов» («Sta nameravaju Iliri?», str. 125, 126).

В 1840 г. в записке «Sekreta arkana», переданной М. П. Погодину, Гай по поводу возникновения иллирийской теории заявлял следующее: «В то время как с быстрым ростом элемента, разрушающего иллирийское славянство между Дунаем и Адриатическим морем, в последнее время славяно-иллирийские с Венгрией соединенные королевства Хорватии и Славонии были уже в состоянии полностью отказаться от своей коренной национальности, поднялся, презрев все опасности и препятствия, д-р Людовит Стефан Гай, чтобы против сильного напора враждебных влияний воздвигнуть национальную славянскую плотину и пробудить своих соотечественников из их постыдной летаргии для охраны своей национальности. Достойный удивления, быстрый успех его устремлений показывает, что он действительно был призван к тому, чтобы объединить иллирийских славян во всех областях в одном общем национальном интересе и тем самым открыть новую эпоху»⁴¹.

Мысль о «Великой Иллирии» была выдвинута как идеологическое обоснование необходимости и правомочности всестороннего сплочения южных славян для защиты и обеспечения их национального развития.

Идея «Великой Иллирии» родилась в Хорватии не случайно. Она была обусловлена конкретными обстоятельствами жизни хорватского народа. Эта идея возникла в условиях угнетения, малочисленности и слабости хорватов, разделенных к тому же административно-политическими перегородками, различными диалектами, областными позываниями. Необходимость преодоления этой раздробленности, неотложность объединения хорватов для противодействия насильственной депационализации, с одной стороны, потребность их в поддержке и опоре в борьбе за национальное существование, с другой — и породили у идейных вдохновителей хорватского национального движения мысль о национальной целостности и единстве всех южных славян, которая непосредственно вела к выводу о необходимости их согласованных действий.

Идеологическое положение о «Великой Иллирии», несомненно, сложилось у хорватских деятелей также под влиянием и в противовес мадьяризаторской политике венгерского дворянства, которое путем омадьяризования невен-

⁴¹ П. А. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 083.

герских народов пыталось усилить позиции Венгрии перед лицом Австрии.

Мысль о южнославянском национальном единстве оформилась у хорватских деятелей на основе большого родства южных славян между собой. Эти народы связаны единством происхождения, общностью исторических судеб. Все они испытывали или пережили национальный гнет. Их объединяла языковая и известная культурно-бытовая близость. Наконец, росли и крепли экономические связи между ними. Все это и определило субъективное восприятие хорватскими лидерами южных славян как одного народа.

У югославянской, в том числе и хорватской, общественности издавна было сознание этнической, исторической и культурно-языковой близости южных славян между собой, уверенность в единстве их происхождения, которое обычно связывалось с древними иллирийцами. И представление об определенном родстве и единстве балканских славян задолго до деятелей хорватского Возрождения выражалось понятиями «Великая Иллирия» или просто «Иллирия», так что эти названия были хорошо известны как в Хорватии, так и на славянском юге в целом. Они часто употреблялись не только в научной и художественной литературе, но и в австрийских официальных документах применительно в одних случаях к территории, занимаемой южными славянами, в других — к югославянским землям. И название *иллиры* широко использовалось для обозначения этнической общности балканских славян в противовес туркам, итальянцам и прочим народам. Оно применялось также к отдельным югославянским народам и употреблялось иногда в общеславянском значении.

Терминами *иллиры* и *иллирийский* оперировали для обозначения славянского юга учёные и деятели славянского Возрождения, в том числе Обрадович, Шафарик и Коллар. Эти термины в 20-х годах бытовали в среде югославянского студенчества в Граце и т. д.

Так что понятия *Иллирия*, *иллиры* имели свою историю и были традиционны. В силу их пейтральности и общедоступности хорватские национальные деятели воспользовались ими для охвата южного славянства в одно целое. Общее пейтральное название должно было также помочь духовному собиранию раздробленных частей хорватского народа.

Однако выдвинутая деятелями хорватского Возрождения идея «Великой Иллирии» отнюдь не была прямым продолжением прежних воззрений и заключала в себе качественно новый смысл. Она была связана с формированием хорватской нации и отражала специфику развития ее сознания. Направленная против региональной психологии и воззрений эта идея появилась па заре рождения хорватской нации, когда национальная обособленность хорватского народа еще не утвердилась в общественном сознании и в то же время было понимание родства и близости южных славян.

Идея «Великой Иллирии», выдвинутая в противовес региональному сознанию, заключала в себе теоретическое положение о национальном единстве народа независимо от административно-политических перегородок, религиозных верований, местных наименований и т. п. Тем самым эта идея объективно содействовала национальному сплочению хорватов. В то же время, сливая хорватов с другими южнославянскими народами в одно национальное целое, идеологическое положение о «Великой Иллирии» оказывало тормозящее воздействие на развитие в хорватском обществе сознания национального отличия хорватов от других южных славян, хорватской национальной самобытности.

Идея «Великой Иллирии» соответствовала исторической тенденции к сближению южнославянских народов, и способствовала ему. Она явилаась первой и наиболее ранней формой югославизма — осознанной потребности южнославянского единения и сотрудничества. Но в то же время идея «Великой Иллирии», представляя южных славян как единое национальное целое, отрицая национальные различия между южнославянскими народами, шла вразрез с процессом их национальной консолидации и потому в полной мере не отражала назревших задач их исторического развития.

В 40-е годы XIX в. с развитием хорватского национального движения его идеологи сформулировали положение о венгерской Иллирии, как части «Великой Иллирии». Впервые мысль о подразделении «Великой Иллирии» на австрийскую (немецкую), турецкую и венгерскую была высказана Раковацем в «Катехизисе» в 1842 г.⁴² Она

⁴² D. Rakovac. Mali katekizam., str. 48, 49.

была затем развита Шулеком в его известной брошюре⁴³.

Раковац под венгерской Иллирией понимал Триединое королевство⁴⁴. Шулек дал более обстоятельное и подробное определение ее территории и границ. Исторические истоки венгерской Иллирии Шулек относил к тому времени, когда переселившиеся в Иллирию хорваты, соединившись с древними иллирийцами, заняли территорию, соответствовавшую современной ему Хорватии, Славонии, Далмации и большей части Боснии. Шулек подчеркивал, что и при Петре Крешимире IV (XI в.) Хорватское королевство включало не только территорию современной ему Хорватии, но и Славонии, Далмации и западной части Боснии. Наконец, Шулек настаивал, что Хорватия занимала ту же территорию в период соединения ее с Венгрией, а затем старинная Хорватия была разделена на три королевства — Хорватию, Славонию и Далмацию, которые именовались единым названием «Иллирия» или «Иллирийские королевства». Шулек считал Меджумурье чисто хорватской областью на том основании, что оно «до недавнего времени относилось к Хорватии»⁴⁵. Венгерскую Иллирию руководители иллиризма отождествляли с Триединым королевством в его широких исторических границах. Этим понятием они охватывали Хорватию и Славонию, включая военные области, Далмацию, Меджумурье и часть Боснии.

Говоря о мотивах выделения внутри «Великой Иллирии» венгерской Иллирии, Раковац писал: «Мы иллирийское имя вмешиваем в политику только в узком его значении, т. е. когда речь идет о нашем триедином далматинско-хорватско-славонском теле вообще. Убедимся, иначе говоря, в том, что чаще всего только хорватское имя употребляется как политическое, славонское же и далматинское совершенно остаются без внимания, как будто их и не существует. Это упущение было частично причиной того, что сейчас союз между Хорватией и Далмацией совершенно расторгнут, между Хорватией же и Славонией ослаб. Желая между тем остаться с нашими муниципальными братьями в союзе, мы употребляем ради краткости единое для всех иллирийское имя»⁴⁶. Идея венгерской

⁴³ «Šta nameravaju Iliri?», str. 133, 134.

⁴⁴ D. Rak o v a c. Mali katekizam..., str. 18.

⁴⁵ «Šta nameravaju Iliri?», str. 12, 24, 35—37, 78.

⁴⁶ D. Rak o v a c. Mali katekizam., str. 18.

Иллирии была сформулирована хорватскими национальными деятелями в первую очередь в связи с политическими задачами борьбы. Разделение «Великой Иллирии» было вызвано также и тем, что многие хорватские дворяне видели в ней угрозу стариным политическим привилегиям Хорватии и Славонии и, наконец, тем, что политический иллиризм был неугоден Вене.

Несомненно, однако, и то, что идея венгерской Иллирии была связана с дальнейшим ростом хорватского национального самосознания и знаменовала собой шаг вперед в его развитии. Шулек в брошюре, говоря о правлении Петра Крешимира IV, писал: «Под ним (Петром Крешимирам IV. — И. Л.) Хорватское королевство было наиболее могущественным, так как тогда к нему относилась не только современная Хорватия, но и Славония, Далмация и западная часть Боснии. Как было бы хорошо, если бы это запомнили те хорваты, которые считают, что славонец, босняк, далматинец не являются их истинными братьями. Изменились только имена и правители, но та же самая кровь течет и сегодня в жилах хорвата и славонца, босняка и далматинца»⁴⁷.

Или другое замечание Шулека: «А может ли кто отрицать, что оточацкий, огулинский, слуньский и т. д. граничар не истинный хорват, подобно тому как и вараждинский или крапинский загорец»⁴⁸. В брошюре Шулек упорно писал о «пародности хорватско-славонской», о «хорватско-славонском пароде»⁴⁹. Эти определения и высказывания национального деятеля проникнуты сознанием единства хорватского народа. Но при этом он отдавал еще дань местнической традиции, разделяя хорватов и славонцев. Был здесь и элемент великохорватства, проявлявшийся в том, что он безоговорочно относил к хорватам и сербское паселение в Хорватии, Славонии, Далмации и Боснии.

Но иллирийские идеологи так и не поднялись до понимания того (или из тактических соображений не хотели признать), что югославяне, или южные славяне, составляют родственную группу народов, а не один парод. Однако с развитием движения и под влиянием этого факта, что объединительные тенденции иллиризма не

⁴⁷ «Šta nameravaju Iiri?», str. 24.

⁴⁸ Там же, стр. 105.

⁴⁹ Там же, стр. 76, 89, 90, 104, 121.

нашли должной поддержки со стороны югославянской буржуазии, идея национальной целостности южных славян постепенно утрачивала свое значение как определяющая теорию и практику иллиризма. В 40-е годы хорватские идеологи стали делать упор на хорватском единстве.

Идеологическое положение о венгерской Иллирии заключало в себе мысль о территориальной, национальной и политической целостности основного комплекса хорватских земель. Оно было направлено против существующей раздробленности хорватской территории, против попыток венгерского дворянства отделить от Хорватии Славонию и тем самым усугубить расчлененность хорватских земель. Формулируя его, хорватские национальные деятели руководствовались как национальным, так и историческим государственным принципом. Отсюда к хорватской территории они относили часть Боснии, по опускали Истрию. Молчаливо в составе хорватских земель подразумевался весь Срем, но уже на основании административо-политической его принадлежности в то время к Славонии и славонской Границе.

Идеология хорватских национальных деятелей не была свободна от элементов панхорватизма. В начале движения его руководители все население тех земель, которые вскоре были объявлены «Великой Иллирией», называли хорватами. Бабукич в стихотворении «Грапице и Данице», помещенном в первом номере журнала за 1835 г., прямо писал, что в старину сербы, боснийцы, герцоговинцы, славонцы, штирийцы, крайпцы, каринтийцы были хорватами⁵⁰. О панхорватистской окраске песни Гая «Еще Хорватия не погибла» говорилось выше.

Гай долго колебался, назвать ли новый литературный язык «хорватским» или «иллирийским». На последнем названии настаивал преимущественно А. Мажуранич⁵¹. Во всем этом проявлялось предпочтение, которое иллирийские идеологи отдавали хорватам внутри южнославянского единства, хотя определенную роль на данной стадии играла неразработанность еще идеологических посылок пл-

⁵⁰ «Danica», 1835, br. 1, str. 2.

⁵¹ «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения», Варшава, 1894. Разбор орд. ак. И. В. Ягича. — «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. 64. СПб., 1899. Приложения № 10, стр. 18.

лиризма и связанной с ними терминологии. Весьма выразительно, однако, откровенное заявление Д. Раковаца в его «Маленьком катехизисе» о том, что Королевства Хорватии, Славонии и Далмации являются самой важной частью «Великой Иллирии»⁵².

Однако панхорватизм не получил яркого выражения и определяющего значения в идеологии иллирийских лидеров. Элементы панхорватизма проявлялись главным образом на начальной стадии движения. С развитием иллиризма в открытых выступлениях хорватских национальных деятелей их почти не стало. Надо полагать, что такая эволюция объяснялась политическими видами национальных лидеров Хорватии, убедившихся в том, что в сербских, да и словенских буржуазных кругах была боязнь поглощения хорватами сербов и словенцев, и потому стравившихся избегать всего того, что могло оттолкнуть южнославянскую общественность от иллиризма.

Идеология и программа буржуазно-дворянского направления в иллиризме в 30-х годах XIX в.

Буржуазно-дворянское крыло в иллирийском движении объединяло передовое дворянство, буржуазию, интеллигенцию, часть духовенства, студенчество. Программные положения этого направления в 30-е годы были сформулированы Л. Гаем на страницах периодической печати, главным образом в «Объявлениях», публикавшихся каждые полгода и оповещавших хорватскую общественность о направлении и содержании национальной газеты и журнала. Наличие общей программы⁵³ не исключало, однако, идейных расхождений внутри этого лагеря, которые углублялись по мере развития движения.

Цели и задачи буржуазно-дворянского направления в 30-е годы не получили должного освещения в литературе. Хотя всеми авторами отмечалась и отмечается объединительная южнославянская тенденция Гая и его сподвижников в литературно-языковой области, тем не менее объяснения причин и истоков ее возникновения не было

⁵² D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 21.

⁵³ Это попытке употребляется в работе условно, поскольку обстоятельно разработанной и официально принятой программы у названного направления не было.

дано. Что же касается конкретных задач движения, они вообще не раскрыты в литературе.

Цель иллиризма, определявшаяся вёдущей теоретической посылкой о национальном единстве южных славян, была ясно сформулирована Л. Гаем в самом начале движения. В статье «Правописание», напечатанной в «Данице» в марте 1835 г.⁵⁴, Л. Гай со всей категоричностью писал: «Одно-единственное желание всех истинных патриотов состоит в том, чтобы проживающие в староиллирийских государствах славяне объединились в литературном языке»⁵⁵.

В декабре 1835 г. Гай в «Объявлении», аллегорически изображая «Великую Иллирию» в виде лиры в руках девы Европы, рисовал картину стройного звучания ее струн в давние времена. Но поднялся вихрь, писал Гай, струны оборвались, и не стало с тех пор гармонических звуков. Гай призывал вновь привести к звучанию «лиру Иллирию». И далее он продолжал: «Кто смысл и причину этого сравнения понимает, тот должен быть убежден, должен полностью сознавать необходимость единой для всей Иллирии развитой литературы»⁵⁶. В заключение Гай утверждал: «В Иллирии может быть только один язык истинно литературным, мы не ищем его в одном месте или в одном государстве, но во всей Великой Иллирии»⁵⁷. В редакционной статье «Кое-что об истории итальянского языка», опубликованной в «Данице» в ноябре 1835 г., особый упор делается на необходимости литературного единства сербов, хорватов и словенцев⁵⁸. Цель ил-

⁵⁴ Этой статье предшествовала в «Данице» публикация письма хорвата Йосипа Майера от 2 октября 1834 г. из Баната и письма Мато Топаловича из Вены от 24 января 1835 г., где выражалось стремление к литературному единству южных славян («Danica», 1835, бг. 1, str. 3, 4; бг. 5, str. 18, 19).

⁵⁵ «Danica», 1835, бг. 10, str. 38. Гаю вторил П. Штоос в статье «Братское слово касательно основы старииного хорватского правописания», помещенной в журнале в апреле того же года. Штоос выражал пожелание, чтобы все славяне объединились в четыре литературно-языковые группы, и особенно призывал к литературному единству славян, населявших древнеиллирийские государства. «Хорват хочет, — писал он, — встать со всеми иллирийскими братьями в одно литературное коло» («Danica», 1835, бг. 13, str. 50).

⁵⁶ «Danica», 1835, бг. 48, str. 292.

⁵⁷ Там же, стр. 293.

⁵⁸ «Danica», 1835, бг. 47, str. 288.

Иллийского движения состояла в литературно-языковом объединении южных славян, преимущественно же хорватов, сербов и словенцев.

Подобно тому, как идеальные вдохновители иллиризма считали хорватов, сербов и словенцев, а также болгар в национальном отношении единым целым, ветвями одного иллийского народа, равным образом они рассматривали языковые различия между ними как диалекты, которые могут и должны быть подчинены единому литературному языку. Они ссылались в данном случае на пример образования немецкого и итальянского литературных языков при множестве наречий у одного и другого народа⁵⁹.

Возможность соединения южных славян в литературном отношении в одно целое хорватские национальные деятели обосновывали языковым единством древней Иллирии. В «Объявлениях» Гай проводил мысль о языковой общности Иллирии в далеком прошлом⁶⁰. Он отмечал при этом, что переселившиеся в Иллирию хорваты и сербы через короткое время утратили свои, северное и западное, наречия⁶¹.

Идея литературно-языкового единения южных славян в 30-е годы была центральной в иллиризме. Истоки ее возникновения раскрываются уже в первом номере «Даницы» в корреспонденции И. Майера «Письмо из Баната». В ней говорилось, что только литературное единство славян, проживающих на территории от Пешта до

⁵⁹ «Danica», 1835, br. 47, str. 287—288.

⁶⁰ «Danica», 1835, br. 48, str. 292; 1839, br. 47, str. 186.

⁶¹ «Danica», 1839, br. 47, str. 186. Подробнее и осторожнее писал по этому вопросу Драшкович в брошюре «Слово иллийским благородным дочерям». Он полагал, что во всей Иллирии в древности был единый праязык, который, подобно русскому, польскому и чешскому, являлся одним из славянских наречий. По мнению Драшковича, языковые различия в Иллирии появились в связи с переселением сюда северо-западных славян, в результате чего «иллийский язык» в одних областях в большей степени, в других — в меньшей лишился своих особенностей. В южной и юго-восточной части Иллирии, т. е. в южной Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Сербии, он сохранился в наибольшей чистоте (J. Drašković. Ein Wort..., S. 7—8; «Danica», 1839, br. 19, str. 74). Так, ссылаясь на древность штокавского диалекта и его близость к иллийскому праязыку, Драшкович обосновывал преимущества штокавщины перед другими наречиями как основы литературного единства южных славян.

моля, может оградить их язык и род от исчезновения. В письме литературное соединение югославян характеризовалось как крайняя и неотложная потребность⁶². Таково, несомненно, было мнение и самой редакции. Следовательно, планы литературно-языкового объединения южных славян были продиктованы стремлением создать прочный барьер против денационализации южных славян и в первую очередь самих хорватов. Литературно-языковая «Великая Иллирия» должна была стать конкретной формой консолидации южнославянских сил в национальной борьбе. Кроме того, в литературном объединении деятели иллиризма видели путь к улучшению условий литературного развития южных славян. Объединение призвано было обеспечить широкий слой читательской публики, увеличить материальные средства и издательские возможности⁶³.

Южнославянское литературно-языковое единство хорватские деятели всегда связывали с учением о славянской взаимности, видя в этом необходимое условие духовного сближения всех славян и их взаимного культурного обогащения⁶⁴.

Выдвигая задачу литературно-языкового слияния южных славян, идеологи иллиризма опирались на большую популярность и широкое распространение в кругах славянской общественности Австрийской империи идей литературного сплочения славянства и особенно ближайше родственных групп внутри него. Правда, формы и пути этого соединения мыслились различными деятелями славянского Возрождения неодинаково. В конечном итоге той же цели литературного сближения всех славян и языковой консолидации каждой из четырех славянских групп служило колларовское учение о славянской взаимности, оказавшее большое влияние на весь строй взглядов хорватских национальных деятелей.

В первой половине XIX в. в югославянской среде строились проекты литературного соединения южных славян. Задолго до деятелей иллиризма словенец Япели в своей грамматике, которая осталась в рукописи, выступал за литературное единство южных славян на

⁶² «Danica», 1835, br. 1, str. 3.

⁶³ «Kolo», 1842, II, str. 112, 113.

⁶⁴ «Danica», 1835, br. 10, str. 39.

основе орфографии Богорича. Япели именовал общий литературный язык «иллирийским»⁶⁵.

Все это способствовало оформлению объединительных устремлений деятелей иллиризма. Выступая за объединение южных славян в литературно-языковом отношении, хорватские национальные деятели руководствовались при этом не абстрактными идеалами, но имели в виду национальные судьбы хорватского народа. Как было показано в предыдущей главе, у передовых представителей хорватской общественности с конца XVIII в. явственно обнаруживалось сознание национальной целостности хорватского народа, непреодолимой стала потребность его литературно-языкового единения. Эти стремления, нарастаая, получили в первой половине XIX в. довольно широкое распространение.

Теория иллиризма развилаась не вопреки, а на базе предшествовавшего развития хорватской общественной мысли, вобрав в себя все ее достижения и знаменуя собой дальнейший шаг вперед в ее развитии. Уже в своих ранних сочинениях Гай, Деркос проявили глубокое, в сравнении со своими идеальными предшественниками, понимание национальных задач, стоявших перед хорватским народом, и особенно сознание неотложности его литературно-языкового единства. Они не только поставили в своих сочинениях начала 30-х годов различные вопросы хорватского общественного развития, в первую очередь вопросы духовного объединения хорватского народа, но и предложили конкретные пути их решения, связывая в то же время национальные судьбы хорватов и ближайше родственных им народов. Передовые хорватские мыслители были не только озабочены хорватской разобщенностью, но и сознательно искали выхода из такого положения.

В начале иллирийского движения, до оформления идеи «Великой Иллирии», когда объединительные южнославянские мотивы получили преобладающее значение, в национальной печати и в письмах Гаю проскальзывали раздумья о литературно-языковой раздробленности и разъединенности хорватов и необходимости ее преодоле-

⁶⁵ «Danica», 1841, br. 25, str. 100.

ния⁶⁶, хотя Гай уже в «Объявлении» 1834 г., оповещавшем о выходе газеты и журнала, сразу указал ориентацию изданий на всех славян, обитавших в «южных странах»⁶⁷. Дж. Тординац писал о возрождении и согласии братьев—славонцев, хорватов и далматинцев⁶⁸. Выше уже говорилось, что в своих знаменитых давориях Гай делал упор на единстве и возрождении хорватов.

Все это дает основание считать, что к мысли о литературно-языковом единении южных славян хорватские национальные деятели пришли, отталкиваясь от национальных интересов и нужд хорватов и полагая удовлетворить их в опоре на все южное славянство.

Для Гая и его сподвижников главным всегда был вопрос национального существования хорватов, духовного соединения разделенных частей хорватского народа. Идея объединения южных славян в литературно-языковом отношении возникла на базе представления о невозможности изолированного национального развития хорватского народа в обстановке растущего национального угнетения. Хорватские национальные деятели рассчитывали облегчить литературно-языковое соединение хорватов, уберечь их от денационализации и обеспечить национальное развитие хорватского народа через культурно-языковое слияние всех южных славян. Они полагали посредством литературного единства южных славян увеличить силы хорватов для самозащиты и национального сопротивления.

Однако эти расчеты не могли полностью оправдаться. Деятели иллиризма правильно расцепивали языковое единство хорватов и сербов и не ошибались в возможности их литературно-языкового объединения, потому что большая часть хорватского народа говорила на штокавском диалекте, которым пользовались и сербы. Это создавало реальную основу для сербско-хорватского литературно-языкового союза. Но такой единой пародно-разговорной базы отнюдь не было у всех южных славян. Поэтому хорватские национальные деятели глубоко заблуждались, полагая объединить в литературном от-

⁶⁶ См. «Danica», 1835, br. 18, str. 70, 71; V. Deželić. Pisma pisana d-ru Iudevitu Gaju i neki nezvani sastavci (1828—1850). Zagreb, 1909, str. 119.

⁶⁷ D. Šurmin. Hrvatski preporod, I. Zagreb, 1903, str. 173.

⁶⁸ «Danica», 1835, br. 16, str. 63.

попшении южное славянство целиком, включая словенцев и болгар. В данном отпношении субъективные устремления хорватских лидеров шли вразрез с направлением исторического развития этих народов. Потребность национального развития словенцев и болгар состояла не в искусственном литературно-языковом присоединении их к сербам и хорватам, а в создании самостоятельных литературных языков, близких и понятных широким слоям народа.

2 июля 1836 г. Л. Гай в заметке «Вместо объявления» сформулировал ближайшие задачи иллиризма, которые должны были обеспечить достижение главной цели. Они были расплывчатыми, неопределенными и нечеткими. «Цель наша, — писал Гай, — мы ни перед кем не скрываем, так как добре дело никого не боится. В иллирах пробудить любовь к роду и иллирийскому отечеству, разъединенных несогласием братьев соединить литературным единством, истребить все, что противоречит исконной красоте иллирийского наречия, вернуть всем иллирам их сильный и богатырский язык, одним словом, вновь поднять славу рода и отечества в любви, верности и силе так, как была она в старину, — вот наша цель, которую только ад не одобряет». Обобщая все сказанное, Гай заключал: «...Любовь к роду и языку, образованность рода и языка, согласие и слава иллирийских братьев — вот, вот наша цель»⁶⁹.

На первых порах Гай выдвинул задачи пробуждения и воспитания патриотизма, повышения духовной культуры, создания и развития единого литературного языка и всестороннего духовного сплочения балканских славян. Формулируя эти задачи, Л. Гай ориентировался и имел в виду все южное славянство. Но объективно, в тех условиях, они могли иметь только хорватское национальное значение.

Первой задачей иллирийского движения было распространение патриотических идей и воспитание патриотических чувств — чувства любви к своему народу и родине. Руководители буржуазно-дворянского направления сформулировали и развили патриотические идеи в многочисленных публицистических статьях и замет-

⁶⁹ «Danica», 1836, br. 27, str. 108.

ках, раскрывающих содержание и значение патриотизма⁷⁰.

Патриотизм Л. Гай определил как верность народа самому себе и каждого члена общества своему народу⁷¹, т. е. как сознательную заинтересованность в его национальном существовании и развитии. Неотъемлемой частью национального патриотического сознания он считал любовь к родному языку и связывал патриотизм с почитанием национальных традиций, обычаяев, одежды, веры. «Нет патриотизма без любви к материальному языку» — так называлась большая статья, написанная Гаем в 1835 г.⁷² В этой статье он выступал против тех представителей феодального общества, которые презирали родной язык за то, что на нем говорят пахари и виноделы. Они же, с иронией писал Гай, не пашут и не выращивают виноградную лозу, а едят готовый хлеб и пьют готовое вино. В противовес феодально-дворянским идеологам, которые разумели под словом «народ» лишь дворянство⁷³, Гай обозначал этим понятием общество в целом⁷⁴. Деятели иллиризма углубили понятие патриотизма, который теперь связывался с национальноязыковыми факторами. Патриотические чувства основывались на национальном самосознании. Патриотизм носил национальный характер.

Важную роль в распространении патриотических идей руководители буржуазно-дворянского направления отводили исторической и художественной литературе, а также театру. Воспитанию патриотизма и просвещению общества должно было служить ознакомление его разными способами с этнографией, историей, бытом, культурой, народным творчеством южных славян.

⁷⁰ Частично они были написаны хорватскими деятелями, частично же представляли собой вольные переводы, содержание которых было приспособлено к нуждам иллиризма.

⁷¹ «Danica», 1835, br. 17, str. 66.

⁷² Ibid., br. 17—21.

⁷³ В первой половине XIX в. профессор Пештского университета Швартнер писал: «В Венгрии, согласно букве закона, к народу не относится никто другой, кроме дворян. Горожане и крестьяне же составляют «налогоплательщиков», из которых крестьяне очень часто в законах и актах венгерского сейма выступают под названием *misera contribuens plebs...*» (цит. по кн.: K. Georgijević. Grof Janko Drašković (1770—1856). Sarajevo, 1958, str. 40).

⁷⁴ «Danica», 1835, br. 20, str. 77—78.

Выдвигая патриотические идеи, руководители буржуазно-дворянского направления стремились к сплочению и активизации национальных сил. Они отдавали должное патриотизму как важному фактору в национальной борьбе.

Хотя Гай и его сподвижники имели в виду все южнославянское общество, патриотические идеи, буржуазные по своему содержанию, в действительности служили пробуждению национального самосознания только хорватского народа.

Провозглашая патриотические идеи, Л. Гай и его сподвижники объективно выступали от лица складывавшихся хорватских буржуазных сил. Последние, в условиях многочисленных пут и помех, сковывавших хозяйственное и общественное развитие хорватских земель, были заинтересованы в судьбах этих земель. Но эта заинтересованность касалась главным образом ликвидации чуженационального гнета и ряда феодальных ограничений (упразднение феодализма допускалось ими под давлением масс) и определялась тем, что свободное национальное развитие объединенных хорватских земель отвечало их социальным интересам.

В условиях хорватской действительности первой половины XIX в., когда перед формирующейся нацией стояла задача освобождения от феодализма с его разобщенностью, задача политического объединения хорватских земель и упразднения над ними чуженационального господства, когда классовые устремления буржуазии соответствовали объективным потребностям развития нации, когда противоречия капиталистического общества были еще не развиты, сформулированные буржуазно-дворянскими идеологами патриотические идеи отвечали и служили общепролетарским интересам. Они сплачивали и мобилизовывали нацию для борьбы за свое существование и свободное развитие.

Национальный язык был в центре внимания деятелей иллиризма. Это объяснялось крайней остротой языкового вопроса в Хорватии и Славонии. Первоочередной задачей в данном направлении было литературно-языковое единение всех хорватов, что являлось необходимым условием развития буржуазного общества. Кроме того, оно имело для Хорватии и Славонии особое политическое значение, поскольку либерально-дворянские идео-

логи Венгрии, стремясь обосновать претензии венгерского дворянства на Славонию, утверждали, что между кайкавскими хорватами и славопцами не существует национальных связей в силу отсутствия у них литературно-языкового единства⁷⁵.

Хорватские деятели много и настойчиво писали о значении национального языка в жизни народа. На их взгляды в языковой части оказывало влияние учение прогрессивного немецкого мыслителя Гердера о языке. Через сочинения хорватских национальных идеологов, посвященные языку, красной нитью проходила романтическая мысль о том, что язык выражает душу народа, его образ мыслей и чувств⁷⁶. Язык — главная отличительная черта его⁷⁷. Язык был объявлен святыней народа⁷⁸. «Народ, который любит свой язык, — писала «Даница», — еще считает сам себя как парод, если же он отступает от этой любви, тогда молча признается в нежелании в будущем быть народом»⁷⁹.

Хорватские национальные лидеры постоянно подчеркивали важную роль национального языка для духовного развития народа, для его внутренней консолидации, показывали тесную связь судеб национального языка с национальным достоинством народа, его звучанием, весом и т. д.⁸⁰ «...Родной язык, — писал Гай в 1835 г., — является самой прочной соединительной тканью единства и самой прочной опорой национальной самостоятельности»⁸¹. Корни этих взглядов были связаны с угнетенным положением зарождающейся хорватской нации, с необходимостью противодействия националистическому давлению со стороны венгерского господствующего класса, с потребностью капитализма в свободном и беспрепятственном развитии национального языка.

⁷⁵ Đ. Šurm i n. Hrvatski preporod, II. Zagreb, 1904, str. 51.

⁷⁶ «Danica», 1835, br. 8, str. 32; br. 17, str. 66; br. 18, str. 70; 1839, br. 42, str. 167.

⁷⁷ «Danica», 1839, br. 42, str. 167.

⁷⁸ «Danica», 1838, br. 35, str. 140; 1839, br. 42, str. 167.

⁷⁹ «Danica», 1839, br. 42, str. 167.

⁸⁰ G. Nima domorodzta prez ljubavi materinzkog jezika. — «Danica», 1835, br. 17—21; «O načinu kojim se narodnost i kod obladanih narodah sačuvati može». — «Danica», 1839, br. 40—43; «Danica», 1838, br. 35, str. 140; 1841, br. 15, str. 58; br. 22, str. 86; 1844, br. 14, str. 54.

⁸¹ «Danica», 1835, br. 20, str. 77.

Задачи иллирийского движения в области языка Гай и его сподвижники на первых порах видели в пробуждении в обществе интереса и любви к родной речи, в создании и развитии единого литературного языка, который мыслился ими общим для всех южных славян. В 1835 г. Иван Мажурапич писал в «Данице»: «Родной язык защищать, любить, почитать и обрабатывать есть обязанность»⁸². Это была программа возрождения и защиты родного языка в условиях нараставшей угрозы денационализации.

Желая пробудить в соотечественниках гордость за свой родной язык, веру в его будущность, потребность пользоваться им, иллирийские деятели подчеркивали древность «славянского языка», его широкое распространение в Европе, показывали его красоту, силу и могущество, писали о внимании к нему со стороны крупных исторических личностей. Гай считал «славянский язык» основанием для всех европейских языков⁸³. Хорватские национальные идеологи показывали лексическое богатство и выразительность «славо-иллирийского наречия»⁸⁴. Высказывания их в этом плане содержали в себе много преувеличений.

Если публицистические сочинения деятелей иллиризма должны были пробудить в соотечественниках тревогу за судьбы родного языка и вызвать внимание к нему, то художественная литература и произведения народного творчества были призваны закрепить любовь к родной речи.

В отношении единого литературного языка, который, как отмечалось, лидерами иллиризма рассматривался общим для всей «Великой Иллирии», представление о путях его образования сложилось у них не сразу.

Первоначально Л. Гай полагал, что для литературного слияния южных славян достаточно соединения их на основе единого правописания. Именно так онставил вопрос в статье «Правописание» в марте 1835 г.⁸⁵ Гай

⁸² «Danica», 1835, br. 18, str. 72.

⁸³ «Danica», 1835, br. 17, str. 66, 67; 1839, br. 1, str. 2—3; br. 2, str. 6—8.

⁸⁴ «Danica», 1835, br. 48, str. 290.

⁸⁵ «Danica», 1835, br. 10, str. 38—39. На взглядах Гая, несомненно, сказалось мнение Шафарика, который в марте 1835 г. в письме к нему предупреждал его от поспешных необдуманных шагов

отвергал тогда мысль о выработке единого литературного языка, рассматривал эту меру искусственной, противоречившей естественному процессу литературного развития южных славян⁸⁶. В качестве основы единой орфографии он предлагал латинское правописание, разработанное П. Витезовичем в XVII в. применительно к кайкавскому наречию⁸⁷. По существу речь шла о реформированной Гаем в 1830 г. орфографии, в которую он внес дополнительные изменения. В основу ее был положен тот же принцип.

В своей статье, говоря о южном славянстве в целом, Гай ни словом не упомянул о том, что значительная часть его пользовалась кириллицей. Трудно со всей определенностью утверждать, чем определялась такая позиция Гая. Возможно, он с самого начала мало верил в реальность перехода тех, кто пользовался кириллицей, на латиницу и, осторожно опуская этот вопрос, мысленно ориентировался лишь на часть южных славян, писавших латиницей. Но нельзя полностью исключать па первых порах и стремление Гая к достижению литературного единства южных славян, включая и употреблявших кириллицу, на основе латинской орфографии, созданной им по чешскому образцу для кайкавского диалекта. Среди его соратников такие настроения были⁸⁸. У первых сторонников орфографической системы Гая были даже предположения, что она явится основой орфографического соединения большей части Европы⁸⁹.

Претворяя свои замыслы в жизнь, Гай стал переводить «Даницу», начиная с № 10 (14 марта 1835 г.), на

в языковом вопросе. Шафарик рекомендовал Гаю в ближайшее время добиваться единства орфографии и лишь через 50—100 лет идти дальше (V. D e ž e l i c. Pisma, str. 187).

Названная статья Гая не была первым выступлением журнала по вопросу о правописании. Он поднимался в письме М. Топаловича к Гаю от 24 января («Danica», br. 5, str. 19). Топалович, настаивая на орфографическом объединении илийров, видел в этом первый шаг к литературному единству.
⁸⁶ И. Майер, мнение которого разделяла и редакция журнала, в «Письме из Баната» писал, что путь к литературно-языковому единению славян, живущих между Пештом и морем, лежит через взаимное познание наречий и литературы на них («Danica», 1835, br. 1, str. 3).

⁸⁷ «Danica», 1835, br. 10, str. 39.

⁸⁸ V. D e ž e l i c. Pisma., str. 232—233.

⁸⁹ «Danica», 1835, br. 50, str. 201.

новую орфографию. С № 29 (25 июля 1835 г.) он пере-
менил в соответствии с новым правописанием и само
заглавие журнала⁹⁰.

На первых порах Л. Гай и его сподвижники решали вопрос о литературном единении южных славян в основном так, как ставил в своих ранних сочинениях Коллар вопрос о всеславянском литературном единстве. Последний в книге «Исследования об именах...» подчеркивал, что только во всесторонней взаимности заложено славянское литературное единство, а не в фантастических мечтаниях и насильственном смешении всех славянских наречий в одно целое. Коллар допускал при этом влияние этих наречий друг на друга, а также сближение их между собой⁹¹.

К середине 1835 г. Л. Гаю стало ясно, что объединение на основе орфографии недостаточно для литературного слияния южных славян, тем более что полное орфографическое единство и не могло быть достигнуто. В декабрьском «Объявлении» 1835 г. Гай прямо поставил вопрос о едином литературном языке «Великой Иллирии», отличном от пародно-разговорных диалектов. В следующем году он писал: «Немцы создали свой литературный язык из всех наречий целой Германии, а итальянцы вы-
пестовали свой прелестный язык из всех наречий целой Италии. Наша грамматика и наш словарь есть вся Иллирия. В этом огромном саду всегда имеются прекрасные цветы. Соберем все, что есть самого лучшего, в один венок, и этот венок нашего народа никогда не завянет, но в будущем будет все обильнее и прекраснее украшаться»⁹². Сходным образом писал об образовании литературного языка и Шулек в 1846 г.⁹³

Единый литературный язык южных славян должен был каким-то образом сложиться из всех наречий «Великой Иллирии» путем вбириации в себя лучшего, что было в каждом из них. Таким путем Гай и его единомышленники, видевшие на примере правописания трудности объединительных усилий, рассчитывали преодолеть приверженность устоявшимся литературно-разговорным традициям

⁹⁰ Позднее были внесены некоторые дополнительные изменения в орфографию.

⁹¹ См. «Danica», 1835, br. 31, str. 122—123.

⁹² «Danica», 1836, br. 52, str. 211.

⁹³ «Danica», 1846, br. 27, str. 109.

в разных частях хорватских земель и во всей «Великой Иллирии».

Подобные высказывания являлись показателем неясности представлений Гая и его соратников о путях складывания единого языка «Великой Иллирии» и отражали их стремление по возможности облегчить и сделать безболезненнее литературно-языковую реформу. На практике же примерно с середины 1835 г. движимый широкими взглядами на литературный язык Л. Гай стал постепенно заменять в «Данице» кайкавскую лексику и выражения штокавскими⁹⁴. С 1836 г. он, полностью отказавшись от своего родного кайкавского говора, перевел газету и журнал на штокавский диалект окончательно и бесповоротно. Тем самым в основу нового литературного языка было положено штокавское наречие.

В начале 1836 г. в «Данице» была напечатана работа В. Бабукича «Основа славянской грамматики иллирийского наречия»⁹⁵, где были даны основные грамматические нормы нового литературного языка. Это было очень пужное для Хорватии сочинение.

Языковая реформа не была случайным шагом со стороны загребских национальных деятелей. Как было показано выше, еще до иллиризма у передовых хорватских мыслителей и у самих будущих идеологов иллиризма сложилось убеждение в преимуществах штокавского диалекта перед кайкавским как основы литературного единства хорватов. Штокавское наречие привлекало своим широким распространением в хорватских и других южнославянских землях. На нем говорила большая часть хорватского и все сербское население. Оно располагало в свою пользу богатой и развитой письменностью. Это был язык далматинских и дубровницких классиков XVI—XVII вв., оставивших богатое литературное наследство. На штокавском говоре были и песни Качича, и фольклор, который собрал и издал Караджич⁹⁶. Только создание общего литературного языка на основе штокавского говора могло действительно улучшить условия для развития хорватской литературы.

⁹⁴ Стихотворения на штокавском говоре печатались в «Данице» с начала выхода журнала.

⁹⁵ «Danica», 1836, br. 10—15.

⁹⁶ См. «Proglaš». — «Danica», 1836, br. 49, str. 195.

В выборе деятелями иллиризма штокавского диалекта для нового литературного языка сыграло, несомненно, роль и желание теснее связать Хорватию со Славонией, которая была предметом особых политических вожделений венгерского дворянства, и Далмацией. Население этих областей говорило на штокавском наречии.

Конечно, литературно-языковая реформа была болезненной для самой Хорватии, имевшей богатые литературные кайкавские традиции. Но в том и состояло величие деятелей хорватского Возрождения, что они сумели понять невозможность литературного собирания всех хорватов на кайкавской основе, смогли пожертвовать дорогой и близкой их сердцу кайкавщиной во имя интересов всей хорватской нации и сближения хорватского и сербского народов.

Новый литературный язык деятели иллиризма называли «иллирийским». Они допускали при этом не только сохранение в разговорной речи в «Великой Иллирии» наречий и под наречий, но и издание книг на них для простого народа⁹⁷. В действительности же новый литературный язык не мог быть и не стал южнославянским литературным языком. Он явился общим литературным языком хорватов. Вместе с тем, благодаря тому, что в основе его лежал диалект, на котором говорила большая часть хорватов и все сербы, были заложены основы литературно-языкового единства хорватского и сербского народов. В те годы оно было неполным, поскольку литературный язык загребской филологической школы опирался на штокавский говор и дубровницкую классику, вобрав в себя некоторые элементы и других наречий во имя единства южных славян, в то время как Вук Караджич в литературно-языковой реформе отталкивался исключительно от новоштокавских народных говоров иекавского произношения⁹⁸.

⁹⁷ См. «Danica», 1835, br. 47, str. 288.

⁹⁸ Литературно-языковое единство сербов и хорватов в том виде, в каком существует в настоящее время, формально было провозглашено соглашением, подписанным в 1850 г. в Вене И. Мажураничем, Д. Деметором, И. Кукулевичем-Сакдинским, Дж. Даничићем, Ф. Миклошићем и В. Караджичем. Оно знаменовало собой победу литературно-языковых принципов Караджича. Но практически единство установилось лишь к концу столетия (L. J o n k e. Jezična problematika u vrijeme hrvatskog narodnog preroroda. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 236, 238, 239, 240, 241).

Различие в алфавитах хорватов и сербов сохранилось. Идеологи иллиризма уделяли серьезное внимание этому вопросу, придавая большое значение правописанию вообще и считая, что различие в алфавитах ослабляет югославянский духовный союз.

Движимый стремлением сблизить хорватов и сербов и привлечь к иллиризму последних, Гай какое-то время помышлял о принятии в свои издания кириллицы наряду с латиницей⁹⁹. Однако о полном отказе от латиницы в пользу кириллицы не было и речи. В одной из неопубликованных записок Гай высказался по этому вопросу следующим образом: «Мы, славяне, являемся истинными европейцами, мы припадлежим к великому роду славного европейского корня, а все просвещенные народы этого корня имеют одну азбуку, а именно латинскую, зачем же мы, следовательно, предпочитали бы испорченную греческую простой латинской?»¹⁰⁰ Тем не менее в среде иллиризма готовили планы заменить латиницу кириллицей. Показательно, что во имя литературного единства хорватов и сербов был готов перейти на кириллицу францисканский монах из Славонии Кайо Адич, о чем оп писал Гаю в мае 1836 г.¹⁰¹

В «Данице» от 8 августа 1835 г. было помещено письмо Игњата Брлича¹⁰² Бабукичу. Еще в 1833 г. Брлич выпустил грамматику сербского языка, где рекомендовал всем югославянам, пользовавшимся штокавским диалектом, принять реформированную кириллицу Караджича¹⁰³. В письме Бабукичу Брлич, выражая одобрение правописанию Гая, одновременно советовал положить в основу литературного единства южных славян кириллицу. Выступивший от лица хорватских деятелей Бабукич предложил решить вопрос об алфавите, опираясь на учение о славянской взаимности. Бабукич рекомендовал южным славянам

⁹⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, str. 204, 212.

¹⁰⁰ Записка написана смешанным латинским, новым и старым, правописанием. Судя по ее содержанию и правописанию, ее следует датировать серединой 30-х годов XIX в. (Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor, R. 3989. Gaj Ljudevit. Pesme i proza, II. Literarno-poučni sastavci. Misli i bilješke o jeziku, narodnosti, hrv. povijesti, politici i dr.).

¹⁰¹ V. Deželić. Pisma..., str. 6.

¹⁰² И. Брлич был торговцем в Славонском Броде.

¹⁰³ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 143, 144.

зпать обе азбуки. Время должно было, по его мнению, решить вопрос о том, какая из них станет общей для всех южных славян¹⁰⁴. И в «Объявлении» Гая от 1839 г. рекомендовалось образованным иллириям знать обе азбуки¹⁰⁵. В этом Гай видел путь к преодолению орфографического барьера между южными славянами.

Кириллица не получила места в хорватских изданиях в силу ряда причин. Идеологи иллиризма опасались недовольства со стороны католического духовенства, которое могло увидеть в этом шаге серьезную уступку православию. Не оставалась без внимания и очевидная отрицательная реакция австрийского правительства. Видимо, были и раздумья насчет падения престижа и влияния Загреба в югославянской среде. Обострение же сербскохорватских противоречий, выразившееся в споре о национальных именах, окончательно сделало невозможным принятие хорватскими национальными деятелями кириллицы.

Отдельные участники иллирийского движения с самого начала попимали несовместимость господства латыни в официальной жизни Хорватии и Славонии с требованиями времени. В 1836 г. упомянутый выше Кайо Аджић рекомендовал Гаю в своих письмах добиваться введения нового правописания в школах Хорватии, Славонии и Далмации. В связи с заседаниями хорватского сабора он советовал Гаю постараться, чтобы «язык наш иллирийский» был возведен в ранг государственного¹⁰⁶. В эти же годы хорватский помещик, видный юрист Винкович на практике стремился расширить сферу употребления национального языка и, будучи судьей Загребской жупании, пользовался им в служебных делах, о чем и сообщал в 1837 г. в письме к Гаю¹⁰⁷.

Инициатива Аджића и Винковича показательна для пастроений в среде рядовых участников движения. Можно предположить, что Гай и его ближайшие соратники понимали необходимость кардинального решения языкового вопроса в Хорватии и Славонии в смысле введения национального языка во все сферы общественной жизни.

¹⁰⁴ «Danica», 1835, br. 31, str. 121—124.

¹⁰⁵ «Danica», 1839, br. 47, str. 187.

¹⁰⁶ V. Deželić. Pisma..., str. 4, 6, 7.

¹⁰⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 483—484.

Но прежде нужно было разработать основы единого литературного языка хорватов и добиться его общественного признания.

Через «Даницу» и отдельные сочинения хорватских национальных деятелей красной нитью проходила мысль о просвещении народа. Лидеры иллиризма считали просвещение важным условием процветания, благоденствия и упрочения положения народа¹⁰⁸. Они были уверены, что просвещение народа могло быть достигнуто лишь посредством родного языка, близкого и попятного самым широким слоям населения. Духовное развитие общества они непосредственно связывали с судьбами родного языка и ставили в прямую зависимость от развития последнего¹⁰⁹. «... Ни один народ, — писала редакция «Даницы» в 1837 г., — не может возвыситься до образованности и с ней связанного благосостояния и славы без обработки и совершенствования национального языка»¹¹⁰. Первым условием просвещенности народа Гай считал основательное знание родного языка¹¹¹.

Путь к духовному совершенствованию общества буржуазно-дворянские идеологи видели в первую очередь в развитии литературы, в том числе и научной, на национальном языке, в основании научных и культурно-просветительных учреждений и обществ, в ознакомлении общественности с достижениями духовной культуры других народов, в распространении полезных знаний, устройстве народных школ¹¹².

По существу это была задача развития науки и просвещения, создания и защиты родной культуры, которую идеологи иллиризма считали единой для всех южных славян, но которая в действительности могла быть только хорватской национальной культурой. Эта задача определялась потребностями капитализма в научном прогрессе, в грамотных и квалифицированных кадрах и была связана со стремлением буржуазных сил к утверждению своего господства в духовной сфере.

¹⁰⁸ «Danica», 1839, br. 43, str. 171; «Novine», 2.V 1837, str. 139—140; «Danica», 1837, br. 24, str. 96.

¹⁰⁹ «Danica», 1836, br. 33, str. 131; 1835, br. 17—20; 1837, br. 24, str. 96; 1841, br. 15, str. 58; br. 22, str. 86.

¹¹⁰ «Danica», 1837, br. 24, str. 96.

¹¹¹ «Danica», 1835, br. 21, str. 83.

¹¹² «Danica», 1836, br. 33, str. 131; 1838, br. 23, str. 91.

Хорватские национальные лидеры выдвинули также задачу духовного сплочения южных славян. Иллиризм должен был пробудить у них чувство общности, единства и целостности, вызвать сознание необходимости, неотложности и возможности сплочения для защиты и спасения своего национального будущего, вселить уверенность в успехе объединенных усилий.

Хорватские национальные деятели уделяли исключительное внимание этому вопросу. В публицистических статьях и художественных произведениях они указывали на печальный для судеб южных славян результат их разъединения и разогласий в прошлом¹¹³. Гай писал в «Объявлении» 1839 г.: «Сербское царство па Косове пало, а иллирийское не пало бы. Хладнокровно смотрел один иллир па другого брата, как тот эгоистично возвышается под своим частным именем, и хладнокровно наблюдал, как тот падает»¹¹⁴.

Хорватские национальные деятели постоянно подчеркивали, что только единство поможет воспрянуть от сна, добиться величия и славы, достигнуть желанной цели¹¹⁵. Самое важное условие духовного согласия они видели в языковом единстве.

Буржуазно-дворянские идеологи призывали к согласию южных славян независимо от вероисповедания. На протяжении веков южные славяне разделялись между собой вероисповеданием, и эти различия укоренились в общественном сознании, порождая нетерпимость и антагонизм. Религиозная вражда препятствовала формированию наций и ослабляла силы этих народов. Религиозное сознание подменяло и отесняло национальное. Поэтому преодоление религиозной розни было насущной потребностью национального развития хорватов и всех южных славян, условием их сближения и национального освобождения.

Деятели иллиризма поняли вред религиозной нетерпимости для национального освобождения южнославянских народов, несовместимость религиозного фанатизма с духом времени. Исходя из этого, они выдвинули идею

¹¹³ См. «Danica», 1836, br. 7, str. 25; 1838, br. 11, str. 41.

¹¹⁴ «Danica», 1839, br. 47, str. 187.

¹¹⁵ «Danica», 1838, br. 11, str. 41; 1839, br. 12, str. 46; br. 47, str. 187.

веротерпимости, особенно подчеркивая равенство католиков и православных¹¹⁶. Иван Мажуранич писал:

Проклят будь, кто из-за веры
Рычит на своего брата,
Ибо все несчастья берут начало
Имешю из этого грязного болота¹¹⁷.

Неустанная пропаганда хорватскими национальными деятелями идеи веротерпимости послужила сближению католического и православного населения в хорватских землях. Это призывал в своем письме к Гаю в 1839 г. православный священник И. Чокрлян из Шибеника¹¹⁸. В свою очередь и Ф. В. Чижов, находясь в Хорватии, отмечал в дневнике: «Теперь здесь пародность славянская завладела всеми сторонами жизни и поглотила все, — религия до такой степени подчинилась ей, что уничтожила всякий раздор между католиками и православными»¹¹⁹.

Выступление хорватских буржуазно-дворянских идеологов против религиозного фапатизма и розни, против религиозно-церковных привилегий было прогрессивным для своего времени. Оно приобретает особое значение, если учесть, что значительную часть сторонников иллиризма составляло католическое духовенство. Однако позиция деятелей иллиризма не была последовательной в религиозном вопросе, о чем свидетельствует защита ими средневекового права Хорватии и Славонии в отношении протестантов. Но эта защита определялась стремлением оградить хорватские области от венгерской колонизации.

Хорватские национальные идеологи провозглашали единение и сплочение всех общественных слоев, независимо от происхождения, имущественного состояния и положения. В «Символе веры порядочного гражданина», помещенном в «Данице» 27 апреля 1837 г., говорилось: «Верую, что все люди братья, т. е. дети одного отца»¹²⁰. Т. Блажек в стихотворении «Иллирам» писал в 1836 г., что иллир никому не хочет набросить ярмо господства, но стремится разрушить вериги и принести добро вся кому,

¹¹⁶ «Danica», 1839, br. 47, str. 187; 1841, br. 15, str. 57; «Novine», 31.X 1846, str. 364.

¹¹⁷ Цит. по кн.: V. Bogdanov. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, str. 131.

¹¹⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 130.

¹¹⁹ «Славянский архив», 1958, стр. 155.

¹²⁰ «Danica», 1837, br. 16, str. 61.

пейзира на «кровь, почет и веру»¹²¹, т. е. происхождение, положение и вероисповедание.

«Даница» от 25 сентября 1841 г. открывалась следующим четверостишием священника Штооса:

Наше коло согласия
Для богатых и убогих.
Оно никого не отстраивает,
Каким бы счастьем оно ни обладал¹²².

В этих выступлениях журнала заключалась просветительская мысль о естественном равенстве людей между собой.

В 1845 г. Шулек в «Данице» прямо писал: «Национальное согласие, которое мы столько славим, состоит не в соединении нескольких человек, но в объединении всего народа»¹²³.

Лозунг «согласие» объективно имел антифеодальный смысл, ибо отрицал сословные, областные и религиозные рамки и разграничения и предполагал объединение всего национального в одно целое.

Однако, призывая на словах к единству и солидарности разные по своему положению слои общества, хорватские национальные лидеры не были свободны от дворянской ограниченности. В своей деятельности они ориентировались в основном на образованные слои населения. Крестьянство не принималось ими во внимание как активный фактор национальной борьбы.

Идея солидарности пропагандировалась хорватскими деятелями через литературу — журнальные и газетные статьи, летучие листки, брошюры, художественные произведения, — с подмостков сцены, на балах, концертах, вечерах и других общественных мероприятиях.

Итак, программа буржуазно-дворянского крыла в иллиризме в 30-е годы объективно служила интересам буржуазного развития Хорватии и Славонии. По своей форме она была культурно-просветительной. Но в условиях хорватской действительности первой половины XIX в. выступление в защиту и за развитие национального языка и культуры было протестом против национального угнетения и неравенства. Национальный язык являлся симво-

¹²¹ «Danica», 1836, br. 1, str. 1.

¹²² «Danica», 1841, br. 39, str. 457.

¹²³ «Danica», 1845, br. 1, str. 3.

лом самостоятельной Хорватии. Защита национального языка, как и приятие кайкавскими хорватами штокавшицы в качестве основы литературного языка в условиях национального угнетения и административно-политической раздробленности хорватских земель имели политический смысл.

Связь культурно-просветительных вопросов с политическим положением хорватского народа отлично понимали сами деятели иллиризма. Л. Гай еще в 1830 г. рассматривал орфографическую реформу как первый шаг в борьбе с мадьяризацией, как часть «определенных, хорошо продуманных антимадьярских планов»¹²⁴.

Для настроений Гая показательно и то, что он упорно добивался разрешения на издание именно политического органа в Хорватии на национальном языке. Он особенно настойчиво хлопотал об этом тогда, когда было уже получено разрешение на издание литературного журнала. А в песне «Еще Хорватия не погибла» Гай раскрывал свой идеал политического обновления Хорватии. Все это говорит о том, что Гай с самого начала попимал борьбу за национальный язык и культуру как борьбу за национальное равноправие, что он имел перед собой политические цели и мыслил культурно-идеологические задачи в неразрывной связи с политическим будущим Хорватии и Славонии.

Чем же объяснялся тот факт, что, стремясь уже в начале 30-х годов к политическому возрождению Хорватии, Гай и его единомышленники в обстановке острой политической борьбы хорватского дворянства выступили публично только с культурно-просветительной программой? Обоснование этому следует искать в том, что Гай считал национальные силы в то время еще неподготовленными для развертывания широкой политической борьбы, которая не могла уже вестись на старой феодально- дворянской основе. Они были разобщены в духовном отношении, изолированы. Их нужно было прежде идеологически подготовить, сплотить на базе общенационального литературного языка и усилить через духовное объединение хорватов с ближайшими родственными народами. Это была трудная и сложная задача в хорватских условиях того времени, требующая концентрации всех сил для ее решения.

¹²⁴ V. Deželič. Pisma..., str. 339.

Хорватские национальные деятели, безусловно, хотели «прощупать» и реакцию Вены на хорватское национальное движение. Кроме того, наличие политических стремлений отнюдь еще не означало, что у них была уже четкая программа политических требований.

В конечном итоге культурно-просветительная позиция буржуазно-дворянских деятелей при наличии у них сознательных, хотя и скрытых, политических стремлений, была связана с определенной слабостью буржуазных сил в Хорватии и Славонии, неуверенностью в своих возможностях, а также и идейной незрелостью.

В самом конце 30-х годов наметились перемены в позиции буржуазно-дворянского руководства. В национальных изданиях стали появляться статьи, прямо и открыто направленные против националистической политики венгерского дворянства. Впервые такого рода материал был помещен в «Данице» еще в 1835 г. Это была перепечатанная из журнала «Сербский летопись» статья «Несколько слов о том, как наши братья-словаки в Венгрии омадьяриваются»¹²⁵. Но ее появление было случайным и до 1839 г. подобных статей в «Данице» не печаталось. В 1839 г. в журнале была помещена серия заметок, писем и материалов, в основном принадлежавших перу профессора острогомской семинарии Руми, с утверждением прав словаков и других славян в Венгрии на национальную самобытность и с осуждением мадьяризации. Однако эти материалы еще не касались конкретно хорватских сюжетов. Критика мадьяризаторской политики в отношении хорватского народа, защита достижений хорватского национально-освободительного движения содержались в редакционных замечаниях к перепечатанной в «Данице» 4 и 11 мая 1839 г. статье венгерского автора «Мадьяризм, илиризм», полной нападок на илиризм¹²⁶.

Для настроения буржуазно-дворянских деятелей конца 30-х годов показательна редакционная статья «О способе, которым может быть сохранена народность у порабощенных народов», напечатанная в «Данице» осенью 1839 г.¹²⁷ В ней со всей отчетливостью было сказано, что «политическая независимость — первое и самое

¹²⁵ «Danica», 1835, br. 23—25.

¹²⁶ «Danica», 1839, br. 18, str. 69—72; br. 19, str. 73—75.

¹²⁷ «Danica», 1839, br. 40—43.

большое из всех благо каждого народа»¹²⁸. Редакция писала: «Имеются пять главных признаков, с которыми, с одним, может быть, и больше, нежели с другим, существование народа как народа связано. Его конституция, его обычай, его вера, язык и духовная образованность»¹²⁹. Важнейшее значение для национального развития парода, по утверждению редакции, имело сохранение и развитие национального языка. «... Господство языка,— утверждала она,— рождает и господство народа»¹³⁰. Редакция подчеркивала, что судьбы языка прямо и непосредственно связаны со степенью его развития. Стремлению поработителей уничтожить язык порабощенного народа, а с ним и национальное существование последнего может противостоять только развитый письменный язык, закрепленный в литературе¹³¹. «Следовательно, парод,— писала «Данница»,— который имеет своих классиков, располагает тем самым наилучшей и самой прочной гарантией того, что его язык и народность и в будущем будут жить и процветать»¹³².

В 1839 г. буржуазно-дворянские деятели иллиризма пытались прощупать почву относительно введения национального языка в официальную жизнь Хорватии и Славонии. Ваканович писал Гаю 5 августа, что Клобучарич обсуждал этот вопрос в Пожуне с епископами Хауликом и Куковичем, со Зденчаем, другими хорватами и «более разумными» венграми — Деаком, Клаузалом, Шомичем. Сам по себе «план» не встретил возражений, но о назывании «иллирийский язык» никто не хотел и слышать¹³³.

Хорватские буржуазно-дворянские лидеры, не отрицая культурно-идеологических задач движения, в конце 30-х годов вплотную подошли к постановке требований, касающихся политического развития хорватского народа.

Консервативное направление в иллиризме

Консервативное направление в иллиризме представляли большая часть небогатого дворянства и духовенства, а также отдельные аристократы. Оно было достаточно

¹²⁸ «Danica», 1839, br. 40, str. 157.

¹²⁹ Там же, стр. 158.

¹³⁰ «Danica», 1839, br. 42, str. 168.

¹³¹ Там же, стр. 167, 168.

¹³² Там же, стр. 167.

¹³³ V. Deželić. Pisma..., str. 279.

сильным и влиятельным. Правое течение по образу мыслей его участников, как и по составу, было связано с феодальным обществом. Идейно-политические позиции этого направления в основных чертах были сформулированы графом Я. Драшковичем еще в «Диссертации». С началом иллиризма они получили дальнейшее развитие в его брошюре «Слово благородным иллирийским дочерям», стихотворениях и выступлениях.

Драшкович к началу иллиризма имел четко разработанную программу не только национального и культурного, но и политического и экономического развития Хорватии и Славонии. Однако практическая деятельность Драшковича после его возвращения в 1836 г. из Пожуна и присоединения к иллирийскому движению протекала до конца 30-х годов в соответствии с теми культурно-просветительными задачами, которые выдвинул Л. Гай, но которые Драшкович всегда понимал сообразно со своими убеждениями.

По существу сформулированная Драшковичем в основных чертах еще в 1832 г. программа на начальной стадии иллирийского движения имела теоретическое значение, отражая политические, национальные и социально-экономические идеалы Драшковича.

Драшкович не был одинок в своих воззрениях. Тот факт, что после выхода «Диссертации» он был единодушно избран хорватским сабором одним из делегатов на Пожунский сейм 1832 г., говорил о поддержке его взглядов и настроений известной частью дворянства.

Драшкович почти на 10 лет опередил буржуазно-дворянских идеологов в разработке политических вопросов. Это не было случайным. Старый граф, выражавший стремления консервативных хорватских помещиков, идеологически был неразрывно связан с традиционной дворянской политической мыслью, знаменуя своими сочинениями лишь ее видоизменение и модернизацию под влиянием требований времени. Естественно, что либеральная идеология хронологически отставала в своем развитии от дворянского политического сознания. В Хорватии ее открытое выражение задержалось и в силу крайне сложных условий национальной борьбы.

Граф Янко Драшкович был крупной личностью периода иллиризма. Это был один из наиболее образован-

ных хорватов своего времени. Его идеология была сложной и историческая роль — противоречивой¹³⁴.

Центральное место в программе Я. Драшковича занимала «Великая Иллирия». В «Диссертации» он связывал с этим понятием политическое соединение хорватских и словенских земель, Боснии и Герцеговины в Иллирийское королевство, которое должно было обнимать территорию с населением в 3,5 млн. человек. Иллирийское королевство мыслилось им самостоятельной от Венгрии частью Австрийской империи. В смысле его образования Драшкович все надежды возлагал на помочь австрийского монарха¹³⁵.

Драшкович видел нарастание австро-венгерских противоречий и, как полагал П. А. Кулаковский, знал о настроениях в Вене, которая нуждалась в средствах противодействия оппозиционной Венгрии¹³⁶. Поэтому он допускал, что император может пойти на образование внутри империи сильного югославянского политического объединения как противовеса Венгрии. Именно в связи с Венгрией следует понимать слова Драшковича о том, что Иллирийское королевство «могло бы доставить имени славу, положению — силу, короне же — вечную пользу и иметь значительный вес»¹³⁷.

Поскольку центром антивенгерской борьбы являлась Хорватия и идея югославянского объединения исходила из Загреба, это должно было в глазах Драшковича обеспечить Хорватии ведущее место внутри югославянского союза.

¹³⁴ Буржуазные историки уделяли большое внимание Драшковичу и его идеологии. Однако они ограничивались пересказом содержания брошюры Драшковича, не прибегая к анализу его взглядов и выяснению их эволюции в процессе национальной борьбы. Из современных югославских историков больше других идеологией Драшковича занимались Р. Бичанич, давший тонкий анализ экономической части «Диссертации» (R. Bičanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb. 1952, str. 141—156) и К. Георгиевич, показавший на основе брошюры Драшковича взгляды этого деятеля на политические и общественно-экономические проблемы Хорватии и Славонии того времени (K. Georgijević. Grof Janko Drašković).

¹³⁵ F. Fancev. Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790—1832). U Zagrebu, 1933, str. 301.

¹³⁶ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 104.

¹³⁷ F. Fancev. Dokumenti..., str. 301.

В начале 30-х годов политическим максимумом хорватского деятеля было югославянское королевство, включавшее хорватские и словенские земли, Боснию и Герцеговину, под властью австрийского монарха. Цель королевства — укрепить политические и экономические позиции хорватского дворянства и ослабить Венгрию.

Хотя выдвинутое Драшковичем положение об Иллирийском королевстве содержало мысль о политическом объединении части югославянских земель, которое отвечало интересам этих народов, в то же время оно предполагало их дальнейшее развитие в рамках феодальной империи Габсбургов.

С развитием иллирийского движения Драшкович принял идею «Великой Иллирии» в том виде, как ее сформировал Л. Гай. Идеологическая эволюция старого графа наглядно проявилась в его брошюре «Слово благородным иллирийским дочерям». Драшкович поддержал мысль о литературно-языковом единении южных славян и выступил сторонником колларовского учения о славянской взаимности. Однако у него положение о «Великой Иллирии», о единстве и целостности южных славян служило дворянским идеалам. Исходным моментом выступления Драшковича за литературно-языковое слияние южных славян, за духовное сближение славянских народов были расчеты на укрепление таким путем феодально-дворянской Хорватии.

Для Драшковича литературно-языковое слияние южных славян было подготовительным шагом к их политическому объединению. В стихотворении «Молодежи иллирийской», помещенном в «Данице» в начале 1836 г., Драшкович изобразил «Великую Иллирию» в виде обширной державы, защищенной от соседей высокими горами и морями. Ему представлялось мощное юнославянское государство с широкими реками и густыми лесами, благоустроенными дорогами, живой торговлей и развитым судоходством. Это государство населяет один народ, который пользуется одним языком и опирается на старинные законы¹³⁸. Пространная и могущественная, политически цельная «Великая Иллирия» была политическим идеалом Янко Драшковича.

Будучи трезвым политиком, Драшкович понимал, что осуществление этих замыслов — дело далекого будущего.

¹³⁸ «Danica», 1836, br. 7, str. 26,

Но он верил в возможность их реализации и обращался к молодежи с призывом: «Пусть днем и ночью будут у вас эти думы, И бог вам поможет». Свои надежды в этом отношении он по-прежнему связывал с австрийским двором¹³⁹.

В сравнении с «Диссертацией», Драшкович в период иллирийского движения значительно расширил границы предполагаемого южнославянского политического объединения, но сущность его политического идеала не изменилась. По-прежнему он помышлял о политическом образовании южных славян с влиятельной внутри него дворянской Хорватией, при опоре на Габсбургов.

Что касается ближайших политических задач, автор «Диссертации» в первую очередьставил вопрос о воссоединении с Хорватией и Славонией Далмации и Военной Границы, т. е. об административно-политическом объединении основной части хорватских земель. Выступая за территориально-политическое восстановление Триединого королевства, на чем постоянно настаивало хорватское дворянство, Драшкович выдвигал не только традиционную дворянскую, государственно-правовую, но одновременно и национальную аргументацию¹⁴⁰.

Перед лицом политического давления со стороны венгерского дворянства хорватский национальный деятель отстаивал особое политическое положение Хорватии и Славонии внутри Венгерского королевства. В «Диссертации» он утверждал, ссылаясь на историческое прошлое Триединого королевства и его давние привилегии, что оно является конфедеративным, союзным с Венгрией, а не подчиненным ей королевством¹⁴¹. Драшкович требовал самостоятельного политического развития Хорватии и Славонии, их равноправия с Венгрией, опираясь на историческое государственное право.

Понимая, что политика венгерских властей в отношении Хорватии и Славонии преследует цель полного подчинения их Венгрии, Драшкович защищал особых хорватских законы, на отмене которых настаивала венгерская сторона. Сама по себе ликвидация их на Пожунском сейме была бы ударом по хорватской самостоятель-

¹³⁹ Там же, стр. 26.

¹⁴⁰ F. F a n c e v. Dokumenti..., str. 301, 311.

¹⁴¹ Там же, стр. 301.

ности, а значит, в тех условиях, и по политическому положению хорватского дворянства.

Условием сохранения особого политического статута Хорватии и Славонии был старинный принцип представительства хорватов на Пожунском сейме¹⁴². Венгерская либеральная оппозиция требовала, чтобы хорватские жупании непосредственно направляли своих представителей в сейм, подобно тому как это делалось в Венгрии и Славонии. В этом случае хорватские делегаты слились бы со всей депутатской массой, составив всего $\frac{1}{5}$ ее часть. Драшкович отлично понимал националистические расчеты венгерского дворянства.

Автор «Диссертации» считал наилучшим сохранить захорватия, запрещавший протестантам селиться в хорватских землях. Не последнюю роль играли в данном случае материальные соображения. Уравнение в правах протестантов в Хорватии и Славонии непосредственно затронуло бы материальные интересы местного дворянства, так как открыло бы путь венгерским помещикам в Хорватию и Славонию, позволило бы им покупать здесь землю, занимать выгодные должности и т. д. Впрочем, Драшкович допускал возможность отмены закона о протестантах, но только на хорватском саборе, а не на Пожунском сейме, поскольку это касалось внутреннего устройства Хорватии и Славонии¹⁴³.

Драшкович отстаивал старинную налоговую привилегию Хорватии¹⁴⁴. Упразднение этой привилегии означало бы экономическое ослабление Хорватии в силу увеличения на нее налогового бремени. В то же время Венгрия была бы освобождена за счет дополнительных поборов с Хорватии от выплаты в имперскую казну значительной суммы. Все это в свою очередь имело бы для Хорватии и ее дворянства неблагоприятные политические последствия. Драшкович требовал, чтобы налоговые привилегии были распространены также и на Славонию, где налоги взимались по венгерскому образцу¹⁴⁵. Он стремился к упразднению различий в положении Хорватии и Славонии, чтобы затруднить венгерские претензии на Славонию.

¹⁴² F. Fancsev. Dokumenti..., str. 303.

¹⁴³ Там же, стр. 303—304.

¹⁴⁴ Там же, стр. 305.

¹⁴⁵ Там же.

скую область. Национальный деятель возражал против всякого обсуждения хорватских внутренних вопросов на Пожунском сейме¹⁴⁶.

Важным условием обеспечения внутренней самостоятельности Хорватии и Славонии дворянский идеолог считал восстановление хорватского Наместнического веча — высшей административной власти в этих землях. Об этом он ставил вопрос в своей «Диссертации»¹⁴⁷. Он настаивал на административно-политической самостоятельности хорватских земель в 1836 г., будучи делегатом Пожунского сейма, в 1839 г. в скупщине Загребской жупании¹⁴⁸. Требование о восстановлении хорватского Наместнического веча имело не только национально-политический смысл. Оно заключало в себе также стремление к некоторой модернизации внутреннего управления Хорватии и Славонии.

Считая неотложным восстановление старинной власти хорватского бана во всей славе и мощи, автор «Диссертации» подчеркивал, что это третья по своей значимости должность в Венгерском королевстве. Он считал, что эту должность (как, впрочем, и все остальные в Хорватии и Славонии) должен занимать хорват, и настаивал на обязательном пребывании бана на хорватской территории¹⁴⁹.

Если учесть, что требование о возрождении банского достоинства в его старинном блеске сочеталось у Драшковича со стремлением к воссоединению хорватских земель, по существу оно означало восстановление банской власти во всей ее былой полноте на территории от Дравы до Адриатического моря. Требование о возвращении бапу его былой власти выставлялось и Кушевичем в брошюре «О муниципальных правах и статутах королевств Далмации, Хорватии и Славонии»¹⁵⁰. Так что по данному вопросу политическая программа Драшковича не содержала нового.

В области политического и государственного устройства Венгерского королевства выразительная позиция хорватского дворянства считал наилучшим сохранить, по край-

¹⁴⁶ Там же, стр. 301.

¹⁴⁷ Там же, стр. 302.

¹⁴⁸ J. Horvat, J. Ravlić, Pisma..., str. 476; J. Ravlić, Hirska čitaonica u Zagrebu. — HZ, 1963, str. 177.

¹⁴⁹ F. Fancev. Dokumenti..., str. 305—306.

¹⁵⁰ K. Georgijević. Grof Janko Drašković, str. 42, 43.

ней мёре па ближайшие десять лет, существующее законодательство. В «Диссертации» он высказывал мнение, что проекты административных реформ¹⁵¹ таят в себе опасность для свобод венгерского государства, т. е. политических привилегий дворянского класса. Улучшить положение в Венгерском королевстве должно было строгое соблюдение существующих законов. Драшкович высказывался за то, чтобы король и высокие должностные лица присягнули в их соблюдении, и рекомендовал наказывать виновных в их нарушении. Намекая на усиление венгерской либеральной оппозиции и обострение национальных противоречий, он писал, что наступили самые тяжелые времена для короля и для народа и нужно пережить их в согласии и мире¹⁵². Драшкович не был склонен к изменению политических порядков в Венгерском королевстве в смысле их либерализации.

Идеалом государственного и политического развития была для Драшковича Англия. Здесь законы, писал он, даже устаревшие, пересматривались с большой осмотрительностью и постепенно. В этом плане Франция не вызывала у него сочувствия¹⁵³. Драшковича привлекал «английский» путь политического развития, путь осторожных реформ, классовых компромиссов буржуазии с дворянством. Он испытывал страх перед опытом Франции, пережившей на его глазах две революции с якобинством, использовавшим «плебейские» методы решения социальных и политических вопросов.

Отстаивая самостоятельное политическое и национальное развитие Хорватии и Славонии, Драшкович тем самым выражал свое отрицательное отношение к австрийскому абсолютизму, к меттерниховской политической системе в целом. В области государственного устройства он был сторонником «законности», т. е. ограничения власти австрийского монарха в Венгрии и Хорватии, но ограничения феодальными сословиями. Особенностью государственного развития Венгрии и Хорватии было то, что здесь с давних времен функционировали сословно-представительные собрания, права которых, особенно с середины XVIII в., постоянно попирались, по полностью все же не

¹⁵¹ Речь шла о проектах реформ, выдвинутых венгерским либеральным дворянством.

¹⁵² F. F a s e v. Dokumenti..., str. 307, 308.

¹⁵³ Там же, стр. 307.

были ликвидированы австрийским двором. Выступая в защиту закона, Драшкович стремился к фактическому соблюдению многократно подтверждавшихся и официально признававшихся австрийскими монархами вольностей привилегированных сословий Венгерского королевства.

В вопросах политического положения Хорватии и Славонии, их государственного устройства позиция Драшковича с развитием национального движения изменился не претерпела. Свое выступление в 1838 г. па открытии Иллирийской читальни в Загребе Драшкович закончил словами: «Будем друзьями, будем братьями без различия имен, так как всем пам отец — наш король и мать — наша конституция»¹⁵⁴. Это было утверждением незыблемости хорватских муниципальных прав. Король и хорватская феодальная «конституция» — в этих словах было выражено политическое кредо старого графа вплоть до 1848 г.

Особое место в политической программе хорватского деятеля занимал вопрос о Военной Границе. Отмечая в «Диссертации» ухудшение материального положения граничар, особенно в последние 50 лет, и связывая это с австрийским господством на военной территории, Драшкович требовал ликвидации на Военной Границе системы австрийского управления, восстановления здесь старых местных порядков и распространения на Границу законов Триединого королевства¹⁵⁵.

Бряд ли следует усматривать в этих положениях Драшковича стремление к демилитаризации Военной Границы¹⁵⁶. Драшкович противопоставлял современное ему положение граничар, угнетаемых австрийскими властями, тем идеальным, па его взгляд, временам, когда граничары «не ждали никакого вознаграждения или платы, но добровольно несли службу, обеспечивали себя обмундированием и еще своим офицерам могли помочь»¹⁵⁷. Это замечание показывает, что Драшкович не допускал упразднения военно-феодальной организации Границы и ее демилитаризации. Он стремился к ликвидации хозяйствничания па Границе австрийской военщины

¹⁵⁴ «Danica», 1838, br. 31, str. 422.

¹⁵⁵ F. Fancev. Dokumenti..., str. 311.

¹⁵⁶ См. K. Georgijević. Grof Janko Drašković, str. 43.

¹⁵⁷ F. Fancev. Dokumenti..., str. 311.

и соединению ее при сохранении особого устройства с Хорватией и Славонией.

Поднимая вопрос о Военной Границе, дворянский идеолог преследовал цель — укрепить политические позиции хорватского господствующего класса. В этом плане соединение Военной Границы с Хорватией и Славонией и подчинение ее хорватским властям имело первостепенное значение, поскольку это означало не только территориальное расширение политического господства хорватского дворянства, увеличение в его руках материальных средств и ресурсов, но и заполучение мощных для своего времени и дешевых вооруженных сил.

Драшкович связывал свою программу преобразований на Военной Границе с необходимостью улучшения условий жизни граничар, полагая, что это можно достичь путем ликвидации установленных здесь австрийским правительством в XVIII в. порядков, которые означали милитаризацию всего устройства и германизацию населения Границы, и возврата к старому управлению.

Внимание Драшковича к хозяйственному положению граничар объяснялось прежде всего сознанием невыгодности для хорватского дворянства хозяйственной отсталости и экономического ослабления Военной Границы, как и хорватских земель вообще. Для Границы хозяйственная деградация населения означала к тому же ослабление материальных основ граничарской армии, которая содержалась средствами самих же граничар.

Не последнюю роль играли в данном случае и тактические расчеты. Драшкович прямо писал, что реализация предложенной им программы обеспечит благодарность населения Границы, «и тогда не нужно будет ее бояться»¹⁵⁸. Выступление Драшковича за улучшение положения граничар в значительной мере было продиктовано стремлением предотвратить парастапие недовольства граничарских масс. Было здесь и желание расположить их к хорватским властям. Дело в том, что население Границы, опасаясь установления кметских отношений, было настроено против соединения Военной Границы с Хорватией и Славонией. В течение XVIII в. оно пеоднократно и активно выражало свой протест против проектов возвращения военных областей под власть хорватского бана.

¹⁵⁸ F. Fancev. Dokumenti..., str. 311.

Предусматриваемая Драшковичем реставрация патриархальных порядков, на чем постоянно настаивали граничары, должна была сделать их верным и послушным орудием дворянской политики.

Наконец, нельзя не учитывать, что сетования автора «Диссертации» по поводу ухудшения условий жизни населения Границы под австрийской властью были рассчитаны также на то, чтобы оправдать свое выступление за возвращение Военной Границы хорватскому дворянству.

Критика хорватским национальным деятелем существующих на Военной Границе порядков и выдвинутые им требования реорганизации ее управления были направлены против австрийского господства на военной территории, заключали в себе отрицание многочисленных и жестких ограничений, которым подвергалась экономическая, общественная и национальная жизнь Военной Границы, и предусматривали значительное ослабление национального гнета. Однако эти требования не предполагали коренного преобразования Военной Границы в соответствии с потребностями буржуазной эпохи и полностью определялись дворянскими политическими интересами.

Когда Драшкович писал «Диссертацию», хорвато-венгерские противоречия не достигли еще крайней остроты. Видевший слабость изолированных действий хорватского дворянства, он рассчитывал тогда решить вопрос о Военной Границе с помощью Венгрии. Программа преобразований на военной территории затрагивала интересы самого австрийского правительства, в то же время возвращение Военной Границы венгерской короне не могло быть безразличным для венгерского господствующего класса. Поэтому в «Диссертации» Драшкович указывал хорватским помещикам на необходимость добиваться положительного решения вопроса о Военной Границе в союзе с венгерским дворянством¹⁵⁹.

Итак, политическая программа Янко Драшковича была сложной по своему общественному содержанию. Она поднимала важный для хорватского общества вопрос об административно-политическом объединении хорватских земель, заключала в себе протест против политического и национального угнетения. Она была направлена против политического слияния Хорватии и Славонии с Венгрией,

¹⁵⁹ F. Fancev. Dokumenti..., str. 311.

отстаивала авт^опомию хорватских земель в составе Венгерского королевства. Тем самым политическая программа Драшковича предусматривала некоторое улучшение условий формирования и развития хорватской нации как в плане ликвидации административной раздробленности хорватских земель, так и уменьшения их политической и материальной зависимости. В то же время политическая программа Драшковича предполагала укрепление диктатуры дворянства в Хорватии и Славонии, защищала словесные привилегии господствующего класса, отстаивала феодальные устои в политике.

В национальной области Драшкович проявил дальновидность и пропицательность. Сторонник литературно-языкового единства хорватов, развития национальной литературы и культуры, он в 1832 г. в «Диссертации» впервые поставил вопрос о замене во внутренних делах Хорватии и Славонии латинского языка национальным. В высших инстанциях Венгерского королевства (высшем суде, королевской канцелярии и магнатской палате Пожунского сейма), ведавших общими делами земель, входивших в Венгерское королевство, Драшкович полагал тогда сохранить латинский язык¹⁶⁰.

С развитием иллиризма хорватский деятель еще более утвердился в своих национальных воззрениях. Если в «Диссертации» он теоретически выступал в пользу национального языка и литературы, то с началом иллирийского движения перешел к активной практической деятельности в этой области. На посту председателя Загребской читальни он много сделал для развития литературы на национальном языке, организации национального театра и музея¹⁶¹.

В развитии национального языка и литературы и утверждении хорватского языка в качестве официального в Хорватии и Славонии Драшкович видел способ противодействия политическим замыслам венгерского дворянства в отношении хорватских земель, условие повышения авторитета и значения Хорватии и Славонии и тем самым умножения политического веса своих соратников по классу. Формулируя национальные требования, он преследовал при этом свои классовые цели. Но объективно его

¹⁶⁰ F. Fancov. Dokumenti..., str. 302.

¹⁶¹ Подробнее об этом см. в главе IV.

программа в национальной части служила укреплению пации.

В поле зрения видного представителя хорватского Возрождения были также культурно-просветительные вопросы. В «Диссертации» он отвел значительное место проблеме просвещения и образования населения Хорватии и Славонии. Условием повышения духовной культуры всех слоев общества Драшкович считал развитие школьного дела, улучшение оплаты учителей, повышение образовательного уровня и просвещение духовенства. Будучи сторонником всемерного развития образования, он предлагал принимать молодежь в учебные заведения «без различия рода»¹⁶². Эти меры, в глазах Драшковича, были призваны обеспечить политику, хозяйство, науку, просвещение образованными людьми, поднять общий уровень развития Хорватии и Славонии, но также и предотвратить распространение революционных идей среди молодежи, решить проблему ее занятости, переключив частично ее интерес с государственной службы в другие сферы¹⁶³.

В период иллиризма этот национальный деятель вопрос о просвещении связывал главным образом с национально-политическими интересами. В просвещении он видел средство укрепления хорватских национальных позиций в обстановке обострившихся противоречий. В стихотворении «Молодежи иллирийской» Драшкович писал, обращаясь к молодому поколению: «Согласие, молодецкая любовь и знания спасут вас, а также послушание». Он подчеркивал, что малая горстка людей благодаря согласию и знаниям может всего добиться¹⁶⁴.

В области просвещения Драшкович занимал умеренно-либеральную позицию. Он был сторонником всесословного образования, поставленного, однако, па службу дворянским интересам.

Особое место в идеологии Драшковича занимал религиозный вопрос. Отмечая в «Диссертации», что равенство католиков и православных, официально провозглашенное в 1790 г., остается формальным, что сельское православное духовенство материально обеспечено значительно хуже католического, Драшкович предупреждал о возмож-

¹⁶² F. Fancev. Dokumenti..., str. 309.

¹⁶³ Там же, стр. 309—310.

¹⁶⁴ «Danica», 1836, br. 7, str. 25.

ности появления у православного населения на почве общего недовольства помыслов о смеше политического господства. В этой связи он ставил вопрос о действительном осуществлении равноправия православных, об улучшении материального положения и повышении грамотности православных священников¹⁶⁵.

Выступая в защиту православного населения в Австрийской империи, Драшкович руководствовался исключительно политическими мотивами, желанием предотвратить влияние России на православное население внутри габсбургской империи, появление у него антиавстрийских политических стремлений.

В период иллиризма отношение Драшковича к религиозному вопросу несколько изменилось. В стихотворении «Молодежи иллирийской» старый граф призывал молодое поколение любить брата, какого бы рода и религии он ни был¹⁶⁶. Однако теперь в религиозной терпимости, которую он из политических соображений не распространял на протестантов, Драшкович видел необходимую предпосылку для согласия и единства, т. е. связывал веротерпимость с интересами национальной борьбы, требовавшей сплочения национальных сил. Впрочем, это могло не исключать и рассмотренных выше политических соображений.

Большое место в программе Я. Драшковича занимали экономические вопросы. Топкий политик, обедневший потомок некогда богатого и знатного хорватского рода, оп со всей остротой ощутил экономические проблемы феодального общества в период перехода к капитализму, попытав прямую связь между состоянием хозяйства и политическим весом страны и ее господствующего класса. Автор «Диссертации» выступил с конкретным планом хозяйственного развития, пытался найти решение ряда назревших вопросов феодальной экономики.

В центре внимания Драшковича была торговля и перспективы ее развития. Для хорватского дворянства это была одна из самых острых экономических проблем того времени.

Понимая важность внешнеторговых связей при известной узости, необеспеченности, а подчас и невыгодности австрийского рынка, Драшкович в «Диссертации»

¹⁶⁵ F. Fancev. Dokumenti..., str. 311—312.

¹⁶⁶ «Danica», 1836, br. 7, str. 25.

прежде всего ставил вопрос о хозяйственном возвышении Риеки — самого важного адриатического порта в границах короны св. Стефана. Риека с округом являлась самостоятельной административной единицей внутри Венгерского королевства под главенством губернатора. Хотя Драшкович осуждал изъятие Риеки из состава Хорватии, называл это узурпацией, доказывал с помощью патриотических, географических, исторических и хозяйственных аргументов единство Риеки и Хорватии, тем не менее он был согласен оставить этот богатый и важный в торговом отношении город за венграми при условии их должного внимания к его экономическому развитию. Но более правильным решением он считал такое, при котором Риека с округом входила бы в состав Хорватии, но порт был исключен из сферы действия закона о протестантах, т. е. была бы обеспечена свобода поселения в нем венгров¹⁶⁷.

Уступчивость Драшковича в вопросе о Риеке объяснялась сознанием слабости хорватских ресурсов для возвышения риекского порта и развития его торговли и опиралась на известной близости хозяйственных интересов хорватских и венгерских помещиков.

Первым шагом в хозяйственном развитии Риеки должно было стать образование здесь совместного хорвато-венгерского торгового общества с солидным капиталом. Его задача — вывоз морским путем венгерской и хорватской сельскохозяйственной продукции, в особенности той, которая не имела свободного доступа в собственно австрийские провинции. По мнению Драшковича, вывоз морским путем за границу шерсти, вина, табака, копопли и продовольствия был бы для Венгрии и Хорватии наиболее выгодным¹⁶⁸.

В «Диссертации» Драшкович выражал также пожелание, чтобы правительство не препятствовало торговле и ремеслу¹⁶⁹.

Представляя себе паразитирующую пехватку денег у дворянства и финансовую слабость местных купцов и предпринимателей как результат отсутствия кредитных учреждений, а не как следствие слабости процесса накопления капитала, хорватский деятель в «Диссертации» поднимал

¹⁶⁷ F. F a n c e v. Dokumenti..., str. 304.

¹⁶⁸ Там же, стр. 304—305.

¹⁶⁹ Там же, стр. 309.

вопрос об организации дешевого и доступного кредита на буржуазных основах. Он предлагал основать венгерский государственный банк с тем, чтобы тот давал под проценты ссуды в пределах $\frac{1}{3}$ части стоимости недвижимого имущества. С таким банком Драшкович связывал развитие торговли и промышленности, подъем общего благосостояния¹⁷⁰.

В связи с вопросом о кредите Драшкович высказывался за организацию торговых судов. Необеспеченность в Венгерском королевстве векселей затрудняла для тех, кто нуждался в ссудах, получение кредитов за границей, а подчас и внутри страны. Устройство торговых судов Драшкович рассматривал первым обязательным условием развития кредитного дела¹⁷¹.

В период создания «Диссертации» Драшкович, принимая во внимание материальную слабость Хорватии и Славонии, надеялся на хорвато-венгерское сотрудничество в области хозяйства и полагал оживить хорватскую экономику, опираясь на фиппсовую мощь венгерских магнатов и купцов. Поэтому намеченные им тогда экономические мероприятия касались экономики Венгерского королевства в целом. Экономическая программа Драшковича в начале 30-х годов XIX в. имела общевенгерское значение, и ее реализация зависела в первую очередь от венгерской стороны.

С обострением хорвато-венгерских противоречий стала очевидной несостоятельность его расчетов на тесное хорвато-венгерское экономическое сотрудничество. Поэтому в период иллиризма сформулированные Драшковичем в «Диссертации» экономические положения утратили свое значение конкретной программы действий, хотя осуществление их осталось желательным для него, как и для многих других помещиков. Внимание Драшковича сосредоточилось теперь непосредственно на хорватской экономике.

Нарастание хорвато-венгерского конфликта еще более убедило Драшковича в необходимости и неотложности экономического подъема Хорватии и Славонии. Он видел в этом не только условие хозяйственного оздоровления феодальной системы, но и важную предпосылку обеспечения политического существования хорватских земель.

¹⁷⁰ F. Fancev. Dokumenti..., str. 309.

¹⁷¹ Там же, стр. 308.

Чтобы пробудить сознание важности экономического фактора среди участников иллирийского движения, Драшкович в письме к Гаю от 1836 г. рекомендовал регулярно помещать в «Данице» материалы на хозяйственные темы и самому выступить на страницах журнала с разъяснением того факта, что хозяйственная отсталость порождает общую слабость и бессилие народа¹⁷². Эту мысль Драшкович высказал и в своем выступлении на открытии Загребской читальни в 1838 г., выдвинув подъем экономики Хорватии и Славонии в качестве одной из задач ее деятельности¹⁷³. В 1842 г. он настаивал, чтобы периодическое издание «Коло» также помещало статьи, посвященные экономическим вопросам¹⁷⁴.

Что касается конкретных представлений Драшковича в эти годы о путях подъема хорватской экономики, они отразились в хозяйственной деятельности Загребской читальни.

В области экономики Драшкович допускал известные уступки капитализму. Однако предлагаемые им хозяйственными мероприятия не только не затрагивали экономических основ феодального строя, но и были рассчитаны как раз на их укрепление путем мобилизации всех возможных материальных ресурсов, путем использования торговли и промышленности.

В основном для Хорватии и Славонии аграрном вопросе дворянский идеолог не допускал изменений. Он настаивал в «Диссертации»¹⁷⁵ на сохранении феодальных повинностей крестьян в пользу помещиков, одновременно призываая землевладельцев быть великодушными в обращении с крестьянами. Он считал полезным просвещение крестьян и даже награждение отдельных среди них дворянскими званиями. Драшкович подчеркивал, обращаясь к помещикам, что время требует иного обращения с кметами, нежели это было принято в XVII в. Гуманное обхождение с крестьянами Драшкович считал необходимым условием удержания помещиками своего господства над ними и предотвращения крестьянских выступлений¹⁷⁶.

¹⁷² V. Deželić. Pisma..., str. 52.

¹⁷³ «Danica», 1838, br. 31, str. 122.

¹⁷⁴ R. Bičanić. Ročeci..., str. 143.

¹⁷⁵ В издании, выпущенном на немецком языке (см. K. Georgijević i Č. Grof Janko Drašković, str. 38).

¹⁷⁶ F. Fancev. Dokumenti..., str. 312.

Но Драшкович уже видел невозможность удержаний помещиками сословных привилегий во всей их полноте. Рассматривая в «Диссертации» вопрос о содержании хорватского Наместнического веча, он осторожно выражал надежду на то, что сами дворяне окажут ветчу материальную поддержку¹⁷⁷. В этом замечании скрывалась мысль о добровольном частичном отказе хорватских дворян от своей налоговой привилегии. В немецком тексте «Диссертации» Драшкович прямо говорил о возложении на дворян части общественных тягот¹⁷⁸.

Позиция Драшковича в крестьянском вопросе была изложена Вакаповичем в письме к Гаю от 1836 г. из Пожуна. Будучи делегатом Пожунского сейма, Драшкович настаивал на сохранении урбариальных отношений, но соглашался с тем, чтобы половину налоговых сборов, которые поступали в жупанийские кассы, платили дворяне¹⁷⁹. Консерватизм Драшковича станет особенно очевидным, если учесть, что на Пожунском сейме 1832—1836 гг. венгерская либеральная группировка предпринимала усилия к пересмотру урбара.

Не отличался Драшкович либерализмом и в обхождении со своими собственными кметами. В 1846 г. крестьяне его поместья «Речица» жаловались жупании на своего господина, что он принуждал их к «незаконным» повинностям¹⁸⁰.

Среди историков нет единства в оценке идеологии Янко Драшковича. Буржуазные историки Т. Смичиклас, Дж. Шурмини, Ф. Шишич, а также и П. А. Кулаковский видели в «Диссертации» «программу хорватского народа до 1848»¹⁸¹.

Современный югославский исследователь А. Барац считает, что Драшкович восстал «против застарелых сословных» суждений, «за равноправие между людьми», что он «порвал с застарелыми государственно-правовыми

¹⁷⁷ F. Fancev. Dokumenti..., str. 302—303.

¹⁷⁸ K. Georgijević. Grof Janko Drašković, str. 38.

¹⁷⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 476.

¹⁸⁰ См. «Novine», 7.X 1846, str. 334, 335.

¹⁸¹ П. А. Кулаковский. Иллириам. Варшава, 1894, стр. 103; T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. U Zagrebu, 1892, str. 88; Đ. Šurmin. Hrvatski preporod, I. Zagreb, 1903, str. 91; F. Sišić. Hrvatska povijest, d. III. U Zagrebu, 1913, str. 170.

представлениями» и понял необходимость «проложить дорогу полному общественному равноправию»¹⁸².

По мнению Я. Равлича, «Диссертация» Драшковича — «программа национального Возрождения в Хорватии»¹⁸³.

Р. Бичанич первым обратил внимание на противоречивость экономических воззрений Драшковича. Он отмечает наличие в его экономической программе феодальных и капиталистических черт и видит в ней отражение переходной эпохи от феодализма к капитализму с присущим ей преобладанием торгового капитала над промышленным¹⁸⁴.

К. Георгиевич характеризует программу Драшковича в том виде, как она была сформулирована в «Диссертации», как феодальную, но отмечает в ее экономической части (и только в ней) некоторые передовые моменты. К. Георгиевич рассматривает Драшковича выразителем интересов феодального дворянства, представителем «старой феодальной Хорватии». Исследователь утверждает, что Драшкович в дальнейшем «усвоил иллирийскую, национальную идеологию», идеологию молодого поколения¹⁸⁵.

В действительности программа Драшковича была более противоречивой и сложной, и она не оставалась неизменной в процессе развития национального движения.

Идеалом Я. Драшковича была экономически сильная, политически самостоятельная, территориально расширенная дворянская Хорватия. Преследуя эту цель, программа Я. Драшковича прежде всего ставила задачу экономического и политического укрепления дворянского класса в Хорватии и Славонии в условиях разложения феодальной системы, развития капиталистических отношений и роста антифеодальной борьбы крестьян. Отстаивая социальные и политические привилегии помещиков, она вместе с тем допускала некоторую модификацию феодальных порядков в соответствии с требованиями времени как необходимое условие сохранения дворянского господства и предполагала известные уступки в пользу капитализма с целью

¹⁸² A. Barać. Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, knj. I. Zagreb, 1954, str. 179—181.

¹⁸³ «Matica hrvatska. 1842—1962». Zagreb, 1963, str. 14.

¹⁸⁴ R. Bičanić. Počeci..., str. 155, 156.

¹⁸⁵ K. Georgijević. Grof Janko Drašković, str. 29, 47, 53.

использования некоторых сторон капиталистического развития в интересах господствующего класса.

Программа Я. Драшковича предусматривала упрочение позиций хорватских помециков перед лицом усилившихся претензий на Хорватию и Славонию со стороны венгерского дворянства. Она предполагала оградить и обеспечить интересы хорватских дворян как путем прямой защиты их старинных политических привилегий и распространения их власти на другие земли, так и опираясь на национальный язык, национальную культуру и духовное единство хорватов с ближайшими родственными народами, т. е. используя буржуазные приемы и способы действий.

Задачей программы Я. Драшковича было также противодействие распространению и влиянию в Хорватии и Славонии революционных идей, проникавших из Европы.

Это была консервативная программа с известной долей дворянского либерализма. Она была рассчитана на то, чтобы создать более благоприятные условия для дальнейшего экономического, политического, национального и культурного развития хорватских земель в рамках феодальной системы и под властью Габсбургов. Хотя либеральные тенденции с развитием иллирийского движения в воззрениях Драшковича усилились, он всегда был и оставался дворянским идеологом.

Программа Драшковича представляла собой попытку некоторого смягчения назревших общественных противоречий, но с позиций дворянского класса, с максимальной защитой его интересов и положения.

Я. Драшкович был выразителем чаяний той части хорватского господствующего класса, которая, разоряясь под влиянием капитализма и страдая от национального угнетения, проникалась сознанием невыгодности для себя общей отсталости и слабости Хорватии и Славонии, неизбежности и неотложности, в целях самосохранения, отказа от явно устаревших феодальных институтов, необходимости и пользы для себя некоторых буржуазных изменений в экономической и национальной жизни — и все это для удержания за собой политической монополии и господства над кметами, для сохранения и обеспечения своего полновластия в Хорватии и Славонии.

Идеология и программа Драшковича, сложившиеся еще до начала иллиризма, претерпели эволюцию в период

иллирийского движения, главным образом, в плане усиления в них национально-политических интересов. Это было связано с оформлением буржуазной идеологии и ее влиянием на образ мыслей представителей господствующего класса.

Иллирийское движение в 40-х годах XIX в.

В начале 40-х годов в иллирийском движении политически оформилось либеральное течение. В 1841 г. Л. Гай выдвинул лозунг «Да хранит бог венгерскую конституцию, Хорватское королевство и иллирийскую народность!» В этом лозунге нашла свое концентрированное выражение вся политическая программа хорватских либералов.

Общественно-политические идеи либерализма получили конкретное выражение в брошюрах Д. Раковаца «Маленький катехизис для взрослых», Б. Шулека «Каковы намерения иллиров?», в статьях и выступлениях И. Кукулевича-Сакцинского, Л. Вукотиновича, Жерявича, Млиничича, в редакционных материалах периодической печати.

В 40-е годы буржуазно-дворянский лагерь в идейном отношении был еще более неоднороден, чем в 30-е. С развитием национальной борьбы и усилением социальных противоречий в хорватском обществе все явственнее проявлялось размежевание среди либералов.

В 40-е годы XIX в. условия политической и общественной жизни в Хорватии и Славонии несколько отличались от предшествовавшего десятилетия. Прежде всего значительно обострились хорвато-венгерские противоречия. В ходе национального движения и не в последнюю очередь под влиянием нараставшей мадьяризации окрепло хорватское национальное самосознание. В то же время стал очевидным неуспех объединительных идей иллиризма в югославянских землях. В Хорватии и Славонии активизировались противники югославянского сближения, поборники сепаратизма. В 1841 г. здесь оформилось мадьяронство как организованная политическая сила. Все эти факторы оказали прямое влияние на идеологию и тактику хорватского либерализма.

Программа буржуазно-дворянского направления в 40-е годы отличалась от программы 30-х годов прежде всего

тем, что, затрагивая по-прежнему южнославянские сюжеты, она была нацелена главным образом на решение задач, связанных с общественным развитием непосредственно хорватских земель. Программа посила явственно хорватский национальный характер.

Эта программа была более четкой и зрелой. Она не ограничивалась культурно-идеологической областью, но содержала политические требования и касалась социально-экономических вопросов. Причем если в брошюре Д. Раковаца, вышедшей в 1842 г., культурно-просветительные задачи были поставлены на первое место, а политические — на второе, то в брошюре Шулека, появившейся двумя годами позже, политические требования предшествовали культурно-просветительным¹⁸⁶. Программа решала конкретные задачи политической борьбы.

Буржуазно-дворянские деятели в 40-е годы по-прежнему выступали за литературно-языковое единство южных славян¹⁸⁷. Однако это было теперь не главной целью, а одной из задач движения. И вопрос о литературно-языковом объединении балканских славян прямо и непосредственно связывался либеральными идеологами с хорватскими интересами.

В брошюре «Маленький катехизис для взрослых» Д. Раковац останавливался на тех препятствиях, которые, по его мнению, мешали духовному единению южных славян. Первым из них он считал различие в именах, т. е. наличие у каждой отдельной части «народа» самостоятельного названия. «В юго-западной или адриатической Славии, — писал он, — имеется столько имен, сколько в шиповнике косточек»¹⁸⁸. Подобное множество имен имело своим следствием тот факт, продолжал автор, что каждая ветвь рассматривала себя особым народом и считала свое наречие самостоятельным языком. В глазах Раковаца, принятие общего этнонима являлось условием литературно-языкового соединения южных славян.

В действительности же дело обстояло как раз наоборот. Именно самостоятельное национальное развитие каждого из южнославянских народов и формирование на-

¹⁸⁶ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 25; «Šta nameravaju Iliri?», str. 133.

¹⁸⁷ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 14 i sl.; «Šta nameravaju Iliri?», str. 133.

¹⁸⁸ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 23.

ционального сознания порождали стремление к сохранению ими своих отдельных этнонимов. Но были и локализмы, связанные с недостаточной зрелостью еще патриотического сознания.

В качестве общего наименования для южных славян Д. Раковац и Б. Шулек отстаивали название «иллиры», а для их «языка» — определение «иллирийский»¹⁸⁹. Они выступали против обозначения населения «Великой Иллирии» попятием «славяне», «юго-западные славяне» или «южные славяне»¹⁹⁰. Настойчивость хорватских национальных деятелей относительно названий «иллиры» и «иллирийский» была не случайна. Дело в том, что мнение о необходимости духовного соединения южных или только юго-славян разделялось не только хорватскими, по и сербскими буржуазными идеологами. Однако пути его осуществления мыслелись той и другой стороной по-разному. Это нашло свое проявление в полемике об именах, которая началась между хорватскими и сербскими национальными деятелями 30-х годов и продолжалась в 40-е годы XIX в. Сербские буржуазные идеологи в противовес понятию «иллиры» предлагали название «сербы» или «югославяне». Полемика отражала борьбу, которая развернулась между хорватскими и сербскими буржуазными силами за гегемонию в национально-освободительной борьбе югославянских народов.

Второе препятствие на пути к литературно-языковому южнославянскому единству Д. Раковац видел в религиозных различиях. Он писал по этому поводу: «Различие вероисповеданий. Оно до тех пор будет противником духовного соединения юго-западных славян в языке и литературе, пока наш парод не просветится. Где нет проповеди, там вера вырождается в фанатизм, а известно, что фанатизм рождает пенависть и гонения»¹⁹¹. Раковац видел условие преодоления религиозного фанатизма в проповеди народа.

Наконец, духовному объединению южных славян, по мнению Раковаца, мешало также различие в письменности, наличие двух алфавитов. По образному выражению автора брошюры, до последнего времени это была китай-

¹⁸⁹ Там же, стр. 14—17; «Šta nameravaju Iliri?», str. 104.

¹⁹⁰ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 15, 16; «Šta nameravaju Iliri?», str. 127—129.

¹⁹¹ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 24.

ская степа, которая разделяла братьев по языку. Раковац провозглашал равноправие латиницы и кириллицы. Как ранее Гай и Бабуич, он призывал к тому, чтобы образованые южные славяне знали обе азбуки¹⁹².

Характеризуя препятствия, которые мешали литературно-языковому соединению южных славян, и указывая пути и способы их преодоления, Д. Раковац в своей брошюре определял направления для практической деятельности по достижению южнославянского духовного единства.

Намеченные Раковацем задачи не могли в действительности обеспечить литературно-языковое слияние всех южных славян, хотя последняя мера была в состоянии укрепить литературно-языковое содружество хорватского и сербского народов, поскольку у них уже утвердился общий литературный язык. Вместе с тем выступление Раковаца в пользу единого названия народа, за религиозную терпимость, провозглашение равноправия латинской и кирилловской азбук — все это имело большое положительное значение для национального сплочения самого хорватского народа.

В своих сокровенных помыслах хорватские либералы не ограничивались духовным соединением южных славян, или югославян. В этом плане показательно их отношение к Боснии. В публикации «Письма Людовиту Гаю» помещен вопросник, написанный Гаем и найденный составителями вместе с письмом боснийского францисканца Ст. Маряновича Гаю от июля 1843 г. По мнению авторов публикации, Гай намеревался ознакомить Маряновича с вопросником, а возможно и обсудить его¹⁹³. Из вопросника видно, что Гай интересовался причинами ремонта и строительства укреплений в соседних капитаниях Боснии, состоянием их внутри области, содержанием разговоров боснийского наместника с приглашенным в Травник мутеселимом, влиянием на местных христиан последних постановлений Порты касательно сохранения порядка в Боснии, внешними влияниями на боснийских христиан, истоками этих влияний и способами их распространения, состоянием и расположением вооруженных сил в Боснии, особыми событиями и переменами¹⁹⁴. Интерес Гая к Бос-

¹⁹² D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 24—25.

¹⁹³ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 307.

¹⁹⁴ Там же.

нии выходил далеко за рамки литературно-языковых вопросов.

Хорватские национальные деятели уделяли особое внимание пропаганде в Боснии. По свидетельству Кукулевича-Сакцинского (1842 г.), эта пропаганда проистекала из «самой глубокой, самой тайной тенденции» иллиров¹⁹⁵.

А. Нугент предоставил в Карловаце дом для размещения молодых людей, которые прибывали из Боснии в Хорватию для обучения. В январе 1848 г. Раковац записал в дневнике: «Здепчай о Нугенте (Нугент. Босния, двор русский и царьградский)». Как полагает Я. Шидак, некоторый свет на смысл этой записи проливает известие, которое через несколько дней было послано из Карловаца в Вену. Автор его считал вероятным, что Нугент поддерживал брожение в Боснии, которое, по его представлению, весной определенно должно было вылиться в восстание¹⁹⁶.

Все это говорило о политических тенденциях деятелей иллиризма в отношении Боснии.

Как было показано выше, хорватские либералы рассматривали Боснию, или по крайней мере часть ее, исконной хорватской территорией, поэтому их политические планы касательно этой земли были наиболее определенными. Однако, как свидетельствуют переписка Гая и его контакты, хорошо известные в литературе связи А. Нугента с Белградом и другие данные¹⁹⁷, политические интересы деятелей иллиризма не ограничивались только Боснией, но касались и других югославянских земель.

Бесспорно, что в хорватской либеральной среде были стремления к политическому соединению если не всех, то части земель «Великой Иллирии». По вопросу же о путях и формах политического объединения югославянских областей среди хорватских либералов существовали разные мнения.

На позицию радикально настроенных деятелей проливает свет письмо священника Мавро Броза к Л. Гаю, написанное 22 апреля 1848 г., т. е. вскоре после начала революции в Австрийской империи. М. Броз два с полови-

¹⁹⁵ J. Šidak, J. Ravlić, «Tajno društvo za osnivanje slavenskog carstva» u puku «Karl Ferdinand», br. 51 u Veneciji god. 1844. «Radovi Instituta JAZU u Zadru», III, 1957.—HZ, 1960, str. 240.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Об этом см. ниже.

ной года служил священником в Боке Которской и вернулся оттуда в 1846 г.¹⁹⁸ В рассматриваемом письме он характеризовал обстановку и настроения в Боке накануне 1848 г., делясь с Гаем своими знаниями и опытом в этом отношении па случай, если бы кто-нибудь из единомышленников оказался в этом крае. М. Броз писал: «За время моего пребывания в Боке Которской я имел счастье познакомиться с наилучшими друзьями славянинами... с людьми, самое горячее желание которых — сбросить с себя ярмо иностранщины... с людьми, которые не боялись за время своего угнетения открыто защищать свой угнетенный народ... хотя это всегда было связано со смертельной опасностью»¹⁹⁹. Отмечая, в частности, среди таких лиц некоего Фортупата Бапича из Покривеника, человека, по словам Броза, «очень просвещенного и безгранично любящего свободу, врага главного племецкого управления...», Броз сообщал: «Я день за днем с ним общался и полностью познакомил его с нашими делами, касающимися будущего устройства крепкого и могущественного иллирийского государства, он был всем этим захвачен — и то интересно, что он и начальник перастский имели те же, что и мы, идеи и желание до того, как он услышал, что у нас действуют в этом направлении. Он уже тогда об этом думал, когда и сниться не могло, чтобы это было возможно»²⁰⁰.

О том, что устремления некоторых деятелей иллиризма шли много дальше открыто выставляемых требований, свидетельствуют и следующие ниже замечания Броза. Об игумене монастыря Савина Теофиле Стефановиче, родом из Срема, он писал, что с ним можно говорить обо всем, «как говорят у нас в Загребе». И о некоем Тодоре Зубаце в письме сказано: «...С ним, если он находится дома, можно говорить свободно обо всем, что касается нашего будущего, — он будет очень способствовать развитию и распространению наших замыслов и идей»²⁰¹.

Это письмо со всей очевидностью свидетельствует о том, что в 40-е годы, задолго до революции 1848 г., среди деятелей национальной борьбы, близких к Гаю, обсужда-

¹⁹⁸ J. H o g v a t , J. R a v l i c . Pisma . . . , str. 72.

¹⁹⁹ Там же, стр. 78.

²⁰⁰ Там же, стр. 79.

²⁰¹ Там же, стр. 78.

лись вопросы создания и будущего устройства югославийского государства, причем по общему антиавстрийскому тону письма видно, что оно мыслилось вне пределов Австрийской империи. Письмо говорит и о том, что М. Броз вел в этом плане пропаганду в Боке Которской среди лиц, заслуживающих доверия.

В письме есть намеки на то, каким путем радикально настроенные деятели национальной борьбы мыслили себе создание югославянского государства. Об одном из жителей Боки Броз писал: «Еко Лучши знаменит тем, что боролся с греками за их свободу против турецких насильников, и там завоевал славу. Он душой стоит за свое дело — вероятно, не откажется сделать ради своего дела то, на что был способен ради чужого. Он мог бы организовать отряд национальной безопасности, и ему было бы приятно, если бы он получил такое распоряжение»²⁰². Что касается молодого священника в Морине, Броз предупреждал: «С молодым следует обращаться очень осторожно, так как он мог бы в своей увлеченностии совершить какой-либо эксцесс и тем самым папести вред всему делу — в остальном же его можно с пользой употребить, хотя лишь тогда, когда мы сможем выступить на сцене открыто...»²⁰³.

Говоря о православном священнике в Кривошиях, который, по словам Броза, был «врагом правительства», автор письма замечал: «... В отношении занятия Герцеговины, которую он знает так, как каждый из нас — самый ближайший округ, в котором живет, мог бы нам быть чрезвычайно полезен. Он всегда может явиться во главе отряда в тысячу ружей... На него мы можем возлагать большие надежды»²⁰⁴. И далее, отмечая, что провозглашение равенства вероисповеданий, оплаты служителей культа за счет государства, свободы торговли и уменьшения платежей обеспечит поддержку национальной борьбе со стороны православного населения Боки, в особенности священников, М. Броз заключал: «И они каждый час, каждую минуту будут готовы поднять самое малое 6000 парней и пролить последнюю каплю крови за наше дело»²⁰⁵.

²⁰² Там же, стр. 79.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же, стр. 80.

Из этих отрывков видно, что М. Броз, а он, как следует из письма, не был одинок в своих взглядах, в вопросе о путях создания югославянского государства ориентировался на национальное освобождение югославян внутренними силами путем вооруженной борьбы как против турецких, так и против австрийских угнетателей.

Возникает вопрос, когда именно появилась у хорватских деятелей мысль о решении национальной проблемы вооруженным путем — до революции 1848 г., когда вообще родилась идея создания югославянского государства, или в условиях революции 1848 г. Тот факт, что М. Броз во время своего пребывания в Боке вел разговоры с некоторыми жителями Боки о планах загребских иллиров втайне, проявляя большую осторожность и конспиративность, что он подходил к оценке отдельных лиц и деятелей в Боке с точки зрения пригодности их к конспиративной на определенной стадии деятельности и готовности их к антиправительственным действиям, наводит на мысль, что сама идея вооруженной борьбы появилась до 1848 г.

Поскольку цитируемое письмо написано Гаю с большой откровенностью, можно полагать, что и Гай допускал подобный путь решения югославянского вопроса. С большей определенностью о характере политических тенденций самого Гая говорят его связи с польской эмиграцией²⁰⁶. В этом отношении представляется небезынтересным письмо С. Херкаловича, близкого единомышленника

²⁰⁶ Лидер консервативного крыла польской эмиграции, князь Адам Чарторыйский, рассматривая Балканы неотъемлемой сферой политической деятельности польской эмиграции, уделял большое внимание южнославянским землям, в первую очередь в составе Турецкой империи. Преследуя цель восстановить певависимую Польшу, успех польского дела Чарторыйский связывал с условиями существования и расцвета Турецкой империи. Для противовеса и противодействия России Чарторыйский считал целесообразным создание на Балканах, в первую очередь из славянских провинций Турции, сильного южнославянского государства. Но в отношении Австрийской империи и, следовательно, входивших в нее югославянских земель, позиция Чарторыйского в 30-е — 40-е годы не была четкой и определенной. Она стала решительной лишь после разгрома Краковского восстания 1846 г. Для осуществления своих политических комбинаций Чарторыйский направил на Балканы свою агентуру (R. Perović. Oko «Načertanija» iz 1844 godine. — «Istorijski glasnik», Beograd, 1963, br. 1, str. 80, 81, 92).

Гая, из Белграда от 1 октября 1841 г. В нем автор рекомендовал Л. Гаю некоего англичанина Линча. Херкалович сообщал, что Линч путешествовал по Турции и Сербии с целью ознакомления с состоянием этих земель и положением населения. Херкалович далее писал Гаю, что он, т. е. Херкалович, и сербский профессор Исидор Стоянович не упустили возможности ознакомить Линча с положением дел, чтобы он по возвращении на родину рассеял у своих соотечественников предрассудок, будто бы славяне, а в особенности сербы, тяготеют к России, где «после турок царствуют наибольший деспотизм и самоволие»²⁰⁷. Авторы публикации «Письма Людовиту Гаю», где напечатано рассмотренное письмо Херкаловича, Й. Хорват и Я. Равлич отмечают в примечании, что личность Линча установить не удалось²⁰⁸.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что «англичанин Линч», о котором писал Херкалович, покинул Белград приблизительно в то же время (рекомендательное письмо написано Херкаловичем 1 октября 1841 г.), когда выехал из Белграда агент Чарторыского А. Лициньский, действовавший здесь под псевдонимом «Линч». Лициньский, первый польский агент в Белграде, находился здесь с середины июня до середины октября 1841 г. Но он ни с кем не вступал в Белграде в контакт и не раскрывал своей миссии²⁰⁹. Есть основание полагать, что «англичанин Линч», о котором писал Херкалович, и польский агент Лициньский, действовавший под псевдонимом «Линч», — одно и то же лицо.

В свете сказанного представляется неслучайным интерес «Линча» к положению славян, о чем упоминал в своем письме Херкалович, и политические разговоры его с Херкаловичем, хотя последний, конечно, не мог в той ситуации раскрыть действительные замыслы своих единомышленников.

В 1844—1845 гг. Гай, Кушлан и другие поддерживали контакт с другим агентом Чарторыского — А. Риет-Райннером. Под этим именем скрывался загребский торговец Димитрие Новакович. Но деятельность этого агента, как и заверения Гая в своей возможности поднять восстание

²⁰⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 212, 213.

²⁰⁸ Там же, стр. 213.

²⁰⁹ R. Perović. Oko «Načertanija...», str. 78.

на Границе в случае представления ему деяний, был легковесными, если не сказать авантюристичными²¹⁰.

С укреплением позиций польской агентуры в Белграде польско-хорватские связи упрочились. Постоянный агент Чарторыского в Белграде Франтишек Зах, составляя в 1843 г. свой «План» сербской политики, идея которого сводилась к образованию южнославянского государства, разработал пункт о хорватах в сотрудничестве с посланцем Гая Степаном Царом, т. е. на основе инструкций Гая. Впрочем, в этом пункте о возможности борьбы с Австрией говорилось чисто символически, что было связано с политической линией Чарторыского и самого Заха в отношении Австрии в то время²¹¹ (связь Гая с Захом поддерживалась до 1848 г.²¹²).

Надо полагать, что политические тенденции Гая уже тогда были известны не только агентам Чарторыского в Белграде, по и сербским официальным лицам. Это могло иметь место через Ф. Заха, который поддерживал тесный контакт с Гарашанином, и через Херкаловича. Последний с 1843 г. был на государственной службе в Сербии и являлся доверенным лицом Гарашанина²¹³. Близкие Гаю лица входили в белградское тайное общество, пользовавшееся поддержкой Гарашанина²¹⁴. Гай сам в 1846 и 1847 гг. посещал Сербию.

Однако в «Начертании» 1844 г., в основу которого лег «План» Заха, был опущен пункт о хорватах²¹⁵. Его содержание говорило о том, что сербские официальные лица в то время ограничивали свою задачу соединением вокруг Сербии только южнославянских земель, находившихся под турецкой властью.

В мае 1848 г. Гай, по словам Гарашанина, пытался убедить сербские высшие власти в своем стремлении к объединению южных славян вокруг Сербии в рамках одного

²¹⁰ J. Šidak. Hrvatsko pitanje u Habsburškoj monarhiji. — «Historiski pregled», 1963, br. 2—3, str. 109—110; Л. Дурковић. Јакшић. Србијанско-црногорска сарадња (1830—1851). Београд, 1957, стр. 71.

²¹¹ См. R. Perović. Oko «Načerfanija»..., str. 92.

²¹² J. Šidak. Hrvatsko pitanje..., стр. 110.

²¹³ J. Novak, J. Ravlić. Pisma..., str. 206.

²¹⁴ Подробнее об этом см. в гл. IV.

²¹⁵ Д. Стражаковић. Како је постало Гарашаниново «Начертаније». — «Споменик», XCI. Београд, 1939, стр. 75—102.

царства²¹⁶. Зах в своем «Плане» и в письмах отмечал стремление Гая к политическому объединению южных славян с центром в лице Сербии²¹⁷.

Итак, Гаю и его окружению была близка идея независимого южнославянского государства или скорее югославянского политического образования. При этом Гай допускал даже великосербский вариант югославянского соединения, т. е. объединения югославянских земель под эгидой Сербии. Именно это стремление к политическому освобождению и соединению югославян впе границ Австро-Венгерской империи лежало в основе конспиративных связей Гая и близких к нему лиц с правым крылом польской эмиграции, заинтересованной в свою очередь в подобных переменах на Балканах. Но если для консервативных кругов польской эмиграции создание югославянского государства было одним из путей к восстановлению независимой монархической Польши, то для хорватских деятелей оно было условием патриотического освобождения хорватов.

Идея югославянского государства, которой придерживались Гай и его ближайшие единомышленники, угадывала направление и потребности общественно-политического развития югославянских народов. В этом состояла ее безусловная прогрессивность и историческое значение, независимо от того, что она была трудно или почти неосуществима в первой половине прошлого столетия.

В нашем распоряжении нет данных, которые показывали бы практическую организацию Гаем борьбы за патриотическое освобождение и политическое объединение югославян. Есть лишь сведения о беседах на эти темы. Можно полагать, что для Гая и его сподвижников вопрос о югославянском государстве был в 40-е годы скорее вопросом теоретическим. Югославянское независимое государство было для них политическим идеалом, который не связывался пока с конкретным планом действий.

Весьма сложным представляется отношение Гая к России. Безусловно, Гай рассматривал могущественную в то время Россию как моральную опору угнетенного славянства. Он понимал, что величие, политический вес и

²¹⁶ J. Šidak. Južnoslovenska ideja u ilirskom pokretu. — «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 3, str. 41.

²¹⁷ J. Šidak. Hrvatsko pitanje..., str. 110; Д. Страјаковић. Указ. соч., стр. 94.

авторитет русского государства способны были оказать и оказывали влияние на рост национального самосознания порабощенных Австрией и Турцией славянских народов, придавали им силы и уверенность в борьбе. Этим объяснялось желание Гая как можно шире и обстоятельнее через свои издания ознакомить хорватскую общественность с историей и жизнью русского общества.

В 1838 г. в обстановке обострения восточного вопроса Гай предпринял шаги к установлению прямого контакта с русскими официальными лицами. В Берлине он был принят Бенкендорфом. Гай передал ему записку для Николая I, а затем через полковника Озерецковского записку для самого Бенкендорфа. В последней Гай предлагал, при условии предоставления ему денежной помощи в 3 млн. форинтов, поднять восстание в Боснии, турецкой Хорватии, Герцеговине. С освобождением этих земель от турецкого господства он обещал поставить их вместе с Сербией и Албанией под власть русского царя. Гай уверял русское правительство, что в ближайшее время неизбежна война между Англией и Россией и в этой войне обеспечить победу России могла как раз его Иллирия²¹⁸.

В 1840 г. после безуспешного посещения России в 1839 г. Херкаловичем, выступавшим эмиссаром Гая, последний сам направился через Варшаву в Петербург и Москву.

Будучи в Варшаве, Гай передал Бенкендорфу «одно важное государственное дело»²¹⁹. Обращаясь к русскому правительству с просьбой о материальной поддержке, Гай подчеркивал в своей новой записке, что его газета и журнал действовали в интересах России и недвусмысленно указывал на возможность усиления через него и его печатные издания влияния России на южных славян. Тогда же Гай передал М. П. Погодину записку под названием «Secreta arkana», где автор выражал горячую приверженность православной церкви и кириллице и подчеркивал свое стремление объединить всех иллирийских славян в религиозном отношении на основе православия²²⁰.

²¹⁸ Ph. Moseley. A Pan-Slavist Memorandum of Ljudevit Gaj in 1838.—«The American Historical Review», vol. XL, 1935, N 4, p. 704—716.

²¹⁹ V. Francev. Za biografiju Ljudevita Gaja.—«Građa...», knj. 5. U Zagrebu, 1907, str. 143.

²²⁰ Обе записки опубликованы П. А. Кулаковским в приложении к его работе «Иллиризм» (стр. 083—086).

Цель всех этих мероприятий Гая состояла в том, чтобы добиться от русского правительства материальной помощи.

К панславистским высказываниям Гая в записке, переданной полковнику Озерецковскому, следует отоспаться с большой осторожностью. Нельзя упускать из виду, что Гай был заинтересован в русской материальной помощи и отдавал себе отчет в нежелательности для России объединения южных славян помимо нее. При этом указанные заявления Гая не опирались на действительный его авторитет и значение в южнославянской среде и его реальные возможности определять политическое развитие этих народов и являлись попыткой представить в преувеличеннном виде свою роль на славянском юге.

Отсутствие всякого намека на возможную, даже отдаленную перспективу политического соединения южных славян с Россией в последующих конфиденциальных записках Гая показывает, что он очень скоро отказался от подобных, весьма легковесных и авантюристических политических построений, хотя такая перемена объяснялась не в последнюю очередь и холодным отношением русского правительства к политическим авансам Гая. Все это говорит о том, что панславистские заявления не вытекали из глубоких внутренних убеждений Гая, что серьезной и продуманной панславистской политической программы, принципиального стремления к государственному объединению части или всех южных славян вокруг России у Гая вообще не было.

В записках 1840 г. Гай делал упор на духовное сближение южных славян с Россией. Как свидетельствует письмо Херкаловича Гаю из Белграда от 26 мая 1840 г.. Л. Гай в это время всерьез думал о введении в свою газету кирилловской азбуки²²¹ при сохранении и латиницы.

Что касается позиции Гая в религиозном вопросе, некоторый свет проливает на нее следующая запись Ф. В. Чижова, сделанная им в дневнике в 1845 г. «Теперь я припоминаю, — писал Чижов, — как Гай говорил нашему Фрейгангу, что он старается ввести индифферентизм, чтоб потом сблизить обе религии»²²². Попимая, что религиозные различия серьезно препятствовали духовному соединению южных славян, Гай, бесспорно, размышлял

²²¹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 212.

²²² «Славянский архив», 1958, стр. 176.

иад путями их преодоления. Он не был католическим фанатиком и подчинял религиозный вопрос интересам национальной борьбы. Но нельзя утверждать, что Гай действительно являлся сторонником православия.

Все эти настроения Гая определялись в первую очередь стремлением к возможно более тесному сплочению южного славянства, к преодолению тех различий, которые особенно явственно идеологически разделяли южнославянское общество, к усилению южных славян через их духовное единение. Но это был и путь сближения южных славян с Россией.

Несмотря на то, что Гай высказывался в пользу политического подчинения части южных славян русскому правительству, эти настроения были у него кратковременными, они не связывались с определенными планами и вообще не олицетворяли его убеждений.

Более глубоким было у Гая стремление к тесному духовному сближению южных славян, в первую очередь самих хорватов, с Россией, чтобы в опоре на нее добиться национального освобождения. У него было желание во имя национальной свободы хорватов, избавления их от угрозы мадьяризации установить тесные связи с Россией, была заинтересованность в русской помощи и поддержке, в покровительстве России национальной борьбе хорватов.

Надежды Гая на Россию объяснялись тем, что получение помощи отсюда представлялось ему наиболее реальным. Гай знал о поддержке русским правительством борьбы сербов против Турции, наблюдал пробудившийся интерес русской общественности к положению в славянском мире. Но он при этом недооценивал значение австро-русского монархического союза.

После 1840 г. Гаю стало очевидно, что русское правительство, не желая конфликта с Веной, не склонно в той же мере содействовать национальной борьбе австрийских югославян, в какой оно оказывало поддержку Сербии. Это не могло не повлиять на настроение Гая и его ближайшего окружения. Для Гая не прошло незамеченным и изменение внешнеполитического курса сербского правительства, охлаждение сербско-русских отношений в конце 30-х—начале 40-х годов.

Как уже отмечалось выше, С. Херкалович в письме к Гаю от 1 октября 1841 г. весьма резко судил о внутренних порядках в России. Херкалович, посвящая Гая в со-

держание своих бесед с «англичанином Липчем», выражал мнение, что если бы французы и англичане были лучше оповещены об отрицательном отношении славян к России, они смотрели бы на славян другими глазами и были бы склонны к оказанию им помощи²²³. Нельзя полностью доверять заявлению Херкаловича, сделанным им Линчу, об отношении южных славян к России, ибо Херкалович считал Линча англичанином. Но безусловно то, что Херкалович, который два года назад выступал доверенным лицом Гая в спошении с Россией, считал теперь желательной помочь со стороны западноевропейских государств и допускал возможность ее использования.

В 40-е годы завязались связи Гая с правым крылом польской эмиграции, деятельность которой была направлена в первую очередь против царской России.

Все это означало ослабление русофильских настроений. Но у Гая они не исчезли совсем. В 1845 г. в беседе с Ф. В. Чижковым он вновь проявлял заинтересованность в русской помощи²²⁴. В сентябре 1848 г. М. Петрович-Блазнавац, доверенное лицо и адъютант Стевана Кипчанина, командующего сербскими добровольцами в Воеводине, в письме Гаю передал ему рекомендацию патриарха Раичича и сам убеждал его немедленно отправиться в Россию и там искать помощи вооруженной борьбе воеводинских сербов²²⁵. Сам факт обращения к Гаю с подобной рекомендацией говорит о том, что Раичич и Блазнавац допускали возможность такого шага с его стороны.

В целом отношение Гая к России не носило принципиального характера. Он готов был воспользоваться для национального освобождения хорватов помощью любого государства, с любой стороны, если бы такая помощь последовала.

В среде хорватских либералов существовали и другие взгляды насчет перспектив политического развития югославии. В июле 1843 г., выступая на скупщинах Загребской жупании, Кукулевич-Сакцинский заявил: «Хорваты хотят соединиться со своими братьями, со славянами... пусть их освободит король, иначе они сами себя

²²³ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 212—213.

²²⁴ «Славянский архив», 1958, стр. 162.

²²⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 47.

освободят или собственными силами, или с посторонней помощью...»²²⁶. В 1847 г. тот же деятель в статье «Взгляд на Штирию, Вену, Пешт и Пожун» высказал мысль о том, что в Вене «зарыто прошлое и будущее трех великих славянских ветвей»²²⁷. Все это говорило о проавстрийской ориентации данного деятеля.

Близкие настроения прослеживаются также в письме Жерявица к Л. Гаю от 10 октября 1845 г.²²⁸ Ф. Жерявиц считал, что Австрийская империя, где, по его подсчетам, было 18 млн. славян, в ходе своего политического развития, в особенности же с упрочением позиции Пруссии как главного немецкого государства, оторвалась от Германии и постепенно превращалась в славянское государство. Отсюда Ф. Жерявиц делал вывод, что австрийское правительство в этих условиях вынуждено и должно поддерживать и защищать «справедливые желания» славян в империи. Следовательно, Жерявиц верил в возможность перерождения Австрийской империи в государство с преобладающим политическим весом славян. В этих взглядах заключалось зерно австро-славистской теории, предполагавшей решение национального вопроса в рамках габсбургской империи.

Не менее интересны для понимания политической идеологии хорватского либерализма мысли Жерявица о судьбе Турции и турецких югославян. В указанном письме Жерявиц, развивая мысль о том, что Турецкая империя находится на пороге своего распада и что более всех причастны к этому Австрия и Россия, высказывался категорически против того, чтобы придунайские и турецкие славяне, которые, по его мнению, пока тяготели к Австрии, отдались под покровительство России²²⁹. Жерявиц связывал судьбы не только австрийских, но и вообще всех югославян с Австрийской империей.

Мысли, высказанные Жерявицем в письме к Гаю, не представляли собой целостной, четкой и заключенной политической платформы. Тем не менее они показательны в том отношении, что в хорватской либеральной среде допускалась возможность югославянского политического

²²⁶ Цит. по кн.: V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49. Zagreb, 1949, str. 45.

²²⁷ «Danica», 1847, br. 5, str. 18.

²²⁸ J. Hrgvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 511—512.

²²⁹ Там же, стр. 511.

объединения под верховной властью и, следовательно, с помощью Габсбургов, в границах Австрийской империи. А тот факт, что эти мысли были развиты в письме к Гаю и само письмо посило весьма дружелюбный характер, дает возможность считать, что и Гай при известных условиях соглашался с австрийским вариантом югославянского политического развития, как с наиболее реальным и вероятным.

Нельзя представлять себе дело так, что в хорватской либеральной среде были устойчивые группировки с разными политическими ориентациями, хотя, конечно, различия в воззрениях отдельных деятелей имели место. У хорватских либералов, в первую очередь у самого Л. Гая, ни яспости, ни четкости, ни твердости в представлениях о перспективах политического развития южного славянства не было. Для хорватских либералов главным был вопрос национального существования и свободы хорватов, вопрос хорватского национального развития. Они связывали обеспечение национального будущего хорватского народа с политическим объединением южных славян или по крайней мере части югославянства. Хорватские либералы раздумывали над возможными вариантами осуществления политического славянского единства на Балканах. В поисках этих путей, вернее, принципов объединения, они проявляли не только воодушевление и настойчивость, но также и беспринципность²³⁰.

Хорватские либералы видели слабость южных славян в деле их освобождения и политического объединения. В то же время классовая природа либерализма располагала к компромиссам. Все это и порождало колебания, метания, мучительные поиски наиболее «верного», наиболее «гарантированного» пути, готовность к сотрудничеству с реакционными политическими силами. В свою очередь возможность политических комбинаций либералов объяснялась тем, что в Хорватии и Славонии были общественные слои, заинтересованные как в связях с Австроией, так и с южными славянами.

²³⁰ Проявлением политической беспринципности самого Гая были его связи с австрийским правительством. В 1847 г. он получал субсидии из Вены и направлял туда сообщения после своих поездок в Сербию (V. Bogданов. Društvene i političke borbe..., str. 62—63). Впрочем, в них он старался опровергнуть связь Заха с Чарторыским и был далек от того, чтобы служить политическим интересам австрийского двора.

Хотя в 40-е годы XIX в. либеральные идеологи по-прежнему проявляли большой интерес к южнославянской проблеме, в центре их внимания были теперь вопросы культурно-идеологического и общественно-политического развития хорватского народа. Сформулированная в 40-е годы политическая программа либералов касалась исключительно хорватского общества. В 1842 г. Вукотинович в статье «Иллиризм и хорватизм» писал: «...Иллиризма в политическом смысле нет, наоборот, хорватизм есть наша политическая жизнь»²³¹. Но в борьбе за политическое существование хорватов национальные деятели опирались на идею о большом и могущественном «иллирийском народе».

Деятели иллиризма прежде всего имели в виду языковую проблему. Б. Шулек в 1844 г. в брошюре со всей остротой писал о необходимости литературного объединения всех хорватов на основе штокавского диалекта²³². Он указывал на бесперспективность сепаратного литературного развития Хорватии от Славонии²³³.

Несмотря на огромные усилия сторонников иллиризма в 40-х гг., задача литературного соединения хорватов на базе штокавщины не была еще решена. В самой Хорватии были силы, не приемлемые новый литературный язык и защищавшие самостоятельное развитие кайкавской литературы.

Некоторая часть господствующего класса в Хорватии, обеспокоенная политикой венгерского дворянства, желавшая защитить свои социальные и политические позиции, стремилась в новых условиях противопоставить венгерскому языку свой родной диалект. Было представление, что он больше связан с дворянским господством в Хорватии, нежели штокавщина, которую до иллиризма здесь почти не знали. Кайкавский диалект был привычным, родным и традиционным. Наиболее активным представителем кайкавской оппозиции был известный писатель Игнатий Кристиапович²³⁴. Он находил поддержку со стороны Конитара, крупного и авторитетного словенского ученого с весьма противоречивой идеологией. Вплоть до своей смерти Кристиапович писал и выпускал книги па-

²³¹ «Kolo», II, 1842, str. 112.

²³² «Šta nameravaju Iliri?», str. 88, 89, 95 i sl.

²³³ Там же, стр. 91, 92, 93.

²³⁴ В 1837 г. он выпустил грамматику кайкавского наречия.

кайкавском наречии, и эта литература находила в Хорватии своих покупателей и читателей.

Сторонники кайкавщины как особого литературного языка являлись носителями провинциального сознания, противоречившего национальным интересам хорватского народа.

С организационным оформлением мадьярской группировки в 1841 г. противодействие новому литературному языку в Хорватии усилилось. Мадьяроны выступили за самостоятельное развитие кайкавской литературы, будучи вообще противниками югославянского сближения, противниками всего того, что могло ослабить хорвато-венгерские связи. Правда, сами мадьяроны не выдвинули из своей среды писателей на кайкавском наречии.

Что касается других хорватских земель, то и здесь, несмотря на господство штокавщины, положение было сложным. Как явствует из брошюры Шулека, в Славонии были тенденции к отдельному от Хорватии развитию «славонской» литературы²³⁵. В Далмации объединительные идеи вообще с трудом пробивали себе дорогу, и даже реформированное правописание Гая принималось с большим трудом и медленно²³⁶.

Между тем вопрос о литературно-языковом единстве хорватов, притом на штокавской основе, с каждым годом все больше и больше получал политическую значимость. Этот вопрос был неразрывно связан с проблемой объединения хорватских земель. Политическое значение его прекрасно понимали хорватские национальные идеологии. Б. Шулек в 1844 г. писал: «Накопец, если хорваты (имелась в виду часть хорватов, говорящих на кайкавском наречии. — И. Л.) примут в свои книги иллирийский язык, та котором говорят и соседние провинции, это хорватов теснее связает с ними и с сестрой Славонией, что им сейчас особенно необходимо»²³⁷.

Острая необходимость и неотложность принятия всеми хорватами одного литературного языка, дальнейшее развитие хорватского национального самосознания, сложность обстановки в хорватских землях — все это обусловило тот факт, что в 40-е годы XIX в. хорватские национальные

²³⁵ «Šta namjeravaju Iliri?», str. 91.

²³⁶ Об этом см. ниже.

²³⁷ «Šta namjeravaju Iliri?», str. 100.

деятели со всей определенностью выступили за литературно-языковое объединение на основе штокавского наречия именно хорватского народа.

Как и раньше, буржуазно-дворянские идеологи выдвигали задачу защиты и развития национального языка и литературы на нем²³⁸. Вопрос о национальном языке был для них вопросом национального существования хорватов. Ставясь склонить в пользу национального языка общественное мнение, они по-прежнему писали о красоте и силе «иллирийского языка», о его древности и богатстве (более 60 тыс. коренных слов!), ссылались на мнение различных ученых. Они подчеркивали его близость другим славянским языкам и распространенность последних в Европе, Азии и даже Америке. Стремясь поднять значение «иллирийского языка», Шулек указывал на то, что им пользовались венгерские короли и что он употреблялся как официальный в Турции, Албании, Валахии и Сербии²³⁹.

В 40-е годы XIX в. хорватские либералы сделали дальнейший шаг в сторону решения языкового вопроса. 18 июня 1842 г. Гай напечатал в своей газете статью, где выразил надежду на введение национального языка в официальную жизнь Хорватии и Славонии. Эта статья появилась после того, как барон Кульмер, находясь у Драшковича в обществе Гая, Штооса, Бабукича и Вакановича, высказался за введение хорватского языка в качестве служебного в жупаниях²⁴⁰. Показательно, что Гай выступил в печати с мыслями о замене латинского языка национальным, когда приобрел уверенность в поддержке не только со стороны либерально настроенной публики, но и аристократов, имевших влияние при дворе.

Мысль о введении хорватского языка в официальные отношения была затем поддержана и развита в брошюрах Раковаца и Шулека. «...Если бы дело дошло уже до того, — писал Раковац, отвергая националистические требования венгерского дворянства, — что мы должны были бы от латинского языка отречься, мы хотели бы для наших дел ввести всем понятный иллирийский язык, нежели народу не понятный язык венгерский»²⁴¹. В ка-

²³⁸ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 8 i sl., 25; «Šta nameravaju Iliri?», str. 84, 85.

²³⁹ «Šta nameravaju Iliri?», str. 58—60, 84, 88.

²⁴⁰ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 255.

²⁴¹ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 13.

честве образцовой страны в смысле решения языкового вопроса Д. Раковац изображал буржуазную конституционную Швейцарию, где, по его словам, каждый народ осуществлял свои общественные дела на родном языке и в парламенте депутаты имели право пользоваться национальным языком. «Вот свобода, вот терпимость, вот братское равенство, вот справедливость!» — воскликнул в заключение Д. Раковац²⁴².

В том же плане писал и Шулек, выступая против венгерского языка: «Если живой язык лучше, пожелав мертвый, — заявлял он, — пусть тогда хорваты и славоицы самый близкий живой, т. е. национальный свой язык в общественные дела введут, пусть на иллирийском языке в соборе и скупщинах совещаются, свидетельства и грамоты пишут»²⁴³. Хорватские национальные деятели в публичных выступлениях в начале 40-х годов ограничивались лишь пожеланиями относительно возведения хорватского языка в ранг государственного в будущем, «когда это позволят обстоятельства»²⁴⁴. В своих подцензурных печатных выступлениях они противопоставляли еще венгерскому языку латинский.

Но в действительности их позиция в языковом вопросе была в это время более решительной. Кукулевич-Сакчинский в статьях, предпредназначенных для газеты, но не пропущенных цензурой, в 1842 и 1843 гг. требовал немедленного введения национального языка в официальную жизнь²⁴⁵. Не подвергавшаяся цензуре газета «Бранислав», которая издавалась в конце 1844 г. и начале 1845 г. в Белграде при активном участии и под редакцией Шулека²⁴⁶, писала, что латинский язык не приносит уже никакой пользы и тем более он не может приносить ее в будущем. Газета образно называла латинский язык трупом. «Бранислав» утверждал, что латышь отгораживает Хорватию и Славонию от всего живого мира, убивает «народность» и ведет к политической гибели. Газета со всей резкостью заявляла, что «каждый, кто борется или будет бороться за латинский язык, является врагом на-

²⁴² Там же, стр. 9.

²⁴³ «Šta nameravaju Iliri?», str. 83.

²⁴⁴ Там же, стр. 84.

²⁴⁵ T. Smičić klas. Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. — Rad, knj. CX. U Zagrebu, 1892, str. 128, 130.

²⁴⁶ Об этом издании подробнее см. в гл. IV.

шей родины...»²⁴⁷. Газета требовала введения на ближайшем же соборе национального языка в низшую и высшую школу, во все общественные дела, а также, насколько это было возможно, и в церковь²⁴⁸. В газете «Бранислав» либералы со всей решительностью требовали безотлагательного введения национального языка в официальную жизнь, школы и церковь Хорватии и Славонии.

Приблизительно в это же время в официальных учреждениях Хорватии стала раздаваться родная речь²⁴⁹.

Осторожность хорватских либеральных деятелей в вопросе об официальном языке в Хорватии и Славонии объяснялась боевым оттолкнуть от национального движения консервативные круги дворянства и духовенства, в глазах которых латинский язык был неразрывно связан с феодально-сословными привилегиями, господством католицизма и политическим союзом Хорватии и Славонии с Венгрией²⁵⁰. Она диктовалась и строгостью цензуры.

Как и ранее, хорватские либералы в 40-е годы большое внимание уделяли духовному развитию хорватского общества. «Каждый, кто зовется человеком, — писал Д. Раковац, — имеет право на духовное совершенствование. Вековечный дух вдохновил своим бессмертным дыханием крестьянина, горожанина и аристократа. Что относится к отдельным людям, относится и к отдельным народам»²⁵¹. И далее он продолжал: «Мы хотим... народ наш просветить, что единственно возможно на национальном языке»²⁵². Б. Шулек также подчеркивал, что иллирийские патриоты, в частности, хотят, чтобы «их народ посредством одного общего, т. е. иллирийского, языка духовно развился, чтобы тем самым он стал сильным, богатым, разумным и счастливым»²⁵³. Просвещение хорватского народа оставалось важной задачей движения.

Либеральные деятели руководствовались широкими взглядами на просвещение. Б. Шулек писал: «Для того

²⁴⁷ «Branislav», 1844, str. 38.

²⁴⁸ Там же, стр. 35, 37.

²⁴⁹ Б. Шулек писал в своей брошюре: «Сейчас уже как в государственном, так и жупанийских собраниях публично говорят по-хорватски». — «Šta nameravaju Hiri?», str. 99.

²⁵⁰ См. «Branislav», 1844, str. 38.

²⁵¹ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 8.

²⁵² Там же, стр. 25.

²⁵³ «Šta nameravaju Hiri?», str. 133,

чтобы парод был духовно развит, пожало, чтобы все его представители или по крайней мере большая часть просветилась...»²⁵⁴ Либералы выступали за просвещение широких слоев населения, включая крестьян и ремесленников. Они считали при этом родной язык самым результативным и единственным средством просвещения широких масс, которые не знают иностранных языков²⁵⁵.

Либеральные идеологи были сознательными и горячими поборниками просвещения. Они верили в силу и значение просвещения²⁵⁶. В нем они видели предпосылку повышения авторитета своего народа. «Англичане, французы, немцы, американцы, — заявлял Шулек, — благодаря своей просвещенности установили духовное господство над всем миром»²⁵⁷. С просвещением связывался подъем хозяйства, общее благосостояние населения²⁵⁸. Защита просвещения была отличительной чертой просветительской идеологии в Хорватии и Славонии.

Если в брошюрах Раковаца и Шулека вопрос о подъеме духовной культуры и просвещения хорватского общества ставился в общей форме, то газета «Бранислав» формулировала конкретные задачи в культурно-просветительской области²⁵⁹. Газета поднимала вопрос об учреждении кафедр национального языка в учебных заведениях Хорватии и Славонии, считала необходимым обучать детей в пизших школах родному языку, она ставила задачу организации в каждом селе начальной школы. Газета подчеркивала необходимость основания национального театра и музея. Она настаивала на организации научного общества, члены которого посвятили бы себя созданию не только художественной, но и полезной, научной и популярной литературы. Газета выступала за учреждение университета и педагогической школы в Хорватии. Она отмечала необходимость основания ремесленной и торговой школ с национальным языком преподавания.

Просвещение самых широких слоев населения во всех областях знания, развитие народного, организация выс-

²⁵⁴ Там же, стр. 56.

²⁵⁵ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 8, 25; «Šta nameravaju Iri?», str. 52, 56, 57.

²⁵⁶ «Šta nameravaju Iri?», str. 49.

²⁵⁷ Там же, стр. 50, 51.

²⁵⁸ Там же, стр. 49—51, 55, 56, 57.

²⁵⁹ «Branislav», 1844, str. 11, 35.

шего и технического образования, подъем науки и национальной культуры — такова была программа хорватских либералов в культурно-просветительной области.

В 40-е годы XIX в. либеральные лидеры выразили свое отношение к существующей административно-политической раздробленности хорватских земель. Выдвижение в 40-х годах теоретического положения о венгерской Иллирии отражало тенденцию либералов к территориальному и политическому восстановлению Триединого королевства. Б. Шулек в брошюре «Каковы намерения плиров?», хотя и осторожно, но недвусмысленно выразил надежду на соединение Далмации с Хорватией и Славонией²⁶⁰. В 1846 г. в газете он с уверенностью писал о неизбежном соединении раньше или позже с Хорватией Далмации и части Боснии до г. Яйце²⁶¹. Либералы стремились к административно-политическому объединению основной части хорватской территории, но относили к ней также часть Боснии и Срем. При этом либеральные идеологи исходили как из исторической традиции, так и из национального момента.

Хорватские национальные деятели понимали, что политическое объединение хорватской территории — дело будущего. Поэтому ближайшие политические задачи они формулировали применительно только к Хорватии и Славонии.

В центре внимания либеральных лидеров был вопрос о политическом положении Хорватии и Славонии. Б. Шулек, ссылаясь на историческое прошлое, утверждал, что Хорватское королевство вступило в политический союз с Венгрией на добровольных началах. Он видел истоки хорватских муниципальных прав в договоре 1102 г., признавшем свободы и права Хорватского королевства. Шулек подчеркивал, что Хорватское и Венгерское королевства на протяжении всей истории являлись равноправными государствами, что Хорватия и Славония в администрации, судебном и финансом отношении всегда были независимы от Венгрии. Он писал, что каждая из сторон имела в прошлом свои собственные законы, пользовалась равными правами и свободой. Б. Шулек особо отмечал большие заслуги хорватов в защите Венгерского королев-

²⁶⁰ «Šta nameravaju Iliri?», str. 45.

²⁶¹ «Novine», 4.XI 1846, str. 367.

ства от нашествия татар и турок²⁶². Протестуя против национального и политического угнетения Хорватии и Славонии, либералы опирались на теорию исторического государственного права.

Касаясь настоящего политического положения Хорватии и Славонии, Д. Раковац в брошюре «Маленький катехизис для взрослых» писал: «Мы хотим... сохранить неоскверненными наши муниципальные права, ибо они являются основой нашего политического существования»²⁶³. На замечание венгерской стороны: «Где зафиксированы муниципальные права Хорватии и Славонии?» — Раковац отвечал, что хорватские «муниципальные права заключаются там же, где и венгерские *recta cōventa*; они заключаются в непрерывной практике в течение 700 лет»²⁶⁴. Близкие мысли высказывал и Шулек. «Муниципальные права, — заявлял он, — являются... основой Хорватского и Славонского королевства, подкой основу — обрушится все здание»²⁶⁵. В связи с этим он заключал: «Намерение иллирийских патриотов состоит в следующем: чтобы... их конституция сохранилась в полной целостности...»²⁶⁶ В качестве ближайшей политической задачи либералы выдвигали защиту и сохранение хорватских муниципальных прав, которые рассматривались основой политического развития Хорватии и Славонии.

В понятие «муниципальные права» либералы вкладывали политическую, административную, судебную, военную, финансовую и церковную самостоятельность Триединого королевства от Венгрии²⁶⁷.

В связи с муниципальными правами либералы выдвигали требование восстановления хорватского Наместнического веча. «... Все истинные хорвато-славонские патриоты стремятся сейчас к тому, — писал Шулек, — чтобы им опять был возвращен их особый совет, и они питают ту постоянную надежду, что милостивый король вскоре исполнит их справедливое желание»²⁶⁸. Говоря о средствах, необходимых для содержания хорватского Намест-

²⁶² «Šta nameravaju Iliri?», str. 28—32, 33—34, 39, 40—45, 48, 62.

²⁶³ D. R a k o v a c. Mali katekizam..., str. 25, 26.

²⁶⁴ Там же, стр. 13.

²⁶⁵ «Šta nameravaju Iliri?», str. 62.

²⁶⁶ Там же, стр. 133.

²⁶⁷ «Novine», 15.IX 1847, str. 294.

²⁶⁸ «Šta nameravaju Iliri?», str. 66—67.

иичества, Б. Шулек указывал на большие суммы, которые выплачивались Хорватией и Славонией для содержания венгерского Наместнического совета. Одновременно онставил вопрос о тех значительных капиталах бывшего хорвато-славонского вече, которые теперь находились под венгерским управлением²⁶⁹.

Вопрос о хорватском Наместническом вече занимал особое место в политической программе либералов, ибо в данном случае речь шла не о защите существующих политических институтов Хорватии и Славонии перед лицом политического давления, а об административном и политическом изменении положения хорватских земель по отношению к Венгрии. И по своему значению для политического развития Хорватии и Славонии этот вопрос был далеко не второстепенным. Вот почему либералы уделяли ему большое внимание.

Хорватские либералы требовали действительной и полной автономии Хорватии и Славонии внутри Венгерского королевства. Они соглашались на политический союз Хорватии и Славонии с Венгрией на условиях равенства и невмешательства во внутренние дела хорватских земель.

Формулируя свою позицию по вопросу о политическом положении Хорватии и Славонии, либералы опирались на традиционный дворянский принцип — историческое государственное право. Исходя из этого, они вместо требования суверенитета Хорватии и Славонии во всех сферах общественной жизни провозглашали характерный для дворянской политики лозунг защиты муниципальных прав Хорватского королевства. Однако историческое государственное право, как и лозунг «защиты муниципальных прав» не связывались либералами с сословно-политическими привилегиями дворянства. Эти положения заключали в их устах требование самостоятельного политического и национального развития, политического равноправия хорватского народа и служили в конечном итоге не феодально-дворянским целям и интересам.

Вопрос о муниципальных правах Хорватии и Славонии имел для либералов не только внутренний, хорватский, но и югославянский аспект. В автономии Хорватии и Славонии они видели тот политический фактор, который был способен заинтересовать не только Далмацию, но и дру-

²⁶⁹ «Šta nameravaju Niri?», str. 68.

тие югославянские земли в политическом соединении их с Хорватией и обеспечить таким образом руководящую роль последней в этом политическом союзе.

Хорватские либералы постоянно подчеркивали свое стремление к сохранению политического союза с Венгрией, но на основе равноправия. Это не были тактические заявления, вызванные лишь желанием опровергнуть утверждения венгерской печати. Либералы понимали опасность для Хорватии и Славонии оставаться лицом к лицу с Австрией. В лице венгерской конституции они видели защиту от абсолютистских тенденций двора. Поэтому в конкретной политике они были сторонниками сохранения хорвато-венгерского союза. Но теоретически Гай и его ближайшие единомышленники допускали возможность отделения Хорватии и Славонии от Венгрии как необходимую предпосылку югославянского политического соединения и независимости.

Для выяснения классового содержания политической программы либералов необходимо осветить их позицию по вопросу политического устройства Хорватии и Славонии. В этом отношении представляет интерес следующее замечание Гая в одной из неопубликованных его записок: «Аристократия находится в таком отношении к демократии, как сливки к молоку, где бы были сливки, если бы не было молока»²⁷⁰. В свою очередь Раковац в «Маленьком катехизисе» с осуждением писал, что «в Венгрии только высшее дворянство является законодателем, низшее дворянство слабо влияет на законодательство, а все остальные неблагородные жители равны пулью»²⁷¹. Идеологи либерализма были противниками безраздельного господства феодальной аристократии и дворянства в политической жизни страны.

Антиаристократические и антифеодальные настроения либералов сочетались с пониманием необходимости и неотложности политических преобразований. «Бранислав» в 1844 г. писал, что устаревшие обычаи и институты, не соответствующие духу времени, должны быть ликвидированы²⁷². В том же плане неоднократно высказывалась

²⁷⁰ Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor, R. 3989. Gaj Ljudevit. Pesme i proza, II. Literarno-poučni sastavci. Misli i bilješke o jeziku, narodnosti, hrv. povijestti, politici i dr.

²⁷¹ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 11.

²⁷² «Branislav», 1844, str. 8.

и газета Гая²⁷³. Иван Мажуранич, критикуя в одной из статей политические порядки в Хорватии и Славонии, называл господствовавшие здесь «боярско-конституционные устои» льдом, который неминуемо должен растаять под лучами весеннего солнца XIX в.²⁷⁴

Конкретную программу реформ либералы впервые изложили в «Браниславе» в 1844 г. Накануне открытия сабора газета выставила два главных требования: реорганизация сабора и восстановление хорватского Наместничества²⁷⁵. Она писала: «Необходимо привести в порядок сабор, разделить соразмерно голоса, установить порядок ирений, расширить круг действия, пригласить многих, кто теперь на сабор не приходит, и т. д.»²⁷⁶ Газета критиковала бездейственность сабора. «Люди собираются, — отмечала она, — немного поговорят, покричат «vivat», напьются, наедятся и, как будто все сделано, вернутся домой. Но что имеет от этого страна? Что имеет народ? Ничего, кроме расходов. Что здесь сделано в течение ряда лет? В полном смысле ничего. Послали, например, 5 лет тому назад свои решения в Вену, а на многие пункты не получили ответа до настоящего времени. Разве это не сатира на конституционное государство?»²⁷⁷ Газета требовала, чтобы сабор заседал до тех пор, пока не будут получены ответы короля на его решения²⁷⁸. Не трудно увидеть в этих выступлениях «Бранислава» стремление к превращению сабора в представительный политический орган, обладающий действительной властью в стране:

В статье «Хотите ли венгерские законы?» «Бранислав», отмечая непоследовательность принятых Пожунским сеймом в 1844 г. законов, с горечью писал о неоправдавшихся надеждах горожан на предоставление им права голоса на сейме и упорядочение городского управления и вообще недворян, рассчитывавших получить права, «которыми наделяет их дух времени», и т. д.²⁷⁹ Эта критика обнаруживает понимание либералами необходимости не только административных реформ, но и предоставления недворянам политических прав.

²⁷³ «Novine», 8.II 1843, str. 43; 6.III 1847, str. 73.

²⁷⁴ «Novine», 16.VII 1845, str. 306.

²⁷⁵ «Branislav», 1844, str. 10—11.

²⁷⁶ Там же, стр. 10.

²⁷⁷ Там же, стр. 9.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же, стр. 46.

По вопросу о составе сабора либералы высказывались в загребской национальной газете Вукотипович. Он выступал за расширение представительной системы и участие подворян в политической жизни страны²⁸⁰. «И это справедливо и необходимо, — подчеркивал он, — ибо известная потребность настоящего века состоит в том, чтобы привилегии аристократии были мало-помалу распространены и на других. Этого требует прогресс и из него вытекающее счастье государства...»²⁸¹ Кроме того либеральная печать осуждала кортешование²⁸².

Либералы требовали гласности работы законодательных, административно-политических и судебных органов. «Гласность — основа конституции», — писала газета в 1846 г.²⁸³

Хорватские национальные деятели выражали протест против цензурных строгостей и высказывались за свободу печати. Кукулевич-Сакцинский в речи па скунцише Вараждинской жупании назвал цензуру самым главным препятствием «нашего духовного прогресса»²⁸⁴. Хорватские либералы тем самым проявляли заинтересованность в буржуазных свободах.

С большей определенностью позиция либералов по вопросу о политическом устройстве выявилась в проекте программы Народной партии²⁸⁵, составленном Вукотиповичем в 1846 г.²⁸⁶ По неизвестным причинам он не был формально принят в качестве программы партии.

Наряду с требованиями введения национального языка «в общественную и официальную жизнь» и обеспечения «независимости» Хорватии и Славонии во внутренних делах предварительный текст программы предусматривал усовершенствование законным путем существующей «конституции». Под этим подразумевалось: «Упорядочение общего венгерского и соединенных королевств²⁸⁷ сабора и

²⁸⁰ «Novine», 15.XI 1845, str. 381; 26.XI 1845, str. 394; 11.VIII 1847, str. 253.

²⁸¹ «Novine», 26.XI 1845, str. 394.

²⁸² «Novine», 8.VII 1846, str. 229; 22.VII 1846, str. 245.

²⁸³ «Novine», 26.IX 1846, str. 321; 5.V 1847, str. 141.

²⁸⁴ «Branislav», 1844, str. 21.

²⁸⁵ Так сторонники иллпризма называли себя с 1843 г.

²⁸⁶ Arhiv JAZU. Ostavština L. Vukotinovića, XV 17/a 8. Program narodne stranke ilirske od god. 1846. Проект опубликован в качестве приложения к статье: J. Šida k. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj uoči 1848. — HZ, 1960, str. 203—205.

²⁸⁷ Т. е. Хорватии и Славонии.

устройство его на представительных принципах. Точное определение компетенции жупанийских властей, разделение в жупаниях административных, юридических и политических органов власти. Уравнение всех сынов отечества в отношении общественных тягот, улучшение законов касательно общегражданских прав. Упорядочение городов. Соответствующие законы касательно воспитания масс. Вопрос о ликвидации дединства. Урбаниальные предметы, особенно откуп барщины и т. д. и т. д.» В заключение проекта программы говорилось: «Полезно затем отметить и то, что Народная партия не желает касаться чьих бы то ни было прав собственности, по считает, наоборот, что самая главная задача законодательного органа состоит в том, чтобы предоставить права тем согражданам, которые их лишены, и таким образом более или менее свести на нет ко всеобщей пользе различия между сословиями».

Проект программы Народной партии предусматривал преобразование хорватского сабора и общевенгерского сейма на началах народного представительства, что означало превращение их из феодально-сословных учреждений в буржуазные парламенты. Этот пункт раскрывает буржуазный конституционализм, парламентаризм хорватских либеральных лидеров, которые в те годы были шагом вперед в развитии хорватской политической мысли. В проекте программы значилось требование модернизации жупанийкого и городского управления. Он поднимал вопрос об уравнении всех слоев населения в писемни общественных тягот, т. е. о ликвидации налоговой привилегии дворянского класса. Далее следовало требование о пересмотре законов касательно общих гражданских прав и буржуазном политическом равенстве граждан. Документ предусматривал образование широких слоев населения, ликвидацию старинного дворянского права касательно родовых земель, выкуп барщины. Проект программы Народной партии от 1846 г. был проникнут стремлением к установлению буржуазных порядков как в политической, так и в социально-экономической области и содержал ряд буржуазно-демократических положений.

Для правильной оценки политических тенденций либералов следует учитывать тот факт, что с первыми известиями о революции в Австрийской империи и политическими уступками австрийского монарха хорватские либералы выступили с конкретной и четкой политической про-

граммой, предусматривавшей ряд буржуазно-демократических преобразований. Эти требования были подготовлены и явились результатом предшествующего развития либеральной мысли.

Выступая за буржуазные преобразования в политическом устройстве, хорватские либералы одновременно подчеркивали свою преданность и верность правящей династии. В проекте программы 1846 г. неоднократно указывалось, что Народная партия намерена добиваться реформ «мирным и законным путем» в содружестве с правительством. Либералы рассчитывали на политические уступки со стороны Вены в пользу хорватских буржуазно-дворянских сил.

Политическая программа хорватских либералов предполагала воссоединение в одно политическое целое всей хорватской территории, преследовала в качестве ближайших задач установление внутриполитической автономии Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства и проведение в политической жизни Хорватии и Славонии буржуазных реформ.

По своей классовой сущности политическая программа ведущих хорватских национальных деятелей посыла объективно буржуазный характер, хотя и была непоследовательной и компромиссной. Она была буржуазной потому, что в отличие от программы Драшковича объективно служила интересам нарождающейся национальной буржуазии. Ее реализация в конечном итоге привела бы к установлению в Хорватии и Славонии политического господства национального буржуазного класса. В этом состояла ее бесспорная прогрессивность.

Умеренность политической программы хорватских либералов проявлялась прежде всего в ее сугубой локальности. Она касалась исключительно Хорватии и Славонии и не покушалась на политическую организацию Австрийской империи в целом. Компромиссность политических требований либерального руководства выражалась далее в признании господства Габсбургов над хорватскими землями, в политических уступках феодализму, в относительной узости предлагаемых буржуазных преобразований. И реализация этой программы мыслилась либеральными идеологами как результат соглашения с феодально-монархическими силами.

Неноследовательность и осторожность политической программы хорватских либералов объяснялись социальной неразвитостью и общей слабостью национальной буржуазии и передового дворянства, идеологами которых были либералы. Ее умеренность была связана с их сотрудничеством с консервативными слоями дворянства и духовенства в национальной борьбе, заставлявшим либеральных лидеров учитывать настроения и тенденции этих последних. Немаловажным обстоятельством было и то, что идеологами либерализма выступали в Хорватии и Славонии дворяне и близкая к ним интеллигенция, которые были неспособны во всем порвать с дворянской традиционностью.

Политическая программа либералов была сформулирована в условиях угнетенного положения хорватского народа. Она была проникнута протестом против политического разъединения хорватского народа, абсолютизма, национального бесправия и унижения, политического давления, государственно-национальных привилегий. В этом протесте заключался ее общедемократический смысл: «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации, — писал В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание *против* угнетения...»²⁸⁸.

Разложение феодальной системы хозяйства и переход к капитализму в условиях угнетенного положения Хорватии и Славонии заставили либеральных деятелей задуматься над экономическими проблемами и дать ответ на назревшие экономические задачи.

Хозяйственные вопросы с начала иллиризма были в поле зрения либералов. В 40-е годы их внимание к экономическому развитию усилилось. «Тем, что мы защищаем муниципальные права, — писала газета Гая в 1846 г., — мы не сделали всего... нужно придать во внимание и материальное благосостояние родины...»²⁸⁹. В том же году редакция национальной газеты выдвинула лозунг: «Народность и прогресс!»²⁹⁰. Однако четкой и ясной программы в экономической области либералы не выработали.

Хорватские либеральные идеологи тесно связывали экономический прогресс с нуждами национального и по-

²⁸⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 275—276.

²⁸⁹ «Novine», 14.XI 1846, str. 382.

²⁹⁰ «Novine», 5.XII 1846, str. 405.

литического развития Хорватии и Славонии. Они сознавали значение экономического фактора для усиления национально-политических позиций хорватского народа. Либералы видели в развитии торговли, промышленности, транспорта путь к усилению контактов и общения между разными слоями хорватского общества, т. е. к укреплению и сплочению нации. Хозяйственный рост Хорватии и Славонии был в их представлении тем фактором, который мог заинтересовать соседние хорватские области в союзе с Хорватией²⁹¹.

Интерес хорватских либералов к экономике находился в тесной связи с их взглядами на положение, роль, место и значение буржуазии в обществе. Еще в 1838 г. в редакционной статье «Торговля», помещенной в «Данице», отмечалась важная роль торговли и торговцев в воззвании Нидерландов и США, во Французской революции конца XVIII в.²⁹² Это означало, что либералы отводили буржуазии ведущую роль в общественном прогрессе. По данному вопросу редакция национальной газеты в 1847 г. высказалась со всей определенностью. «Тем, чем была до сих пор аристократия, — писала она, — должна быть отныне буржуазия»²⁹³. Словом, либералы связывали будущее Хорватии и Славонии с буржуазным классом.

В то же время в либеральной среде было сознание, что хорватская буржуазия еще далека от того, чтобы господствовать в обществе. В редакционной газетной статье «О воспитании горожан» в 1847 г. отмечалось, что в других государствах горожане составляют основу общества, определяют направление развития государства, выступают защитниками свободы и гуманности, а города являются средоточием богатств, прибежищем прогресса и наук. В Хорватии же, выражала сожаление газета, горожане находятся в жалком состоянии как в материальном, так и духовном отношении²⁹⁴. Либералы считали такое положение несовместимым с интересами нации. «Пока мы не вырастим крепкое, патриотическое, просвещенное среднее сословие, — писал Вукотипович в 1847 г., — ... мы никогда не будем иметь ни моральной силы, ни чистой па-

²⁹¹ «Novine», 5.XII 1846, str. 405—406.

²⁹² «Danica», 1838, br. 18, стр. 72.

²⁹³ «Novine», 27.XII 1847, str. 384.

²⁹⁴ «Novine», 12.V 1847, str. 149.

циональной жизни. Ибо простой народ всегда останется более или менее жертвой грубости, высшая же аристократия никогда полностью не откажется от салонных привычек»²⁹⁵. Стремление экономически укрепить «третье сословие» в Хорватии и Славонии, привлечь его в массе к национальному движению, чтобы с уверенностью опереться на него, делало в свою очередь либералов сторонниками экономического прогресса. Короче говоря, передовые люди Хорватии и Славонии не могли не связывать развитие хозяйства с интересами страны, интересами хорватской нации.

«Символ веры порядочного гражданина» дает представление о воззрении либералов на место и значение отдельных отраслей пародного хозяйства. «Верю, — говорилось там, — что земледелие является первоисточником людской пищи и самой главной опорой государства»²⁹⁶. Г. Раденичкий в передовой газетной статье «Кое-что о способе, которым можно было бы улучшить положение нашего крестьянства» писал следующее: «... В провинции, подобной, например, пашей, хорошо организованное земледелие является главным рычагом промышленности²⁹⁷, а там, где первичное производство и промышленность находятся на высокой ступени совершенства, самой важной является торговля»²⁹⁸. Важнейшей отраслью пародного хозяйства в условиях перазвитой, экономически угнетаемой Хорватии либералы считали сельское хозяйство.

В 1840 г. «Даница» перепечатала из немецкого журнала «Кроация», издававшегося в Загребе, большую статью известного в то время специалиста в области лесоводства Ф. Шпорера «Мысли о промышленности, обработке земли и торговых отношениях югославянских земель Австрийской империи с обозрением железных дорог и судоходства»²⁹⁹. Несомненно, что взгляды, высказанные в этой статье, соответствовали мнению редакции национального журнала. В статье, в частности, ставился вопрос о необ-

²⁹⁵ «Novine», 10.VII 1847, str. 217.

²⁹⁶ «Danica», 1837, br. 16, str. 61.

²⁹⁷ В рассматриваемое время в литературе употреблялось понятие «obrtnost». Оно могло означать как ремесло, так и более развитые формы промышленности.

²⁹⁸ «Novine», 8.V 1847, str. 145.

²⁹⁹ «Danica», 1840, br. 41, str. 162—163; br. 42, str. 165—167; br. 43, str. 169—171; br. 44, str. 174—175; br. 45, str. 177—178.

ходимости рационализации земледелия, улучшения пород скота, введения новшеств в виноделии, палаживания лесного хозяйства. Либералы были сторонниками оживления и развития всех граней сельскохозяйственного производства.

Либералы рассчитывали в первую очередь на подъем помещичьего хозяйства и обращались главным образом к помещикам. А. Немчич-Гостовинский, мелкопоместный дворянин, жупанийский служащий, писатель, замечал в «Путевых мелочах» в 1844 г.: «... Пока помещики серьезно не позаботятся, как осуществить в целом свои хозяйствственные опыты, до тех пор хорватское земледелие будет оставаться в своем плачевном состоянии, до тех пор и доходы будут незначительны. Но мне в действительности не до их доходов стало, но до благосостояния земледельца, который до тех пор не пересядет с осла на коня, пока на практике разнообразным способом не убедится, что на коне он дальше уедет, нежели на осле»³⁰⁰.

Близость помещичьих интересов прежде всего, сознание того, что у помещиков большие материальных возможностей и знаний для осуществления рационализации производства, надежды на то, что помещичий опыт даст толчок и крестьянству к улучшению методов хозяйствования, обусловливали внимание либералов в первую очередь к состоянию дворянских владений.

В то же время либералы выступали и за развитие крестьянского хозяйства. Хотя они передко и связывали необходиность оживления крестьянского производства и улучшения положения кметов с материальными интересами помещиков³⁰¹, одновременно в печати высказывались на этот счет и другие суждения. Г. Радешичкий в указанной выше статье заявлял, что «счастье родины и ее благосостояние» может быть достигнуто лишь при условии создания имущего крестьянского сословия. Автор проводил мысль, что подъем земледелия невозможен, пока оно находится в руках бедного безграмотного крестьянства³⁰². Все это было признанием того, что бедственное состояние крестьянского хозяйства противоречило интересам страны.

³⁰⁰ A. N e m č i ē - G o s t o v i n s k i. Putosvitnice, knj. I. Zagreb, 1942, str. 57.

³⁰¹ См. «Branislav», 1844, str. 35.

³⁰² «Novine», 8.V 1847, str. 145.

Стремясь к оживлению крестьянского хозяйства, либеральные деятели постепенно пришли к выводу о необходимости освобождения крестьян от феодальной зависимости и предоставления им права собственности на землю³⁰³. Хорватские национальные лидеры в конечном счете выступили за преобразование сельского хозяйства Хорватии и Славонии на капиталистических началах.

В отпоешении других отраслей народного хозяйства в «Символе веры порядочного гражданина» говорилось следующее: «Верю, что торговля и промышленность — важное средство умножения богатства государства»³⁰⁴. Торговле и промышленности либералы отводили большую, хотя и не главную роль в экономическом укреплении Хорватии и Славонии. Из «Символа веры», статьи Раденичкого³⁰⁵ и ряда других материалов³⁰⁶ видно, что либералы провозглашали приоритет торговли над промышленностью. При этом газета заявляла: «Торговля, как и науки, не имеют ни родины, ни пародности»³⁰⁷, т. е. либералы отдавали предпочтение внешней, а не внутренней торговле, именно внешнюю торговлю они считали источником богатства страны.

Отсюда хорватские национальные лидеры настаивали в первую очередь на развитии внешней торговли хорватских областей. Подобные взгляды являлись прямым следствием переноса промышленного капитализма в Хорватии и Славонии и отражали господство наиболее ранней, торговой формы капитала. В них нашли свое проявление меркантилистические черты экономической идеологии либералов.

Касательно направления торговых связей Хорватии и Славонии в либеральной среде не было единства. И. Парташ в газетной статье «Польза хорватской железной дороги», опубликованной в 1846 г., высказывался категорически против железнодорожного соединения Сисака через Загреб с Веной и Триестом, считая это невыгодным и вредным для хорватской торговли, для доходов Хорватии

³⁰³ Об этом см. ниже.

³⁰⁴ «Danica», 1837, br. 16, str. 60.

³⁰⁵ «Novine», 8.V 1847, str. 145.

³⁰⁶ См. ниже постановку вопроса либералами о промышленном и железнодорожном строительстве.

³⁰⁷ «Novine», 28.X 1846, str. 359.

и интересов национальности. Он был сторонником железной дороги, которая связала бы Загреб с хорватским Приморьем и Венгрией и имела бы большую протяженность³⁰⁸. Наоборот, сисакский торговец и общественный деятель Фр. Ловрич в статье «О хорватских железных дорогах» считал главным условием развития хорватской торговли железнодорожное соединение Хорватии с империей³⁰⁹. За этими разногласиями скрывалась заинтересованность разных слоев торговой буржуазии в разных рынках.

Взгляд хорватских либеральных деятелей на промышленность, ее значение и место в экономике страны выражается в газетной статье Й. Парташа «Новая фабрика», опубликованной в 1847 г. Приветствуя основание нового текстильного предприятия в Вараждине и призываю соотечественников к его поддержке, автор писал: «Мы хотим, как и другие народы, моду постепенно менять, по вследствие этого должны покупать иностранные товары, тем самым те несколько крецеров, которые мы скопили с таким трудом, торговцы относят на чужбину, откуда их нельзя так легко назад получить. Таким образом, у нас из рук ускользают деньги, и в результате в нашей провинции все более умножается бедность среди всех сословий, потому что деньги являются душой всякой деятельности и без них ни сельское хозяйство, ни торговля, ни промышленность не могут так, как требовалось бы, развиваться. С этим злом можно было бы справиться путем основания разных фабрик, потому что тогда многие люди, которые теперь пищевуют, получили бы работу, а деньги, которые сейчас за иностранные товары уходят на чужбину, остались бы у нас и циркулировали бы в нашем отечестве. Помещик покупал бы товар у фабриканта, а тот взамен приобретал у помещика продовольствие и сырье»³¹⁰. Выступая за развитие промышленного производства в Хорватии и Славонии, либералы стремились обеспечить активный торговый баланс, ограничить покупку товаров за границей и тем самым сохранить валюту внутри страны. Не трудно увидеть в этих идеологических построениях отражение растущей потребности в деньгах и влияние

³⁰⁸ «Novine», 2.XII 1846, str. 401; 5.XII 1846, str. 405—406.

³⁰⁹ «Novine», 26.XII 1846, str. 429—430.

³¹⁰ «Novine», 16.I 1847, str. 17.

меркаптистической теории. С промышленным строительством либеральные деятели связывали также решение проблемы «перепаселения», которая с разорением крестьян становилась все острее.

Незрелость экономической мысли хорватских либералов проявлялась, в частности, в том, что вопрос о промышленном строительстве они рассматривали изолированно от проблемы внутреннего рынка. Они не видели важности для промышленности емкого внутреннего рынка, потребности промышленности в массовом покупателе ее изделий и сводили вопрос к взаимному обмену продукцией фабрик и помещичьих владений.

Либералы были сторонниками промышленного строительства, разработки полезных ископаемых в Хорватии и Славонии³¹¹. Для них идеальными были темпы промышленного развития США³¹². Но это была скорее их теоретическая позиция, потому что в Хорватии и Славонии в существующих условиях не было возможностей для широкого промышленного прогресса.

В 1842 г. редакция национальной газеты перепечатала из загребской газеты «Аграмер цайтунг» статью за подпись Ф. З. «Ответ на примечания, сделанные в общественной здешней газете, касательно предложения о хорвато-славонском национальном кредитном банке». Если учесть, что немецкая газета придерживалась мадьяронского направления, автором этой статьи мог быть Франко Зуппаш (или Жушаш), книготорговец и собственник типографии в Загребе, один из активных мадьяронов. Сам факт перепечатки указанной статьи, а также и редакционных примечаний Гая к ней свидетельствует о солидарности деятелей иллиризма с ее автором по данному конкретному вопросу.

В статье, в частности, говорилось: «Теперь же думать или мечтать о фабриках³¹³, чтобы уже сам кредитный банк мог фабрики основать или продвинуть вперед, — прекрасное, правда, и патриотичное, но, к сожалению, только горячее желание. Там, где хочешь иметь фабрики,

³¹¹ «Privreda Hrvatske XVII—XIX. stoljeća». Zagreb, 1957, str. 39, 40, 53—55.

³¹² «Danica», 1837, br. 8, str. 32.

³¹³ Под «фабрикой» в те годы понималось вообще крупное промышленное предприятие.

должна быть обеспечена и собственность на землю, там необходимо, чтобы парод и промышленное среднее сословие были просвещены политехническими заведениями, опытом и любовью к делу»³¹⁴.

Важным условием подъема хорватского хозяйства либералы считали просвещение населения, в том числе ремесленников и крестьян. «...У нас до тех пор не расцветут промышленность и сельское хозяйство, — писала газета Гая в 1846 г., — до тех пор не явится следствие этого — пародное богатство, пока крестьянины и ремесленник не только руки, но ум и дух не разовьют»³¹⁵. Этой задаче должно было служить основание музея, развитие технического образования. Либералы настаивали на организации в Хорватии торговых и ремесленных школ³¹⁶. Распространению знаний должны были содействовать печать, литература.

Либералы полагали, что помочь хозяйственному развитию Хорватии и Славонии могло устройство экономических обществ. Вопрос об организации хозяйственных обществ был поднят Ф. Шпорером в 1840 г. в позваний выше статье³¹⁷. После того как в Хорватии в следующем году возникло общество, поставившее своей задачей подъем земледелия и развитие науки³¹⁸, в либеральной газете была высказана мысль о целесообразности организации в Хорватии также общества, которое непосредственно занялось бы развитием промышленности³¹⁹.

Хорватские либералы не были сторонниками венгерского Общества защиты отечественной промышленности³²⁰ и не поддерживали идею основания обществ, которые вменяли бы в обязанность своим членам покупать промышленные изделия исключительно отечественного производства и запрещали бы приобретение загра-

³¹⁴ «Novine», 18.V 1842, str. 159. Югославский исследователь Р. Бичапич приписывает эти слова Вукотиновичу (См.: R. Bičapić. Industrijska revolucija u Hrvatskoj i godina 1848. — HZ 1948, str. 96).

³¹⁵ «Novine», 10.X 1846, str. 339.

³¹⁶ «Branislav», 1844, str. 11, 35; «Novine», 10.VII 1847, str. 217; «Novine», 10.X 1846, str. 339; «Danica», 1846, br. 8, str. 32.

³¹⁷ «Danica», 1840, br. 45, str. 178.

³¹⁸ О деятельности его см. ниже.

³¹⁹ «Novine», 14.XI 1846, str. 382.

³²⁰ Оно было учреждено в 1841 г.

йничных товаров³²¹. Объяснение этому следует искать в том, что либералы представляли в первую очередь интересы дворян и торговцев. Тем не менее они рассчитывали на сознательную, хотя и исключительно добровольную поддержку населением создававшихся в Хорватии и Славонии промышленных предприятий путем покупки их изделий. Либеральная печать настойчиво призывала соотечественников покупать отечественные промышленные товары³²².

Хорватские национальные деятели считали полезным в целях хозяйственного оживления Хорватии и Славонии при отсутствии у местных жителей солидных капиталов, традиций и навыков в промышленном строительстве, а также технических знаний привлекать сюда мастеров, деловых людей из других земель³²³.

Все эти меры были призваны несколько ускорить хозяйственное развитие хорватских земель. Но они не в состоянии были кардинально изменить состояние хорватской экономики. Это понимали дальновидные люди страны. В конце 30-х годов Вукотинович писал в статье, которая осталась неопубликованной, что собственность на землю — это «основа земледелия и кустарничества»³²⁴. В 1842 г. та же мысль нашла публичное выражение в газете³²⁵. Необходимой предпосылкой промышленного подъема либералы считали изменение формы земельной собственности и существа поземельных отношений.

А несколько позднее Вукотинович, затрагивая вопрос о венгерском Обществе защиты отечественной промышленности, писал, что оно не может в корне обеспечить подъем венгерской промышленности и что подобная мера могла бы иметь действительный успех только в независимом и самостоятельном государстве³²⁶. Вукотинович пришел к пониманию того, что экономическое развитие страны связано с политическим положением государства

³²¹ «Редакция не является приятелем «Vedegyleta», венгерского защитного общества», — писала газета в 1847 г. (*«Novine»*, 16.I 1847, str. 17). В том же духе высказывался и Вукотинович (см. *«Novine»*, 19.II 1845, str. 57).

³²² *«Novine»*, 19.II 1845, str. 57; 16.I 1847, str. 17.

³²³ *«Novine»*, 16.I 1847, str. 17.

³²⁴ Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor, R. 3759. Vukotinović Ljudevit. Feljetoni i članci. Seljan ilirsko-hrvatski.

³²⁵ *«Novine»*, 18.V 1842, str. 159.

³²⁶ *«Novine»*, 19.II 1845, str. 57.

и зависит от него. Для Вукотишовича экономический прогресс был неотделим от борьбы против угнетения, за политическую самостоятельность Хорватии и Славонии.

В 1846 г. в газете Гая с одобрением сообщалось о слухах, касающихся ликвидации цеховых ограничений в Вене³²⁷. А в одной из заметок в отношении хорватского ремесла и перспектив его развития говорилось: «Наш ремесленник еще не имеет правильного представления о своем ремесле, не говоря уже об его облегчении или улучшении... Школы и опять школы... Политехникум! или свобода ремесла»³²⁸. Все это показывало наличие в либеральной среде сознания целесообразности упразднения цехов. Однако определено в качестве неотложной задачи это не формулировалось.

В поле зрения хорватских деятелей была и проблема развития транспорта. Они понимали необходимость улучшения путей и средств сообщения, урегулирования и очистки течения рек, создания каналов³²⁹.

Либеральные деятели были горячими сторонниками постройки железных дорог. Они писали о важности и значении железных дорог для общего подъема хозяйства страны, хотя и связывали их в первую очередь с развитием торговли³³⁰. Однако они считали невозможным осуществить в Хорватии и Славонии в ближайшее время железнодорожное строительство частными усилиями, а тем более внутренними, собственными силами. Их пугала в первую очередь дороговизна этого предприятия. Были и сомнения насчет рентабельности железной дороги в Хорватии из-за отсутствия здесь достаточного количества пассажиров³³¹. Даже в 1847 г., когда в австрийской и венгерской печати выдвигались и обсуждались разные проекты соединения железной дорогой через Хорватию Австро-Венгрии с восточной границей империи или Венгрии с Приморьем, когда в Венгрии предпринимались некоторые практические шаги для осуществления этого мероприятия, газета, поддерживая в принципе идею же-

³²⁷ «Novine», 8.VII 1846, str. 230.

³²⁸ «Novine», 11.XI 1846, str. 377.

³²⁹ «Privreda Hrvatske...», str. 45—50; V. Deželić. Pisma..., str. 296.

³³⁰ «Novine», 28.X 1846, str. 359; 31.X, str. 363; 2.XII, str. 401; 5.XII, str. 405—406; 26.XII, str. 429—430.

³³¹ A. Nemčić-Gostovinski. Putoslovnice, knj. I, str. 93, 135.

жезнодорожного строительства через Хорватию, считала все же фантастическими планы проведения железной дороги из Венгрии к морю³³².

Хотя либеральные идеологи допускали возможность привлечения и использования как в промышленности, так и в транспорте Хорватии и Славонии иноземного капитала, они соглашались с этим из нужды, видя бедность хорватских земель, отсутствие здесь солидных накоплений, недостаток технических знаний и т. д.³³³ Главным для них всегда было развитие и укрепление позиций национального капитала. Это наглядно проявилось, в частности, в той горячей поддержке, которую либеральная печать оказала первому хорватскому пароходному обществу «Слога», которое было основано в 1844 г.³³⁴

Трудности накопления капитала в Хорватии и Славонии в сознании либералов преломлялись как перазвитость кредитного дела. Поэтому они стремились разрешить вопрос «педостатка в кредите».

Большую помеху решению кредитной проблемы либералы видели в стариинном дворянском праве, предусматривавшем неотчуждаемость родовых дворянских земель за долги. В 1844 г. Немчић-Гостовинский в «Путевых мелочах» явно солидаризировался с предложением либерально настроенных венгров о ликвидации этого права, сделанным на Пожунском сейме³³⁵. Как было отмечено выше, составленный Вукотиновичем в 1846 г. проект программы Народной партии со всей определенностью предусматривал его упразднение³³⁶. В начале 1847 г. в том же духе высказался Шулек в газетной передовице³³⁷.

В 1847 г. Вараждинская жупания включила в инструкцию своим делегатам на сabor требование о ликвидации указанного права³³⁸, в котором передовые люди того времени видели «огромное препятствие прогрессу, кредиту и народному благосостоянию...»³³⁹

³³² «Novine», 23.I 1847, str. 25; 11.IX 1847, str. 289.

³³³ «Novine», 16.I 1847, str. 17.

³³⁴ Пароход этого общества плавал по Саве в 1844—1845 гг., но он затонул.

³³⁵ A. Nemčić-Gostovinski. Putositnice, knj. I, str. 92.

³³⁶ J. Šidak. Prilozi..., str. 205.

³³⁷ «Novine», 2.I 1847, str. 1.

³³⁸ «Novine», 6.X 1847, str. 317.

³³⁹ «Novine», 2.VI 1847, str. 174.

Либеральная газета приветствовала организацию в 1846 г. в Загребе сберегательной кассы — первого хорватского кредитного учреждения, связывая сней развитие ремесла, промышленности и торговли. Она высказалась за устройство в Хорватии также ломбарда и кредитного банка³⁴⁰.

Вместо ростовщичества, вместо средневековых форм кредитования либералы выступали за организацию устойчивой, широкой системы кредита.

В отличие от Я. Драшковича, который допускал некоторый экономический прогресс в рамках феодальной социально-экономической системы, хорватские либералы выступали за буржуазную реорганизацию экономики Хорватии и Славонии. Но конкретно экономическая программа либералов была слабо разработана, и в экономических воззрениях они проявляли умеренность и ограниченность. В отличие от лидеров венгерского либерализма хорватские национальные деятели в силу отсталости и неразвитости Хорватии и Славонии при всем стремлении к экономическому прогрессу не поднялись до понимания необходимости национального самостоятельного промышленного развития. Р. Бичанич в статье «Промышленная революция в Хорватии и 1848 год» усматривает три направления промышленной политики в то время. Первое из них, «консервативное», по мнению автора, было связано с частью феодального класса. Буржуазия же, в представлении Бичанича, была представлена двумя направлениями, одно из которых отвечало интересам торгового, другое — промышленного капитала³⁴¹.

Представляется преувеличением подобная дифференциация течений в экономической мысли Хорватии и Славонии первой половины XIX в. Вукотинович, которого Бичанич представляет носителем интересов торгового капитала, выступал в поддержку хорватской промышленности с не меньшей убежденностью, чем Млинарич и Парташ, экономические идеи которых Бичанич связывает с тенденциями промышленного капитализма³⁴². В то же время Парташ, отмечая необходимость развития промышленного производства в Хорватии и Славонии,

³⁴⁰ «Novine», 21.XI 1846, str. 389; 25.XI, str. 393; 28.XI, str. 397.

³⁴¹ R. Bičanić. Industrijska revolucija..., str. 95.

³⁴² «Novine», 19.II 1845, str. 57.

руководствовался при этом меркантилистическими соображениями, которые наиболее полно отражали устремления купечества³⁴³. В статье «Польза хорватской железной дороги» он выступал против железнодорожной связи Загреба с Веной и Триестом на том основании, что такое направление железной дороги противоречило интересам именно торговли Хорватии и Славонии. Он совершенно игнорировал при этом судьбы местной промышленности³⁴⁴.

На наш взгляд, в экономической программе хорватских либералов переплетались интересы части дворян, выступавших за переход к буржуазным отношениям, и интересы торговцев. Экономические условия Хорватии и Славонии в рассматриваемое время не были столь развиты, чтобы можно было говорить о наличии самостоятельного течения экономической мысли, выражавшего специфические интересы промышленной части буржуазии.

С самого начала иллирийского движения хорватские национальные деятели обратили внимание на крестьянские массы. Выступление в защиту и за развитие национального языка и культуры пейзажно порождало интерес к духовной жизни простого народа, который хранил свой родной язык, национальные традиции, обычай и костюм.

Деятели Возрождения открыли хорватской общественности красоту и глубину народных произведений. Вырабатывая общехорватский литературный язык, они использовали то, что было создано духовными усилиями масс, опирались на богатство народного творчества. Только в период иллирийского движения интерес к духовной жизни простого народа получил действительно широкое распространение, а народное творчество — общественное признание.

Внимание к положению народных масс сказалось также в борьбе деятелей иллиризма за право крестьян получать образование наряду с дворянами. Либералы выступили против господствовавшего среди дворян-крепостников мнения о вреде образования для крестьянства, о неспособности масс к просвещению. Либеральная печать, отстаивая просветительскую идею о естественном равенстве людей между собой, подчеркивала на основа-

³⁴³ «Novine», 16.I 1847, str. 17.

³⁴⁴ «Novine», 2.XII 1846, str. 401; 5.XII, str. 405—406.

нии этого способность каждого члена общества к образованию и духовному совершенствованию³⁴⁵.

Корни просветительских воззрений хорватских либералов были связаны с потребностями развития капитализма и нации. Хорватская экономика в новых условиях нуждалась в грамотных людях, способных обращаться и управлять машинами. Интересы развития нации в свою очередь требовали преодоления темноты масс, пробуждения их сознательности, повышения общего уровня духовной культуры. Эти объективные потребности породили у передовых людей своего времени, какими были либералы, сознание необходимости распространения грамотности, знаний, образования в простом народе. «Чем больше наша народность прогрессирует, — писала редакция «Даницы» в 1844 г., — тем более мы чувствуем потребность того, чтобы она пустила корни в народе; но это будет только тогда, когда в нашем народе распространится надлежащая просвещенность»³⁴⁶.

В то же время либералы питали иллюзии, что просвещение выведет крестьян из бедности и нищеты и обеспечит материальное благосостояние деревни. Через просвещение либералы рассчитывали также отвратить крестьян от революционной борьбы за свои интересы³⁴⁷.

Путь к просвещению простого народа либералы видели в организации школьного дела, развитии литературы на родном языке, в издании книг специально для народных масс, тесном общении непросвещенных сословий с просвещенными³⁴⁸. Либеральные деятели считали необходимым, чтобы в каждом селе была начальная школа для детей, видели целесообразность организации воскресных школ для подростков и взрослых³⁴⁹. Учитель и книги должны были воспитать в деревне грамотное, национально сознательное, в то же время богообязанное и послушное

³⁴⁵ «Novine», 22.VIII 1846, str. 283; «Danica», 1847, br. 50, str. 198; 1840, br. 21, str. 84; 1844, br. 27, str. 106.

³⁴⁶ «Danica», 1844, br. 6, str. 24; 1840, br. 21, str. 84.

³⁴⁷ Темнота и необразованность крестьян, в представлении либералов, были источниками их бунтарства («Novine», 8.V 1847, str. 145; «Danica», 1838, br. 23, str. 91).

³⁴⁸ «Novine», 22.VIII 1846, str. 283; 10.X, str. 339; 1.VIII, str. 257; «Danica», 1844, br. 6, str. 24; 1847, br. 50, str. 198—199; br. 51, str. 201—202.

³⁴⁹ «Novine», 10.X 1846, str. 339; «Danica», 1838, br. 23, str. 91.

властям население. Хорватские либералы, выступая за просвещение широких масс, отталкивались от интересов дальновидных дворян и буржуазии.

Интерес хорватских национальных деятелей к крестьянству не ограничился духовной сферой. В поле их зрения оказалось также материальное положение крестьян, условия их жизни, место в обществе. Сила экономического развития и рост крестьянской борьбы в первую очередь заставили хорватских либералов задуматься над крестьянским вопросом во всей его целостности. Но определенную роль сыграли и соображения национально-политического порядка.

Либералы отчетливо видели, что успех дела национального Возрождения Хорватии и Славонии во многом зависел от степени материальной обеспеченности широких слоев населения. Развивающейся литературе нужны были не только читатели, но и покупатели книг. Постоянный национальный театр не мог функционировать без массового зрителя. Словом, для развития национальной литературы и культуры требовалась материальная поддержка населения, которая зависела не только от сознательности, но и материальной обеспеченности широких слоев общества.

Кроме того, передовые люди страны не могли не понимать, что бесправие и угнетение, нищета и забитость крестьян имеют глубоко отрицательные последствия для экономической и политической жизни Хорватии и Славонии. В газетной статье неизвестного автора «Отечественные размышления» в 1847 г. было заявлено, что «крестьянское сословие» является ростком, из которого «должны вырасти духовный прогресс и материальная обеспеченность общественной жизни». Газета писала: «Каждый серьезный патриот знает, что народ без разумного земледельца подобен человеку с деревянными ногами, который ни назад, ни вперед далеко уйти не может»³⁵⁰.

На настроения либералов оказывало также влияние положение в Венгрии. Венгерское либеральное дворянство все серьезнее заявляло о своем стремлении к буржуазным реформам в аграрном вопросе. Одновременно в Венгрии росло значение революционно-демократической интеллигенции, выступавшей в защиту интересов кресть-

³⁵⁰ «Novine», 21.VII 1847, str. 229.

јапских масс. Опасность влияния венгерского либерального дворянства на крестьянство Хорватии и Славонии, угроза ликвидации крепостничества помимо хорватских помешчиков и вопреки их интересам не только серьезно беспокоили хорватские либеральные круги, но и подталкивали к формулированию своей программы по крестьянскому вопросу.

Однако аграрный вопрос никогда не был для хорватских либералов центральным. В этом неподражании его места и значения в условиях Хорватии особенно наглядно проявлялась ограниченность и слабость либерализма.

На материальную сторону жизни крестьян хорватские либералы обратили внимание еще в 30-е годы. В периодической печати того времени публиковались рассказы и заметки, в которых описывались «благородные» поступки отдельных богачей и правителей в разных странах по отношению к крестьянам, рабам и вообще к пищим и убогим. Печать пропагандировала идею организации обществ умеренности для борьбы с пьянством в простом народе и т. д.³⁵¹ За этими выступлениями печати скрывалось стремление либералов привлечь внимание хорватской общественности к положению и условиям жизни крестьян. Но отношение самих либералов к крестьянскому вопросу, их представление о путях его решения в этих выступлениях сформулировано еще не было.

Позиция либералов по крестьянскому вопросу определилась в 40-е годы XIX в. В периодической печати в те годы публиковались статьи и материалы, которые непосредственно были посвящены положению хорватских крестьян. В печати затрагивались материальные условия жизни народа, отмечались бедность, пурка, голод, тяжелый труд угнетенного хорватского крестьянства³⁵². В либеральной среде сложилось единодушное мнение, что положение крестьянства является крайне тяжелым и нуждается в улучшении.

В одной из газетных статей, где рассматривался вопрос о ликвидации пищеты в Горском котаре, редакция следующим образом определяла путь к повышению

³⁵¹ См. «Danica», 1836, br. 2, str. 7—8. Общества умеренности пропагандировались и позднее («Danica», 1844, br. 47, str. 188; «Novine», 11.XI 1846, str. 377).

³⁵² «Novine», 28.IV 1847, str. 133—134; 8.V, str. 145; 23.VI, str. 197—198.

уровня материальной жизни крестьян: «... Нужно пробуждать просвещение и науки, нужно развивать ремесла и промышленность, нужно двигать вперед общение и торговлю»³⁵³. Еще отчетливее мысль о том, что крестьяне беды в силу отсутствия достаточных знаний и образования, мысль об огромной роли просвещения в повышении материального благосостояния масс проводилась в передовой статье «Кое-что о способе, которым можно было бы улучшить положение нашего крестьянства», автором которой был Г. Радешичкий. «Просвещение масс, — писала газета, — есть, следовательно, главное средство улучшения его положений (т. е. крестьянина. — И. Л.), есть база, на которой будет основано его благосостояние, есть самый верный способ, чтобы оградить его от полного разложения, в котором он томится много веков, и самая главная гарантия его прогресса»³⁵⁴. Повышение материальной обеспеченности крестьянских масс газета прежде всего связывала с распространением просвещения и общим подъемом экономики Хорватии и Славонии.

Вместе с тем в либеральной среде было понимание существа проблемы. В неопубликованной статье Л. Вукотиновича «Крестьянин иллирийско-хорватский»³⁵⁵, которая не имела даты, по ясно, что была написана в конце 30-х годов³⁵⁶, автор сообщал о тяжелом положении крестьян в Хорватии, об их отсталости. Вукотинович заявлял, что кмет «не знает ничего другого, кроме тяжких трудов и своей нужды». Он писал, что крестьянин за все платит, все держит на своих плечах. «Наш крестьянин, — продолжал Вукотинович, — является крепостным своего землевладельца, крепостным своего священника, крепостным жупании, он платит королю налог, подвергается поборам на дорогах и мостах, которые сам построил, к тому же он еще защищает родину, которую и не знает». Условием

³⁵³ «Novine», 28.IV 1847, str. 133.

³⁵⁴ «Novine», 8.V 1847, str. 145.

³⁵⁵ Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu. Trezor, R 3759. Vukotinović Ljudevit. Feljetoni i članci. Seljan ilirsко-hrvatski. Первой обратила внимание на эту статью югославский исследователь О. Шоят (см. O. Šoja t. Ljudevit Vukotinović i Cetredesetosma. — HZ, 1956, str. 32 i sl.).

³⁵⁶ Статья была написана между 1836 и 1840 годами. Об этом свидетельствует ссылка Вукотиновича на «последний сейм 1832/5 г.». Следующий Пожунский сейм был в 1840 г.

улучшения жизни крестьян Вукотинович считал основание народных школ и учреждение законов, которые более соответствовали бы праву и интересам крестьян. Он ставил вопрос о необходимости добровольно представить крестьянам то, что является справедливым, не жели ждать, чтобы кметы сами взяли кровавыми руками. Вукотинович считал, что решения Пожунского сейма 1836 г. по урбариальному вопросу реально ничего не значат, так как земля не стала собственностью крестьян. В заключение хорватский либерал заявлял: «Это самый важный предмет, который должен был бы занять всех наших законодателей; до тех пор, пока между аристократом и крестьянином будет такое неравенство, нельзя и думать о счастье нашей родины».

В рассматриваемой статье Вукотинович высказался за немедленную реформу аграрных отношений, за освобождение крестьян от феодальных платежей и зависимости. Но хотя Вукотинович и сочувствовал тяжелому положению крепостного крестьянства, дворянские интересы были для него главными, и освобождение крестьян он мыслил как необходимое условие для предотвращения крестьянской революции.

Постепенно мысли о реформах стали проникать и в либеральную печать. В 1837 г. в «Символе веры...» было сказано: «Верю, что я должен часть своего имущества жертвовать моим соотечественникам, т. е. государству, в котором живу»³⁵⁷. Здесь была заложена мысль о всеобщем налогообложении.

В начале 1843 г. в национальной газете была перепечатана из загребского немецкого журнала «Лупа» статья за подписью Ф. З. «Мысли отпоспельно призыва г. Вильднера к венгерскому народу о налогообложении дворян». Есть основание полагать, что автором этой статьи, касавшейся Венгерского королевства в целом, был уже упоминавшийся Франьо Зуппан. В ней со всей четкостью ставился вопрос об обложении налогом дворян как условии всестороннего подъема и процветания Венгерского королевства. Большое внимание в ней уделялось и положению крестьян. «На той части народа, — говорилось в статье, — которая трудится и производит, основана вся сила государства...» Исходя из государственных ин-

³⁵⁷ «Danica», 1837, br. 16, str. 61.

тересов, автор ставил вопрос об улучшении жизни крестьян. Путь к этому он видел прежде всего в увеличении числа сельских школ. Вместе с тем в статье прямо говорилось, что барщина — «препятствие духовному и материальному развитию масс», и подчеркивалась необходимость и польза ее принудительного выкупа, как и выкупа отработочной общественной повинности. В статье указывалось также на необходимость улучшения условий торговли и... увеличения налогов на крестьян как стимула к поискам и бережливости. Автор полагал, что во избежание недовольства указанные реформы следовало ввести постепенно в течение шести лет³⁵⁸.

Показательной для пастроений хорватских либеральных кругов по крестьянскому вопросу была и статья «Норвежский крестьянин», помещенная в 1844 г. в журнале «Даница». Она начиналась следующим замечанием редакции: «Общепринятым, можно сказать, является мнение, что крестьянин (кмет) осужден на неволю, что он не может быть довольным и счастливым, что счастье цветет лишь для высших сословий. Но мнение это безосновательно; как всякое сословие, так и земледельческое приходит к счастью, когда у него имеются необходимые рычаги, и рычаги эти: надлежащая просвещенность и соответствующая свобода»³⁵⁹. В доказательство своего тезиса редакция помещала далее выдержку из сочинения англичанина С. Лэнга «Путешествие по Норвегии», где описывалось положение норвежских крестьян.

С. Лэнг показывал благосостояние и довольство норвежских крестьян. Он связывал все это с тем, что крестьяне в Норвегии были обеспечены землей, неограниченно распоряжались ею и своим имуществом, пользовались лесами, реками и озерами, не были отягощены налогами, в сословном отношении были равноправны, что, паконец, в Норвегии было урегулировано право крестьянского наследования. В заключение Лэнг особо подчеркивал, что причина благосостояния норвежских крестьян состояла в господстве частной собственности на землю в той стране.

Выражая свое отношение к судьбе норвежских крестьян, редакция «Даницы» замечала: «Читая это описа-

³⁵⁸ «Novine», 18.II 1843, str. 54, 55, 56; 22.II, str. 59, 60; 25.II, str. 64.

³⁵⁹ «Danica», 1844, br. 45, str. 179.

ние, всякое человеколюбивое сердце певольно должно вздохнуть и пожелать, чтобы угнетенное и, однако, бесценное, презираемое и, однако, абсолютно необходимое, бедное и, однако, самое старательное земледельческое сословие в других государствах получило то же значение и уважение, каким оно пользуется в Норвегии»³⁶⁰.

Публикация в газете и «Дапице» вышеупомянутых материалов, как и сопровождающие их замечания редакции, свидетельствовали о понимании либералами целесообразности буржуазной реформы аграрных отношений, установления личной свободы крестьянства и сословного равенства.

Однако определенно, от своего имени такие требования они все же не выдвигали. И объяснялось это не только цензурными ограничениями.

В данном случае показательно отношение бесцензурной печати к крестьянскому вопросу. Хотя газета «Бранислав» и высказалась за улучшение положения крестьян³⁶¹, мотивируя это потребностями улучшения материального положения дворянства, но никаких конкретных предложений она не формулировала. «Бранислав» сочувственно отнесся к идеи облегчения налогового бремени крестьян путем переложения части налогов на дворян, но все же прямо и четко даже это весьма скромное требование им не выдвигалось.

С крайней осмотрительностью высказался по налоговому вопросу и Шулек. Он писал, что «как раз не считал бы за грех, если бы и хорватско-славонские дворяне по крайней мере некоторую часть налога помогли платить бедному кмету...»³⁶² Это предложение не выходило за рамки феодальных отношений.

Подобную позицию бесцензурной печати можно объяснить боязнью либералов в первой половине 40-х годов более или менее открыто поставить крестьянский вопрос и тем самым оттолкнуть от национального движения консервативно настроенные круги дворянства и духовенства. Так или иначе в бесцензурной печати не было и намека на необходимость кардинального решения крестьянской проблемы.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ «Branislav», 1844, str. 35.

³⁶² «Sta nameravaju Iliri?», str. 114.

К концу 40-х годов позиция хорватских либеральных деятелей по крестьянскому вопросу стала более ясной и определеной. В этом отношении показательны следующие высказывания Вукотиновича в статье «Небольшие путешествия», опубликованной в газете осенью 1846 г.³⁶³ «Село штирийское и село хорватское так противостоят одно другому, — писал он в газете, — что нельзя ничего сказать, надо закрыть глаза и застыдиться... Имеются, правда, и у нас различия и исключения в этом отношении, например в некоторых районах Подравины, в Посавье и в Мославине имеются села, где дома красивые, чистые и большие; по мало этого, очень мало, в сравнении с другим множеством, бедным и грязным! В этом господа виноваты, — никто другой, кроме как господа, которые только берут у несчастного кмета, пока он что-нибудь имеет, и не беспокоятся о том, живет ли он в доме или загоне. Учить нужно простого неграмотного человека, убеждать его, а если иначе невозможно, то и принуждать к добру»³⁶⁴. И несколько ниже тот же автор продолжал: «Невольно, когда человек видит такие места (горное селение Земмеринг. — И. Л.), он думает о хорватских крестьянах, которые живут на равнине и такие поля имеют, которые вполне хорошо вознаграждают труд земледельца, если только позаботиться, — и при всем том, к сожалению, сколько мы видим таких хозяев, которые едят хлеб, как будто из дубовой коры, которые носят чоху или кабанью, опанки и кошулю рваные... И что тому виной? Не лень и неряшливость хорватского крестьянина... Нет, господа мои, ... это только вы, господа, говорите... Я скажу о другой причине. Положение крестьянина тому причина, а вы его таким своей стародедовской конституцией сделали. Крестьянин не виноват, он не знает ничего, кроме того, что ему нужно служить!.. Вы не хотите погу со временем! Вы хотите быть людьми *bon ton'a...*, но не в том, чтобы быть людьми *bon sens'a...*»³⁶⁵.

Эти отрывки проинкнуты антикрепостническим настроением. В них резко и публично осуждалось тяжелое

³⁶³ Статья не имеет подчики. Авторство Вукотиновича установлено нами на основе письма последнего к Шулеку от 21 августа 1846 г. (Arhiv JAZU. Ostavština L. Vukotinovića, XV 17/a 7).

³⁶⁴ «Novine», 23.IX 1846, str. 320.

³⁶⁵ «Novine», 31.X 1846, str. 363.

положение крестьян, выражалось сочувствие обездоленному и угнетенному народу, прямо указывалось на то, что виновником бедности и нищеты крестьян являлся помещичий класс. Статья содержала мысль о необходимости изменения положения крестьян в духе времени.

В том же году национальная газета высказалась за отмену налоговой привилегии дворянства, противоречившей, по ее словам, материальному благосостоянию государства³⁶⁶.

От общего осуждения крепостного права либералы перешли к практическим предложениюм. Как было сказано выше, в проекте программы Народной партии предусматривался откуп барщины. Этот пункт в проекте был сформулирован печетко. Но, принимая во внимание настроения самого Вукотиповича и либеральной печати в целом, можно считать, что в проекте программы предусматривался обязательный выкуп барщины, поскольку факультативный был официально разрешен Пожунским сеймом еще в 1840 г.

В январе 1847 г. в передовой статье Шулек открыто поставил вопрос об облегчении выкупа крестьянами феодальных повинностей³⁶⁷.

В том же году из либеральной среды вышел конкретный проект освобождения крестьян. Он был разработан комитетом по составлению инструкции делегатам Вараждинской жупании на предстоящий сabor. Вараждинская жупания была в это время оплотом иллирийского движения.

Пункт 3-й решения комитета был посвящен аграрному вопросу. Комитет предлагал обязать помещиков в законодательном порядке за выкуп освобождать крестьян от феодальных повинностей. С этой целью рекомендовалось определить размер выкупной суммы за надел и установить способ, которым государство смогло бы помочь крестьянам приобрести необходимые для выкупа денежные средства. Это был конкретный пабросок возможной крестьянской реформы. В пункте 4 решения комитета ставился вопрос об уравнении в правах всех сословий перед судом и законом³⁶⁸.

³⁶⁶ «Novine», 20.V 1846, str. 175.

³⁶⁷ «Novine», 2.I 1847, str. 1.

³⁶⁸ «Novine», 2.VI 1847, str. 174.

Осенью 1847 г. газета вновь заявила о необходимости освободить крестьян от барщины, ввести всеобщее налоговое обложение и всеобщую воинскую повинность³⁶⁹. Это было накануне открытия Пожунского сейма.

Однако, прия к выводу о необходимости социально-экономических реформ, а затем провозгласив неотложность их осуществления, либеральная печать в то же время сеяла иллюзии относительно возможности улучшения положения крестьян путем развития просвещения. И это было не только в подписных статьях и заметках, что можно было бы отнести исключительно за счет разногласий внутри либерального лагеря, но и в материалах, которые исходили от редакции и, следовательно, отражали мнение руководящего центра либерализма.

По выражению Л. Вукотиновича, хорватские кметы были крепостными не только помещика, но и жупании. Они были обязаны нести общественную барщину, которая использовалась на постройку и содержание дорог, мостов, общественных зданий. Хорватские либералы выразили свое отношение и к этой повинности крестьян.

В середине 1847 г. Л. Вукотинович в газетной статье «Новый закон о жупанийской барщине» подверг критике закон Пожунского сейма от 1844 г., который, по мнению автора, по существу увеличил общественную отработочную повинность кметов и в то же время не обеспечил условий для дорожного строительства в силу непроизводительности подневольного труда. Вукотинович предлагал, чтобы принудительные общественные работы были заменены денежным взносом. При этом он считал, что выплату $\frac{1}{3}$ части или половины общей суммы следовало возложить на дворян³⁷⁰. По существу Вукотиновичставил вопрос об упразднении общественной отработочной повинности крестьян и введении вместо нее налогового сбора, которому подлежали бы не только крестьяне, но и дворяне.

Таким образом, на рубеже 30—40-х годов в хорватской либеральной среде сложилось сознание необходимости и неизбежности освобождения крестьян от крепостной зависимости, упразднения феодально-сословных привилегий и уравнения в правах всех сословий. Отчетливое же и гласное признание неотложности социально-эко-

³⁶⁹ «Novine», 18.IX 1847, str. 298.

³⁷⁰ «Novine», 23.VI 1847, str. 197—198.

номических реформ было сделано либералами лишь паконце 1848 г.

Пока феодальный строй не был упразднен, хорватские либералы стремились по возможности смягчить и уменьшить феодальный гнет, облегчить участия крестьян в существующих условиях. Поэтому они поддерживали благотворительные начинания, разного рода идеи «помощи бедным», выступали против наиболее вопиющих проявлений средневековья (телесных наказаний, пыток и т. д.)³⁷¹.

Выступление хорватских либералов за отказ от существующих феодальных отношений и переход к буржуазному строю в деревне было, безусловно, прогрессивным для своего времени. Но, выступая за освобождение крестьян, они исходили при этом не из крестьянских, а дворянско-буржуазных интересов. Это проявлялось и в том, что необходимость повышения благосостояния крестьян они нередко мотивировали экономическими интересами дворянства, и в смертельной боязни крестьянских выступлений. Проявлялось это и в беспощадной непримиримости к крестьянским предводителям, к этим, по выражению газеты, «бунтовщикам» и «преступникам»³⁷², и в реформистском подходе к решению аграрного вопроса, и, наконец, в требовании выкупа.

Либералы были первыми деятелями, которые сознательно выступили за политическую и национальную самостоятельность и буржуазное переустройство Хорватии и Славонии. Они явились выразителями интересов буржуазного развития. Однако классовая природа либерализма в совокупности с общей неразвитостью хорватских земель и сложными условиями национальной борьбы обусловили умеренность, осторожность и незрелость хорватской либеральной программы. Либералы боялись массового демократического движения и рассчитывали на политические уступки со стороны феодально-монархических сил.

Хорватские либералы выражали потребности буржуазной эпохи. Идеология и программа либералов, представляя новые общественные устремления, в условиях социально-экономического и национального развития Хор-

³⁷¹ «Novine», 28.IV 1847, str. 133—134 i dr.; 5.XII 1846, str. 406; A. N e m ē i ē - G o s t o v i n s k i. Putositnice, knj. II, str. 107.

³⁷² «Novine», 25.XI 1846, str. 394; 28.XI, str. 398; 16.XII, str. 417.

ватии и Славонии первой половины XIX в. отвечали направлению исторического развития хорватского общества. В то же время соглашательская платформа либералов показывала их неспособность до конца покончить с феодализмом в экономике и политике. Корни либеральной идеологии были связаны с интересами части дворянства, выступавшей за переход к буржуазным отношениям, и парождавшейся зажиточной буржуазии. Но субъективно либералы не были их идеологами. Они придавали своим буржуазным, по объективному значению, требованиям и идеям форму всеобщности. Либералы говорили от лица всего хорватского народа, провозгласив себя представителями интересов нации.

Либеральный лагерь в иллиризме в идейном отношении не был однородным, с самого начала в нем были носители правых и левых взглядов. С обострением общественных противоречий идейные расхождения внутри либерального течения становились все сильнее и глубже. Социальную и идейную неоднородность активных деятелей иллиризма подметил в свое время еще Ф. В. Чижов. В 1845 г. он записывал в дневнике: «Видно, что Кукулевич из них аристократ, Деметер не имеет определенного цвета, Бабукич — демократ, по положению, а Ужарович — и по положению, и по понятиям...»³⁷³

Обращает на себя внимание характеристика, которую Чижов дал в дневнике молодому юристу С. Врбаничу. По словам Чижова, Врбанич выражал неодобрение по поводу низкого уровня нравственности в хорватском обществе. Чижов разговаривал с Врбаничем о жизни крестьян в Хорватии, и из того, как передает русский путешественник эту беседу, видно, что Врбанич осуждал тяжелое положение крестьянства³⁷⁴. Важно отметить, что в 1848 г. Врбанич занял весьма решительную позицию по крестьянскому вопросу, требуя в печати и в выступлениях в сaborе освобождения крестьян от феодальных повинностей без выкупа, в том числе и государственного. Надо полагать, что демократические взгляды этого деятеля начали складываться еще в предреволюционные годы.

³⁷³ «Славянский архив», М., 1958, стр. 163—164.

³⁷⁴ Там же, стр. 169, 170.

На основании сказанного можно считать, что пакануне 1848 г. из левых деятелей либерального лагеря в иллирийском движении стало оформляться буржуазно-демократическое течение. Но в силу своей крайней слабости, неорганизованности, с одной стороны, жестких цензурных условий, с другой, до 1848 г. оно открыто о себе не заявляло.

Что касается консервативного лагеря в иллиризме, идеолог и вдохновитель этого течения граф Я. Драшкович в 40-е годы XIX в. выражал свои общественно-политические взгляды, выступая в Загребской читальне. С политическим оформлением либерализма консервативная сущность его социально-политической платформы стала особенно отчетливой. Консервативное дворянство, которое в свою очередь не было идентично единым, выражало свою волю в жупаниях и сaborе.

Приведенный материал достаточно убедительно показывает несостоятельность точки зрения югославского историка В. Богданова о целостности, с одной стороны, революционном характере политической идеологии иллиризма — с другой. Точно так же нельзя признать удачной попытку В. Богданова рассматривать идеологическую сторону иллирийского движения в 30-е и 40-е годы, не принимая во внимание ее эволюции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОРОННИКОВ ИЛЛИРИЗМА

Культурно-просветительная деятельность

Хотя иллирийское движение в идеином отношении не было однородным, сторонники разных его течений, объединяемые стремлением к самостоятельности Хорватии и Славонии, в практической деятельности сотрудничали между собой. Однако при этом они руководствовались разными социально-политическими идеалами. Это сотрудничество облегчалось тем, что в политической и культурно-просветительной области Драшкович и либералы выдвигали требования, которые в основном внешне совпадали, хотя и имели при этом разное содержание.

В 30-е годы XIX в. деятельность сторонников иллиризма протекала в соответствии с теми задачами, которые были сформулированы Гаем в 1836 г., и носила идеологический, литературно-языковый и культурно-просветительский характер. Эта деятельность в области литературы и культуры не прекратилась и в дальнейшем, когда на первый план выступили иные задачи.

Важным начинанием было издание первых органов периодической печати на национальном литературном языке. С января 1836 г. газета называлась «Илирске народне новине», а журнал — «Даница илирска». Журнал имел эпиграф «Народ без народности есть тело без костей». Собственником и редактором изданий считался Гай, но в действительности их попеременно редактировали Раковац, Бабукич, Деметер, Ужаревич и Шулек.

Издание периодических печатных органов на хорватском языке в то время было связано с огромными трудностями. В первые два года корреспондентов вне Загреба почти не было. Все от начала и до конца в газете и жур-

нале делали Гай и его ближайшие помощники¹, в первую очередь Раковац и А. Мајурачић. Трудности умножались из-за строгости цензуры, отсутствия издательского опыта, малого числа подписчиков. Распространению газеты мешали плохие пути и средства сообщения². Когда же Гай стал вводить в свои издания новое правописание и штокавский диалект, встали дополнительные проблемы. Издания потеряли часть кайкавских подписчиков, в то же время они не имели еще широкой популярности и среди штокавских читателей. Поэтому, если в 1835 г. газета имела тираж 750 экземпляров, то в конце 1837 г. — только 400 экземпляров³.

Тем не менее газета и журнал Гая даже в период молодости круга сотрудников отличалась характером материалов, целенаправленностью статей, а главное, национальным языком и патриотическим содержанием от существовавших в Хорватии и Славонии изданий. Газета и журнал Гая положили начало хорватской национальной буржуазной прессе.

Гай и его сторонники основное внимание уделяли «Данице», ибо в цензурных условиях Хорватии и Славонии литературный журнал был более удобной формой для пропаганды национально-патриотических идей, пежели политическая газета. Особая забота о «Данице» определялась также необходимостью создания и развития национального литературного языка.

В 30-е годы газета содержала в основном политическую информацию, почерпнутую преимущественно из австрийских газет, и самостоятельного политического лица по существу не имела. В 40-е годы в ней помещались также и публицистические статьи, сведения из местной жизни, фельетоны, хозяйственные советы, торговые известия, курс венской биржи, всевозможные объявления и небольшие рассказы.

Содержание «Даницы» с самого начала было весьма широким и разнообразным. В журнале регулярно печатались «Объявления» Гая, знакомившие общественность

¹ J. Horvat. Povijest novinstva Hrvatske. 1771—1939. Zagreb, 1962, str. 110.

² В письмах к Гаю часто содержались жалобы на перебои и задержку в доставке газеты.

³ J. Horvat. Povijest novinstva..., str. 123. Накануне 1848 г. газета выходила тиражом в 800 экземпляров (там же, стр. 133).

с направлением изданий и игравшие, особенно в первые годы иллиризма, роль программных документов буржуазно-дворянского направления. Публицистические статьи пропагандировали национально-патриотические идеи. Публиковались также статьи о языке, правоучительные рассуждения, произведения поэтов и писателей иллиризма, путевые заметки, стихотворения старых хорватских классиков, в особенности дубровчан, материалы по истории и этнографии, народные песни, критика, литературные обозрения, библиография. Журнал помещал материалы по вопросам хозяйства. Он знакомил хорватскую общественность с литературой, культурой, общественной жизнью югославских пародов, а также других славян.

Вначале был узок круг корреспондентов периодических изданий Гая. Но приблизительно с 1838 г. он стал заметно расширяться. В «Дапице» печатались все поэты и писатели иллиризма и ряд видных славянских деятелей науки и культуры.

Идеи национального единства, патриотизма и национальной свободы были ведущими в изданиях Гая. Выход газеты и журнала был встречен в разных кругах образованного хорватского общества неодинаково. В своем большинстве оно отнеслось с сомнением и неодобрением к национальным изданиям⁴. В то же время в Хорватии и Славонии и за их пределами нашлись хорваты, с воодушевлением приветствовавшие национальную печать. Первым высказал полное одобрение намерению Гая издавать хорватскую газету Йосип Майер, служащий Торонталского комитета Венгрии, родом из Загреба⁵. Гая поддержали в письмах к нему в начале 1835 г. П. Бонавентура от имени монахов Вараждина, учитель Лалич из Врбовского, Кларич, чиновник Венгерской придворной канцелярии, И. Станкович, профессор католической семинарии в Дьякове, И. Станчевич, родом из Загреба, служащий в администрации Торонталского комитета жупник И. Туркович из Кралевицы⁶. Эти отклики говорили о том, что издание национальной газеты было назревшей задачей времени.

⁴ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, str. 253.

⁵ Там же, стр. 298—301; «Danica», 1835, br. 1, str. 3—4.

⁶ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 60, 251, 252, 287, 427, 428, 429, 469.

Трудно переоценить значение газеты и журнала Гая для общественного развития Хорватии и Славонии. Они пробуждали и развивали национальное сознание и гражданский патриотизм. Национальные периодические органы объединяли и активизировали силы, способные к выступлению против национального угнетения. На страницах изданий Гая нашла свое открытое выражение передовая либеральная мысль. Газета и журнал возвестили об образовании национального литературного языка хорватов.

С 1842 г. в Загребе выходило литературно-научное издание на национальном языке — «Коло». Его издателями значились Раковац, Враз и Вукотичевич, по главная роль в «Коло» принадлежала Вразу. Поскольку для издания журнала требовалось разрешение высших властей, хорватские деятели назвали «Коло» — «статьи по литературе, искусству и народной жизни». Издатели стремились сделать «Коло» журналом с широким научно-литературным содержанием, охватывающим все славянство. Помещались здесь и публицистические статьи. В «Коло» печатались лучшие хорватские писатели, сербские, словенские, чешские, словацкие, русские и польские ученые и литераторы. Благодаря этому органу значительно расширились литературные и научные связи Хорватии с другими славянскими странами⁷.

«Коло» с интересом был встречен славянской общественностью. Он был одобрен чешскими учеными Шафариком, Юнгманом, Ганкой, Паланким⁸. Его содержание положительно оценивалось русскими деятелями. «Коло» — очень недурная книга, — записывал в дневнике Ф. В. Чижов, — в ней статьи весьма и весьма дельные»⁹.

С именами деятелей иллиризма связано создание основ общего литературного языка хорватов и рождение хорватской национальной литературы. Разработка основ и введение в литературу языка, основанного на штокав-

⁷ В 1842—1843 гг. вышло три выпуска «Коло». Хорватское общество не сумело по достоинству оценить это издание. В связи с отсутствием подписчиков «Коло» до 1847 г. не выходило. С этого года издание «Коло» взяла на себя «Матица». Редактором «Коло» остался один Враз.

⁸ T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska od godine 1842. do godine 1892. U Zagrebu, 1892, str. 263.

⁹ «Славянский архив», 1958, стр. 167.

ском диалекте, проходили в упорной борьбе с укоренившимися традициями, с оппозицией внутри Хорватии и за ее пределами. Даже новое правописание Бабуичу неоднократно приходилось отстаивать перед лицом защитников рутипы, старины и сепаратизма.

Созданная деятелями иллиризма национальная хорватская литература принципиально отличалась от старой, кайкавской, как по форме, так и по содержанию. Новая литература была основана на общехорватском языке. Она предназначалась для широких слоев общества. «Ушло в прошлое время, когда наши учёные писали для себя, — замечал Враз, — наступило время, когда то, что мы пишем, должно распространяться в массе народа»¹⁰. Создателями национальной хорватской литературы были светские лица, и она посила светский характер, отличаясь богатством жанров. Это была за немногим исключением оригинальная литература, хотя, правда, художественно еще слабая. Вызванная к жизни подъёмом патриотических чувств и национального сознания, новая литература явилась формой выражения патротических освободительных идей. Она стала важным фактором в борьбе за национальное освобождение и буржуазное преобразование хорватского общества. В годы иллиризма была создана и читательская публика.

Наибольшее развитие получила гражданская поэзия. Это было связано с оперативностью и традиционностью поэтической формы. Поэты проводили идею равенства всех народов, сотрудничества и дружбы славян, выражали веру в их светлое будущее. Они воспевали героизм и мужество славян в борьбе с угнетателями. Новая литература несла идеалы братства и единства южнославянских народов. В песнях славилось их свободолюбие. Поэты-«иллирии» признавали над собой лишь бога и короля¹¹. Тем самым выражался протест против национального угнетения.

В патротических стихотворениях поэты рисовали картины родных мест, описывали красоты и величие своей родины, воспевали любовь к своему народу и его славу в далеком прошлом. Хорватские поэты проводили мысль, что судьба народа находится в руках самого народа и

¹⁰ «Grada...», knj. 8. U Zagrebu, 1916, str. 336.

¹¹ См. Т. Blažek. Moja želja. — «Danica». 1838, br. 3, str. 8.

тем самым призывали к активной деятельности на благо родины. Они ниспосыпали проклятия на головы изменщиков. Их произведения были пропитаны верой в национальное освобождение и возрождение, надеждой на лучшее будущее своей родины. Поэты возбуждали гражданские чувства.

Наряду с патриотическими песнями большого развития в годы иллиризма достигла любовная лирика, которой не знала каикавская литература. Наиболее крупным поэтом-лириком был Станко Враз.

С именами Людовита Вукотиповича, Ивана Кукулевича-Сакцинского, Димитрие Деметера, Мирко Боговича и других связано рождение хорватской оригинальной повести, драмы и фельетона. В основе произведений такого рода лежала патриотическая идея верности своему народу и родине.

В повестях и драмах, в которых часто использовались исторические сюжеты, показывались образцы геройства и доблести предков в борьбе с врагами. В них всегда торжествовали долг, правственная чистота и благородство, а честолюбие и эгоизм наказывались.

Писатели иллиризма много занимались также переводами, благодаря чему хорватская национальная культура обогащалась творениями мировых классиков. Хорватские поэты и прозаики переводили Байрона, Шиллера, Гюго, часто обращались к русской литературе.

Произведения хорватских поэтов и писателей печатались в «Дапице», «Коло» и выходили отдельными изданиями. 7 февраля 1835 г. в «Дапице» была напечатана песня Гая «Еще Хорватия не погибла». Это была первая песня-«будница». Вскоре там были помещены еще три песни того же автора — «Преображение» («Печально пел витязь в горах») и две «Давории» («Прилетели птицы кукушки» и «Эй, братья, эй, герои»). В «Дапице» 14 марта 1835 г. была напечатана песня Аитуна Михановича «Хорватская родина», ставшая впоследствии гимном. В том же году журнал опубликовал песню Вукотиповича «Песня хорватов в Глогове в 1813 г.», получившую такую же популярность, как и гаевская «Еще Хорватия не погибла».

В 1840 г. в Загребе вышел сборник лирических стихотворений выдающегося поэта эпохи иллиризма Враза «Джулабие» (душистые яблоки, красные, как розы). Челаковский и Коллар отметили его большую художествен-

ную цепкость¹². В следующем году появился стихотворный сборник Враза «Голоса из Жеравинской дубравы», куда была включена большая часть его баллад и романсов. Враз первый изучил этот жанр и ввел в хорватскую литературу. Второй стихотворный сборник Враза также отличался высокой художественностью и был пропитан поэтическим вдохновением. Познакомившись с ним, русский ученый-славист И. И. Срезневский писал Ганке: «А как вам поправились *Glasi Žeravinski?* Неправда ли, что это бы были перлы в любой литературе?»¹³ В 1845 г. в Праге был издан сборник лирических и эпических стихотворений Враза «Гусли и тамбуры».

Л. Вукотипович издал в 1838 и 1840 гг. сборники «Песни и рассказы». Шафарик отметил пежность чувств и красоту его слога¹⁴. В 1842 г. вышел стихотворный сборник Вукотиповича «Розы и тёрны». Эти издания были тепло встречены общественностью. По поводу последнего сборника варшавский журнал «Денница» писал в 1843 г.: «Произведение г. Вукотиповича посят на себе печать истинного поэтического таланта»¹⁵. В 1843—1844 гг. Вукотипович напечатал несколько исторических повестей под общим заглавием «Прошлое венгерско-хорватское».

В 1842 г. в Загребе был издан «Песенник», куда вошли песни хорватских, сербских и словацких поэтов. «Песенник» пользовал горячий прием у хорватской читательской публики.

1844 и 1846 гг. озапаметились появлением двух выпусков альманаха «Искра», включившего исторические работы, сосеты, песни, повести и рассказы хорватских писателей. Издателем его был Иван Гавличек. Во втором выпуске альманаха было напечатано первое хорватское эпическое произведение, запомнившееся поэма Ивана Мажурапича «Смерть Смаил-аги Чепигча». Переведенная впоследствии на многие языки мира, эта поэма воплотила в себе самое сильное выражение литературного языка хорватов в то время и стала гордостью хорватской литературы. Иван Мажурапич был наиболее крупным хорватским поэтом эпохи романтизма.

¹² T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 262.

¹³ В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, стр. 1013.

¹⁴ «Danica», 1838, br. 51, str. 202.

¹⁵ «Денница», 1843, январь, стр. 55.

В 1842—1847 гг. вышло 4 книги повестей и драматических произведений Ђукулевича-Сакцинского. В 1843 г. были опубликованы «Патриотические повести» Драгоилы Јарпевич и т. д. «Путевые мелочи» Аптуна Немичча-Гостовинского, вышедшие в 1845 г. и представлявшие собой путевые заметки, положили начало новому жанру в хорватской литературе. Редактор варшавской «Дешницы» П. Дубровский писал в журнале «Москвитянин», что «это сочинение самобытное и совершенно оригинальное»¹⁶.

Среди поэтов и писателей иллиризма не было единства взглядов относительно направления в развитии новой литературы. Враз, находивший поддержку со стороны Шафарика и Коллара, представлял мнение, считавшее, что она должна опираться на народное творчество и стремиться к сближению с пародным языком и пародной поэзией¹⁷. Другая группа писателей во главе с Деметером видела опору для поэтического творчества и эталон для подражания в дубровницком классицизме XVII в. Творчество Деметера посило на себе большое влияние дубровницкой школы. Это влияние испытали также Ив. Мажуранич, И. Трпский, Вукотинович¹⁸. Судя по направлению деятельности загребской «Матицы», вторая тенденция была более сильной. В ее основе лежало стремление теснее связать новую хорватскую литературу с богатым, высокохудожественным литературным прошлым и тем самым сделать ее позиции более прочными¹⁹, были расчеты и на литературно-языковое сближение с Далматией. Но так или иначе подражание хорватскому классицизму XVII в. не отвечало требованиям развития литературы в новое время.

В период иллиризма были заложены основы литературной критики. Главная роль в этом принадлежала Вразу. В критических статьях, помещенных в «Коло», Враз призывал писателей к естественности, простоте и

¹⁶ «Москвитянин», 1846, ч. V, № 9, 40, стр. 185.

¹⁷ V. Deželić. Pisma pisana d-ru Ludevitu Gaju j neki negovi sastavci (1828—1850). Zagreb. 1909, str. 318—319, 323; «Dela Stanka Vraza», d. 5. Zagreb, 1877, str. 272—273.

¹⁸ Đ. Šurmin. Hrvatski preporod, II. Zagreb, 1904, str. 20, 38, 107.

¹⁹ Деметер в статье «Гундулич», написанной в связи с 200-летней годовщиной со дня смерти поэта,ставил Гундулича рядом с Гомером и Данте и выше Байрона («Danica», 1838, br. 50, str. 197—198).

народности языка и содержания литературных произведений. Были сделаны первые шаги и в области эстетики.

Хорватские национальные деятели всерьез обратились к народному творчеству как богатейшему источнику развития национальной культуры. Они поняли, что создание и развитие литературного языка невозможно без использования всех богатств фольклора²⁰. Они видели в произведениях народного творчества важное средство воспитания патриотизма, свободолюбия, оптимизма среди соотечественников.

Представители хорватского Возрождения, с искренней любовью и вниманием отясь к проявлениям духовной жизни простого народа, собирали и издавали народные песни, использовали народные темы, мотивы и художественные приемы в своих произведениях. Народные песни печатались в «Дапице» и «Коло». В 1839 г. Враз опубликовал сборник словенских народных песен, посвятив его Караджичу. Это издание получило высокую оценку Шаффарика и Челаковского²¹. В 1842 г. в Осиеке появился сборник хорватских народных песен с описанием обычаяев, записанных в Славонии священником и поэтом М. Топаловичем и его друзьями. В 1846 г. Кукулевич-Сакцинский выпустил в свет «Народные песни народа хорватского». Деятели иллиризма собирали и издавали не только крестьянские, но и городские песни. В 1844—1847 гг. Лука Илич Ориовчанин издал четыре книги «Славонских городских песен». Представители хорватского Возрождения описывали и изучали народные говоры, собирали народные мелодии.

Создание деятелями иллиризма национальной литературы и прогрессивного искусства на базе народного творчества означало демократизацию хорватской литературы и культуры.

Это развитие было связано с большими трудностями. Они заключались не только в том, что загребским поэтам и писателям пришлось писать на диалекте, которым они, особенно вначале, плохо владели, но и в том, что читателей, а тем более покупателей штокавских книг в самой Хорватии было мало. Утверждение новой хорватской ли-

²⁰ «У народа находится материал, — писал Вукотинович, — который мы должны обработать» («Kolo», 1843, III, str. 134).

²¹ T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 262.

тературы проходило в упорной борьбе с цензурой, сепаратизмом кайкавских защитников старицы, национальным предательством мадьяронов, необразованностью, невежеством и безразличием к литературе и знаниям значительной части хорватской читательской публики. В этой трудной борьбе за духовную свободу, обновление и единство хорватов деятели иллиризма вышли победителями. Накануне 1848 г. новый литературный язык был принят и кайкавскими противниками иллиризма²².

Хорватские деятели уделяли внимание науке, в первую очередь истории и лингвистике. Обусловленный подъемом национального самосознания интерес представителей иллиризма к историческому прошлому славян, южных славян в особенности, был тесно связан с потребностями национальной борьбы. История была призвана повысить авторитет и значимость хорватского народа, утвердить его правоспособность, показать его величие и славу, которые ставили его в один ряд с другими, развитыми и свободными, европейскими народами. Обращение к историческому прошлому было связано и с цензурными соображениями. Поскольку цензура с особой строгостью вымарывала то, что касалось сегодняшней жизни хорватского общества, национальные деятели давали ответ на животрепещущие вопросы для в завуалированной форме.

Исторические работы печатались в «Дапице» и других хорватских изданиях. В числе первых были статьи Л. Гая «Краткое введение в историю Великой Иллирии» и «Кто были древние иллирийцы?» В 1839—1842 гг. было издано четырехтомное сочинение священника Швеара «Зеркало Иллириума». Этот большой труд охватывал историю южного славянства с древнейших времен до 1790 г. Задачам политической борьбы были подчинены исторические работы Л. Вукотиповича «Юридическое отношение королевства Славонии к Венгрии» (1845 г.) и Ф. Жигровича «О праве на самоопределение Хорватии по отрешению к Венгрии» (1846 г.).

Наиболее видным знатоком хорватской истории считался Иван Кукулевич-Сакцинский. В 40-е годы в периодических изданиях было опубликовано несколько его исследований. В 1847 г. Кукулевич-Сакцинский был из-

²² J. Šidak. Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 145.

брап хорватским сабором в комитет, задачей которого был сбор и издание всех исторических документов о муниципальных правах Триедицкого королевства²³.

Деятели иллиризма положили почву в издании исторических рукописных памятников. В третьем выпуске «Коло» за 1843 г. А. Мажуранич напечатал «Закон Вишодольский» — историко-юридический хорватский памятник 1288 г., спадив его историческими и филологическими примечаниями и толковым словарем. Это была квалифицированная научная публикация, сразу привлекшая к себе внимание ученого славянского мира. В «Данице», а также в пятой книге «Коло» (1847 г.) были напечатаны различные материалы XVII—первой половины XVIII в.

В «Данице» помещались этнографические материалы — описания пародных обычаем, верований, быта и пр. Хорватские национальные деятели занимались также историей и теорией хорватской литературы. В 1840 г. была опубликована работа Д. Селяна «Начало, развитие и значение иллирийской литературы».

Написанные исторические работы деятелей иллиризма чаще всего представляли собой переработку сочинений предшествующих историков и больше походили на рассказы, нежели на исторические исследования. В них не было еще критического отношения к источникам и литературе. На трудах того времени лежал налет романтики, проявлявшийся, в частности, в идеализации славянской старины. Хорватская история не была выделена из истории «Великой Иллирии», и эта последняя изображалась как история борьбы за национальную свободу и независимость. Но с течением времени исследования деятелей иллиризма все более приближались к научным. Это были первые шаги буржуазной исторической науки в Хорватии.

В период иллиризма была основана загребская филологическая школа. О грамматике Бабукича уже говорилось. В 1839 г. была опубликована грамматика А. Мажуранича «Основы иллирийского и латинского языков». В 1842 г. Я. Ужаревич и Ив. Мажуранич составили «Немецко-иллирийский словарь». В 1846 г. вышла первая часть «Иллиро-немецко-итальянского словаря» Й. Дробича. В то время это были очень нужные книги. В 1843 г.

²³ T. Smičiklas. Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. — Rad, knj. CX. U Zagrebu, 1892, str. 137.

была издана Д. Селяном первая часть «Географии иллирийских земель», охватывающая австрийскую часть южнославянских провинций. Это была первая попытка их географического описания на национальном языке. Вторая часть этого сочинения, посвященная турецкой части «Великой Иллирии», как и карты, были запрещены цензурой.

Деятели иллиризма основали ряд национальных культурно-просветительных учреждений и обществ. После долгих хлопот Гай добился разрешения на устройство типографии, которая начала работать 1 января 1838 г. Основание типографии улучшило условия издания газеты и литературы на национальном языке. С этого времени стали печататься книги по новой орфографии²⁴.

В середине 1836 г. Л. Гай выступил в «Дапице» со статьей «Общество друзей народного иллирийского просвещения». Мысль о нем зародилась у Гая еще в 1829 г. В статье Гай высказался за организацию в Загребе общества, призванного поднять духовную культуру народа. Задачи общества состояли в создании на национальном языке научных трудов в различных областях знания (кроме политики и богословия), в развитии национального литературного языка, в сборе книг, рукописей, в первую очередь касавшихся «Великой Иллирии» и ее населения, и в публикации различных памятников, в учреждении в будущем библиотеки и национального музея. Гай рассматривал свои издания предтечей такого общества²⁵. По своему характеру это общество должно было быть научным.

Л. Гай внес предложение в хорватский сабор об учреждении такого общества, и оно было поддержано сабором. Но решение должно было получить согласие венгерских властей, а затем поступить на утверждение императору²⁶. Вопрос об основании в Загребе научного общества на долго затянулся.

С 1838 г. стали возникать иллирийские читальни, для организации которых достаточно было разрешения городских властей. Первая читальня под названием «Друзья

²⁴ П. А. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 248.

²⁵ «Danica», 1836, br. 33, str. 130—131.

²⁶ «Danica», 1836, br. 34, str. 136; J. Ravlić. Ilirska čitaonica u Zagrebu.—HZ, 1963, str. 160.

нашай народной литературы» была создана по инициативе Метела Ожеговича в январе 1838 г. в Вараждине. Она насчитывала около 100 членов. В марте открылась читальня в Карловце, на ее основание было собрано более 13 000 форинтов серебром. Создателями читальни были Карло Клобучарич, Антуш Ваканович и Амбroz Враинцани. В 1847 г. читальня насчитывала почти 200 членов²⁷. Вслед за ней, по инициативе Я. Драшковича и других лиц, такого рода общество появилось в Загребе. В 40-е годы читальни были основаны в Дьякове, Осиеке, Копривнице, Пожеге, Крапине, Самоборе, Крижевцах²⁸.

Читальни стали политическими клубами, где участники иллиризма обсуждали самые злободневные вопросы²⁹. Таким способом парализовалось действие сурой цenzуры, тяготевшей над печатью.

14 июля 1838 г. состоялось предварительное собрание членов Иллирийской читальни в Загребе под председательством Я. Драшковича. В своей речи граф развел программу деятельности общества. Она включала изучение родного языка, развитие науки, популяризацию полезных знаний, подъем хозяйства, воспитание и повышение благосостояния народа³⁰. На том же собрании членов читальни был принят документ «Основа читальни», представлявший собой правила этого общества. Согласно им, цель читальни состояла в том, чтобы «открыть возможность для чтения различных журналов и книг и таким способом расширять полезные знания». Для этого общество намеревалось приобретать на свои средства разнообразную литературу. Для членов читальни устанавливался ежегодный взнос в размере 6 форинтов³¹. Следовательно, официально общество Загребской читальни преследовало довольно скромную задачу, связанную исключительно с чтением литературы. На практике же его деятельность вышла за эти рамки и развивалась в направлениях, сформулированных Драшковичем.

²⁷ «Danica», 1838, br. 21, str. 82; «Novine», 14.VIII 1847, str. 257.

²⁸ «Danica», 1844, br. 15, str. 60; 1838, br. 21, str. 82; «Novine», 15.II 1845, str. 53; 7.IV 1847, str. 111; «Dnevnik Dragutina Rakovca». Priopćili E. Laszowski i dr. V. Deželić, st. U Zagrebu, 1922, str. 38; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 37.

²⁹ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 318.

³⁰ «Danica», 1838, br. 31, str. 122.

³¹ Там же, стр. 121—122.

22 августа 1838 г. состоялось учредительное собрание членов Иллирийской читальни. На нем было создано правление общества во главе с Я. Драшковичем. Секретарем читальни и хранителем библиотеки был избран Бабукич, занимавший эту должность до 1846 г.³² В начале своей деятельности общество насчитывало 145 членов, в 1841/42 г. их было 148, в 1842/43 г. — 176, в 1843/44 г. — 144, в 1844/45 г. — 123, в 1846/47 г. — 170³³. Уменьшение числа членов в 1843—1845 гг., несомненно, было связано с общим снижением уровня национальной деятельности.

Загребская читальня явилась центром общественной и культурной деятельности представителей хорватского Возрождения. Мероприятия читальни имели общехорватское значение. По ее инициативе образовывались все национальные учреждения Загреба периода иллиризма.

Библиотека Иллирийской читальни состояла из периодических изданий и книг, приобретенных самим обществом, подаренных ему или предоставленных в его пользование отдельными членами. Читальня выписывала газеты и журналы, каталог которых не был постоянным и менялся. Это были политические, литературные, научные, экономические и другие издания на сербско-хорватском, чешском, польском, русском, немецком, итальянском и венгерском языках³⁴.

Общество читальни в Загребе обратило свое внимание прежде всего на экономику. В 1839 г. оно объявило пандидаты за лучшие сочинения по вопросу о вывозе морем хорватских вин за границу, организации суконных и кожевенных заведений, устройству бумажного предприятия в Хорватии и Славонии, а также за лучшую популярную книгу по сельскому хозяйству, рассчитанную на крестьянские массы. Конкурс должен был подтолкнуть развитие экономической мысли и оживить предпринимательскую инициативу в Хорватии и Славонии³⁵.

Поскольку прошение хорватского сabora от 1836 г. об организации в Загребе общества для развития национального языка и литературы оставалось без ответа, правле-

³² В 1846 г. читальня имела двух секретарей — Я. Ужаревича и С. Враза (J. R a v l i c. Ilirska čitaonica..., str. 165, 205).

³³ Там же, стр. 162, 193, 201, 203, 204, 211.

³⁴ Там же, стр. 167, 173.

³⁵ Там же, стр. 168—169. Однако никаких сочинений в адрес читальни не поступило.

ище Иллирийской читальни весной 1839 г. решило учредить общество «Матица илирска», подобное тем, какие имели сербы в Пеште и чехи в Праге. Хорватские деятели мыслили «Матицу» как научное общество, идентичное Обществу иллирийского языка и литературы. Императору было направлено прошение об устройстве такого общества за подпись видных лиц и правила общества. Они предусматривали создание из добровольных взносов депежного фонда общества, переход в его руки газеты и типографии Гая, издание обществом научной, популярной и художественной литературы, сооружение им здания, где разместились бы музей и библиотека (это была мысль о будущем Народном доме) ³⁶.

Поскольку разрешение на организацию научного общества не приходило, деятели иллиризма создали в 1842 г. при Загребской читальне особый депежный фонд для издания книг на национальном языке под названием «Матица илирска». По существу это было новое общество ³⁷. Руководило им правление читальни.

«Матица» имела целью издание произведений дубровницких классиков XV—XVIII вв. и лучших сочинений современных хорватских писателей. В 1842 г. капитал «Матицы» составлял 4687 рейп. гульд. 55 крейц. серебром. Из этой суммы 1000 гульд. сер. было выделено для издания книг, остальные деньги были разданы под проценты ³⁸.

В 1844 г. «Матица» издала поэму «Осман» Гундулича. Текст поэмы был исправлен по старинным рукописям. Песни, XIV и XV, недостающие в поэме, а также толковый словарь к поэме составил Ив. Мажурачич. В том же году «Матица» издала второй том «Драматических попыток» Деметера с драмой «Теута». В 1847 г. на средства «Матицы» вышли четвертый, пятый и шестой выпуски «Коло». Тогда же «Матица» издала второй том произведений Гундулича «Разные песни».

Иллирийская читальня занималась не только изданием, но и распространением национальных книг. В те годы книготорговля в хорватских землях была перазвита.

³⁶ J. Ra vlić. Povijest Matice hrvatske. — В кн.: «Matica hrvatska 1842—1962». Zagreb, 1963, str. 19.

³⁷ Там же, стр. 22, 23.

³⁸ «Денница», Варшава, 1843, ч. III, стр. 24.

Книготорговцы вообще неохотно торговали славянскими книгами, так как при малочисленности читателей это не приносило дохода. Станко Враз писал по этому поводу в 1843 г. в варшавской «Депище» следующее: «Мы скорее получаем книги из Вены, Липска³⁹, Парижа, Лондона, даже из Москвы, нежели из Дубровника (Рагузы). Виню этому книжная торговля, которой у нас еще вовсе нет»⁴⁰.

Между тем незамедлительная распродажа книг диктовалась не только материальными соображениями. Венгерские власти часто запрещали хорватские издания, уже вышедшие в свет. Так, были запрещены «Песенник», сборник стихов Вукотиновича «Розы и тёры», первая часть географии Селяна, брошюра Раковаца «Маленький катехизис...»⁴¹.

В этих условиях в 1841 г. собрание членов Загребской читальни по рекомендации Драшковича постановило, чтобы члены общества покупали по экземпляру каждой книги, рекомендованной ее правлением⁴². Бабукич как секретарь общества много делал для сбыта и распространения хорватских книг. Он выполнял роль посредника между издателями и покупателями⁴³.

Деятели иллиризма приложили большие усилия для организации национального театра. Мысль о нем родилась еще в начале 30-х годов XIX в.⁴⁴ Представители хорватского Возрождения поняли важную роль театра для национального развития хорватского народа, для распространения и развития хорватского литературного языка⁴⁵.

Деятели иллиризма мыслили театр как национальное учреждение, опирающееся не на узкий круг избранной публики, а на широкий слой зрителей и призванноествовать национальному сплочению, духовному развити-

³⁹ Лейпциг.

⁴⁰ «Депище», 1843, ч. III, стр. 49—50.

⁴¹ Там же, стр. 40, 41, 43, 46.

⁴² «Danica», 1841, br. 6, str. 22, 23.

⁴³ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 277.

⁴⁴ «Grada...», knj. 3. U Zagrebu, 1901, str. 260.

⁴⁵ «Danica», 1845, br. 18, str. 70. Д. Деметер в 1838 г. писал, что театр — одно из главнейших средств просвещения и расширения литературного языка (F. Šišić. Hrvatska povijest, d. III. U Zagrebu, 1913, str. 217).

тию и патриотическому воспитанию народа⁴⁶. «Даница» писала в 1847 г.: «Театр должен быть собственностью всего народа, а не только образованных сословий, если хочет заслужить название национального института и стать со временем хранилищем духовных ценностей народа»⁴⁷.

С развитием иллиризма в иемецком театре Загреба, дирекция которого была вынуждена учитывать настроение публики, стали исполняться во время немецких представлений декламации на хорватском языке, патриотические песни, а также народные пляски. 7 февраля 1835 г. была исполнена песня Гая в обработке Ливадича «Еще Хорватия не погибла», имевшая громадный успех. Она стала символом хорватского Возрождения. Несколько позднее, 10 апреля, с подмостков сцены в первый раз прозвучала «Песня хорватов в Глогове в 1813 г.» Л. Вукотиновича, а 22 октября 1835 г. были исполнены «Преображение» и «Давории» Гая⁴⁸. Это находило живой отклик у публики. 1 апреля 1838 г. в Загребе был устроен первый музыкально-декламационный концерт на национальном языке⁴⁹.

Все это подготавливало рождение постоянного национального театра.

Важным условием для функционирования национального профессиопального театра было создание самостоятельной драматургической базы. В 1838 г. и 1845 г. вышли два тома драматических произведений Деметера, включившие драмы «Любовь и долг», «Кровавая месть» и «Теута». В 1839 г. была напечатана драма Кукулевича-Сакцишского «Юран и София, или Турки под Сисаком», в которой проводилась идея единства южных славян независимо от веры. Эти пьесы явились первыми национальными драматическими произведениями. В 1841—1843 гг. вышла серия переводных театральных пьес.

Национальные пьесы составили драматургическую основу любительских спектаклей. Обычно они сопровождались декламацией, пением. В октябре 1839 г. в Сисаке

⁴⁶ «Danica», 1839, br. 41, str. 161; 1842, br. 16, str. 63; 1845, br. 9, str. 35; br. 18, str. 70. М. Богоевич образно назвал театр «школьной жизни» («Danica», 1845, br. 18, str. 71).

⁴⁷ «Danica», 1847, br. 20, str. 82. См. также: «Danica», 1845, br. 18, str. 70.

⁴⁸ «Danica», 1835, br. 4, str. 15; br. 13, str. 49; br. 41, str. 262; J. R a v l i c. Ilirska čitaonica..., str. 175.

⁴⁹ «Danica», 1838, br. 14, str. 56.

состоялось первое представление драмы Кукулевича «Юран и София». Спектакль, поставленный местными любителями, прошел с большим успехом и произвел сильное впечатление на современников⁵⁰.

Любительские спектакли на национальном языке устраивались и в других городах Хорватии и Славонии. Они обычно приурочивались к крупным событиям в жизни городов и жупаний, когда собиралась многочисленная публика. Они показывались также в благотворительных целях и для сбора средств⁵¹.

Еще в 1835 г. Гай предпринял первые практические шаги с целью основания постоянного национального театра⁵². В конце 1839 г. под впечатлением успеха, который имела у публики любительская постановка драмы Кукулевича-Сакцинского, в газете Гая выступил директор загребского немецкого театра Х. Бёриштейн, по национальности чех, со статьей «Об основании иллирийского национального театра». В ней он выразил мысль об организации постоянного национального театра в Загребе и предложил организовать представления на хорватском языке силами его актеров, среди которых были чехи и поляки⁵³.

В ответ на это правление Загребской читальни постановило начать сбор пожертвований на устройство национальных спектаклей. Однако Бёриштейну не удалось набрать актеров, знающих немецкий и хорватский языки. Тогда было решено пригласить на гастроли в Хорватию сербскую труппу из Нови Сада⁵⁴. Ее спектакли начались в Загребе 10 июня 1840 г. драмой «Юран и София». Представление прошло с большим успехом. Труппа дала в Загребе 20 спектаклей, которые состояли в основном из пьес сербских и хорватских авторов⁵⁵. Душой пацио-

⁵⁰ «Danica», 1839, br. 41, str. 161—162; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 397.

⁵¹ См. «Novine», 24.X 1846, str. 356; «Danica», 1846, br. 51, str. 203; br. 40, str. 162; 1844, br. 19, str. 74, 75; br. 27, str. 109—110; br. 37, str. 149—151; br. 40, str. 162; 1842, br. 36, str. 143; 1843, br. 36, str. 143—144; 1845, br. 28, str. 112; «Novine», 18.XI 1846, str. 387; 30.XII, str. 435; 3.IV 1847, str. 107.

⁵² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 61.

⁵³ «Danica», 1839, br. 46, str. 181—182.

⁵⁴ J. Ravlić. Ilirska čitaonica..., str. 175, 180—182.

⁵⁵ «Danica», 1840, br. 24, str. 94; J. Ravlić. Ilirska čitaonica..., str. 183.

нального театра, его директором, казначеем, первым театральным критиком был Деметер, принадлежавший к числу самых способных и образованных деятелей того времени.

Успех этого мероприятия придал уверенность деятелям иллиризма. На очередном собрании членов Загребской читальни по предложению Ив. Мажурадича было решено в течение 5 лет давать в Загребе постоянные спектакли в зимний период. Денежный фонд предполагалось создать путем добровольной подписки. Летом труппа должна была выезжать в другие города хорватских земель⁵⁶.

После трехмесячного пребывания в Загребе повисадская труппа посетила Карловац и Сисак, где спектакли на национальном языке также были горячо приняты публикой. В декабре 1840 г. труппа вернулась в Загреб⁵⁷.

По призыву Загребской читальни сабор в 1840 г. постановил о сборе пожертвований для поддержки национального театра. В самом саборе было собрано 4500 форинтов. Сабор избрал также специальный комитет во главе с Драшковичем для изучения вопроса о театре⁵⁸. Однако в условиях Хорватии содержание театра было делом весьма трудным. Не было театральных традиций. Искусство делало первые шаги, оно было слабым и не зрелым. После 1841 г. публика охладела к театру. Поэтому представления на национальном языке в Загребе прекратились.

В 1846 г. при посредстве Деметера управление загребским театром было передано немцу Розеншёну, который с симпатией относился к хорватскому национальному Возрождению. Труппа пополнилась хорватами⁵⁹, и с апреля 1847 г. театр начал постоянные спектакли на хорватском языке. Первый из них был завершен пантомимой «Освобождение хорватов от французского ига». Театр выезжал на гастроли в Карловац. «Даница» и «Новине» призывали к его поддержке. Однако публика мало посещала представления, поступавшие пожертвования были незна-

⁵⁶ «Danica», 1840, br. 27, str. 105—108.

⁵⁷ «Danica», 1840, br. 36, str. 144; br. 37, str. 147—148; br. 44, str. 174; 1841, br. 3, str. 11.

⁵⁸ J. R a v l i c. Ilirska čitaonica..., str. 189.

⁵⁹ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 264.

чительны и не могли оказать театру существенной поддержки⁶⁰.

Деятели Возрождения положили начало новому периоду в истории хорватской музыки. Иллиризм вызвал к жизни новый музыкальный жанр — патриотические песни (будницы, давории). Между 1833 и 1848 гг. было создано около 100 таких песен. Многие стихотворения Гая, Вукотиновича, Раковаца, Богоовича, Враза, Триского, Деметера и других поэтов были положены на музыку Гаем, Хайко, Юратовичем, Карасом, Лисицким, Ливадичем и другими авторами⁶¹. Патриотические песни пользовались большой популярностью среди сторонников иллиризма. Пение было одним из способов распространения освободительных идей и национальной агитации.

Национальные музыкальные произведения исполнялись в театре, концертах, на вечерах. В марте 1835 г. графиня Сидония Рубидо выступила в концерте с хорватскими песнями. С 1839 г. в концертах стали часто исполняться вариации на народные темы, национальные вокальные произведения, композиции и т. д.⁶² В 1840 г. в Загребе под руководством певца А. Штриги и Лисицкого было организовано «Первое иллирийское музыкальное общество»⁶³.

28 марта 1846 г. в Загребском театре состоялась премьера первой хорватской оперы «Любовь и злоба», написанной Лисицким на либретто Деметера и Янко Цара. Сюжет ее был взят из хорватской истории XVI в. Опера была поставлена силами артистов немецкого театра и любителей. Главную партию пела С. Рубидо Эрдеди. Красочно и пышно поставленная опера имела у публики большой успех⁶⁴.

В годы иллиризма был сделан шаг вперед и в области изобразительного искусства. Наиболее крупным художни-

⁶⁰ «Danica», 1847, br. 19, str. 76, 78; br. 20, str. 81—82; br. 22, str. 90; br. 25, str. 102; br. 27, str. 110; br. 47, str. 69; br. 40, str. 160; «Novine», 19.VI 1847, str. 195.

⁶¹ L. Županović. Glazbena umjetnost u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 316.

⁶² «Danica», 1841, br. 18, str. 69—70; 1842, br. 11, str. 42—43; br. 26, str. 104; 1844, br. 37, str. 147; 1845, br. 28, str. 112; br. 9, str. 36; br. 11, str. 43—44; 1846, br. 52, str. 207—208; 1847, br. 6, str. 24; П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 263.

⁶³ L. Županović. Glazbena umjetnost..., str. 315.

⁶⁴ «Danica», 1846, br. 15, str. 57—60.

ком хорватского Возрождения был В. Карас, соединивший в своем творчестве элементы классицизма и романтики⁶⁵.

Загребская читальня подготовила создание национального музея. Мысль о его основании родилась у Гая еще в пору его учебы в университете. Тогда же он начал собирать сведения об устройстве музеев и библиотек. Большую часть экспонатов для музея собрала и приобрела за счет «Матицы» Загребская читальня⁶⁶. В свою очередь Раковац, став секретарем Сельскохозяйственного общества, развернул деятельность по сбору предметов, касающихся природы и экономических ресурсов Хорватии. Много сделал для основания музея М. Сабляр, бывший граничарский офицер. Первоначально минералогическая, зоологическая, археологическая, пумизматическая и другие коллекции и собрание рукописей размещались в помещении Сельскохозяйственного общества, а с 1846 г.— в Народном доме⁶⁷.

С запрещением названия «иллиры»⁶⁸ над национальными учреждениями и обществами нависла угроза. В это тяжелое время руководители иллиризма сделали попытку координации деятельности читален в Загребе, Карловаце и Вараждине с целью их сохранения. Правление Загребской читальни предприняло также другие меры, чтобы оградить общество от нависшей опасности запрещения⁶⁹. Я. Драшкович и Ю. Оршич отправились в Вену, чтобы там отстоять читальню и «Матицу». Опасения хорватских деятелей не были напрасны, так как общество читальни не было утверждено высшими властями и венгерский Наместнический совет в начале 1843 г. официально запросил Загребскую жупанию о том, что представляют собой читальня и «Матица» в целях их ликвидации⁷⁰. Благодаря тому, что управление Загребской жупанией в это время находилось в руках сторонников национального движения, читальню и «Матицу» удалось спасти.

⁶⁵ M. Peić. Likovne umjetnosti u doba hrvatskog narodnog preporoda. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 342—343.

⁶⁶ J. Račić. Ilirska čitaonica..., str. 210.

⁶⁷ J. Račić. Ustanove i društva kulture u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. — «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, str. 363.

⁶⁸ См. выше.

⁶⁹ J. Račić. Ilirska čitaonica..., str. 199.

⁷⁰ Там же, стр. 201.

С 1843 г. деятельность Загребской читальни ослабла, число ее постоянных членов сократилось⁷¹. Читальня ограничивалась поддержкой основанных национальных обществ и не проявляла новой инициативы в области культурного Возрождения. Это объяснялось неблагоприятными условиями, сложившимися после 1843 г. для хорватского национального движения, но главным образом переключением общественного внимания с культурно-просветительских вопросов на вопросы политической борьбы.

В 1845 г. Загребская читальня возобновила свою просьбу об основании в Загребе ученого общества. В свою очередь и сабор вернулся к этому вопросу. В 1845 г. была удовлетворена хорватская просьба об основании кафедры национального языка и литературы в академии. Первым ее профессором стал Бабукич. В 1847 г. император дал разрешение на организацию ученого общества. Однако создать его хорватам в связи с революцией не удалось⁷².

Все национальные общества Загреба были размещены в Народном доме, торжественное открытие которого состоялось в 1847 г. Помещение для него было куплено на средства, собранные из частных пожертвований и на основе акций по 50 форинтов каждая.

Итак, благодаря усилиям деятелей иллиризма Загреб становился действительным культурным центром хорватских земель. В годы иллиризма были заложены основы современной национальной культуры хорватов.

Деятельность остальных читален в Хорватии имела местное значение. В Славонии она была слабой. В Пожеге общество практически бездействовало. Духовный помощник Н. Швайцар писал в феврале 1848 г. Гаю: «Книги, которые мы, клирики, послали два года тому назад (Пожегской читальне. — И. Л.) ... еще и не тронуты. Карты и чаша — вот развлечение и дело пожеган...»⁷³ В Осиеке читальня также находилась в жалком состоянии. Здесь не было точных данных о членах читальни, членские взносы поступали нерегулярно, решения общества не претворялись в жизнь. Читальня имела всего 7 павильонов газет и несколько книг⁷⁴.

⁷¹ См. там же, стр. 204, 205, 208.

⁷² В 1850 г. прекратила свое существование и Загребская читальня.

⁷³ J. Nogvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 459.

⁷⁴ «Novine», 14.XI 1846, str. 384.

В поле зрения национальных деятелей было также народное просвещение. В Хорватии и Славонии школьное образование находилось в плачевном состоянии. Начальных школ было мало, посещаемость их была низкой⁷⁵, не было учебников, оплата учителей была мизерной.

Национально настроенные священники там, где не было школ, учили ребят писать и читать⁷⁶. Учителя воспитывали учащихся в патриотическом духе. Это прежде всего касалось обучения детей хорватскому литературному языку. Учитель Й. Лалич из Врбовского с начала 1835 г. обучал детей по новой орфографии⁷⁷. А. Мажурапич, ставший в 1836 г. учителем латинского языка в Загребской гимназии, в течение шести лет преподавал во вспечебное время учащимся старших классов национальный язык и литературу, притом на хорватском языке⁷⁸. В 1845 г. А. Мажурапич издал книжку «Маленькие рассказы для употребления в сельских школах». По свидетельству вараждинского учителя Марича, в 1838 г. в местной гимназии также имело место факультативное обучение молодежи хорватскому литературному языку⁷⁹. Топалович с 1844 г. преподавал в дьяковской семинарии национальный язык и литературу⁸⁰.

Эта деятельность имела немаловажное значение, если учесть, что национальный язык не изучался в учебных заведениях Хорватии и Славонии. А. Мажурапич писал в 1839 г.: «Наш парод так песястлив, что еще до сих пор нигде нет ни одной начальной школы, где бы молодежь основательно упражнялась в своем языке»⁸¹. Обучение в начальных школах велось на родном диалекте. Для значительной части учащейся молодежи это был кайкавский говор. Только в начале 1840 г. в начальные школы Хорватии, Славонии и Приморья официально был допущен литературный хорватский язык⁸².

⁷⁵ В Сремской жупании в 1845—1847 гг. было 87 школ, их посещало лишь 10% детей школьного возраста (см. С. Гаврилович. Срем у революцији 1848—1849. Београд, 1963, стр. 71).

⁷⁶ V. Deželić. Pisma..., str. 238.

⁷⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 287; «Danica», 1835, бр. 50, str. 200, 201.

⁷⁸ В. И. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 428.

⁷⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 308.

⁸⁰ «Nevine», 17.III 1847, str. 87.

⁸¹ Цит. по кн.: D. Šurmin. Hrvatski preporod, II, str. 102.

⁸² «Grada...», knj. 3, str. 284.

Деятельность сторонников иллиризма в области литературы, культуры и просвещения требовала преодоления многочисленных препятствий, связанных с инертностью общества, с активным противодействием защитников феодализма и провинциализма и сопротивлением венгерских властей. Для этого нужна была большая энергия и много душевных сил. Деятельность в направлении национального культурно-литературного Возрождения была связана также, особенно для руководства движением, с большими материальными затратами, так как все патриотические начинания базировались на частной инициативе и добровольных пожертвованиях.

Культурно-просветительская деятельность представителей иллиризма была направлена на защиту угнетенной хорватской нации и имела положительное значение для общественного развития хорватского народа. Сама по себе национальная деятельность в области культуры и просвещения не затрагивала основ существующего строя, но она с самого начала выражала оппозиционные, политически не совсем оформленные настроения, а в 40-е годы прямо связывалась с политической борьбой.

Национальное движение проявляло себя и в других формах. Сторонники иллиризма устраивали балы, веселительные вечера. Помещения, где они проходили, украшались транспарантами с национальными лозунгами. Присутствующие получали напечатанные патриотические стихотворения. На балах велась беседа на национальном языке. Оркестр исполнял танцевальные мелодии, основанные на народных песнях. Иногда танцевали коло⁸³. С 1844 г. в Загребе устраивались, по примеру чешских «бесед», вечера под тем же названием. На «беседах» исполнялись вокальные произведения на хорватском и других славянских языках, декламировались патриотические стихи. Присутствовавшие в разговоре пользовались хорватским языком⁸⁴. Все эти меры служили распространению национального языка и патриотических идей в хорватском обществе, сплочению национальных сил, утверждению и развитию национальной культуры.

В католических семинариях действовали общества национальной настроенной молодежи. В 1836 г. в Загребской

⁸³ «Danica», 1840, br. 11, str. 43—44; br. 13, str. 51—52; 1841, br. 9, str. 34; 1843, br. 9, str. 36; br. 10, str. 39; br. 36, str. 144.

⁸⁴ «Danica», 1844, br. 14, str. 53—54.

семинарии образовалось Национальное общество духовной молодежи. Оно существовало до 1839 г., когда по распоряжению начальства семинарии, опасавшегося распространения среди клириков радикальных настроений, было закрыто. Но через год в семинарии явочным порядком возник студенческий литературный кружок при действовавшем с 1839 г. с разрешения начальства музыкальном Народном илирийском обществе складногласия⁸⁵. По примеру загребских семинаристов в 1842 г. и в Дьякове образовалось общество молодых клириков⁸⁶. Молодежные общества в Загребе и Дьякове были связаны между собой перепиской, в ходе которой обсуждались национальные дела⁸⁷.

Семинаристы изучали хорватский язык, упражнялись в других славянских языках, собирали народные песни, устраивали любительские театральные представления, национальные вечера и концерты. Клирики поддерживали тесные связи с Гаем, Шулеком, Бабукичем, Вразом, Раковацем и другими деятелями иллиризма, сотрудничали в «Данице». Они имели контакт с видными представителями славянского Возрождения. Семинаристы проявляли готовность к политической борьбе⁸⁸. Общество загребских семинаристов финансировало издание брошюры Шулека⁸⁹.

В начале 1846 г. в Загребе образовалось научное общество молодежи, куда входил и Враз. В центре внимания общества был национальный язык⁹⁰.

Деятельность участников национального движения развивалась также в экономическом направлении. В национальной периодической печати регулярно помещались материалы на хозяйственные темы. Они содержали сведения о базарах и ярмарках, о ценах на хлеб в Хорватии, Славонии и Банье. В корреспонденциях с местами характеризовались локальные хозяйствственные особенности, раскрывались виды на урожай. Печать знакомила с новыми

⁸⁵ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 253—255.

⁸⁶ «Danica», 1842, br. 20, str. 80.

⁸⁷ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 257.

⁸⁸ V. Deželić. Pisma..., str. 209; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 295; «Novine», 29.V 1847, str. 171; 1.V 1847, str. 139; П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 253, 254, 255, 256.

⁸⁹ A. Lisac. Oko «Branislava» i njegova urednika. — HZ, 1958—1959, str. 251.

⁹⁰ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 387.

промышленными предприятиями в хорватских землях. В статьях раскрывалось место и значение отдельных отраслей народного хозяйства для развития страны и т. д. Печать стремилась обратить внимание хорватской общественности в сторону хозяйства и одновременно показывала пути его подъема.

В 1841 г. было образовано «Общество по развитию и улучшению сельского хозяйства в Хорватии», которое затем стало называться «Хорвато-славонское сельскохозяйственное общество». В январе 1842 г. оно насчитывало 503 члена⁹¹. Его официальным главой был епископ Хаулик, секретарем — Раковац. Общество развернуло практическую работу по подъему сельского хозяйства⁹². Национально настроенные деятели сыграли важную роль в основании пароходного общества и сберегательной кассы.

Политическая борьба в Хорватии и Славонии в 40-е годы XIX в.

С начала 40-х годов XIX в. сторонники иллиризма включились в политическую борьбу. Свою политическую программу они стремились осуществить, опираясь на исконные политические институты Хорватии и Славонии — жупанийские скупщины и сabor. Но прежде следовало завладеть инициативой в них.

Противниками иллиризма были мадьяроны. Хорватское национально-освободительное движение, развиваясь на первых порах как культурно-просветительное, пользовалось вначале поддержкой со стороны всех, кто был недоволен угнетенным положением Хорватии и Славонии. Когда же иллиризм стал обнаруживать политическую направленность, от него стали отходить провенгерски настроенные элементы, заинтересованные в сохранении политического союза Хорватии и Славонии с Венгрией⁹³.

⁹¹ «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Družtva», 1842. br. 1, str. 17. По данным Браза, в 1843 г. в Обществе было 800 членов. — «Денница», 1843, ч. III, стр. 22.

⁹² Подробно о деятельности общества см.: И. И. Лещиловская. К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в поместичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. — УЗИС, т. XVIII. М., 1959, стр. 130—131.

⁹³ В 30-х годах членами Загребской читальни были граф Александар Драшкович, туронольский жупан Антуан Даниел Йосипо-

Перерастание иллиризма в открытое политическое движение толкнуло сторонников провенгерской ориентации к организационному оформлению своих рядов. В начале 1841 г. мадьяроны образовали Хорвато-венгерскую партию⁹⁴.

По определению Раковаца, мадьяропская группировка включала «большой частью дворян»⁹⁵. В 1844 г. тайный осведомитель австрийского правительства писал министру полиции, что в мадьяронскую партию⁹⁶ «входят видные, в большинстве умеренные лица из всех сословий, но главным образом она составлена из высшего дворянства»⁹⁷.

Аристократия и дворянство составляли главную силу мадьяропской партии. В числе мадьяронов были представители интеллигенции — профессора Загребской академии, большей частью венгры, адвокаты и др.⁹⁸ Вначале к мадьяропской группировке принадлежали и многие чиновники. Мадьяронами были также некоторые католические духовные лица и часть инонациональных горожан⁹⁹.

Опору мадьяропской партии составляли туропольцы, жители привилегированной общины Турополе близ Загреба. Эта община пользовалась правом самоуправления, и ее сельское население считалось дворянством. Но в экономическом и культурном отношении туропольцы мало отличались от крестьян. По определению И. Ткалаца, «европейская культура даже не коснулась этой сельской аристократии»¹⁰⁰. Поскольку Турополе находилось около

вич, туропольский вице-жупан Людовит Елаич и другие лица, впоследствии активные мадьяроны. Они выплыли из состава читальни в 1841 г. (J. Ravlić. Hrvatska čitaonica..., str. 162, 193—194).

⁹⁴ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 243.

⁹⁵ D. Rakovac. Mali katekizam za velike ljudi. Zagreb, 1842, str. 3; см. также: «29. Srpanj 1845». Vojni Sisak, 1870, str. 9.

⁹⁶ Это понятие употребляется нами условно, так как ни мадьяропская, ни иллирийская группировки не были политическими партиями в современном смысле.

⁹⁷ Цит. по кн.: V. Bogdanov. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, str. 274.

⁹⁸ 25 мая 1845 г. на генеральную скупщину Загребской жупании прибыло около 1500 мадьяронов, в том числе около 40 представителей интеллигенции (F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 401).

⁹⁹ «29. Srpanj 1845», str. 5, 6, 9.

¹⁰⁰ И. Ткалац. Успомене из юности у Хватској. Београд, 1925, стр. 8.

Загреба и дворяне-однодворцы пользовались индивидуальным правом голоса на жупанийских скупщинах и в саборе, туропольцы означали в этих институтах численную силу и представляли собой важный фактор в политической борьбе. За мадьяронами шла часть дворян-однодворцев и в других районах Загребской жупании¹⁰¹.

Руководителями мадьяронской партии были граф Александар Драшкович, граф Аптун Эрдеди, бароны Александар и Левин Раух, туропольский жупан Аптун Даниел Йосипович¹⁰². Последний после смерти Ал. Драшковича стал лидером мадьяронов.

Заинтересованность аристократии и крупных помещиков Хорватии и Славонии в сохранении и укреплении союза этих земель с Венгрией определялась в известной степени вековыми экономическими и политическими связями между ними, принадлежностью ряда местных аристократов к венгерской национальности, родственными отношениями с венгерской знатью. Немаловажным обстоятельством было и то, что крупные помещики Хорватии и Славонии часто имели земли в Венгрии и, наоборот, венгерские магнаты были собственниками поместий в Хорватии и Славонии. Это сближало интересы крупных хорватских помещиков с интересами венгерских землевладельцев и определяло стремление к упрочению связей между Хорватией, Славонией и Венгрией.

Но главную роль играли политические мотивы. Хорватская знать не забыла централизаторского и германизаторского наиска Иосифа II, его попыток экономических реформ, не забыла и того, что лишь совместными усилиями ей и венгерскому дворянству удалось сломить волю монарха. Перед лицом централизаторских тенденций со стороны австрийского двора она теперь, как и прежде, видела гарантию сохранения своих привилегий и занимаемых ею должностей в политическом единстве Хорватии и Славонии с Венгрией.

Поскольку в Венгрии наибольшую оппозиционность центральному правительству проявляло либеральное среднее дворянство во главе с Кошутом, хорватские мадьяроны опирались на венгерский национальный лагерь и оказывали поддержку его противоречивому политиче-

¹⁰¹ См. «29. Srpanj 1845», str. 18.

¹⁰² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 294.

скому курсу: либеральному в целом и одновременно глубоко националистическому по отношению к Загребу. Не пугала хорватских помещиков в данном случае даже склонность венгерского среднего дворянства к либеральным реформам в экономике и общественной жизни, ибо они видели, что эта инициатива, контролируемая в свою очередь венгерскими консерваторами и ограждаемая социальными интересами самих же венгерских помещиков, не могла зайти слишком далеко и во всяком случае не представлялась более опасной, чем всякого рода маневры австрийского двора.

Что касается туропольцев, ими тоже руководили опасения за свои привилегии, которые были дарованы им хорватско-венгерскими королями еще в XIII в. В период правления Иосифа II Турополе в свою очередь подверглось сильному давлению. Все это определило оппозиционность туропольцев австрийскому правительству и желание остаться под покровительством Венгрии.

Отдельные представители интеллигенции примкнули к мадьяропам, привлеченные либерализмом Кошута и его сторонников. Раковац отмечал, что какая-то часть хорватов стала мадьяропами «из дурно понятого либерализма, как будто им кто-то запрещает по-хорватски разумно либеральными быть»¹⁰³. И. Ткалац в свою очередь вспоминал, что он знал среди мадьяронов несколько человек «прекрасного образования и самых либеральных взглядов»¹⁰⁴. Но таких мадьяропов было мало и никакого влияния в партии они не имели.

Конкретная политическая программа мадьяронской партии нашла выражение в ее инструкциях делегатам Загребской жупании на сабор и Пожунский сейм в 1845 и 1847 гг.

Основной политической целью мадьяропов было укрепление политических связей Хорватии с Венгрией. В 1843 г. А. Йосипович заявил на Пожунском сейме: «Туропольцы же хотят быть единым телом и единой душой с Венгрией и желают, чтобы Хорватия соединилась в одно с Венг-

¹⁰³ D. Rakovac. Mali katekizam..., str. 6.

¹⁰⁴ И. Ткалац. Успомене..., Београд, 1925, стр. 188—189; см. также: I. Milčetić. Paprike harvatske leta 1846.—«Građa...», knj. 5. U Zagrebu, 1907, str. 118—138.

рией...»¹⁰⁵ В инструкции мадьярской партии делегатам Загребской жупании на Пожунский сейм 1847 г. подчеркивалась нерушимость единства Венгерского королевства¹⁰⁶.

Мадьяроны осуждали идею восстановления хорватского Наместнического веча, организации хорватского отделения при Венгерской придворной канцелярии, возведения хорватского языка в ранг государственного. Они ставили вопрос о расширении возможностей изучения венгерского языка в Хорватии и Славонии. Мадьярская партия отрицала право Славонии на избрание своих представителей на сабор и требовала ликвидировать существующий принцип представительства Хорватии в Пожунском сейме. Делегаты Загребской жупании должны были воспрепятствовать любой попытке ослабления политической связи Хорватии с Венгрией и т. д.¹⁰⁷

Туропольская община еще в 1843 г. высказалась в пользу венгерского языка как официального в Хорватии и Славонии¹⁰⁸. Инструкция 1847 г. допускала пока употребление в официальной жизни Хорватии латинского языка, но с существенной оговоркой, чтобы это не подрывало приоритета, «который принадлежит конституционному венгерскому, с полным правом и официальному языку»¹⁰⁹. Это заявление, как и практика жупаний¹¹⁰, означало фактическое признание венгерского языка в качестве государственного в Хорватии и Славонии.

В культурной области мадьяроны были противниками литературно-языковой реформы Гая. Они защищали кайкавский диалект и старую орфографию¹¹¹. Все это олицетворялось в их противопоставлении названиям «иллиры» и «иллирийский» понятия «хорватский».

Мадьяроны, будучи сторонниками всемерного укрепления государственно-правового союза Хорватии с Венгрией, выступали за административное единство Хорватии

¹⁰⁵ Цит. по кн.: F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 303; см. также напутствие мадьярской партии Йосиповичу на Пожунский сейм 1847 г. (J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 160).

¹⁰⁶ «Novine», 15.IX 1847, str. 293.

¹⁰⁷ «Novine», 30.VIII 1845, str. 279; 6.IX 1845, str. 291; 22.IX 1847, str. 301, 302.

¹⁰⁸ «Grada...», knj. 2. U Zagrebu, 1899, str. 278.

¹⁰⁹ «Novine», 25.IX 1847, str. 305.

¹¹⁰ «Novine», 22.IX 1847, str. 302.

¹¹¹ «Novine», 20.VIII 1845, str. 272.

и Венгрии, за их постепенное политическое слияние. Исходя из этих политических тенденций и нуждаясь в борьбе с иллиризмом в поддержке со стороны венгерского дворянства, мадьяроны допускали уступки пационалистическим требованиям венгерского дворянства в языковой области.

Связывая свои дворянские права с положением Хорватии только как составной части Венгерского королевства, мадьяроны отстаивали политическую и культурную изолированность, полную обособленность Хорватии от других хорватских земель и от югославянского мира. С этих позиций они выступали против литературного единства кайкавских хорватов с другими частями хорватского народа и против всякого культурно-идеологического сближения с югославянами и славянами вообще.

Вместе с тем мадьярская партия соглашалась с некоторыми буржуазными преобразованиями в политическом устройстве и экономике Венгерского королевства. В 1847 г. она выступала за свободу вероисповедания, равенство граждан перед судом, публичность судов, свободу печати, представительство свободных общин в сейме и жупаниях, выкуп урбариальных повинностей и пр.¹¹²

Крупное хорватское дворянство не видело большой опасности для своего экономического и политического положения в некоторых уступках требованиям времени. Эти уступки были необходимой предпосылкой политического союза мадьяров с венгерской либеральной оппозицией. Оценивая политическую и социальную программу мадьяров, нужно непременно учитывать, что в среде иллиризма публично уже высказывались либеральные взгляды и конкретные предложения в этой области. Кроме того, первое из указанных требований мадьяров целиком было продиктовано политическими соображениями, не имеющими ничего общего с действительной свободой совести. А пункт о крестьянах был сформулирован паточно туманно, что остается неясным, являлись ли мадьяроны сторонниками обязательного освобождения крестьян или только факультативного выкупа кметами феодальных повинностей, который был официально разрешен Пожунским сеймом еще в 1840 г., но из-за сопротивления дво-

¹¹² «Novine», 18.IX 1847, str. 297, 298; 25.IX, str. 305.

рянства и бездепежья крестьян фактически не практиковался.

Программа мадьяропов заключала в себе ряд либеральных положений. Однако главное, что характеризовало ее, была антинациональная направленность. Сепаратистский, провинциальный, антинациональный характер мадьяронской программы проявлялся и в защите литературно-языковой и культурной обособленности кайкавских хорватов от других частей хорватского народа и в уступках националистическим претензиям венгерского дворянства.

Главным штабом мадьяропства было «Казипо». Еще в январе 1840 г. Враз писал Раковацу, что в Загребе действует «Казипо» — мадьяропское общество, насчитывавшее тогда 25 членов¹¹³. Оно было устроено подобно Иллирийской читальне и имело впоследствии более 100 человек. Общество имело свою библиотеку, выписывало периодические издания (25 различных газет, в том числе 9 венгерских)¹¹⁴. В помещении «Казипо» устраивались копцерты, балы и другие увеселения с целью усиления рядов мадьяронов. Партия пользовалась большой поддержкой венгерского дворянства, получая из Венгрии денежную помощь и ревностных агитаторов¹¹⁵.

С организационным оформлением мадьяропства сторонники иллиризма в 1841 г. в свою очередь объявили себя Иллирийской партией. Внешним отличием ее участников был костюм, состоявший из сурчи¹¹⁶ и красного колпака, какой носило население Военной Границы и Далмации.

В 40-е годы XIX в. между сторонниками национально-освободительного движения и мадьяропами, которые видели в иллиризме политическую опору австрийского правительства и угрозу для единства Венгерского королевства, разгорелась острая борьба. Она развернулась в первую очередь в жупаниях. В политической жизни Хорватии и Славонии в те годы жупания играли важную роль.

Решающими моментами политической борьбы в жупаниях были реставрации — выборы должностных лиц.

¹¹³ «Građa...», knj. 3, str. 284.

¹¹⁴ «Novine», 20.III 1841, str. 89.

¹¹⁵ «29. Srpanj 1845», str. 10.

¹¹⁶ Вид верхней национальной одежды.

Первая жупанийская реставрация после образования политических группировок состоялась в Крижевцах в сентябре 1841 г. На нее прибыл сам Гай. Реставрация закончилась победой Иллирийской партии¹¹⁷.

Вслед за тем, в ноябре 1841 г., состоялась генеральная скупщина Вараждинской жупании. На ней присутствовали Я. Драшкович, Г. Бужан, Л. Гай, Вранциши, Ив. Мажурачић и др. Жупанийский администратор ярый мадьяроп граф Иван Эрдеди поставил на рассмотрение вопрос о непосредственном представительстве хорватских жупаний на Пожупском сейме. Вокруг этого предложения развернулась острыя дискуссия, в результате которой сторонники Иллирийской партии, которые составляли 2/3 скупщины, его провалили¹¹⁸.

Наибольшего драматизма политическая борьба между сторонниками иллиризма и мадьяронами достигла в Загребской жупании. Это объяснялось тем, что Загреб был столицей и здесь сосредоточивались наиболее активные силы Иллирийской и мадьярской партий.

Первое политическое выступление участников национально-освободительного движения в Загребской жупании произошло в июне 1842 г. на жупанийской реставрации. Активное участие в ней принял Гай, руководивший действиями Иллирийской партии¹¹⁹. Сторонники иллиризма, одетые в национальные костюмы, разогнали мадьяров. Они обеспечили себе победу на выборах, однако не без помощи великого жупана Н. Зденчая, сочувствовавшего национально-освободительному движению. Победа сторонников Иллирийской партии на выборах накалила политическую атмосферу в Загребской жупании. На местах сложилась напряженная обстановка¹²⁰.

Вступление участников иллиризма в политическую борьбу обеспокоило австрийское правительство. Отношение Вены к хорватскому национально-освободительному движению до сих пор не было репрессивным, скорее было благожелательным. Разрешение на издание в Загребе национальной политической газеты, награждение Драшко-

¹¹⁷ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 247.

¹¹⁸ Там же, стр. 248; M. Живаићевић. Иван Мажурачић. Нови Сад, 1964, стр. 44; J. Šidak. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj..., str. 180.

¹¹⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 399.

¹²⁰ См. там же, стр. 330—332.

вича после окончания сессии Пожупского сейма в 1836 г. орденом, удовлетворение просьбы Гая об открытии типографии, награждение его в 1839 г. за «литературные заслуги» бриллиантовым перстнем, ослабление цензуры в Хорватии после Пожупского сейма 1839—1840 гг. — все эти акты были стремлением австрийского императора показать свою благосклонность к хорватскому национальному движению¹²¹. Но в основе той поддержки, которую иллиризм на первых порах встретил в Вене, лежали политические соображения и расчеты австрийских властей.

Верная своему принципу «разделяй и властвуй», Вена решила использовать иллиризм для противодействия венгерской оппозиции. Кроме того, иллирийское движение с его объединительными идеями, с его притягательной силой Загреба для югославян в представлении австрийских официальных лиц могло способствовать усилению влияния католицизма и Австрийской монархии на южнославянские народы, сплочению последних вокруг австрийского престола.

Однако бурное развитие событий в Венгрии и Хорватии в 40-е годы внесло изменения в политическую линию австрийского правительства¹²². В этой обстановке австрийское правительство накануне Пожупского сейма 1843 г. взяло курс на то, чтобы, не подавляя полностью из политических соображений хорватских национальных устремлений, ввести иллирийское движение в угодные для себя рамки, сделать его гибким и послушным орудием своей политики, ослабить политическую борьбу внутри Хорватии и одновременно несколько успокоить венгерское общественное мнение.

¹²¹ Расположенность Вены к хорватским национальным начинаниям в 30-х годах отмечал сам Гай. — См. письмо Гая из Вены А. Мажуничу от 10 июня 1836 г. (F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 206—207).

¹²² Были и внешнеполитические сигналы. В 1843 г. боснийский наместник Мехмед-Беджихи паша направил письмо бану, где обвинял Гая в подстрекательстве боснийцев к бунту и просил призвать его к порядку. В том же духе писал Нессельроде русскому послу Д. П. Татищеву в Вену. Нессельроде считал необходимым положить конец беспокойному положению на австро-турецкой границе. В свою очередь и папский пунций обратился к Меттерниху с просьбой о предотвращении волнений в Боснии (F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 270—272).

16 июня 1842 г. в Хорватию был назначен баном Ф. Галлер, представлявший дворцовые интересы¹²³. 18 января 1843 г. в Загребе был объявлен императорский декрет о запрещении в печатных изданиях терминов «иллиры», «иллирийский»¹²⁴. Это запрещение имело глубокий политический смысл. Тем самым был нанесен удар по объединительной тенденции иллиризма, по его связям с национально-освободительными движениями других югославянских народов. Это была попытка изолировать хорватское национальное движение, лишить его союзников в югославянской среде и тем самым ослабить его, расчет на то, чтобы зацепить иллиризм исключительно против Венгрии, ограничить его задачи и масштабы. В Загребе была введена строжайшая цензура печати¹²⁵.

Вместе с тем, чтобы воспрепятствовать усилиению мадьяронства, а также оказать давление на венгерских либералов, император в конце 1843 г. утвердил результаты реставрации Загребской жупании предыдущего года.

Запрещение названия «иллир» нанесло тяжелый удар по хорватскому национальному движению. Среди его участников в первое время наблюдалась растерянность. Следует иметь в виду также, что некоторые деятели с самого начала высказывались против политической борьбы, опасаясь, что это приведет к запрещению национального движения вообще и к невозможности всякой, в том числе и литературной, деятельности. Среди них был и Враз, который еще в октябре 1841 г. в одном из писем заявлял: «Мне этот шум и этот пепужинный крик (политическая борьба. — И. Л.) уже надоел»¹²⁶. Поэтому запрещение названия «иллиры» многими было воспринято как поражение национального движения вообще, во всем обвиняли Гая, позиция которого была недостаточно ясна¹²⁷. Среди деятелей появилась апатия. Литературная продукция, которая до этого времени росла, быстро упала¹²⁸. Многие считали, что нужно прекратить издание национальной газеты.

¹²³ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 383.

¹²⁴ J. Ravlić. Hirska čitaonica..., str. 199.

¹²⁵ В Загребе запрещалось печатать материалы, уже опубликованные в Вене, Пеште и других местах империи.

¹²⁶ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 275.

¹²⁷ «Grada...», knj. 1. U Zagrebu, 1897, str. 248.

¹²⁸ «Danica», 1843, br. 39, str. 153; М. Живапчевић. Иван Мажурапић, стр. 48.

Обвиненный в демагогии, Гай оказался под угрозой лишения издательских привилегий¹²⁹. Он вынужден был изменить название своих периодических изданий. С 1843 г. газета стала называться «Народне новине», а с марта 1844 г. «Новине хорватско-славонско-далматинске», журнал получил наименование «Даница хорватска, славонска и далматинска». Это должно было показать, что издания ориентируются исключительно на Хорватию, Славонию и Далмацию. Иллиры стали именовать себя Народной партией.

В такой обстановке в иллиризме активизировались консервативные силы. Драшкович посоветовал Гаю под тем предлогом, что тот находился под пристальным вниманием врагов иллиризма, отказаться от политической деятельности, сосредоточить свое внимание на литературе и уступить политическое лидерство кому-либо из молодых дворян. Гай последовал рекомендации Драшковича. С 1843 г. наиболее активным политическим деятелем иллиризма стал И. Кукулевич-Сакцинский¹³⁰.

Но хотя Гай и отошел от открытой политической деятельности, он не потерял своего авторитета и значения в национальных кругах¹³¹. Клобучарич писал Вакаповичу из Пожупа 3 июня 1844 г.: «... То, что мы Гая из-за литературных и других еще более важных заведений должны держать теперь вне всякой опасности, естественно, но все же он мог бы, когда вы в тяжелом положении, дать свой совет — и то, что он считал бы правильным, высказать только одному, этот — другим, и так организовать дело, не обнаруживая себя...»¹³² А. Враницани в сентябре 1844 г. обращался к Гаю в письме из Вены как к наиболее авторитетному национальному деятелю. Накануне великой скушкины Загребской жупании Враницани писал: «Чтобы все спасти, нужно всем рисковать. Святое дело, за которое мы страдаем, справедливо перед богом и миром. Соедини, брат, ты один это сделать должен, всю

¹²⁹ «Građa...», knj. 2, str. 280.

¹³⁰ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 143. В октябре 1844 г. Драшкович писал Вакаповичу, что если бы Гай захотел заниматься литературой, он принес бы пользу, но как политический лидер Гай позрел и пенадежен («Građa...», knj. 2, str. 230).

¹³¹ См. письмо Д. Галаца к Гаю от 25 августа 1843 г. (V. Đeželić. Pisma..., str. 61—62).

¹³² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 144.

нашу братию; один пусть улаживает и руководит всеми»¹³³. К Гаю в первую очередь обращался Кульмер с требованием изменения политического курса Народной партии. Накопец, хорватский посланник в Пожунском сейме А. Фодроци писал Гаю в декабре 1847 г. после отъезда того из Пожуна: «В лице Вас мы потеряли нашего лучшего друга, нашего мудрого советчика, даже нашего наставника...»¹³⁴ Гай после 1843 г. не устранился полностью от политической жизни, хотя и действовал скрыто. Однако трудно определить степень его влияния на политический курс Народной партии в то время.

Несмотря на то что после 1843 г. либеральные и консервативные деятели в иллиризме продолжали действовать сообща, между ними расхождения и трения усилились, А. Враницани писал к Гаю в 1844 г. из Вены об отсутствии единства и согласия «в мыслях и действиях» в иллирийской группировке и осуждал позицию «стариков»¹³⁵. Я. Драшкович и М. Ожегович усиленно старались «депопуляризировать» Гая¹³⁶. После 1843 г. в иллиризме возросло влияние консервативных сил.

Репрессивные меры австрийского правительства в отношении иллирийского движения не привели к политическому умпротворению в Хорватии. Борьба между сторонниками иллиризма и мадьяронами становилась все острее.

Находившаяся в руках Народной партии Загребская жупания составила в 1843 г. инструкцию своим посланникам на хорватский сабор. Жупания отстаивала незыблемость муниципальных прав Хорватии и Славонии. Она требовала возвращения бапту его стародавней власти, соединения с Хорватией Далмации, части Военной Границы и Приморья, восстановления Хорватского наместнического веча, автономии Хорватии и Славонии в финансовом и судебном отношении. Жупанийские посланники должны были добиваться обязательного изучения национального языка в хорватской академии и гимназиях и защищать позиции латинского языка. Жупания высказывалась за превращение академии в университет, основание учепого общества. Она настаивала, чтобы цензорами

¹³³ V. Deželić. Pisma..., str. 297.

¹³⁴ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 159.

¹³⁵ V. Deželić. Pisma..., str. 285, 286, 292, 297, 298.

¹³⁶ J. Šidak. O uređniku i značenju ilirskog «Branislava» (1844—1845). — WZ, 1961, str. 79.

в Хорватии назначались лица, знающие национальный язык. Жупания считала целесообразным основание национального банка в Загребе, но в то же время выступала за сохранение цехов и всех социально-экономических привилегий дворянства, отрицая даже факультативный выкуп крестьянами урбариальных повинностей¹³⁷.

В связи с протестами венгерского дворянства по поводу реставрации Загребской жупании 1842 г. на 9 декабря 1843 г. в Загребе были назначены новые выборы жупанийских должностных лиц. Однако из-за опасности волнений великий жупан Зденчай отсрочил их. Тем не менее между сторонниками иллирийской и мадьярской группировок произошла стычка, в результате которой был убит человек из свиты графа Нугента и несколько пародияков и туропольцев ранено. По поводу случившегося мадьяры направили депутатию к палатину и затем к императору¹³⁸.

После кровавого столкновения в Загребе австрийское правительство предприняло новые шаги, чтобы сдерживать развитие политической борьбы в Хорватии и одновременно показать Венгрии свою перасположенность к иллиризму. В начале 1844 г. вместо Зденчая великим жупаном был назначен бар Галлер. Антуна Кукулевича, отца Ивана, на должности верховного инспектора школ сменил епископ Шротт¹³⁹, тайный агент австрийского правительства. Одновременно было назначено расследование декабрьских событий королевским комиссаром.

В то же время австрийское правительство продолжало лавировать. Пожупский сейм 1843—1844 гг. ясно показал Вене нараставшую мощь венгерской оппозиции. К концу работы Пожупского сейма австро-венгерские противоречия настолько обострились, что Меттерних видел Венгрию на пороге революции. Поэтому в австрийских официальных кругах считали нецелесообразным полное подавление хорватских национальных устремлений. Эти настроения стали известны в Хорватии¹⁴⁰. В свою очередь император, утверждая законопроект Пожупского

¹³⁷ «Novine», 15, 19.IV 1843, str. 117, 121.

¹³⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 293—295; «29. Srpanj 1845», str. 18—19; F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 349—350.

¹³⁹ «29. Srpanj 1845», str. 19; F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 354.

¹⁴⁰ «Dnevnik Dragutina Rakovca», str. 17, 26.

сейма о введении венгерского языка, исключил из сферы его действия Хорватию и Славонию.

В ноябре 1844 г., в преддверии собора, хорватские руководители, ободренные позицией Вены, стали издавать в Белграде, нелегальную газету «Бранислав»¹⁴¹. Большая часть материалов в ней была написана Шулеком, по вся забота об издании покоялась на плечах П. Чавловича, который был ближайшим соратником Гая и прибыл по договоренности с последним в Белград в конце 1843 г. Газету поддерживали А. Враницани, финансировавший издание, Д. Куплац, Я. Драшкович, А. Нугент. Экземпляры «Бранислава» тайно переправлялись в Хорватию пароходом общества «Слога». К изданию газеты имел прямое отношение и Гай¹⁴². Газета «Бранислав» пользовалась поддержкой как со стороны либеральных, так и консервативных деятелей, но ее политическое лицо определялось либералами.

Несмотря на то что программа газеты была весьма умеренной, политическая активизация хорватских национальных сил не отвечала действительным интересам Вены. Поэтому после того, как в январе 1845 г. австрийским правительством было разрешено употребление в литературном смысле названий «иллир» и «иллирийский», Вена попыталась оказать давление на хорватских национальных деятелей, чтобы ослабить возбужденность как в Хорватии, так и в Венгрии. Роль посредника в данном случае выполнил Кульмер.

15 января 1845 г. Кульмер направил к Гаю из Вены письмо, в котором потребовал, чтобы Народная партия на практике продемонстрировала приверженность австрийскому правительству. Для этого патриоты должны были пойти на примирение с мадьярами, воздержаться от употребления названия «иллирийский» в политическом смысле слова, прекратить издание «Бранислава», положить конец враждебным манифестациям против епископа Шротта. Народной партии следовало показать венграм, что ее цель не отрыв Хорватии от Венгрии, а только защита муниципальных прав. Кульмер угрожал, что в случае, если Народная партия не изменит своего политиче-

¹⁴¹ Издание выходило без обозначения места и даты. Большинство исследователей называют его газетой.

¹⁴² A. L i s a c. Oko «Branislava...», str. 251; J. Š i d a k. O u redniku i značenju..., str. 83, 84, 85.

ского курса, он порвёт с ней и откажет ей в какой бы то ни было поддержке¹⁴³. В том же духе Кульмер писал и Драшковичу.

Эти требования в основном были выполнены. В феврале 1845 г. издание газеты прекратилось¹⁴⁴. В ответ на это император в середине февраля поставил во главе Вараждинской жупании вместо мадьяронца И. Эрдеди национально настроенного М. Лептулай, а на пост великого жупана Сремской жупании назначил Кульмера.

Но в отношении примирения Народной партии с мадьяронами расчёты Вены не оправдались. Политическая обстановка в Хорватии все более обострялась.

Новая реставрация Загребской жупании была назначена на 1845 г. В преддверии ее обе группировки, придававшие реставрации чрезвычайно большое значение, развернули среди дворян-однодворцев энергичную кампанию, целью которой было заполнение голосов на предстоящей жупанийской скопщине. Национальные деятели объезжали села, вели беседы среди дворян-однодворцев, разъясняли им цели и задачи Народной партии и намерения мадьяронов, собирали с агитационными целями собрания, скупали доверенности у политически пассивных дворян¹⁴⁵.

28 июля 1845 г. в Загребе началась жупанийская реставрация, собравшая более 3000 участников¹⁴⁶. На пей мадьяроны получили перевес. Выборы закончились столкновением между сторонниками Народной партии и мадьяронами. Находившиеся в состоянии боевой готовности войска открыли огонь по участникам илиризма.

По официальным данным, со стороны Народной партии было 15 смертельно раненых и 30 раненых, со стороны солдат — 9 раненых¹⁴⁷.

События 29 июля всколыхнули Хорватию. На следующий день к бану Галлеру явилась многочисленная депутация от Народной партии, которая потребовала от него оставить Хорватию. Свой протест бапу выразила и депутатия от загребских горожан. Похороны погибших вылились в политическую манифестацию. 8 августа в Вену

¹⁴³ V. Deželić. Pisma..., str. 111—113.

¹⁴⁴ J. Šidak. O uredniku i značenju..., str. 82.

¹⁴⁵ J. Horvat. J. Ravlić. Pisma..., str. 120—121, 310.

¹⁴⁶ «29. Srpanj 1845», str. 23.

¹⁴⁷ V. Bogdano. Historija..., str. 156.

отправились две депутации, от дворян и горожан, чтобы обжаловать расправу над участниками национального движения и потребовать расследования дела¹⁴⁸. Большинство жупаний и городов выразило также протест в связи с расстрелом.

Победа на ипольской реставрации и расстрел участников иллиризма придали силы и уверенности мадьяронам. На ближайшей жупанийской сконференции они постановили просить венгерские власти лишить Гая права на издание газеты и содержание типографии, ввести старую орфографию, основать в академии кафедру кайкавщины, а в Пожеге или Осиеке — кафедру штокавщины¹⁴⁹. Как было сказано выше, жупанийским посланникам в сабор было вменено в обязанность протестовать против любых предложений, ослаблявших тесный союз Хорватии с Венгрией. На местах сторонники Народной партии отстранились от службы¹⁵⁰. Мадьяроны оказывали поддержку всем мероприятиям венгерских комитетов, в том числе и откровенно националистическим в отношении хорватов.

Результаты реставрации Загребской жупании 1845 г., показавшие преобладание мадьяронской группировки, не отвечали политическим расчетам и прогнозам австрийского правительства. Стремясь к равновесию политических группировок в Хорватии и предпринимая в этом направлении известные шаги, Вена ожидала компромиссного результата реставрации, а именно: первым вице-жупаном должен был стать сторонник Народной партии, остальные должности полагалось занять мадьяронам¹⁵¹. Серьезное укрепление позиций мадьяронства заставило австрийское правительство принять против него прямые меры, хотя это не могло не возбудить оппозицию в Венгрии.

Императорским решением дворянне-одиодворцы были лишены права индивидуального голоса на саборе. Государственным служащим было запрещено принимать участие в оппозиции¹⁵², т. е. в мадьяронской партии. В конце 1846 г. Йосипович был отстранен от должности турополь-

¹⁴⁸ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 420, 421, 429.

¹⁴⁹ «Novine», 20.VIII 1845, str. 271, 272.

¹⁵⁰ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 332.

¹⁵¹ V. Deželić. Pisma..., str. 299.

¹⁵² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 157.

ского жупана¹⁵³. Эти меры подорвали позиции мадьяропской группировки в Хорватии и Славонии и привели к падению ее численности.

Одновременно, желая ослабить в Хорватии впечатление от июльского расстрела, устроить повод к нелегальным изданиям и активизировать противодействие венгерской оппозиции, австрийское правительство ослабило цензуру в Загребе. Отныне цензором здесь мог быть только хорват, знающий литературный язык. Решающее слово в области цензуры в политических вопросах было предоставлено бану, хотя в административном отношении хорватская цензура осталась подчиненной венгерскому Наместническому совету¹⁵⁴. В октябре 1845 г. Галлер был отстранен от должности бана. Исполняющим обязанности бана был назначен епископ Хаулик.

В то же время барон Кульмер, не без указания Вены, направил к Гаю 19 января 1846 г. новое письмо, в котором рекомендовал объединить усилия Народной партии и венгерской консервативной группировке¹⁵⁵. Консервативная партия, возглавляемая вице-канцлером Аппопы, противостояла в Венгрии Кошту и его последователям. Она поддерживала династию, выступала за сохранение существующих политических и социально-экономических порядков и не одобряла мадьяризацию. Чтобы усилить позиции этой группировки и направить энергию Народной партии по консервативному руслу и был задуман в Вене единый фронт венгерских консерваторов и сторонников плиризма.

Хорватские либералы, желая любой ценой укрепить национально-политическое положение Хорватии, попали на сближение с венгерскими консерваторами. После подготовительной работы в печати и непосредственных переговоров в конце 1846 г. состоялась конференция консерваторов, на которой в качестве доверенных лиц от Народной партии присутствовали Степан Цар и Кукулевич-Сакцинский. Хорватский перевод программы консервативной партии, которая была принята на той конференции, вскоре был напечатан загребским капитулом¹⁵⁶.

¹⁵³ «Novine», 9.XII 1846, str. 409.

¹⁵⁴ F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 379.

¹⁵⁵ V. Deželić. Pisma..., str. 114—115.

¹⁵⁶ J. Šidak. Prilozi..., str. 167, 187, 188, 189.

Установив связь с венгерскими консерваторами, хорватские либералы, однако, не были намерены полностью отказаться от своих политических планов. В конце 1846 г. Вукотипович составил проект программы Народной партии на основе решений, которые были приняты на собрании «единомышленных патриотов». Проект был выдержан в либеральном духе. Это дает основание считать, что контакт хорватских либералов с венгерскими консерваторами посил тактический характер.

Желая смягчить отношения с мадьяронами, как это в начале 1845 г. предлагал Кульмер, и тем самым укрепить положение Хорватии и Славонии в отношении Венгрии, Народная партия в начале 1847 г. вошла в переговоры с умеренными мадьяронами. Однако они не дали результатов¹⁵⁷.

Видя сближение Народной партии с венгерскими консерваторами, австрийское правительство сочло полезным проявить знаки своего расположения к ней. В 1846 г. Венгерская придворная канцелярия отклонила ходатайство венгерского Наместничества о лишении Гая права на издание газеты¹⁵⁸. До этого времени вопрос об издательских правах Гая оставался открытым. В 1846—1847 гг. австрийское правительство сделало ряд уступок хорватам в культурно-просветительной области.

В то же время, чтобы не слишком раздражать оппозицию в Венгрии, император в конце 1846 г. назначил великим жупаном Загребской жупании сторонника мадьяровов, венгра Печи¹⁵⁹.

Острая борьба между сторонниками Народной партии и мадьяронами шла в Вараждинской и Крижевецкой жупаниях. Еще в 1839 г. здесь «иллирийский язык» был допущен в судебную практику¹⁶⁰. В начале 1843 г. в скопление Вараждинской жупании впервые участники национального движения начали говорить по-хорватски¹⁶¹. В том же году дворянство Вараждинской и Крижевецкой жупаний приняло такие же инструкции своим посланни-

¹⁵⁷ J. Šidak. Prilozi..., str. 191.

¹⁵⁸ V. Deželić. Pisma..., str. 150, 151.

¹⁵⁹ См. «Novine», 21.XI 1846, str. 389.

¹⁶⁰ «Građa...», knj. 3, str. 281; Arhiv Hrvatske u Zagrebu. 0—48. Obitelj Rakovac, kutija 6. Pismo Ljudevita Farkaša D. Rakovcu, 23.IX 1839.

¹⁶¹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 200.

кам на сабор, как и Загребская жупания¹⁶². А в начале 1844 г. сторонники иллиризма в Вараждинской жупании одержали полную победу над мадьяропами¹⁶³.

Перед лицом венгерских националистических притязаний и сепаратистских, антинациональных устремлений мадьяронов либеральные и консервативные деятели Народной партии по вопросу о политическом положении Хорватии и Славонии, а также их национальном и культурном развитии выступали сообща, ибо по этим вопросам между указанными направлениями в иллиризме запечатльных расхождений не было. Но тот факт, что на скупщинах поднимались и решались только эти вопросы, говорил о преобладающем влиянии здесь консервативных сил.

Было бы неправильно, однако, полагать, что либеральные деятели на практике вообще не пытались добиться осуществления тех положений своей программы, которые и показывали их либеральный строй взглядов. В 1847 г. комитет скупщины Вараждинской жупании включил в проект инструкции посланникам на сабор помимо национальных, некоторые политические и социально-экономические требования, выдержаные в буржуазном духе¹⁶⁴. Они были положены скупщицей жупании в основу инструкции делегатам на сабор, но получили более осторожную и сдержанную форму. Жупания повторила свои национально-политические требования о восстановлении хорватского Наместнического веча, организации хорватского отдела в Придворной канцелярии, воссоединении с Хорватией Далмации, Приморья и части Военной Границы и т. д., а также высказалась за введение во все учреждения и школы Хорватии и Славонии национального языка. Вместе с тем инструкция предполагала установление свободы печати, реорганизацию городского управления, обложение дворян постоянным денежным взносом, ликвидацию дворянского права на родовые земли, предоставление права голоса в жупаниях недворянам, которые находились на жупанийской службе или имели дипломы об образовании, урбариальный выкуп, условия которого,

¹⁶² F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 282.

¹⁶³ Arhiv Hrvatske u Zagrebu. 0—48. Obitelj Rakovac, kutija 6. Pismo Ljudevita Farkaša D. Rakovcu 7.II 1844.

¹⁶⁴ «Novine», 2.VI 1847, str. 174.

однако, подлежали еще обсуждению, и т. д.¹⁶⁵ Крижевацкая жупания приняла однотипные решения, по исключительно национально-политического характера¹⁶⁶.

Борьба Народной партии в жупанийских скупщинах против мадьяропов одновременно была и борьбой против националистического курса венгерского дворянства за самостоятельное от Венгрии политическое и национальное развитие Хорватии и Славонии. В середине 40-х годов по существу не было вопроса, по которому не сталкивались бы политические интересы венгерской и хорватской сторон.

В Славонии позиции Народной партии были слабыми. В 1846 г. Шулек писал о Славонии следующее: «... С болью сознаемся, что она (вообще говоря) — гнилое тело без национальной и политической жизни; холодность господствует в общественных делах, небрежность в отношении народности, беспечность в отношении литературы»¹⁶⁷. В середине следующего года Шулек также отмечал «застой и небрежность» в отношении всего патропального в Славонии¹⁶⁸.

Борьба сторонников Народной партии с мадьяропами велась не только в жупанийских скупщинах, но и в хорватском саборе. Впервые сабор высказался в пользу национального языка в 1840 г., принял решение просить императора о введении хорватского языка в академии и гимназиях в качестве обязательного предмета¹⁶⁹. Политические группировки появились в саборе в 1843 г. Большую активность проявлял в нем Иван Кукулевич-Сакцинский. В 1843 г. хорватский деятель впервые за много сотен лет выступил в саборе на национальном языке. Это явилось важным политическим событием в то время. В том же году в основе постановлений сабора лежала инструкция Загребской жупании¹⁷⁰.

В 1845 г. сабор принял свои решения почти единогласно, так как представители Загребской жупании и ту-

¹⁶⁵ «Novine», 6.X 1847, str. 317; 9.X, str. 321; 13.X, str. 325. За освобождение крестьян высказались также города Загреб и Карловац («Novine», 16.X 1847, str. 329, 330; 23.X, str. 341).

¹⁶⁶ «Novine», 16.X 1847, str. 330—331.

¹⁶⁷ «Novine», 4.XI 1846, str. 368.

¹⁶⁸ «Novine», 12.VI 1847, str. 185.

¹⁶⁹ «Novine», 15.IV 1843, str. 117.

¹⁷⁰ «Novine», 13.V 1843, str. 145.

ропольцы покинули его заседания после объявления императорского декрета о лишении дворян-однодворцев права голоса. Сабор просил императора о воссоединении с Хорватией Далмации, высказался за организацию хорватского Наместнического веча. Он ходатайствовал об ослаблении цензуры в Хорватии, превращении Загребской академии в университет, основании в академии и гимназиях кафедры хорватского языка и литературы, организации научного общества, устройстве торговых и промышленных школ и т. д.¹⁷¹

Мадьяроны, укрепившиеся в Загребской жупании, направили императору протест против деятельности и решений сабора на том основании, что в нем не участвовали представители Загребской жупании и туропольцы. Мадьяроны обратились к венгерским комитатам с просьбой поддержать их протест и встретили деятельное участие со стороны последних. По предложению Кошути в Вене была направлена депутация, которая в свою очередь должна была опровергнуть деятельность хорватского сабора. Однако в Вене эти акции не встретили поддержки¹⁷².

В 1847 г. хорватский сабор вынес решения, направленные на воссоединение хорватских земель и автономию Триединого королевства. Он постановил ввести национальный язык в официальную жизнь. Сабор высказался за предоставление недворянам права голоса на жупанийских скупщинах и выразил свое согласие на реформу урбариальных отношений¹⁷³.

Ожесточенная борьба между сторонниками автономного развития Хорватии и Славонии, с одной стороны, и венгерским националистически настроенным дворянством и мадьяронами, с другой — шла в Пожунском сейме, в особенности на сессии, которая открылась 10 ноября 1847 г. Сессия проходила в пакаленской атмосфере национальных противоречий. На сейме вновь был поставлен так называемый туропольский вопрос. А. Йосипович, посланник Турополя, оспаривал законность хорватских делегатов в сейме на том основании, что их выбрал сабор при отсутствии представителей Загребской жупании. Протест

¹⁷¹ «Novine», 22.X 1845, str. 351; 25.X, str. 355.

¹⁷² F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 468, 469, 470, 473.

¹⁷³ «Novine», 30.X 1847, str. 350; 3.XI, str. 354; 6.XI, str. 358, 359; 10.XI, str. 361, 362.

Йосиповича был использован Кошутом, чтобы на повестку для поставить весь комплекс хорвато-венгерских отношений. Под влиянием Кошути был образован особый комитет для выяснения положения в Хорватии. Председателем комитета был избран Кошут¹⁷⁴.

Пожунский сейм 1847 г., несмотря на ожесточенное сопротивление хорватских делегатов, постановил ввести венгерский язык в официальную жизнь Хорватского приморья, находившегося в непосредственном ведении венгерских властей, а через 6 лет и в Славонии.

К 1848 г. хорвато-венгерские противоречия достигли крайней остроты. Хорватский посланик в сейме Ал. Фодроци писал Л. Гаю 24 декабря 1847 г. из Пожуна: «Нет больше и мысли о примирении с венграми...»¹⁷⁵

Не только консервативные, но и либеральные хорватские деятели серьезно рассчитывали на помощь австрийского правительства в борьбе с националистическими притязаниями венгерского дворянства. Связанные с интересами части помещиков и буржуазии, либералы в силу своей классовой природы проявляли лояльность к правящей династии. Слабость же Хорватии, нараставший на тиск венгерского дворянства толкали либералов к активному сотрудничеству с ней. При этом в хорватских либеральных кругах не могли не знать о разногласии внутри австрийского правительства по вопросу отношения к славянским народам империи. Политическая линия министра внутренних дел Коловрата, предусматривавшая опору династии на славян, безусловно, укрепляла ориентацию хорватских либералов на австрийское правительство и порождала иллюзии о возможности поддержки со стороны Вены. В свою очередь они питались и усиливались теми уступками, которые австрийское правительство время от времени делало иллирийскому движению. Еще в 1836 г. Гай писал к А. Мажураничу из Вены: «Император и придворные к нам весьма расположены...» И далее, замечая, что хорваты по примеру своих прадедов должны встать на защиту правящего дома, Гай заявлял: «Этот дом связывает нас с нашими братьями, а объединенная мощь охраняет нас от насилия восточного и северного» (т. е. турецкого и венгерского. — И. Л.)¹⁷⁶. Вера

¹⁷⁴ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 160—161.

¹⁷⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 159.

¹⁷⁶ Цит. по кн.: F. Šišić. Hrvatska povijest, str. 206, 207.

в династию не исчезла и в дальнейшем. Фодроци писал Гаю из Пожуна в конце 1847 г.: «...Только в правительстве мы имеем нашу защиту, но эта защита слабая»¹⁷⁷.

Ориентируясь на австрийское правительство и приимая помощь с его стороны, хорватские либералы, не говоря уже о консервативных деятелях, старались в свою очередь поддержать династию перед лицом венгерских требований¹⁷⁸. В Хорватии сложилась отличная от Венгрии ситуация. Если в Венгрии либеральная группировка находилась в оппозиции центральному правительству, то политическая линия хорватских либералов была рассчитана на союз с правящей династией, хотя и обусловливаемый политическими уступками с ее стороны.

Тот факт, что деятели иллиризма прибегали к защите австрийского правительства, имел двоякие последствия для общественного развития Хорватии и Славонии. С одной стороны, это ограждало хорватское общество от мадьяризации, с другой — тормозило развитие в Хорватии и Славонии передовых политических течений, сдерживало национальное движение, способствовало усилению среди югославян, поддерживавших иллиризм, проавстрийских настроений. Лояльное отношение хорватских национальных деятелей к правящей династии укрепляло ее позиции в империи.

Политическая трагедия хорватских либералов состояла в том, что они хотели добиться объединения, национальной и политической свободы Хорватии, Славонии, Военной Границы, Далмации и Истрии без участия широких народных масс хорватских земель и при опоре на Габсбургов.

Союз хорватских феодальных кругов с венгерской консервативной группировкой креп год от году. Епископ Хаулик финансировал ее. В свою очередь граф Дешевфи, один из виднейших консерваторов, оповещал Хаулика о положении в консервативной партии¹⁷⁹.

Однако в среде либералов еще до открытия Пожунского сейма 1847 г. и особенно в ходе его работы родилось

¹⁷⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 159.

¹⁷⁸ «Novine», 16.XII 1846, str. 418; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 98.

¹⁷⁹ V. Bogdanov. Historija..., str. 221—223.

недовольство позицией венгерских консерваторов и недоверие к ним. Шулек в июне 1847 г. в газете писал, что стремление раздвинуть границы Венгрии до Савы и даже до Адриатического моря свойственно не только венгерской оппозиции, но и некоторым представителям консервативного лагеря¹⁸⁰. Фодроци, характеризуя в письме к Гаю националистический шатиск венгерской оппозиции в сейме 1847 г., добавлял: «Консервативная партия также не намного лучше расположена к нам...»¹⁸¹

В то же время в самой либеральной среде проходили сложные процессы. В национальном лагере отчетливо стало проявляться недовольство политической линией Гая. Как и раньше, его политическая практика была противоречивой и для многих непопятной. Открыто он поддерживал консервативную венгерскую партию, старался сблизиться с Веной в надежде на материальную помощь своим изданиям. Втайне Гай получал субсидии от австрийского правительства и в то же время был близок с Захом, а в конце 1847 г. пытался устаповать связь и с венгерской оппозицией¹⁸². В передовой статье газеты Гая от 18 ноября 1846 г. прямо отмечалось, что поздолго до этого в Загребе собралась группа лиц, выразившая неудовлетворение маленьким форматом газеты, отсутствием передовых статей, недостаточным количеством политических материалов и иностранных известий вней и т. д.¹⁸³ За всем этим не трудно увидеть неудовлетворенность общим политическим лицом газеты.

В марте 1847 г. Ст. Пеякович, студент-медик, писал Гаю из Вены: «То, что вы много недругов имеете в среде вашей братии, не нужно, я полагаю, и напоминать...»¹⁸⁴ Эти, по словам Пеяковича, «недруги» высказывались в том плане, что Гай пенастыен в погоне за славой, что его патриотизм является отвратительным эгоизмом, что Гай стремится стать бароном¹⁸⁵, что он вместе с епископом Шроттом дует в одну дудку. Одновременно

¹⁸⁰ «Novine», 12.VI 1847, str. 185.

¹⁸¹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 159.

¹⁸² J. Sidak. Prilozi..., str. 192, 193.

¹⁸³ «Novine», 18.XI 1846, str. 385—386.

¹⁸⁴ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 383.

¹⁸⁵ Гай осенью 1847 г. действительно хлоцтал о получении дворянского звания (J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 161, 383).

Пеякович сообщал в письме об охлаждении к Гаю хорватской молодежи в Вене, о недовольстве его бездеятельностью, неудовлетворенности работой редакции, в частности тем, что редакция не печатала статьи, расходившиеся с ее точкой зрения¹⁸⁶. За всеми этими критическими замечаниями в адрес Гая скрывалось неодобрение его политических действий.

Обстановка усугублялась трениями между Гаем и его окружением. В 1846 г. резко обострились отношения между Гаем и Вразом, в конце 1847 г. намеревался уйти из редакции газеты Шулек¹⁸⁷.

Одновременно в национальных кругах наблюдалось падение интереса к политической борьбе. Периодические издания Гая неоднократно отмечали в 1847 г. апатию среди «патриотов», охлаждение к национальному движению и призывали «патриотов» накануне Пожупского сейма воспрянуть и соединиться в былом согласии¹⁸⁸.

В этих условиях в 1847 г. Ив. Мажуранич и Д. Кушланы пытались основать новую партию «прогрессистов». Трудно со всей определенностью говорить о причинах паметившегося раскола либералов.

Однако, судя по проекту манифеста новой партии, этот шаг был вызван недовольством сближения Народной партии с венгерскими консерваторами и ее политической линией, которая контролировалась консервативными деятелями.

В октябре 1847 г. был составлен проект манифеста новой партии¹⁸⁹. Этот документ начиндался словами: «Поскольку хорватско-славонская молодежь в своем предшествовавшем развитии с сожалением обнаружила, что те люди, которые до сих пор ею руководили, преследуя какие-то эгоистичные и свободного конституционного человека недостойные цели, не только ничего не сделали, что оказало бы содействие продвижению национальной и муниципальной самостоятельности этих королевств, но и все больше и больше показывают, что им нет дела до истинного народного счастья и конституционной свободы, поэтому та же самая молодежь, отказавшись от таких

¹⁸⁶ Там же, стр. 383—384.

¹⁸⁷ «Grada...», knj. 27. Zagreb, 1956, str. 181—184.

¹⁸⁸ «Danica», 1847, br. 36, str. 144; «Novine», 22.IX 1847, str. 302.

¹⁸⁹ Документ впервые был опубликован Я. Шидаком как приложение к статье (J. Šidak. Prilozi..., str. 205—206).

вождей, решила *сама* своим путем пойти к определенной цели и составить *законную конституционную партию* под названием «Прогрессистов хорватско-славонских...»

Далее излагались принципы, на основе которых предполагалось разработать программу. Они состояли в следующем: свободное конституционное развитие «народности славянской вообще и хорватско-славонской, в частности»; «национальная и муниципально-конституционная самостоятельность королевств Хорватии, Славонии и Далмации касательно королевства Венгрии и полная гарантия такого отношения на основах национального права»; развитие конституции, «основанной на исторической базе законным путем согласно принципам конституционной монархии» и распространение конституции на все население этих королевств; возможно более тесный союз с Венгрией под главенством царствующей династии, но с соблюдением названных принципов.

Хорватско-славонские прогрессисты проявляли готовность сотрудничать с любой политической венгерской партией, которая поддержала бы их стремления. Но поскольку все политические партии Венгрии прямо или косвенно выступали против принципов «прогрессистов», последние заявляли о своей самостоятельности до тех пор, пока та или другая венгерская партия не доказала бы признание сформулированных выше положений¹⁹⁰.

Предполагалось, что новая партия выступит за автономное политическое развитие объединенных хорватских земель внутри Венгерского королевства под верховной властью Габсбургов, за конституционную монархию, что в своей тактике она отвергнет сотрудничество с венгерскими консерваторами и будет действовать самостоятельно. В проекте манифеста этой партии не предусматривалось ничего такого, что выходило бы за рамки либерализма или принципиально отличало бы его от проекта программы Народной партии, составленного Вукотиновичем. Основное, что должно было и могло отличать новую партию, состояло в ее тактике. В противовес Гаю, Кукулевичу и другим либеральным деятелям Народной партии, вступившим по требованию Вены в соглашение

¹⁹⁰ J. Šidak. Prilozi..., str. 205—206.

с венгерскими консерваторами, руководство партии «прогрессистов» предполагало проводить самостоятельный политический курс.

С 1841 г. в Карловаце книготорговец и собственик типографии Иван Непомук Преттиер издавал на немецком языке журнал «Der Pilger», который был близок к идеям Возрождения. В этом издании большей частью анонимно сотрудничали Кушлан, Ткалац, Яриевич, Мажуранич и др. Еще в 1842 г. Преттиер предлагал Ив. Мажураничу редактировать журнал. В конце 1845 г. у Ив. Мажуранича появилось намерение издавать «Der Pilger» на национальном языке. В 1846 и 1847 гг. между Преттиером и Ив. Мажураничем были подписаны договоры об издании хорватского журнала¹⁹¹. По существу шла речь о превращении журнала Преттиера в орган будущей новой партии. Но все это не было осуществлено на практике.

В свете сказанного пельзя согласиться с В. Богдановым, который, расценивая попытку карловачкой группы во главе с Кушланом создать новую партию как завершающую главу внутренней борьбы в Народной партии, говорит об отчетливо антиавстрийском и антигабсбургском характере предполагавшейся партии, о способности ее к борьбе «за полную независимость и свободу хорватского народа»¹⁹², как и с мнением М. Живанчевича, который считает группу Ив. Мажуранича—Кушлана бескомпромиссными революционерами. Нет основания также отождествлять, как делает последний автор, группу, которая участвовала в издании «Бранислава» (ведь важную роль в нем играл Шулек), с той, которая намеревалась в Карловаце основать новую партию, и усматривать в ней демократическую левицу¹⁹³.

Отношение к иллиризму в Воеппой Границе, Далмации и Истрии

Большое внимание деятели иллиризма в соответствии с задачами движения уделяли расширению и укреплению связей Хорватии и Славонии с остальными хорватскими землями.

¹⁹¹ М. Живанчевич. Иван Мажуранич, стр. 50—51.

¹⁹² V. Bogdanov. Historija..., str. 249—250.

¹⁹³ М. Живанчевич. Иван Мажуранич, стр. 51, 59.

«Даница» систематически знакомила общественность с жизнью Военной Границы, в особенности с проявлениями здесь национального сознания. В журнале печатались народные песни из районов Военной Границы, этнографические заметки, исторические рассказы, прославлявшие мужество граничар в борьбе с врагами.

Редакция широко предоставляла страницы журнала авторам из Военной Границы, посыпавшим корреспонденции, публицистические статьи, стихотворения и рассказы, проникнутые идеалами иллиризма.

Иллирийское движение встретило живой отклик в Военной Границе, причем не только со стороны хорватов, но и сербов¹⁹⁴. Убежденным и ревностным сторонником иллиризма был серб Мойсие Балтич. Еще в 1827 г. в Граце, где Балтич был курсантом военного училища, завязалась его дружба с Гаем. Балтич, будучи граничарским офицером, активно содействовал распространению идей и изданий иллиризма¹⁹⁵. «Иллиром» называл себя офицер Военной Границы Огнестав Утешевович-Острожински¹⁹⁶.

Тесную связь Хорватии и Военной Границы олицетворял своей деятельностью Иван Тринский. Сын сельского учителя, воспитаник епископского приюта в Загребе, Тринский в пору учебы лично узнал Гая и Раковаца, стал печататься в «Данице». Оставив по совету Гая богословие, он закопчил военное училище в Граце и был определен на службу в граничарский полк. Тринский, известный в свое время поэт, горячо и деятельно поддерживал иллиризм¹⁹⁷.

Участником национального движения был офицер Карл Фердинанд Юрапич, служивший вначале в Италии, а затем в граничарском полку. Близко стоявший руководящих деятелей иллиризма, Юрапич в 1841 г. вошел в со-

¹⁹⁴ Глава Венгерской канцелярии в 1842 г. отмечал в докладе императору, что «...Гай сумел с большим успехом обеспечить себе симпатии многочисленного православного населения в Военной Границе...», что он «сумел склонить православных к иллирийской национальности». Цит. по кн.: V. Bogdanov. Historija..., str. 152.

¹⁹⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 31, 33—34.

¹⁹⁶ Там же, стр. 471—472.

¹⁹⁷ «Grada...», knj. 1, str. 247, 248, 249; V. Deželić. Pisma..., str. 267—274; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 467.

став общества Загребской читальни и был избран членом театрального комитета¹⁹⁸.

Уже в 30-е годы загребские национальные издания имели подписчиков среди югославянских офицеров Границы. Проявляли интерес к газете Гая, новой хорватской литературе и вообще к иллиризму офицеры хорватского и сербского происхождения, проходившие службу в других частях австрийской армии, а также курсанты австрийских военных учебных заведений, будущие офицеры Военной Границы¹⁹⁹.

Многие граничарские офицеры сотрудничали в «Данице», переписывались с Гаем, поддерживая его в национальных начинаниях. Они лично общались с активными участниками иллиризма в Хорватии и Славонии и выражали одобрение их литературой и общественной деятельности. Офицеры, насколько позволяли условия Военной Границы, содействовали распространению здесь нового хорватского правописания. Из письма Н. Радаковича к Гаю от 8 марта 1846 г. видно, что офицеры внимательно следили за политической борьбой в Хорватии и Славонии²⁰⁰. Поддержка хорватскими и сербскими офицерами в Военной Границе идей иллиризма имела особое значение, поскольку Граница располагала реальными вооруженными силами.

Идеи национального Возрождения встретили отклик и со стороны других слоев населения Военной Границы. В Броде иллиризм поддерживал, хотя и не совсем соглашался с его идеями и был сторонником кириллицы, торговец и литератор Игнат Алойзие Брлич²⁰¹. Он способствовал ознакомлению с иллиризмом боснийских францисканцев. Сеньский торговец Антун Аккурти участвовал в организации читальни в Карловаце, поддерживал тесный контакт с Гаем²⁰². Уже в начале 1835 г. проявлял желание сотрудничать с загребскими деятелями торговец из Госпича Анте Прлич²⁰³. Связаны были с хорватским

¹⁹⁸ «Danica», 1841, br. 6, str. 21; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 113, 236, 237.

¹⁹⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 33, 86—87, 112, 189—191, 247, 263, 273, 274, 361.

²⁰⁰ Там же, стр. 201, 281, 406.

²⁰¹ Там же, стр. 69; «Danica», 1845, br. 8, str. 32; I. Mamuzić. Ilirizam i Srbija — Rad, knj. 247, U Zagrebu, 1933, str. 18—19.

²⁰² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 20.

²⁰³ Там же, стр. 401.

национальным движением многие учителя и священники²⁰⁴. Таким образом, сторонниками идеи иллиризма в Военной Границе выступали офицеры, представители купечества и интеллигентии хорватского и сербского происхождения, католические и православные священники.

Деятельность сторонников иллиризма в Военной Границе проявлялась в двух направлениях. С одной стороны, она выражалась в поддержке национальных мероприятий и институтов, которые устраивались и учреждались в Загребе и других городах Хорватии и Славонии. С другой — приверженцы иллиризма в Военной Границе у себя на местах осуществляли национальную деятельность. Они распространяли литературу иллиризма. По примеру Хорватии в местах расположения штабов Границы устраивались любительские театральные представления на национальном языке, национальные балы, вечера, обеды²⁰⁵. В 40-е годы даже официальные торжества проходили здесь под знаком национальных идей²⁰⁶.

Так было повсюду в Военной Границе, кроме Срема. В этом районе сложилось особое положение. Со стороны сербской общественности здесь было проявлено сочувствие хорватскому национальному Возрождению. Но в целом она была захвачена идеями сербского национального движения, развернувшегося в Венгрии.

В Военной Границе, за исключением Срема, национальное движение развивалось как часть иллирийского; оно и в идеальном и тактическом отношении было связано с Загребом. Но национальные выступления здесь были значительно слабее, чем в Хорватии, и носили лишь культурно-просветительный и литературно-языковый характер. В Военной Границе, в силу особенностей ее внутренней организации (непосредственного подчинения австрийским властям, милитаризации всего устройства, жесткой воинской дисциплины) национальное движение не получило открытого политического выражения. Но у сторонников национального движения здесь, безусловно, были сознательные, хотя и скрытые, стремления к администра-

²⁰⁴ J. Horvat, J. Ravlić: Pisma..., str. 23, 136, 189, 392, 393; «Danica», 1845, br. 2, str. 5, 6; 1847, br. 9, str. 33, 34; br. 12, str. 45, 46; br. 18, str. 71, 72.

²⁰⁵ «Danica», 1842, br. 11, str. 44; 1843, br. 32, str. 128; 1844, br. 24, str. 83; 1846, br. 25, str. 99; «Novine», 14.X 1846, str. 345.

²⁰⁶ «Novine», 10.X 1846, str. 340, 341.

тивно-политическому соединению Военной Границы с Хорватией и освобождению от австрийского гнета.

Поддержка в Военной Границе национальных идей, исходивших из Загреба, обусловливалаась в первую очередь широкими материальными связями Военной Границы с Хорватией и Славонией, но также и тем, что после освобождения территории Границы от власти Турции славянские офицерские кадры, купечество, интеллигенция и духовенство систематически пополнялись здесь выходцами из Хорватии и Славонии. Благодаря этому процесс соединения хорватов, живших в гражданских и военных областях, в одно национальное целое, протекал довольно интенсивно и сознание национального единства было достаточно отчетливо. Вместе с тем слабое еще национальное размежевание между хорватами и сербами, с одной стороны, тяжелый австрийский гнет, ощущавшийся здесь в силу милитаризации особенно сильно, с другой — породили не только у хорватской, но и сербской военной, духовной и светской интеллигенции и торговцев стремление к сближению и соединению Военной Границы с Хорватией и Славонией как наиболее реальной форме улучшения общественных условий Границы.

В городах хорватского Приморья положение было неодинаковым. В Реке, которая подверглась наибольшей итальянизации, национальное Возрождение даже в 40-е годы было очень слабым. В Бакаре, по крайней мере во второй половине 40-х годов, национальная жизнь ожила. Городские власти здесь пользовались хорватским языком. Среди горожан было распространено пение народных песен. Некоторые жители собирали экспонаты для национального музея в Загребе²⁰⁷.

Загребские национальные деятели, рассматривая Далмацию²⁰⁸ частью хорватской территории, проявляли исключительный интерес к жизни этой провинции. Желая теснее связать духовно Хорватию и Далмацию, показать славное прошлое хорватского народа, расположить далматинскую общественность к иллирийскому движению, редакция национальных изданий систематически печатала материалы о Далмации: статьи о хозяйственной, обще-

²⁰⁷ «Danica», 1847, br. 40, str. 157—158.

²⁰⁸ После Венского конгресса наименование «Далмация» распространилось также на Дубровник и Боку Которскую.

ственной и культурной жизни, географии и истории Далмации, рассказы о традициях и обычаях ее населения, заметки о богатом культурном прошлом Далмации. В «Данице» помещались стихотворения дубровницких поэтов XVI—XVII вв. Были опубликованы статьи о Палмотиче, Гундуличе, Ф. Зузорич. «Матица» издавала сочинения Гундулича.

Загребские деятели живо откликались на проявления национального сознания в далматинском обществе и горячо поддерживали каждый шаг, ведущий к сближению Хорватии и Далмации.

Активные участники иллиризма предпринимали поездки в Далмацию. В конце 1838 г. здесь побывал Херкалович. В следующем году Далмацию посетил Триски. В 1841 г. по этой провинции путешествовали Гай и Л. Мажурачић²⁰⁹.

В самой Далмации в первой половине XIX в. была сложная обстановка. В провинции официальным считался итальянский язык, в городах господствовали итальянские обычаи и традиции. Большая часть югославянского общества почти не думала о литературе на родном языке, для него был характерен дух провинциализма, апатия и равнодушие к общественным вопросам²¹⁰. И. И. Срезневский в 1841 г. писал о Дубровнике, давшем когда-то классические образцы хорватской литературы, следующее: «Литературой жизни в Дубровнике пет: за ходом литературы не следит никто, о книге новой говорят как и об старой, а ждать появления или требовать издания той или другой книги и в голову никому бы не пришло»²¹¹.

Но развитие иллиризма и национальное Возрождение сербов способствовали пробуждению и в Далмации интереса к родному языку. В 1836 г. молодой доктор права Божидар Петрапович, серб из Шибеника, основал научно-литературный орган под названием «Любитель просвещения. Србско-далматинский алманах»²¹², выходивший вначале в Карловаце, а с 1838 г. в Задаре. Петрапович ввел в свое издание народный язык, хотя и придерживался

²⁰⁹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 205, 223.

²¹⁰ «Danica», 1839, br. 3, str. 9—11.

²¹¹ В. А. Фрапцев. Письма к Вячеславу Ганке..., стр. 991.

²¹² F. Rački. Dr. Božidar Petranović. — Rad, knj. XXX, U Zagrebu, 1875, str. 182 i sl. Позднее издание называлось «Любитель просвещения. Србско-далматинский магазин».

некоторых церковнославянских форм и старой сербской орфографии. Альманах встретил довольно живой отклик в Далмации. Уже в первый год издания насчитывалось 456 его подписчиков²¹³.

Петрановичу, зглавшему Гая еще по Иллирийскому клубу в Граце, были близки идеи иллиризма. Не делая различий между хорватами и сербами, он стремился к сближению между собой далматинцев-славян независимо от вероисповедания и выступал за их объединение в литературном языке. Соглашаясь с названием «иллиры» и одобряя литературно-языковую деятельность Гая, Петранович старался приблизить язык своего издания к языку «Дапицы», сотрудничал в «Дапице»²¹⁴. В 1840 г. он подарил комплект своего издания за 1836—1840 гг. Загребской читальне²¹⁵.

Сочувствовал иллиризму и Джордже Николаевич, редактор «Магазина» с 1842 г.²¹⁶. В «Дапице» перепечатывались некоторые статьи из «Магазина». В свою очередь Враз и Триски печатались в этом издании²¹⁷.

В 40-е годы в хорватском обществе Далмации стало обнаруживаться сознание национальной общности хорватов независимо от административно-политических границ, появилась тяга к литературно-языковому единению с Загребом. В 1841 г. в Задаре вышли лирические песни Аны Видович «Анка и Станко», написанные новым литературным языком, хотя и старой орфографией²¹⁸. Эта книга, как и проявление поэтессы симпатий к иллиризму, встретила положительный отклик со стороны «Дапицы»²¹⁹. В 1844 г. вышел новый сборник песен Видович, притом орфографией Гая²²⁰. Далматинская поэтесса печаталась в «Коло».

²¹³ F. Rački. Указ. соч., str. 183, 184.

²¹⁴ «Danica», 1839, br. 7, str. 26—28; V. Deželić. Pisma..., str. 155, 156.

²¹⁵ J. Ravlić. Ilirska čitaonica..., str. 178.

²¹⁶ I. Mamuzić. Ilirizam i Srbija, str. 66.

²¹⁷ F. Rački. Указ. соч., стр. 184.

²¹⁸ В Далмации тогда еще не было нового шрифта. Первая книга была напечатана здесь новой орфографией в 1844 г. П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 215.

²¹⁹ «Danica», 1841, br. 25, str. 103.

²²⁰ Z. Vince. Stav Zore dalmatinske u Zadru prema težnjama iliraca za jedinstvenom grafijom u hrvatskoj književnosti.—«Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi», knj. XVIII. Sarajevo, 1961, str. 152.

В 1841 г. в «Дапице» была помечена без подписи статья «Иллирско-далматинский язык». В ней автор-далматинец призывал своих земляков принять новое правописание и выступал за единый литературный язык Далмации с остальными «иллирами»²²¹.

Убежденным сторонником сближения Далмации с Хорватией был Ковачевич, офицер в отставке. В 40-е годы он переписывался с Гаем, содействовал распространению в Далмации объединительных идей, печатался в «Дапице»²²².

В письме к Гаю от августа 1843 г. Ковачевич называл ряд далматинцев, которые проявляли интерес к хорватской литературе, выходившей в Загребе. Это были католический монах Иван Дружевич, священник Франьо Карготич-Мироевич, францисканец Бонагразия Мароевич, доктор права Никола Себескини, доктор медицины Ловро Трамонтана, доктор права Дефинис, профессор задарского лицея Лука Торре. Дубровчанин Аптуп Казпачич, по словам Ковачевича, «самый искусный славист» в Далмации, полагал необходимым для развития хорватского языка и литературы основать академию. Она поддерживала бы связь с загребской «Матицей». Это мнение разделялось рядом представителей хорватской интеллигенции и духовенства в Далмации²²³. А. Казпачич был сторонником нового правописания²²⁴. Он часто печатался в «Дапице». Однако национально мыслящих хорватов в Далмации было мало и активной деятельности по сближению Далмации с Хорватией они, за немногим исключением, не вели. В Далмации господствующее значение имели партикуляристские, местнические настроения. Со всей силой они проявили себя в центральном, далматинском издании «Зора далматинска».

В 1843 г. в Далмации и Хорватии стало известно о памятнике задарского профессора Анте Кузмапича напечатанном в Далмации хорватское литературное издание. Сторонники иллиризма в Хорватии и Далмации были обеспокоены направлением предполагавшегося издания. В связи с этим в «Дапице» под позванием «Письмо из Далмации»

²²¹ «Danica», 1841, br. 11, str. 41—42; br. 12, str. 45—48; br. 13, str. 49—51.

²²² J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 264—271.

²²³ Там же, стр. 267, 268, 269, 270.

²²⁴ V. Deželić. Pisma..., str. 268.

было опубликовано письмо Ковачевича Кукулевичу-Сакчинскому. В письме выражалось пожелание ввести в будущее далматинское издание единое хорватское правописание. Автор выступал за литературное единение Далмации и Хорватии²²⁵. Вслед за тем в загребском журнале была помещена заметка «Что требовалось бы для плодотворного издания газеты в Далмации?», пропищутая мыслью о единстве правописания. Хотя эта заметка шла без подписи, в оглавлении было указано, что ее автором являлся А. Стазич²²⁶. Редакция «Даницы» в примечании к заметке Стазича в свою очередь выразила надежду на литературное соединение Далмации и Хорватии²²⁷.

Вскоре в «Данице» было напечатано «Письмо из Италии» дубровчанина Медо Пуцича от имени югославянской молодежи, обучавшейся в университете в Падуе²²⁸. Пуцич решительно выступал в нем за единое «хорватское правописание», хотя и с некоторыми его изменениями²²⁹. В том же духе было выдержано письмо из Падуи за подпись «Некоторые далматинцы»²³⁰. Наконец, к редактору «Зоры» обратилось правление Загребской читальни с призывом принять новое правописание²³¹.

С начала 1844 г. в Задаре стал выходить еженедельный журнал «Зора далматинска», объединивший вокруг себя литературные силы Далмации. Официально его редактором считался А. Кузманич, однако фактически в 1844—1845 гг. главную роль в нем играл Петар Прерадович²³², офицер, заявивший о себе как талантливый поэт. Впоследствии Прерадович стал гордостью хорватской литературы.

«Зора» решительно выступила против господства в Далмации итальянского языка. Сначала журнал печатался орфографией, установленной в Далмации в 1820 г. Но вскоре в нем стали помещаться материалы и гаеви-

²²⁵ «Danica», 1843, br. 29, str. 113—114.

²²⁶ В 40-х годах дубровчанин А. Стазич переписывался с Гаем, выписывал его издания, обменивался книгами (J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 432).

²²⁷ «Danica», 1843, br. 29, str. 114—116.

²²⁸ М. Пуцич до этого и позднее часто печатался в «Данице». Он переписывался с Гаем (J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 402, 403, 404).

²²⁹ «Danica», 1843, br. 33, str. 129—130.

²³⁰ «Danica», 1843, br. 33, str. 130.

²³¹ «Danica», 1845, br. 52, str. 206; «Kolo», 1847, IV, str. 88.

²³² «Građa...», knj. 1, str. 109, 112, 116.

цей²³³, что нашло поддержку со стороны редакции «Даницы»²³⁴. Прерадович был решительным сторонником нового правописания и литературного единства южных славян²³⁵. Однако тенденция «Зоры» к сближению с «Даницей» вызвала тревогу в официальных кругах, заинтересованных в сохранении хорватской раздробленности. По указанию цензуры в «Зоре» была помещена статья в защиту старого далматинского правописания²³⁶. На страницах журнала развернулись споры по орфографии и грамматике. Убежденным сторонником хорватского единства выступал в «Зоре» Ст. Ивичевич.

Новое правописание декретом губернских властей было в Далмации запрещено. Но в 1845 г. этот запрет для прессы и частных лиц был снят. Дубровчанин Иван Аугуст Казпачич, ставший редактором «Зоры» в начале 1845 г., и Прерадович, по-прежнему активно сотрудничавший в журнале, воспользовались этим, чтобы сблизить «Зору» по орфографии и языку с «Даницей»²³⁷. В далматинском издании помещались материалы из «Даницы». В «Зоре» шире стали сотрудничать загребские поэты. В свою очередь «Даница» перепечатывала материалы из «Зоры»²³⁸.

Казпачич на посту редактора «Зоры» в начале 1846 г. сменил Никола Валентич. Он признал в «Зоре» единство «иллиров» и перевел издание на новое правописание. От лица загребских деятелей Бабукич в статье «Зора далматинска» и прогресс нашей литературы» в «Данице» приветствовал это решение²³⁹. «Зора» по содержанию и языку весьма сблизилась с «Даницей».

Однако единение «Зоры» и «Даницы» продолжалось недолго. В конце 1846 г. редактором далматинского издания вновь стал Кузманич. Прерадович отстранился от редакционной работы в журнале²⁴⁰. «Зора» решительно выступила против орфографии Гая и нового литературного языка. Журнал получил отчетливо антииллирийское направление. Немаловажным обстоятельством в данном

²³³ Z. Vinc e. Stav zore dalmatinske..., str. 152.

²³⁴ «Danica», 1844, br. 11, str. 41—42.

²³⁵ «Grada...», knj. 1, str. 109, 110, 111.

²³⁶ Там же, стр. 110.

²³⁷ «Grada...», knj. 1, str. 112.

²³⁸ «Danica», 1845, br. 31, str. 122, 123; br. 45, str. 177, 178, 179.

²³⁹ «Danica», 1845, br. 52, str. 206—207; 1846, br. 3, str. 12.

²⁴⁰ «Grada...», knj. 1, str. 137.

случае была позиция австрийских властей, препятствовавших введению в Далмации нового правописания. В «Зоре» был напечатан ряд статей, которые отвергали язык, орографию и содержание «Даницы» и отстаивали языковые далматинские особенности. Особой резкостью отличались статьи священника Шиме Старчевича²⁴¹.

Однако среди противников плиризма в Далмации не было полного совпадения во взглядах. Часть из них вообще отрицала идею духовного соединения хорватов и предпочитала изолированность Далмации от Хорватии. Сам А. Кузманич занимал колеблющуюся позицию. Он соглашался с необходимостью литературно-языкового единства хорватов, однако на далматинской языковой основе — штокавском наречии икавского произношения и далматинской орографии²⁴². Кузманич был противником хорвато-сербского сближения²⁴³. В то же время в начале 1846 г. он совместно с сербом Шпиро Поповичем, решительным сторонником политического соединения Далмации с Хорватией, хлопотал о разрешении на издание литературного журнала «Маслина»²⁴⁴.

В ответ на позицию «Зоры» в загребских изданиях были помещены статьи и письма сторонников хорватского национального единства в Далмации. В «Данице» были напечатаны открытое письмо «Господину Шиме Старчевичу» за подписью «Адам, священник горянский» и статья Ковачевича в защиту правописания Гая и нового литературного языка в Далмации²⁴⁵. В газете были опубликованы письма Х... и из Книша и Л. Гайдовича, где выражалось неодобрение сепаратистской линии «Зоры далматинской»²⁴⁶.

В письмах неоднократно высказывал сожаление по поводу направления «Зоры» П. Прерадович²⁴⁷. В 1846—

²⁴¹ «Kolo», 1847, IV, str. 89, 90; Z. V i n c e. Stav Zore dalmatinske..., str. 158—160, 163—164; он же. Pravopisno-jezična previranja u sjevernoj Dalmaciji prije 1860. god. — «Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru», sv. 8. Zadar, 1961, str. 271.

²⁴² Z. V i n c e. Pravopisno-jezična previranja..., str. 287.

²⁴³ V. Deželić. Pisma..., str. 118.

²⁴⁴ J. R a v l ić. Iz književne prošlosti Zadra. — «Grada...», knj. 24. U Zagrebu, 1953, str. 217—222.

²⁴⁵ «Danica», 1847, br. 13, 24, 25, 26.

²⁴⁶ «Novine», 29.V 1847, str. 171, 172; 10.IV 1847, str. 115, 116.

²⁴⁷ «Grada...», knj. 1, str. 128, 132, 133, 137.

1847 гг. окрепли его связи с Загребом. Он поддерживал тесный контакт с Кукулевичем-Сакцинским, Вразом, Бабуичем, Гаем, Шулеком, Кушланом. Взаимная помощь в распродаже книг, сбор подписки на выходившие издания, литературная помощь были проявлениями этих связей. Прерадович был в Загребе, писал для «Даницы» и «Коло». Он одобрял и поддерживал не только литературную, но и политическую деятельность загребских друзей.²⁴⁸

В защиту литературного единства Хорватии и Далмации и с осуждением языка, содержания и направления далматинского журнала с загребской стороны писали Деметер (статья «Друзьям югославянского согласия и просвещения») и Кукулевич-Сакцинский в «Данице», Враз в «Коло» («Наше правописание и «Зора далматинска»)²⁴⁹.

Сложный путь развития журнала «Зора далматинска», который содействовал оживлению литературной жизни в Далмации, по проводил в конечном счете сепаратистскую линию, показывает трудности, возникшие в связи с у становлением литературно-языкового единства Далмации и Хорватии. Даже новое правописание прививалось в Далмации очень медленно. Оно было окончательно введено в «Зоре» в 1849 г., а официально утверждено в 1850 г.²⁵⁰

По существу в 40-е годы, несмотря на большие усилия загребских хорватов, отказавшихся ради достижения литературно-языкового единства от кайкавского диалекта в качестве основы новой литературы и опиравшихся в ее развитии не в последнюю очередь на далматинскую и дубровницкую классику, литературно-языковое объединение Далмации и Хорватии не было достигнуто. Вопрос о литературно-языковом единстве хорватов был тесно связан с политическими судьбами хорватских земель, поэтому он имел особое значение.

Сторонники литературно-языкового объединения хорватов в Далмации желали административно-политического воссоединения Далмации с Хорватией, хотя открыто об этом не говорилось. Были в Далмации и стремления

²⁴⁸ «Grada...», knj. 1, str. 129, 133, 137, 144, 145.

²⁴⁹ «Danica», 1847, br. 12, str. 46—48; br. 10, str. 38—39; «Kolo», 1847, IV, str. 85—93.

²⁵⁰ Z. Vinc e. Stav Zore dalmatinske..., str. 149.

к политическому югославянскому объединению. Из письма М. Броза к Гаю видно, что идея югославянского государства была распространенной в Боке Которской среди православных священников, местных начальников и интеллигенции. В Боке были живы воспоминания об особых привилегиях местного населения при венецианском господстве, которые в основном были ликвидированы позднее. Поэтому среди жителей Боки было особенно сильно недовольство засильем австрийских чиновников, неравноправием православных, налоговым гнетом, трудностями торговли, что порождало стремление к политическому объединению с другими югославянами и освобождению от австрийского гнета. По свидетельству М. Броза, оппозиционно настроенные бокезы на практике были готовы поддержать начинания Загреба в указанном направлении²⁵¹.

Оценивая положение в Далмации в целом, следует сказать, что объединительные идеи иллиризма, литературио-языковые, а тем более политические, большой поддержки здесь не получили. Известная экономическая оторванность Далмации от Хорватии, с одной стороны, слабость внутренних материальных связей в самой Далмации и многовековая изолированность городов-коммун, с другой — обусловили большую силу здесь регионального сознания, неразвитость национальной мысли, непонимание существа национальной проблемы. Этому способствовала не в последнюю очередь и политика правительства, препятствовавшая хорватскому сближению. Сказывались и претензии местных славянских буржуазно-дворянских кругов, опиравшихся на былое величие далматинских городов и особенно Дубровника, на главенствующую роль на славянском юге.

Что касается Истрии, в еще большей мере оторванной от Хорватии, здесь лишь единицы были расположены к иллирийскому движению. В письме к Гаю от 1842 г. священник Н. Беркович приветствовал национальное Возрождение «иллиров» и заявлял о подписке на газету. Сотрудничал в «Данице» священник П. Студенац. Он делал взносы в пользу «Матицы», интересовался подпиской на ее издания в Истрии. В 1847 г. в очередном письме к Гаю Студенац выражал удовлетворение в связи с вве-

²⁵¹ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 78—80.

дением во все начальные школы Истрии «иллийского языка»²⁵².

Деятельность посчителей иллиризма по расширению и укреплению контактов Хорватии и Славонии с другими хорватскими областями имела важное значение для национальной консолидации хорватского народа. Она подготавливала решение исторически назревшей задачи политического воссоединения хорватских земель. Тесные связи деятелей иллиризма с представителями национальной общественности Военной Границы и Далмации способствовали активизации общественной и национальной жизни в этих областях.

Хорвато-славянские общественные связи в 30—40-е годы XIX в.

Представители хорватского Возрождения своей деятельностью приблизили хорватов к другим славянам. Хорватское национально-освободительное движение развивалось в тесном контакте с национально-освободительными движениями других славянских народов.

В нашем распоряжении имеются выборочные данные по вопросу о контактах деятелей иллиризма с представителями славянской общественности. Эти данные не позволяют нарисовать полную и всеобъемлющую картину хорвато-славянских общественных связей в 30—40-е годы XIX в., однако они отражают основные аспекты этих отношений.

Деятели иллиризма положили начало обстоятельному и систематическому ознакомлению хорватской общественности через периодические издания с жизнью чешского и словацкого народов. «Дапица» регулярно сообщала о новинках чешской и словацкой литературы, писала о деятельности культурно-просветительных обществ и учреждений, о чешском театре, народных балах и Народном доме в Праге, об изучении молодежью родного и других славянских языков и прочих явлениях национальной жизни в чешских и словацких землях, помещала статьи по истории чешского и словацкого народов, а также публиковала материалы, показывающие насильственную мадьяриза-

²⁵² «Danica», 1844, br. 1, str. 2, 3; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 39, 438, 439.

цию словаков и отстаивающие их право на национальное развитие. Сведения об общественной жизни чехов и словаков редакция «Дапицы» черпала в основном из чешской, австрийской и словацкой прессы. Но с конца 30-х годов в журнале появлялись также корреспонденции и материалы с мест. Для «Коло» были специально написаны обзоры чешской и словацкой литературы Срезекским, Эрбеном и Гурбаном.

«Дапица» часто перепечатывала из чешских и словацких журналов и помещала специально написанные для нее чешскими и словацкими авторами в переводе на хорватский язык повести и рассказы, научные и публицистические статьи, обзоры и рецензии на хорватские и другие славянские издания. В свою очередь Враз печатался в чешских журналах.

В Праге писатели иллюризма иногда издавали свои сочинения. Через Прагу в Хорватию в значительной мере поступала интересующая образованых хорватов литература. Выходившие в Праге чешские издания были для хорватов важным средством просвещения и источником научных знаний.

Чешская пресса, особенно в 30-е годы, являлась для хорватских национальных деятелей, не имевших тогда еще тесных контактов с другими славянскими землями, важнейшим источником информации о жизни славян. Гай и Враз неоднократно бывали в Праге, вели переписку и были лично знакомы с наиболее видными представителями чешской и словацкой общественности: Шафариком, Колларом, Палацким, Эрбеном, Гапкой, Гавличком-Боровским, Челаковским, Штуром, Врховским, Гурбаном и др. Враз был членом чешской «Матицы»²⁵³. В свою очередь Прага прислала хорватской «Матице» 700 форинтов серебром²⁵⁴.

Примером тесных связей хорватского и словацкого национальных движений была судьба словаца Богослава Шулека. Он родился в 1816 г. в Суботиште в семье евангелического священника. Шулек учился в Пожунском евангелическом лицее одновременно со Штуром, Годжей, Гурбаном, Врховским и другими и был членом Лите-

²⁵³ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 400.

²⁵⁴ Д. Стражаковић. Како је постало Гараџаничово «Начертаније». — «Споменик», XCI. Београд, 1939, стр. 95.

ратурного общества. Приехав в 1839 г. в Загреб, он одновремя работал в типографии Жупана, а с 1842 г. у Гая. Вскоре он стал редактором изданий Гая. Шулек связал свою судьбу с иллиризмом, явившись одним из главных идеологов и пропагандистов хорватской либеральной мысли²⁵⁵.

Особо следует остановиться на отношениях деятелей иллиризма с Шафариком, Колларом и Штуром.

Шафарик оказал большое влияние на идеологию и практику хорватского Возрождения. Уже в 1831 г. он поддержал усилия Гая в области орфографической реформы²⁵⁶. С начала иллирийского движения Шафарик внимательно следил за литературно-языковой деятельностью Гая и его соратников. Он приветствовал в письме к Гаю в марте 1835 г. выход его изданий и их содержание. Шафарик публично в печати одобрил новое правописание и грамматику Бабукича²⁵⁷. В 1838 г. он выступил в пражском журнале «Ost und West» с большой статьей, положительно оценивающей литературно-языковую реформу Гая и направление его изданий. Одновременно Шафарик советовал издать произведения дубровницких классиков новой орфографией, сборник пародийных песен, напечатать грамматику «иллирийского языка», собрание древнейших источников по истории «Великой Иллирии» и географию последней²⁵⁸. Все это в первые годы иллиризма и было сделано хорватскими деятелями. Шафарик и в дальнейшем поддерживал литературно-языковую деятельность представителей хорватского Возрождения²⁵⁹.

В свою очередь «Даница» пропагандировала сочинения Шафарика, хотя в условиях Хорватии это было трудно делать, поскольку Шафарик и Коллар были протестантами. В середине 1835 г. в «Данице» была помещена статья чешского ученого «Значение и просвещенность славянского народа в целом»²⁶⁰. В 1836 г. журнал

²⁵⁵ J. T o r b a r. O životu i djelovanju dra Bogoslava Šuleka. — «Ljetopis JAZU», sv. 11. U Zagrebu, 1897, str. 103, 104, 107.

²⁵⁶ V. D ož e l i c. Pisma..., str. 179, 180.

²⁵⁷ Там же, стр. 185, 186, 191, 192; «Danica», 1837, br. 23, str. 89, 90.

²⁵⁸ Статья Шафарика была перепечатана в брошюре Драшковича «Слово...»

²⁵⁹ «Danica», 1840, br. 26, str. 101.

²⁶⁰ «Danica», 1835, br. 35—38. Это был вольный перевод статьи Шафарика.

познакомил хорватскую общественность с группой работой Шафарика «Мысли об автохтонности славян в Европе»²⁶¹. С этого времени «Даница» часто перепечатывала в основном из чешских журналов и помещала специально написанные для нее в переводе на хорватский язык научные статьи, рецензии, обзоры югославянских литератур Шафарика, а также публиковала рецензии на его работы.

Враз и Гай неоднократно лично встречались с Шафариком, предоставляли ему некоторые материалы для его исследований. Когда в 1840 г. Гай направился в Россию, Шафарик снабдил его рекомендательными письмами²⁶².

Еще в 1832 г. Коллар в письме к Гаю одобрял его усилия в отношении издания хорватского органа, подчеркивал необходимость ориентироваться на все Триединое королевство и призывал к литературной связи хорватского журнала с другими славянскими изданиями²⁶³. Позднее Коллар писал для «Даницы». Редакция журнала перепечатывала его публицистические и научные статьи из чешских изданий, помещала отрывки из его книг. В 1836 г. была опубликована большая статья Коллара «О литературной взаимности между славянскими коллегами и народами». Она была специально написана для «Даницы»²⁶⁴. В 1844 г. редакция вновь поместила его работу, проинкуптуенную мыслью о славянской взаимности и просвещении²⁶⁵. В 1841 г. Коллар проездом в Италию посетил Загреб, где был торжественно принят хорватскими деятелями²⁶⁶.

Тесные связи хорватские деятели поддерживали с Людовитом Штуром. Он писал для «Даницы». В 30-е годы Штур и учащаяся молодежь Пожунского лицея выписывали издания Гая, учили хорватский язык, интересовались хорватской литературой. Штур переписывался с Гаем, Бабукичем, Вразом, Раковацем, Мажурапичем и др.²⁶⁷

Деятели иллиризма внимательно следили за ходом патриотического движения у чехов и словаков. Они под-

²⁶¹ «Danica», 1836, br. 4—9.

²⁶² «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 316; F. Petre. Poizkus ilirizma pri slovencih (1835—1849). Ljubljana, 1939, str. 139, 257; П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 194.

²⁶³ V. Deželić. Pisma..., str. 98.

²⁶⁴ «Danica», 1836, br. 29—31; V. Deželić. Pisma..., str. 100.

²⁶⁵ «Danica», 1844, br. 43, str. 170—171; br. 44, str. 173—175.

²⁶⁶ «Danica», 1841, br. 38, str. 154.

²⁶⁷ V. Deželić. Pisma..., str. 209—220.

держивали в своих изданиях национальную деятельность у соседних родственных народов, заимствовали опыт и находили в свою очередь дружескую поддержку своим начинаниям. Хорватские национальные деятели не могли остаться безучастными к такому важному факту в национальной жизни словаков, как языковая реформа Штура и издание им в 1845 г. словацкой политической газеты с литературным приложением, что означало поворот в литературно-языковом развитии словацкого народа. В те годы среди словаков шли горячие споры о литературном языке. Ряд видных представителей чешского и словацкого Возрождения, в том числе Шафарик, Коллар, Палкович, защищали чешский язык для словацкой литературы.

В среде участников иллиризма исторический поворот Штура вначале был встречен положительно, несмотря на то что он находился в противоречии с генеральной линией иллиризма по поводу литературно-языкового слияния южных славян. В статье «Народность словаков», опубликованной в «Данице» в середине 1845 г., Шулек заявлял: «Что касается нас, мы считаем, что словаки правильно сделали, отделившись от чехов и избрав свой путь, потому что их цель не может состоять в грамматике, но в просвещении и образованности народа, а этого они действительно легче достигнут, обучая массу на ее родном языке, нежели на другом языке, который менее знаком». Вместе с тем Шулек выражал мнение, что «конечной целью этого отделения должно быть медленное, постепенное, естественное, но зато тем более крепкое соединение словаков с чехами и к этому избранный ими путь действительно приведет»²⁶⁸. Шулек полагал, что сближение должно произойти через взаимное познание чехами и словаками их литературных языков, т. е. по существу на базе литературной взаимности, и путем лексического приближения.

В связи с этим Шулек считал, что словацким писателям следовало взять за основу литературного языка не центральный, среднесловацкий, диалект, а юго-западное словацкое наречие, наиболее близкое к чешскому языку, то наречие, на котором писали словацкие будители Бернолак и Голы²⁶⁹. Одобряя самостоятельное литературно-

²⁶⁸ «Danica», 1845, br. 28, str. 111.

²⁶⁹ «Danica», 1845, br. 28, str. 111.

языковое развитие словацкого народа, Шулек в то же время считал целесообразным постепенное сближение словаков и чехов в литературном отношении.

Однако через некоторое время положение изменилось. Во второй половине 40-х годов усилились антиалирийские настроения среди словенцев. С начала 1846 г. резко изменилось направление «Зоры далматинской» в сторону сохранения и закрепления в литературе далматинских языковых особенностей. В это время Штур опубликовал теоретическую работу «Наречие словацкого языка и необходимость писать на этом наречии»²⁷⁰, где в приложении, отказавшись от своих прежних взглядов на целесообразность литературно-языкового южнославянского единства, высказался за сохранение словенцами и болгарами своей литературно-языковой индивидуальности.

В такой обстановке представляется не случайным, что в «Данице» в 1847 г. была напечатана статья священника А. Вебера-Ткачевича «Краткое описание долгого путешествия», где с явным неодобрением говорилось о литературно-языковом отделении словаков от чехов. Ткачевич называл этот шаг «сепаратизмом» и усматривал в нем прецедент для дальнейшего литературно-языкового дробления славянства, в том числе и южных славян. Особое недовольство Ткачевич выразил по поводу замечания Штура касательно литературного развития словенцев и болгар²⁷¹.

Ткачевичу ответил в «Данице» сам Штур. В «Письме из Пожуна» Штур писал, что и он в первое время считал правильной тенденцию к литературному единству южных славян, однако со временем пришел к выводу о целесообразности литературно-языковой самостоятельности словенцев и болгар. Штур разъяснял свое понимание славянского единства. Он видел его не в литературно-языковом слиянии, но «в единстве стремлений, в единстве принципов, в одной и той же цели». Он отрицал за таким «согласием» необходимость национальной основы²⁷². Это была идея славянской взаимности, принципиально отличавшаяся от колларовской признанием

²⁷⁰ Книга вышла в 1846 г.

²⁷¹ «Danica», 1847, br. 38, str. 150, 151.

²⁷² «Danica», 1847, br. 47, str. 187—188.

национальной самобытности каждого славянского народа.

Трезвые взгляды Штура на литературно-языковое развитие южных славян шли вразрез с представлениями хорватских национальных деятелей. От лица их вновь в «Данице» выступил Ткачевич, где в пространном «Ответе господину Людовиту Штуре» настаивал на южнославянском литературном единстве и одновременно подчеркивал нецелесообразность литературно-языкового отделения словаков от чехов²⁷³.

Чешское и словацкое национально-освободительные движения оказали большое влияние на иллиризм. Оно не ограничивалось идеологической сферой, но касалось также и форм национальной борьбы. «Матица» в Загребе возникла не в последнюю очередь по примеру чешского издательского центра «Матица ческа», который был основан еще в 1831 г. Прообразом загребского Народного дома был Народный дом в Праге. Народные балы в Хорватии устраивались по типу чешских балов и т. д.

Чешское влияние на хорватское национальное движение признавали и сами деятели иллиризма. С. Вранчић писал в «Данице» в 1845 г.: «Если посмотрим, какими средствами остальные народы, в особенности наши братья чехи, чужой дух, который у них точно так же, как и у нас, господствовал, истребили и национальный язык и национальный дух в общественную жизнь ввели, увидим, что они достигли этого главным образом национальными развлечениями, как-то: национальный театр, национальные музыкальные, академии, вечера декламации и т. д.»²⁷⁴ Как известно, все эти формы национального движения получили место в Хорватии.

Слабее иллиризм был связан с польским национально-освободительным движением. В значительной мере это объяснялось тем, что среди поляков после 1830—1831 гг. идея славянской взаимности была непопулярной и тяга к общению с другими славянами была ограничена.

Но «Даница» стремилась регулярно информировать хорватскую общественность о национальной жизни поляков. Первоначально источником этих сведений была чешская и частично австрийская печать. Но в дальнейшем

²⁷³ «Danica», 1847, br. 51, str. 202—204; br. 52, str. 205—207.

²⁷⁴ «Danica», 1845, br. 9, str. 35.

Даница», помимо нее, опиралась па польскую прессу, выходившую в Варшаве, Львове и в Познани. В «Коло» печатались обзоры польской литературы, написанные Бразом по польским источникам, а также редактором варшавской «Деницы» П. Дубровским и чехом В. Запом, жившим во Львове. И. Мажурач и Враз переводили с польского, особенно стихотворения Мицкевича. Гай переписывался с некоторыми поляками и был лично знаком с учеными Кухарским, Мацеевским.

О политических связях Гая и его единомышленников с польской эмиграцией говорилось выше. Следует к этому добавить, что, по словам словацкого просветителя Яна Кадави, записанным Чижковым, представители польской эмиграции из окружения Чарторыского бывали в Загребе и сумели многих склонить на свою сторону²⁷⁵.

«Даница» впервые стала знакомить хорватскую читательскую публику с общественной жизнью России. В 30-е годы информацию о русском обществе редакция черпала из австрийских и чешских газет. Это придавало помещавшемуся в «Данице» материалу о России палет случайности. «Даница» не всегда могла фиксировать внимание хорватской общественности на важнейших явлениях общественной жизни России и подчас помещала малосодержательные заметки, почерпнутые из посредственных источников.

И в 40-е годы «Даница» брала материал о России в основном из австрийской и чешской прессы. Но кое-что перепечатывалось из русских газет и журналов. Только Враз как редактор «Коло» получал сведения непосредственно от Дубровского, но это касалось исключительно литературной жизни России.

Получение в Хорватии книг и журналов прямо из России было связано с большими трудностями. Книги для продажи шли из Петербурга через Лейпциг и Вену. В самой австрийской столице с трудом можно было достать русскую книгу. Даже в 1847 г. Враз в письме к Ганке жаловался: «Вообще могу Вам сказать, что мы в отношении русской литературы находимся в страшной темноте, потому что не имеем ни средств, ни путей выбраться на свет»²⁷⁶. Все это ограничивало возможности

²⁷⁵ «Славянский архив», 1958, стр. 254.

²⁷⁶ В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке..., стр. 181.

хорватских деятелей в ознакомлении хорватского общества с Россией.

В «Данице» материалы на русские темы публиковались с начала выхода издания. Первоначально это были правоучительные сентиментальные рассказы о добродетелях русских царей. Но постепенно «Даница» перешла к систематическому освещению современной жизни России, стала знакомить хорватскую читательскую публику, конечно в переводе, с образцами русской публицистики, поэзии, прозы и т. д.

Наиболее обстоятельно, насколько позволяли это источники, «Даница» освещала литературную, научную и культурную жизнь России. В 1837 г. была напечатана первая в Хорватии статья о Пушкине, краткий очерк биографии и творческого пути поэта, основанный на сведениях из австрийской печати²⁷⁷. В 1838 г. из заметки «Гордость русской литературы» хорватская общественность впервые узнала о русском баснописце Крылове²⁷⁸.

С 1839 г. в «Данице» помещались обзоры русской литературы²⁷⁹. В 1841 г. был напечатан «Обзор художественной русской литературы» за подписью «J»²⁸⁰. Надо полагать, что автором его был И. И. Срезневский, живший в это время в Загребе и печатавшийся в «Данице». В обзоре впервые были упомянуты имена Лермонтова, Кольцова, Д. Давыдова. Почти одновременно в «Данице» была перепечатана из «Северной пчелы» статья, рассказывающая об издательской деятельности А. Ф. Смирдина, много сделавшего для русской литературы²⁸¹. Во втором и третьем выпусках «Коло» были опубликованы выдержки из писем П. Дубровского с обзором русской журналистики, научной и художественной литературы за 1842 г. Впервые тогда хорваты узнали о Гоголе и его романе «Мертвые души», о выходе романа Лермонтова «Герой нашего времени». Дубровский сообщал подробные сведения о русских книгах по истории, юриспруденции, географии, этнографии, лингвистике, экономике, медицине, военному делу и т. д.²⁸²

²⁷⁷ «Danica», 1837, br. 22, str. 85, 86.

²⁷⁸ «Danica», 1838, br. 13, str. 51, 52.

²⁷⁹ «Danica», 1839, br. 11, str. 43, 44; 1840, br. 13, str. 52; br. 14, str. 54—56.

²⁸⁰ «Danica», 1841, br. 37, str. 151.

²⁸¹ «Danica», 1841, br. 36, str. 146—148.

²⁸² «Kolo», 1842, II, str. 91—94; 1843, III, str. 108—116.

Русской культуре была посвящена в «Данице» от 1841 г. заметка «Музыка в России», где говорилось о русских композиторах Глинке, Верстовском, Львове²⁸³. В следующем году в разделе «Всеславянские вести» было рассказано о художнике Айвазовском²⁸⁴.

Первые сведения о научной жизни в России содержались в статье Гая «Некоторые славянские общества как средство народного просвещения», помещенной в «Данице» за 1836 г. В ней в числе прочих перечислялись русские научные и культурно-просветительные учреждения и общества²⁸⁵. Той же теме были посвящены статья «Народное просвещение в России», переведенная Бабукичем из журнала «Ost und West», и статья «Академия наук в Петербурге»²⁸⁶. «Даница» сообщала о новинках научной литературы в России.

«Даница» помещала материалы по истории и этнографии России. Таковы были статьи, заимствованные или составленные на основе австрийской печати, «Возникновение Петербурга», «Заметки из России», где описывались некоторые русские народные обычаи, «Монголы под Киевом», исторический рассказ «Ярослав и новгородцы»²⁸⁷.

Хозяйственная жизнь России была затронута в статье «Ярмарка в Харькове», представлявшей собой также перевод с немецкого²⁸⁸.

В «Данице» нередко помещались в переводе публицистические и исторические сочинения русских авторов, заимствованные как из чешских, так и непосредственно русских изданий. Это были работы Шишкова, Карамзина, Булгарина.

В хорватских литературных органах помещались в переводе стихотворения и рассказы русских поэтов и писателей. В 30-е годы сочинения русских авторов заимствовались из чешских изданий. Но позднее хорватские

²⁸³ «Danica», 1841, br. 47, str. 194—195.

²⁸⁴ «Danica», 1842, br. 13, str. 52.

²⁸⁵ «Danica», 1836, br. 31, str. 123—124.

²⁸⁶ «Danica», 1839, br. 5, str. 20; br. 6, str. 24; 1843, br. 37, str. 147, 148.

²⁸⁷ «Danica», 1837, br. 36, str. 148; br. 37, str. 149—151; br. 51, str. 205—207; br. 52, str. 210, 211; 1847, br. 26 i sl.; 1845, br. 41, str. 160—164; br. 42, str. 166, 167.

²⁸⁸ «Danica», 1842, br. 47—49.

поэты и писатели переводили непосредственно с русского. Первым из русских стихотворений было напечатано в 1837 г. в «Данице» стихотворение Карамзина «Отечество» в переводе Топаловича²⁸⁹. В «Данице» печатались в переводе Враза и Деметера стихотворения Лермонтова, Хомякова, Веневитинова. Но больше всего хорватские авторы переводили Пушкина. Этому способствовало то обстоятельство, что Гай имел в своей библиотеке «Собрание сочинений» русского поэта издания 1838 г.²⁹⁰ В «Данице» стихотворения Пушкина печатались в переводе Враза, Деметера, М. Д. Во второй книге «Коло» за 1842 г. была помещена «Пиковая дама», переведенная М. Поповичем. Деметер дал в альманахе «Искра» за 1844 г. вольный перевод «Метели». А во «Всеобщем загребском календаре» за 1846 г., издателем которого был Л. Жупан, а редактором С. Врбачич, папла место повесть Пушкина «Выстрел».

В «Данице» были опубликованы в переводе повести Булгарина, М. Погодина, второстепенные сочинения Карамзина. Куклевич-Сакцинский обработал его повесть «Марфа посадница».

Хорватские поэты и писатели, в первую очередь Враз, Деметер, И. Мажурачич, испытали на себе влияние русских классиков, в особенности Пушкина. В «Коло» Враз в литературно-критической статье писал: «Мы не можем всем тем нашим господам, которые пишут повести, иного рекомендовать, как то, чтобы они читали повести Пушкина, Гоголя и старались стать для нас, иллюзов, в нашем духе тем, чем являются два названных писателя в русском духе для русских братьев»²⁹¹.

В переводах хорватских поэтов и писателей с русского был элемент случайности. Переводились нередко малозначительные авторы, а у видных русских писателей второстепенные произведения²⁹². Эти случайности могли объясняться тем, что хорватские авторы в своей переводческой деятельности были связаны кругом русских произведений, которые к ним попадали. Но сказы-

²⁸⁹ «Danica», 1837, br. 14, str. 53.

²⁹⁰ J. B a d a l i c. Ruski pisci u književnosti hrvatskog preporoda. — «Hrvatsko kolo», 1946, str. 350.

²⁹¹ «Kolo», 1842, II, str. 106.

²⁹² J. B a d a l i c. Ruski pisci..., str. 347, 348—352.

валось в данном случае и недостаточное знание ими русской литературной жизни.

В хорватских периодических изданиях помещались и другие материалы, касающиеся русского общества.

В России о национальной деятельности хорватов первыми узнали ученые и литераторы, следившие за жизнью славян. Источником этих сведений были чешские деятели, тесно связанные вообще с Петербургом и Москвой. Так, Шафарик, который переписывался с Погодиным с 1835 г., часто в своих письмах упоминал о Гае и его деятельности.²⁹³

В 1840 г. Гай лично посетил Россию, рассчитывая получить здесь материальную помошь. Русские официальные лица воздержались из политических соображений от прямой поддержки Гая, но сбору средств в его пользу частным путем воспрепятствовало не было. В Петербурге Российской академия выделила ему 1000 руб.²⁹⁴ В Москве Гай был радушно встречен в кругу славянофилов. Хомяков писал Языкову 28 августа 1840 г.: «Наша Москва входит в славу. Сюда явился Гай, восстановитель Словенства Иллирийского»²⁹⁵. Наиболее тесные контакты у Гая были с М. П. Погодиным, который уже раньше слышал о Гае и одобрял его деятельность. Гай представил русскому ученому ряд записок различного содержания, касавшихся теории иллиризма и его значение на славянском юге²⁹⁶. Подписка в пользу Гая в Москве принесла 17 тыс. руб. серебром²⁹⁷. Русские славянофилы познакомили Гая с историческими памятниками Москвы, ее бытом, театром²⁹⁸.

На деньги, полученные из России, Гай приобрел собрание рукописей, книг, разных древностей и редкостей для национального музея. Будучи в России, он собрал также значительную коллекцию русских книг и рукописей. В 1842 г. Гай был избран действительным членом Одесского общества любителей истории и древ-

²⁹³ Н. А. Попов. Людовит Гай в России в 1840 году. — «Древняя и новая Россия», СПб., 1879, № 8, стр. 277.

²⁹⁴ Там же, стр. 278—280.

²⁹⁵ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V. СПб., 1892, стр. 444.

²⁹⁶ Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 280—281.

²⁹⁷ Эту сумму назвал Погодин в речи в 1868 г. Хомяков же писал в 1840 г. о 20 тыс. руб. (Н. Барсуков. Указ. соч., стр. 447).

²⁹⁸ Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 283.

постей²⁹⁹. До 1843 г. Гай переписывался с Погодиным, но затем их переписка прервалась³⁰⁰.

Подробные сообщения в русской печати о хорватском национальном движении появились в 40-е годы. Во втором номере журнала «Москвитянин», который с 1841 г. издавался Погодиным, в обзоре «Славяnsкие племена», представлявшем собой перевод с немецкого, характеризовалась национальная жизнь славян Австрийской империи, в том числе и хорватов. «Москвитянин» с одобрением писал о деятельности Гая и национальном пробуждении хорватов³⁰¹. Но упоминания о хорватском Возрождении публиковались в печати еще в 30-е годы. В дальнейшем «Москвитянин» регулярно освещал состояние хорватской литературы, сообщал некоторые сведения о других формах национальной жизни и политической борьбе в Загребе.

В 1846 г. в издании «Чтения в императорском обществе истории и древностей при Московском университете» был помещен перевод «Виподольского закона», сделанный Бодяцким по публикации А. Мажурачича.

В 40-е годы XIX в. Хорватию и Славонию посетили русские учёные и путешественники. Первым в 1840 г. в Загреб приехал О. М. Бодяцкий, через год в Хорватии побывали И. И. Срезневский и П. И. Прейс, а в 1846 г. — В. И. Григорович. Они проходили за границей подготовку для занятия кафедр славистики в Московском, Харьковском, Петербургском и Казанском университетах³⁰². В 1841 г. Загреб посетили в качестве путешественников попечитель одесского учебного округа, председатель Одесского общества любителей истории и древностей Д. М. Княжевич и Н. И. Надеждин. В 1843 г. в Загребе был литератор В. А. Панов³⁰³. В 1845 г. в Хорватии и Славонии побывали профессор Петербургского университета Ф. В. Чижов, историк русской литературы А. Д. Галахов, публицист и переводчик Н. А. Ригельман³⁰⁴. Посе-

²⁹⁹ Arhiv Hrvatske u Zagrebu. 0—15. Obitelj Gaj, kutija 2.

³⁰⁰ «Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861)», вып. III. М., 1880, стр. 704—708; Н. Попов. Указ. соч., стр. 284.

³⁰¹ «Москвитянин», 1841, ч. I, № 2, стр. 474, 475.

³⁰² В. И. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 324, 326, 334, 335, 344.

³⁰³ «Danica», 1841, br. 28, str. 116; «Građa...», knj. 8. U Zagrebu, 1916, str. 337—338.

³⁰⁴ «Славянский архив», 1958, стр. 146, 147.

щение русскими Хорватии и Славонии отражало возраставший интерес к этим землям русской общественности.

Русские слависты и путешественники общались с видными представителями иллиризма, бывали на национальных вечерах, в Иллирийской читальне, в национальном театре. Они ознакомились с достопримечательностями Загреба и других мест Хорватии. Большой интерес был проявлен русскими к народному быту, народным хорватским песням и вообще фольклору³⁰⁵.

Русские слависты и путешественники были окружены радушением и вниманием в Хорватии. И. И. Срезневский по прибытии в Загреб писал матери: «На другое утро я отправился к Гаю: стоило мне сказать, что я русский и Срезневский, как меня и Гай, и другие, бывшие у него, давай целовать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарик писал им, что я буду в Загребе из Далмации»³⁰⁶. Теплое отношение хорватских национальных деятелей к русским отмечал и Чижов. «Вообще нас на руках носят, — записывал он в дневнике, — то один с нами, то другой — беспрестанно»³⁰⁷. «Даница» освещала пребывание русских славистов в Хорватии³⁰⁸. Все это определялось горячими симпатиями, которые деятели иллиризма питали к русскому народу. В 1841 г. Срезневский писал из Загреба: «Ревность в изучении русского языка страшная... Не только тут, но во всей Кроации, Славонии, отчасти в Далмации и далее все молодое поколение за русских»³⁰⁹.

Из посетивших Хорватию русских наиболее активное и горячее отношение к хорватскому Возрождению проявил И. И. Срезневский, впоследствии крупный представитель русской славистики. Он приобрел в Хорватии искренних друзей. Чижов записывал в дневнике: «...Здесь Срезневский оставил по себе славную память»³¹⁰.

³⁰⁵ См. «Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839—1842)». — «Живая старина», вып. I. СПб., 1893, стр. 32 и сл.; вып. II. СПб., 1893, стр. 152 и сл.; «Славянский архив», 1958, стр. 148 и сл.

³⁰⁶ «Живая старина», вып. I. СПб., 1893, стр. 32.

³⁰⁷ «Славянский архив», 1958, стр. 150.

³⁰⁸ «Danica», 1841, br. 14, str. 56; br. 28, str. 116; 1840, br. 11, str. 44.

³⁰⁹ «Живая старина», вып. I. СПб., 1893, стр. 37.

³¹⁰ «Славянский архив», 1958, стр. 149.

Особенно теплые отношения установились между Срезневским и Вразом. Они совершили путешествие по хорватскому Загорью и словенским землям. Некоторое время их сопровождал И. Мажурапич. Срезневский и Враз длительное время переписывались. Враз поддерживал связь и с Бодяшским³¹¹. Дружба Враза с русскими учеными вызвала подозрение у правительства. За них была установлена негласная слежка.

Срезневский еще до приезда в Загреб имел представление о литературно-языковой деятельности участников иллиризма и одобрял ее. В письме к Ганке от 29 января 1841 г. из Вены он подверг критике грамматику кайкавского наречия Кристиаповича, вышедшую в 1837 г. из типографии Жупана в старой орфографии. «Пора бы, кажется, оглянуться и принять правописание Гая... — писал он. — Человек тем и отличается от неразумной скотицы, что усваивает себе все хорошее; а Г. Жупан, кажется, не паяц, имеющий хлеб от обезьяны»³¹². Срезневский понимал целесообразность духовного сближения югославян. Вместе с тем он первое время разделял и заблуждения относительно возможности литературно-языкового присоединения словенцев к хорватам³¹³.

Приехав в Хорватию, Срезневский непосредственно мог наблюдать живую национальную деятельность. Он с большим уважением и одобрением отнесся к литературным и другим национальным начинаниям Гая и его соратников. Он с удовлетворением писал об оживлении литературной и общественной жизни в Хорватии. «О духе „домородства“ я уже не говорю, — замечал он в письме к Ганке, — душа проспулась и хочет жить, и чем больше живет, тем больше хочет жить»³¹⁴. Срезневский писал об успехах «литературы иллирийской». «Между сими писателями, — замечал он, — первое место, если не по слогу и множеству сочинений, то по духу возбуждения, по влиянию на всех других, бесспорно, принадлежит незабвенному Гаю... Враз, Вукотинович, Деметар, Кукулевич Сакципский, Раковац, Стоос и некоторые другие, как поэты с душою, заняли бы почетное место во всякой литературе. Особенно

³¹¹ «Живая старина», вып. I, СПб., 1895, стр. 45—56.

³¹² В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке..., стр. 954, 955.

³¹³ Там же, стр. 959.

³¹⁴ Там же, стр. 963.

мне нравится Враз, как поэт, умеющий понимать дух народный... Бабуич и Мажурач не могут не быть памятны по филологическим трудам...»³¹⁵ Срезневский подчеркивал интерес хорватской молодежи к славянским языкам. Русский ученый с удовлетворением отмечал успехи национального театра, деятельность читальни в Загребе и т. д. Он писал о югославянском сближении: «Утешительно также видеть, что к «Слоге иллирской» приступают не только дубровчане, далматинцы, сербы, сремцы, но и босняки и даже краинцы, карпийцы и штирийцы»³¹⁶.

Одобрительно оценивал деятельность представителей хорватского Возрождения и П. И. Прейс. Он писал М. С. Куторге из Загреба 1 октября 1841 г. следующее: «В Кроации за семь лет ничего не было. Теперь же в одном Аграме работают две типографии без устали; выходят две газеты (политич. и литературн.) на иллирском (или что все равно на сербском); к новому году число повременных изданий увеличится вдвое; в каждом несколько значительном городе устроены кабинеты для чтения (читальницы): их теперь уже 6; скоро будет основан в Аграме музей и ученоп-литературное общество при нем; в Аграме же заведен постоянный театр Иллирский; по городам странствуют труппы. Мысль не отстать от прочих собратий одушевляет всех: мадьяры чрезвычайно как помогают им. Молодежь возбуждена к деятельности живой, патротической. Если мерить европейским аршином, то, конечно, сделанное не Бог знает что, но — ради Бога, — можно ли более сделать в продолжение 7-ми лет? Не забудь еще, что все это творится усилиями *частных* людей и большую частью людей не богатых, не без борьбы со старым поколением и с неприятелями разного звания и происхождения»³¹⁷.

Оценивая в целом положительно вклад сторонников иллиризма в национальное развитие хорватского народа, Срезневский вместе с тем не одобрял распространение среди поэтов и писателей подражание в языке дубровчанам XVII в., считая это анахронизмом. Срезневский целиком поддерживал точку зрения и направление творче-

³¹⁵ В. А. Францев. Письма к Вячеславу Гашке..., стр. 964, 965.

³¹⁶ Там же, стр. 965.

³¹⁷ «Живая старина», вып. III. СПб., 1891, стр. 41.

ских усилий Враза, считавшего основой нового литературного языка народную речь³¹⁸.

Будучи в Загребе, Срезневский и Прейс с неодобрением наблюдали трепия между Гаем и Вразом в связи с желанием последнего пачать новое литературное издание. Прейс приложил немало усилий, чтобы убедить Гая в целесообразности выхода «Коло»³¹⁹.

Но Срезневский считал искусственным и пижанско-способным название «иллиры» вместо этнонимов «сербы», «хорваты» и т. д. В феврале 1842 г. он писал Ганке из Вены: «Я уже не говорю об имени иллиров, которым хотели бы иные совершенно заменить имя сербов и хорватов, или правильнее одних сербов, потому что имя хорват еще дозволено попеволе. Имя сербов из истории не вытреши. Впрочем, Бог даст, детский спор за имя совершенно кончится. Теперь уже и сами загребчане — разумеется, умнейшие, идут против иллиромании (см. в Illir. Nowin. Zimne misli, L. Vukotinovića)»³²⁰. Но при всем своем критическом отношении к названию «иллиры» Срезневский был против споров об именах и выступал за практическое сближение сербов и хорватов в чистоте и правильности языка³²¹.

Русские слависты сотрудничали в хорватских периодических изданиях. Срезневский писал для «Даницы» и «Коло» небольшие корреспонденции, литературные обозрения, библиографические заметки, помещал записанные им народные хорватские песни. Прейс напечатал во втором выпуске «Коло» за 1842 г. «Старинное открытое письмо» (глаголический оригинал 1457 г.). Григорович, будучи в Загребе, предоставил в распоряжение Враза свое богатое собрание болгарских и македонских народных песен. Часть из них была напечатана в «Коло».

Срезневский, Бодянский, Дубровский посыпали книги хорватским знакомым и читальне в Загребе³²². В свою очередь Срезневский, Погодин, Дубровский получали

³¹⁸ В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке..., стр. 993, 994, 1012.

³¹⁹ «Живая старина», вып. III. СПб., 1891, стр. 39.

³²⁰ В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке..., стр. 1013.

³²¹ Там же, стр. 1012, 1013.

³²² «Grada...», knj. 3, str. 289; «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 357; J. Badalić. Ruski pisci..., str. 344; F. Petre. Poizkus ilirizma..., str. 258.

книги от Враза³²³. Петербургское общество земледелия и сельского хозяйства отправляло книги для хорватского Сельскохозяйственного общества³²⁴.

Деятели иллиризма, выдвинув идею югославянского единства, старались на практике возможно теснее сблизить хорватов с другими югославянскими народами.

Хорватские национальные деятели внимательно следили за общественной жизнью в словенских землях. В периодических изданиях иллиризма регулярно помещались библиографические заметки, обзоры словенской литературы, сведения о национальной жизни словенцев, вначале бравшиеся из австрийской печати, в 40-е годы из австрийской и словенской прессы, а также написанные словенцами. «Даница» приветствовала в 1843 г. появление газеты на словенском языке. Она расценивала выход газеты как свидетельство того, что «славянская пародность повсюду все больше и больше развивается», и рекомендовала издание хорватскому обществу³²⁵. Журнал с удовлетворением отмечал позднее введение в газете «органического» правописания, а также лексическое сближение ее языка с хорватским и вообще славянскими изданиями³²⁶. В 1844 г. «Даница» выражала «искреннюю радость» по поводу предполагавшегося выхода сборника стихотворений крупнейшего словенского поэта Прешерна. Одновременно редакция высказывала пожелание, чтобы книга была напечатана «органическим» правописанием³²⁷. Журнал писал о растущем интересе к родному языку в словенском обществе³²⁸ и т. д. Несмотря на то что хорватские национальные деятели настаивали на литературно-языковом слиянии «иллиров», они положительно расценивали достижения словенской литературы, видя в них поступательное развитие национального Возрождения югославян.

Иллиризм, особенно вначале, вызвал известный резонанс в словенских землях. Еще на рубеже 20—30-х годов

³²³ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 299; В. А. Фраппев. Письма к Вячеславу Гашке..., стр. 1013; он же. Tri pisma Stanka Vraza P. P. Dubrovskomu (K istoriji rusko-hrvatskih kniževnih sveza u 19. vijeku). — «Građa...», knj. 8, str. 340.

³²⁴ «Славянский архив», 1958, стр. 164.

³²⁵ «Danica», 1843, br. 22, str. 86, 87.

³²⁶ «Danica», 1847, br. 3, str. 10, 11.

³²⁷ «Danica», 1844, br. 38, str. 152.

³²⁸ «Danica». 1847, br. 11, str. 43.

молодые словенцы, учившиеся в Вене и Граце, были тесно связаны с хорватами. Все они были взволнованы учением о славянской взаимности и разделяли идеи национального Возрождения и сближения югославян. Поэтому задолго до выхода газеты Гая у части словенской интеллигенции существовал живой интерес к жизни соседней Хорватии. Иван Халтер писал Гаю из Граца 12 ноября 1833 г., что он, Враз, Цаф, Мелничевич и Радакович читают по-хорватски³²⁹. Они интересовались новинками литературы хорватов. Халтер с нетерпением ожидал выхода изданий Гая. Он сообщал, что штирийские словенцы были готовы подписаться на 12 экземпляров³³⁰. В декабре 1833 г. Станко Враз писал Раковацу о большом интересе в Штирии к литературной жизни хорватов³³¹.

Иллирийские идеи получили распространение раньше всего в Штирии. Горячим сторонником иллиризма явился Станко Враз³³². Еще в гимназии у него проснулись патриотические чувства. В студенческие годы в Граце Враз узнал кириллицу, стал изучать славянские языки, читать пародные песни. С 1832 г. он сам начал писать стихи на родном языке и собирать словенский фольклор³³³.

Враз лично познакомился с Гаем в 1833 г. в Граце и в том же году впервые посетил Хорватию³³⁴. С этого времени он внимательно следил за национальным пробуждением Хорватии. В конце 1833 г. он в письме к Раковацу убеждал хорватских писателей опираться в литературно-языковом отношении не на городской, испорченный немецким влиянием, а на крестьянский говор. Он призывал также трудиться над основанием национального театра³³⁵. По просьбе Гая Враз собирал подписку на хорватские издания среди словенцев. В 1835 г. он напечатал в «Данице» свое первое стихотворение на хорватском языке, хотя и с большой примесью словенского. В 1834—1837 гг. Враз

³²⁹ Имелся в виду кайкавский диалект.

³³⁰ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 197, 198.

³³¹ «Grada...», knj. 3, str. 259, 260.

³³² Враз родился в 1810 г. в южной Штирии в крестьянской семье. В 1830—1838 гг. изучал философию и право в университете в Граце, который, однако, не кончил (T. Smičiklas, F. Marković. Matica..., str. 257).

³³³ F. Ilešić. Stanko Vraz u školama. — «Grada...», knj. 5. U Zagrebu, 1907, str. 91, 92.

³³⁴ F. Petre. Указ. соч., str. 41, 50, 51.

³³⁵ «Grada...», knj. 3, str. 260.

неоднократно бывал в Хорватии, а в конце 1838 г. переехал в Загреб окопчательно³³⁶. С этого времени Враз полностью связал свое творчество с хорватской литературой и свою деятельность с хорватским национальным движением. Крупнейший поэт эпохи иллиризма Враз поддерживал связь со многими видными славянскими учеными и литераторами.

Однако при всей искренней приверженности Враза к иллиризму у него не было полного совпадения во взглядах с Гаем, и его исходные позиции были иные, чем у Гая. Принимая иллирийские идеи, Враз руководствовался стремлением обеспечить национальное существование словенцев в условиях растущей германизации. Считая целесообразным литературно-языковое соединение словенцев с хорватами на основе штокавщины, Враз вместе с тем допускал употребление словенского языка в книгах для простого народа³³⁷. Для Враза идея «Великой Иллирии» ограничивалась только духовным соединением южных славян.

Враз оказал большое влияние на словенцев. Он находился в переписке с рядом видных словенских ученых и литераторов, убеждал их в необходимости присоединения словенцев к иллиризму. Во времена своих посещений словенских земель Враз непосредственно распространял идеи иллиризма.

В Штирии Враз был тесно связан еще с гимназии с Францем Миклошичем, ставшим затем профессором Грацкого университета. В конце 30-х годов Миклошич проявлял интерес к иллиризму. Но уже вскоре присоединился к его противникам³³⁸.

Деятельным сторонником иллиризма в Штирии был Штефан Кочевар. Идеино он сформировался под влиянием Гая, с которым познакомился еще в бытность того в Граце. В Вене, где Кочевар изучал медицину, он узнал Деметера. Кочевар активно распространял идеи иллиризма, сотрудничал в изданиях Гая, переписывался с Вразом на хорватском языке³³⁹. Поддерживали иллиризм,

³³⁶ F. Ilеšić. Указ. соч., стр. 93, 94, 95, 96.

³³⁷ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 201, 202, 332; «Kolo», 1842, I, str. 41.

³³⁸ «Dela Stanka Vraza», d. 5, str. 326; V. Deželić. Pisma..., str. 322; F. Petre. Указ. соч., стр. 153, 177, 232.

³³⁹ F. Petre. Указ. соч., стр. 224.

хотя и не полностью, священики Орослав Цаф, Антош Кремпл, Даворин Трстенник³⁴⁰. В начале 40-х годов наметился сдвиг в сторону иллиризма у Муршеца³⁴¹. Однако эти деятели в конечном итоге пришли к выводу о необходимости создания единого литературного «иллирийского» языка путем слияния всех наречий³⁴².

Были и другие сторонники иллирийского движения в этом kraе, особенно среди студенческой молодежи³⁴³. Они изучали хорватский язык, выписывали хорватские издания, сотрудничали в них, находились в дружеском общении с Вразом, Гаем и другими деятелями. Враз писал Гаю из Граца в 1839 г.: «Вообще дух здесь (в Штирии. — И. Л.) — хороший...»³⁴⁴

В Каринтии сторонником иллиризма был национальный лидер местных словенцев старый священник Урбан Ярник. Уже в 1836 г. он выражал недовольство «сепаратистской» линией Концтара. В 1838 г. Ярник писал Вразу, что «Даница» стала связью, соединением жизненных нитей южных славян. К 1841 г. он научился писать на «иллирийском языке». В то же время он выражал пожелание о включении в него некоторых особенностей словенского³⁴⁵. В 1842 г. в «Коло» была напечатана статья Ярника о словенском языке.

Активно поддерживал идеи иллиризма священник Матия Маяр из Целоваца³⁴⁶. Он переписывался с Вразом, Гаем, обменивался с ними литературой, способствовал распространению в Каринтии хорватских изданий. В 1839 г. Маяр писал Гаю, что «все иллиры в Каринтии большую радость испытывают по поводу «Даницы». В другом письме от 1840 г., передавая Гаю привет от «искреннего иллира» богослова Корешца, он с удовлетворением сообщал, что 10 богословов дважды в неделю собираются и упражняются в «иллирийском языке»³⁴⁷. Маяр напечатал ряд этнографических статей в «Коло». Однако принимая иллирийские идеи, Маяр стремился

³⁴⁰ F. Petre. Указ. соч., стр. 143, 144, 232, 233.

³⁴¹ Там же, стр. 231.

³⁴² Там же, стр. 277, 278, 279, 285, 286.

³⁴³ Там же, стр. 116, 282, 283, 284.

³⁴⁴ V. Deželić. Pisma..., str. 321.

³⁴⁵ T. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., str. 259; F. Petre. Указ. соч., стр. 114, 115, 205.

³⁴⁶ Современный Клагенфурт.

³⁴⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 298.

к постепенному объединению словенского и сербо-хорватского языков, а не к оттеснению первого вторым, и видел в этом путь к всеславянскому языковому единству³⁴⁸.

Иллирийских убеждений придерживался богослов Дробнич из Целоваца³⁴⁹. Степан Коронец писал к Гаю 1 января 1840 г., что почти все слушатели богословия в Целоваце читают «Дапицу» и упражняются в «иллирийском языке». Коронец называл себя «иллиром», а своих единомышленников в семинарии «братьей иллирийской»³⁵⁰.

Сторонники иллприма имелись и в Крайне. В 1839—1840 гг. Крайна стала центром деятельности приверженцев иллризма среди словенцев³⁵¹. Принимал идеи иллрийского движения священник Матевж Равникар³⁵². Профессор люблянского лицея Й. Поклукар сообщал в письме к Гаю в середине 1835 г., что существует большой интерес и теплое сочувствие к начинанию Гая³⁵³. Священник Е. Мароушник в письме к Гаю в 1838 г. писал, что переведенные им на немецкий язык две патриотические песни Гая «в некоторых посвященных кругах поются с истинным пристрастием»³⁵⁴. О расположении в Крайне к иллризму писал Гаю в 1839 г. священник Юрий Кобе³⁵⁵.

В Люблянской семинарии уже в 1837 г. были распространены проиллрийские настроения³⁵⁶. В 1839 г. здесь образовалось «Иллрийское общество». В 1839—1843 гг. оно было средоточием сторонников иллризма в Крайне. Во главе общества в это время стоял Л. Пиштар, «крайнский иллир до смерти». Секретарем был Якоб Крашна³⁵⁷. В письме в редакцию газеты Гая от 12 октября 1840 г. он выражал полное одобрение идеи литературного единства «славной Иллрии». По его словам, он вел пропаганду идей иллризма среди духовных лиц и ему удалось

³⁴⁸ F. Petre. Указ. соч., стр. 305—307.

³⁴⁹ Там же, стр. 182.

³⁵⁰ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 356.

³⁵¹ F. Petre. Указ. соч., стр. 183.

³⁵² F. Petre. Указ. соч., стр. 184, 185, 186, 288.

³⁵³ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 393.

³⁵⁴ Там же, стр. 311.

³⁵⁵ Там же, стр. 257.

³⁵⁶ F. Petre. Указ. соч., стр. 155.

³⁵⁷ Там же, стр. 217, 219.

убедить некоторых из них в необходимости изучения «иллирийского языка» путем чтения литературы на нем³⁵⁸.

С 1840 г. люблянское общество возглавлял Лука Еран. В начале 1843 г. оно насчитывало 20 человек, что составляло $\frac{1}{4}$ часть всех семинаристов³⁵⁹. Общество поддерживало связь с видными загребскими деятелями. Но если вначале люблянские семинаристы полностью принимали языковую программу Гая, то в середине 40-х годов среди них было распространено мнение о необходимости включения в общий южнославянский язык и элементов словенского³⁶⁰. С 1840 г. проявляли интерес к иллиризму также семинаристы в Горице³⁶¹. Были в Крайи и другие сторонники иллирийского движения, преимущественно в среде молодежи и духовенства.

В Крайи были деятели, которые с самого начала заняли активную отрицательную позицию к иллиризму. Против механической замены словенского языка хорватским выступил талантливый словенский поэт Прешперн. Он решительно отстаивал самостоятельное литературно-языковое развитие словенского народа. Ярым противником иллиризма явился крупный ученый Копитар. Он был не только против литературного слияния словенцев с хорватами и сербами на основе штокавицы, но не одобрял литературно-языковую реформу Гая и для Хорватии, выступая за присоединение кайкавских хорватах к словенцам.

Словенцы не прияли единый «иллирийский язык». Но орфография Гая, хотя и не сразу, утвердилась в Словении. В 1840 г. ею были изданы произведения Водника, Липхарта, Смоле, Малавашича, в 1843 г. второе издание грамматики словенского языка Мурко. Утверждению нового правописания в словенских землях содействовал Янез Блейвейс, учитель медицинской школы и одновременно секретарь Сельскохозяйственного общества в Любляне. Это общество с 1843 г. стало издавать газету «Кметийске и рокоделске новице» («Сельскохозяйственная и ремесленная газета»). Редактором ее был Блейвейс. Из отраслевого экономического издания газета в конце 40-х годов превратилась в политический орган. Первоначально

³⁵⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 356, 357.

³⁵⁹ F. Petre, Указ. соч., стр. 220.

³⁶⁰ Там же, стр. 288.

³⁶¹ Там же, стр. 220.

она печаталась богонацией, по с 1844 г. Блейвейс стал постепенно вводить новое правописание. С 1847 г. он окончательно перевел ее на гаевскую орфографию. Газета объединила все лучшие литературные силы словенских земель. Блейвейс старался сблизить словенские паречия между собой, и язык его газеты стал литературным общесловенским языком. Хотя Блейвейс был сторонником сближения словенцев с хорватами и сербами, однако он выступал против слияния их в литературе³⁶².

После запрещения названия «иллиры» и выхода газеты Блейвейса большинство словенских сторонников иллиризма вернулось в письменности к родному языку, стараясь, правда, внести в него некоторые хорватские формы. Это означало отход от идей иллиризма. Во второй половине 40-х годов в словенских землях лишь одиночки продолжали настаивать на литературно-языковом слиянии словенцев с хорватами. Господствующим стало мнение о необходимости духовного сближения словенцев с другими югославянскими народами, в том числе и с хорватами, при сохранении словенцами своего литературного языка и культуры.

В конечном счете идеи иллиризма в словенских землях успеха не имели. Основная причина этого состояла в том, что выдвинутые хорватскими деятелями идеологические положения, хотя частично они и могли служить национальной консолидации словенцев, в своем существе противоречили потребностям формировавшейся словенской нации.

Деятели иллиризма проявляли особый интерес к Боснии и Герцеговине. Поэтому, несмотря на скучность информации, они по возможности старались через свои периодические издания информировать хорватскую общественность о положении в Боснии. Материалы из самой Боснии стали помещаться в «Данице» лишь с начала 40-х годов.

Ряд деятелей иллиризма посетил Боснию. Первым в 1839 г. побывал здесь Херкалович³⁶³. В конце того же года посетил Боснию Матия Мажурачић, кузнец, младший брат Антуна и Ивана. Результатом этой поездки явилась выпущенная в 1842 г. в Загребе анонимно брошюра «Взгляд на Боснию, или Короткое путешествие в эту

³⁶² F. Petre. Указ. соч., стр. 289—294.

³⁶³ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 205, 209, 210.

провинцию, совершенное одним патрнотом». Вторично М. Мажурач появился в Боснии в августе 1847 г. и пробыл там более двух лет³⁶⁴. Несомненно, что поездки в Боснию сторонников иллиризма находились в связи с политическим интересом в Хорватии к этой провинции.

Иллиризм стал оказывать влияние на славянское население Боснии и Герцеговины еще в 30-е годы XIX в.

Наиболее горячие приверженцы иллиризма в Боснии и Герцеговине принадлежали к числу францисканцев, имевших здесь богатые монастыри. Францисканцы были наиболее образованными людьми среди христиан в Боснии и Герцеговине. Не удивительно поэтому, что именно в их кругу стали зарождаться элементы передовых воззрений, складываться понимание национальных потребностей. Этому способствовало то обстоятельство, что многие боснийские католические священники учились в Хорватии и Венгрии, где вращались в кругу духовной молодежи, увлеченной идеями Коллара и Гая. Проиллирийская позиция францисканцев сложилась не без влияния того факта, что католическое духовенство в Хорватии оказалось массовой поддержкой иллиризму.

В 1846 г. была попытка основания в Боснии общества, подобного Загребской читальне³⁶⁵. Однако она не увенчалась успехом.

Наиболее деятельным и последовательным сторонником иллиризма в Боснии был францисканец Иван Франьо Юкич, учившийся в Венгрии. Он ревностно распространял учение иллиризма, переписывался с Гаем, писал для «Дации» и «Коло». В 1841 г. он опубликовал в «Магазине» Петраповича «Географическо-историческое описание Боснии», где рассматривал ее частью «Великой Иллирии». Эта статья была перепечатана в «Дапице» с дополнениями Юкича³⁶⁶. Он печатал некоторые работы в типографии Гая. Захваченный идеями национального Возрождения Юкич собирал в Боснии и издавал народные песни, сказки, пословицы, загадки.

Последователями идей иллиризма были францисканцы М. Недич и Л. Мартич. Они выписывали издания Гая.

³⁶⁴ I. Brlić. O braći Mažuranićima, Matiji i Ivanu. — «Građa...», knj. 24. Zagreb, 1953, str. 112, 113.

³⁶⁵ V. Deželić. Pisma..., str. 92.

³⁶⁶ «Danica», 1841, br. 28—32; 1842, br. 12, str. 45—47; br. 13, str. 49, 50.

Мартич печатался в «Коло» и «Данице» в духе иллиризма. Проявляли интерес к изданиям Гая францисканцы В. Йосич, учившийся в Венеции, Б. Краинович³⁶⁷. В типографии Гая работали боснийцы Антон Каич и Никола Бадров, приехавшие в 1843 г. в Загреб по рекомендации Юкича с целью изучения типографского дела³⁶⁸. Связанными между Гаем и сторонниками иллиризма в Боснии нередко выступали торговцы.

Близким единомышленником Гая был францисканец Степан Марянович. Автор первых школьных учебников для Боснии Марянович был одним из руководителей борьбы боснийских францисканцев против епископа Баришича. Будучи проездом из Рима к себе на родину в Карловаце в июле 1843 г., Марянович направил Гаю письмо с просьбой о встрече в Сисаке. Марянович при этом просил не разглашать о его пребывании в Карловаце³⁶⁹. Не известно, состоялась эта встреча или нет. Но Гай готовился к ней, о чем свидетельствует вопросник, который был приложен Гаем к письму Маряновича. Он касался военного положения и внутриполитической жизни Боснии³⁷⁰.

Гай поддерживал также связи с боснийскими беженцами. Он содействовал их размещению в Хорватии и устройству на службу³⁷¹.

О связях А. Нугента с Боснией говорилось выше. 12 ноября 1843 г. Раковац записывал в дневнике: «Сегодня из Сербии и Боснии прибыл Антон Штаудуар, управляющий Нугента. Говорит, что иллирийские дела там идут очень хорошо и т. д.»³⁷²

Приведенные данные о связях загребских национальных деятелей с последователями их идей в Боснии и Герцеговине не дают оснований говорить об организованной практической деятельности сторонников иллиризма в правлении освобождения Боснии от турецкого господства

³⁶⁷ V. Deželić. Pisma..., str. 92; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 272, 312, 313, 355; I. Matuzić. Ilirizam i Srbija, str. 8.

³⁶⁸ В 40-е годы Юкич и его единомышленники намеревались основать училище с национальным языком преподавания и типографию (J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 124).

³⁶⁹ Там же, стр. 306.

³⁷⁰ Там же, стр. 307.

³⁷¹ Там же, стр. 322, 323, 325, 497.

³⁷² «Dnevnik Dragutina Rakovca», str. 26.

и ее политического соединения с Хорватией, хотя идеологическая подготовка такого объединения, как и собирание единомышленников в Боснии, имела место.

С мая 1835 г. в «Дапице» печатались материалы о Черногории, показывавшие свободолюбие черногорцев, их преданность родине и мужество в борьбе с турками. В 1847 г. в «Коло» был помещен отрывок из книги Петра Петровича Негоша «Luča mikrokozma». Негош и сам писал для «Дапицы».

Хорватские деятели питали глубокое уважение к Петру Петровичу Негошу. В 1841 г. Гай и А. Мажурашич совершили поездку в Цетинье, где лично познакомились с ним³⁷³. Еще раньше в Вене лично узнал владыку Кукулевич-Сакцицкий. С Негошем был знаком заочно Враз. Петр II Негош сочувствовал деятельности Гая и его соратников, был близок идею литературно-языкового югославянского единства. Хорватские деятели дарили Негошу книги для черногорской библиотеки³⁷⁴.

Деятели иллиризма стремились к укреплению хорвато-сербских связей. Этому в первую очередь служило принятие ими штокавского говора в качестве основы общехорватского литературного языка. Гай и другие деятели иллиризма сами изучали и призывали образованных хорватов знать кирплицу.

Национальные периодические издания с первых номеров постоянно и широко знакомили хорватскую общественность с жизнью сербов в Венгрии, положением в Сербии. Помещались обзоры сербской литературы, библиографические заметки, исторические и этнографические статьи и очерки, информация о сербском культурном и общественном развитии (о сербских балах в Пеште, о деятельности сербских читален и «Матицы», о просвещении и национальном театре в Сербии, о белградском научном обществе и т. д.). Это были переводные материалы, заимствованные из австрийских и чешских изданий, написанные хорватами, и присланые сербами и взятые из сербской прессы. Все статьи и заметки о сербской жизни были проникнуты теплой симпатией и дружественным расположением к сербам.

³⁷³ М. Живачевич. Иван Мажурашић, стр. 73.

³⁷⁴ V. Deželić. Pisma..., str. 152, 153; П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 216, 217.

Желая расположить сербскую общественность к иллирийскому движению, хорватские национальные лидеры возвеличивали сербов, утверждали, что именно сербы сохранили в наиболее чистом виде язык, обычай и традиции «иллирийской народности»³⁷⁵.

Деятели хорватского Возрождения живо откликались на важнейшие явления политической, общественной и культурной жизни сербского народа. Деметер приветствовал в 1839 г. провозглашение конституции в Сербии стихотворением «Утешение Иллирии»³⁷⁶.

Хотя деятели иллиризма старались не вмешиваться в споры, которые велись между сербами, тем не менее они не остались безучастными к литературно-языковой борьбе, которая шла в кругах сербской общественности вокруг литературно-языковой реформы Караджича. Хорватские деятели решительно поддержали сторонников развития сербского литературного языка на основе пародной речи. Деметер в статье «Кое-что о национальном театре в Белграде», приветствуя усилия сербов в организации постоянного национального театра, писал, что его драматургическую основу должны составить произведения, написанные на живом наречии, а не на церковнославянском языке. Деметер подчеркивал, что литература должна быть понятна широким слоям народа и ориентироваться на массы, а не на узкий круг избранного общества³⁷⁷. Редакция «Даницы» в 1843 г. выражала удовлетворение в связи с прогрессирующим переходом сербских писателей с «классического» на пародный язык. Редакция видела в этом путь к единению и согласию³⁷⁸. В 1846 г. Враз в статье «Мысли о литературе», опубликованной в журнале «Сербский Летопис», решительно призывал сербских писателей писать на пародном языке, понятном как сербам, так и хорватам³⁷⁹.

«Даница» часто содержала выдержки из сочинений Д. Обрадовича, которого Бабукич называл «наш иллирийский Сократ»³⁸⁰. В журнале постоянно печатались сербские пародные песни из собрания В. Караджича. Здесь

³⁷⁵ «Danica», 1846, br. 31, str. 124.

³⁷⁶ «Danica», 1839, br. 12, str. 45—46.

³⁷⁷ «Danica», 1842, br. 16, str. 63, 64.

³⁷⁸ «Danica», 1843, br. 44, str. 175.

³⁷⁹ «Сербский Летопис за год 1846», ч. I. У Будиму, стр. 131—138.

³⁸⁰ «Danica», 1839, br. 2, str. 8.

были перепечатаны исторические работы Караджича «Первый год сербской войны против дахиев», «Второй год сербской войны против дахиев»³⁸¹ и многие сочинения других сербов.

В хорватских изданиях сотрудничали многие сербы. В свою очередь Враз, Раковац, Вукотинович, Кукулевич, Топалович, Бабуич и другие, особенно в 40-е годы, непосредственно выступали в сербских изданиях, независимо от их отношения к иллиризму³⁸². Хорватские деятели поддерживали личный контакт со многими представителями сербской общественности.

Большой интерес к жизни Сербии проявляла учащаяся молодежь. Уже в начале 30-х годов загребская молодежь читала сербскую прессу, книги, особенно сочинения Караджича, Обрадовича, Раича³⁸³. Хорвато-сербскому сближению содействовали и спектакли повисадской театральной труппы в хорватских городах.

Выше уже говорилось об участии сербов в иллирийском движении в Хорватии и Славонии, о поддержке ими идей иллиризма в Далмации и на большей части Военной Границы. Разбросанность сербов, перемешанность с хорватами, недостаточно глубокое национальное размежевание между теми и другими, известная удаленность от Сербии были причинами того, что сербы в указанных районах действовали с хорватами в национальном отношении совместно.

Иная картина наблюдалась в южной Венгрии и Среме. В этих районах сербское население было компактным, здесь имелся мощный торговый сербский слой. Нови Сад был средоточием сербской культуры, а город Карловцы являлся религиозно-церковным центром православного населения Австрийской империи, по соседству находилось Сербское княжество — все это способствовало более тесному общению сербов между собой в Венгрии и Среме, осознанию ими своего национального отличия от других балканских народов и национального единства с той частью сербов, которая строила буржуазную Сербию.

³⁸¹ «Danica», 1840, br. 16—23; 1841, br. 6—9.

³⁸² I. M a m u z i ē. Ilirizam i Srbi, str. 5, 6, 9—11, 12, 13, 15, 17, 20—22.

³⁸³ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 163; D. Surmin. Hrvatski preporod, I, str. 150; II, str. 75, 76.

Поэтому в Венгрии еще задолго до иллиризма, а затем и в Среме развернулось самостоятельное сербское национально-освободительное движение.

Отношение сербов, живших за пределами Сербии, к иллиризму не было в разных кругах и в разные годы однозаковым. Вначале появление хорватской газеты и журнала было встречено сербской общественностью в Венгрии с радушием. В 1835—1836 гг. все видные сербы открыто, в печати, или в переписке приветствовали национальное пробуждение Хорватии³⁸⁴. Однако явные объединительные тенденции иллиризма вызвали раскол в кругах сербской общественности в отношении к нему.

Многие рядовые сербы, священники, адвокаты, учителя, учащиеся, были благожелательно настроены к иллиризму не только в начальные, но и последующие годы, хотя это не означало, что они полностью разделяли его идеи. Они сочувствовали национальному пробуждению хорватов, идее югославянской солидарности. Их привлекало теплое, благожелательное отношение хорватских национальных деятелей к сербскому народу.

Эти представители сербской общественности были подписчиками изданий Гая, в письмах к нему они выражали свое удовлетворение появлением последних и их содержанием, поддерживали Гая в его пачинаниях, интересовались литературой иллиризма и просили Гая прислать ее³⁸⁵. Славяно-сербская читальня в Кечкемете выписывала газету и «Даницу» Гая. Члены общества выражали желание сотрудничать в хорватских изданиях³⁸⁶. В 1842 г. к Гаю обратился Божидар Мандич от имени сербской молодежи, обучавшейся в евангелическом лицее в Пожуне, с просьбой подарить им «Новине» и «Даницу». В том же году просили у Гая газету и журнал также «молодые обучающиеся в Пожуне сербы», от имени которых письмо подписало 7 человек. Ту же просьбу выражали письменно 13 молодых сербов из Пешта, по-видимому, воспитанники Текелианума. В декабре 1847 г. в письме 19 сербов Текелианума выражали Гаю благодарность за обещанный дар, который касался, видимо, газеты. В ноябре 1847 г. общество сербов сегединских

³⁸⁴ I. M a m u z i ē. Ilirizam i Srbi, str. 51.

³⁸⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 198, 259, 326, 418, 460

³⁸⁶ Там же, стр. 360.

школ просило Гая присыпать им в будущем свои издания, с помощью которых они обучались родному языку³⁸⁷.

Из числа известных сербских литераторов поддерживал иллиризм, хотя и не во всем соглашался с загребскими идеологами и проявлял осторожность в отношении имени, священник Павле Стаматович, выпускавший в 1830—1842 гг. альманах «Српска пчела». Стаматович, познакомившийся с Гаем еще в бытность того в Пештском университете, был захвачен идеей славянской взаимности. Стаматович приветствовал выход изданий Гая и перемену их названия в 1836 г. Его альманах был проникнут идеей югославянского единства³⁸⁸.

Последовательных, открыто выступавших поборников иллиризма среди сербов было мало и, как правило, их проиллирийская позиция была кратковременной.

Убежденным и наиболее активным сторонником иллиризма среди сербов был Петар Йованович, директор сербской гимназии в Нови Саде, издатель и редактор известного в свое время альманаха «Бачка вила» (1841—1845 гг.). Йованович был воодушевленным и искренним «иллиром» и в песнях, и в корреспонденциях, которые он в 1840 г. посыпал в «Даницу», и в переписке с Гаем, Вразом, Бабукичем, и в языке и содержании своей «Влы», которую он называл «новым иллирийским альманахом». Но при этой Йованович не растворял полностью сербов среди «иллиров». Йованович опубликовал в своем альманахе статью Бабукича о правописании, статью И. Шиматовича из Петроварадина о древности названия «иллиры» и его значение для югославии и много песен поэтов иллиризма³⁸⁹. «Даница» неоднократно с одобрением писала о направлении и содержании альманаха «Бачка вила», особенно подчеркивая его выступления в пользу согласия и единства всех «иллиров»³⁹⁰. Все это вызвало нападки сербских противников иллиризма на издание Йовановича, и некоторые сербы отошли от участия в альманахе³⁹¹.

Под влиянием идей иллиризма находился вначале Милош Попович, с 1842 г. редактор альманаха «Скоротечка». Он много сотрудничал в 1840—1842 гг. в иллирийском

³⁸⁷ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 358, 359, 361, 362.

³⁸⁸ I. Mamuzić. Ilirizam i Srbi, str. 58—60.

³⁸⁹ I. Mamuzić. Ilirizam i Srbi, str. 24, 25, 52, 53.

³⁹⁰ «Danica», 1841, br. 32, str. 132; 1842, br. 21, str. 81.

³⁹¹ I. Mamuzić. Ilirizam i Srbi, str. 54, 55.

духе в «Данице» и «Коло», был в Загребе. Но после 1843 г., будучи уже редактором белградской «Подупавки», Попович сдержанно, даже отрицательно относился к иллиризму³⁹². Проявляли в печати свои проиллирийские настроения и некоторые другие, малоизвестные в свое время, сербы³⁹³.

Однако большая часть сербской интеллигенции, в том числе и ведущие национальные деятели, запяли отрицательную позицию к иллиризму. Во главе сербских противников иллиризма встал Теодор Павлович, редактор журнала «Летопись Матицы сербской», издатель и редактор газеты «Сербске народне новине», которая выходила в Пеште с 1838 г. с литературным приложением «Сербский народний лист». Во всех своих изданиях Т. Павлович вел ожесточенную полемику с идеологами иллиризма и их последователями среди сербов.

Впервые Павлович сформулировал свои возражения против идей иллиризма в 1837 г. в примечаниях к статье «Местные или народные источники древней истории славян» в «Летописи». В 1839 и 1840 гг. он вновь простирали и резко писал против иллиризма. С осуждением иллирийских идей выступали в печати также Йовац Суботич, ставший в 1842 г. редактором «Летописи», Г. Паптелич, Павле Арс. Попович, Георгие Петрович, Георгие Мушницкий, Милош Светич, Евстатие Михайлович. По существу отрицательно к иллиризму относился С. Текели, видный деятель сербского Возрождения, по открыто против иллиризма он не писал³⁹⁴.

Сербские противники иллиризма выдвигали общее для всех югославян наименование «сербы» или «югославяне», желали единства литературы на базе кириллицы, некоторые отдавали предпочтение церковнославянскому языку. Споры шли о численности сербов и хорватов, о национальной принадлежности земель, традиций и т. д. Но в основном борьба велась вокруг общего имени югославян, поскольку название «иллирии» было символом иллиризма и олицетворяло всю совокупность проблем.

С хорватской стороны сербские взгляды опровергались в «Объявлении» Гая в 1839 г., в некоторых статьях «Даницы» в 1840—1842 гг. и брошюрах Раковаца и Шулека.

³⁹² Там же, стр. 25—28, 56, 57.

³⁹³ Там же, стр. 39, 40.

³⁹⁴ I. M a m u z i c . Ilirizam i Srbi, str. 64, 65, 70—77.

За антииллирийскими выступлениями сербских литераторов и общественных деятелей скрывалось стремление отстоять национальную самостоятельность сербов, их право на национальное развитие перед лицом тенденций иллиризма к полному литературному и культурному слиянию югославянских народов. Но при этом сербские деятели, выражая претензии парождавшейся сербской буржуазии, проявляли великосербские настроения, стремления к объединению югославии под руководством и при главенстве сербского буржуазного класса. Сказывалось на их позиции и влияние консервативного православного духовенства.

Полемика между хорватскими и сербскими деятелями достигла кульминации в 1839—1841 гг.³⁹⁵ После запрещения в 1843 г. павловия «иллиры» она потеряла свою остроту. Усиление же мадьяризации и развитие политических событий во второй половине 40-х годов еще более отодвинули на задний план эти противоречия, хотя полностью «спор об именах» не прекратился.

Сложным было отношение Вука Караджича к иллиризму. Еще в 1836 г. он набросал статью «Сербы все и всюду»³⁹⁶, которая шла вразрез с теоретическими посылками иллиризма. Между Караджичем и Бабукичем велись грамматические споры³⁹⁷. Но открыто Караджич против идейных основ иллиризма не выступал.

Караджич поддерживал дружественные личные отношения с хорватскими национальными деятелями. Гай познакомился с Караджичем еще в 1833 г. в Вене. Караджич в 1838 г. посетил Загреб. Он, Драшкович, Гай, Зденчай и Ваканович составляли тесный круг. В 1841 г. Гай, А. Мажурапич и Караджич вместе совершили поездку по Далмации³⁹⁸.

Существование Сербского государства было важным фактором на Балканах в политическом, идеологическом и моральном плане. Поэтому от отношения общественности и официальных кругов Сербии к объединительным идеям, исходившим из Загреба, во многом зависел успех их воплощения в жизнь.

³⁹⁵ I. M a m u z ić. Ilirizam i Srbi, str. 94.

³⁹⁶ П. А. Кулаковский. Иллиризм, стр. 241, 242.

³⁹⁷ См. «Kolo», 1847, IV, str. 69—79.

³⁹⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 240.

В Сербии общественность с удовлетворением наблюдала за национальным Возрождением хорватов. Херкалович писал в 1837 г. брату из Пожареваца, что профессора местной гимназии Бранкович и Стоянович «уважают Гая и его друзей». Лестно отзывался о деятельности Гая в литературном и просветительском плане сенатор Радичевич³⁹⁹. В 1840 г. Херкалович писал Гаю, что его газета в Белграде «всеми порядочными людьми уважаема»⁴⁰⁰. В 1845 г. сисакский торговец Чапч, вернувшись из Земуна, передавал Гаю привет от «добрых друзей» из Белграда⁴⁰¹. В Сербии в 40-е годы имелись подписчики на издания Гая⁴⁰².

Неоднократно посещал Загреб Йован Гаврилович, вице-председатель Общества сербской словесности в Белграде. Гай поддерживал связи с ним⁴⁰³.

В 1842 г. Общество сербской словесности избрало Гая членом-корреспондентом⁴⁰⁴.

Проявлял некоторое время склонность к иллиризму, хотя и с сербских позиций, Димитрия П. Тирол, редактировавший в 1837—1838 гг. альманах «Урантия» в Белграде. Он поддерживал непосредственные связи с Гаем⁴⁰⁵.

Но при всем сочувствии и уважении к деятельности представителей хорватского национального Возрождения в образованной среде Сербии не было желания пришельть объединительные идеи, как их попимало руководство иллиризма.

В Сербии имелись и сознательные противники иллиризма. В 1840 г. с осуждением иллирийских идей выступил альманах «Голубица», выходивший в Белграде в 1839—1844 гг. под редакцией Йована Хаджича. «Подушавка» (приложение к сербской белградской газете), занимавшая колеблющуюся позицию в отношении иллиризма, с 1846 г. резко писала против него⁴⁰⁶. Тем не менее она с осуждением отнеслась к восстановлению Кузманичем в 1847 г. в «Зоре далматинской» старой дал-

³⁹⁹ Там же, стр. 203, 204.

⁴⁰⁰ Там же, стр. 211.

⁴⁰¹ Там же, стр. 121.

⁴⁰² Там же, стр. 213.

⁴⁰³ Там же, стр. 166, 167.

⁴⁰⁴ Arhiv Hrvatske u Zagrebu. 0—15. Obitelj Gaj, kutija 2.

⁴⁰⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 240; I. Mamuzić. Ilirizam i Srbi, str. 5, 19, 32, 63, 64.

⁴⁰⁶ I. Mamuzić. Ilirizam i Srbi, str. 4, 5.

матинской орфографии и считала полезным установление орфографического единства пишущих латиницей югославян⁴⁰⁷.

Помимо идеологической, литературно-языковой и культурной была и политическая сторона сербо-хорватских отношений в рассматриваемое время.

Важную посредническую роль между Гаем и Белградом выполнял Херкалович, служивший до 1838 г. офицером австрийской армии, неоднократно посещавший Сербию, а с 1843 г. находившийся там на государственной службе⁴⁰⁸. Уже в 1837 г. во время своего первого посещения Сербии в письме к брату Херкалович писал, что он очень много говорил с сербскими государственными деятелями «о моем друге Гае», стараясь укрепить уважение профессоров Пожаревацкой гимназии к нему, вел агитацию в кругах сербской интеллигенции в пользу изданий Гая⁴⁰⁹. В 1840 г., находясь в Белграде, Херкалович хлопотал о кирилловском шрифте для типографии Гая⁴¹⁰. Он регулярно информировал Гая о положении в Сербии.

Посредником между Гаем и Сербией был также Павао Чавлович, близкий единомышленник Гая. Воспитанник загребской семинарии Чавлович при содействии А. Нуцента в 1843 г. переселился в Сербию и поступил там на государственную службу⁴¹¹. Находясь в Белграде, Чавлович посыпал в газету Гая корреспонденции о положении в Сербии.

Чавлович и Херкалович входили в состав тайного общества, основанного в Белграде в конце 1844 г. с целью организации национальной пропаганды среди южных славян Турции в соответствии с «Начертанием» и финансовой поддержкой Гарашапина. К этому обществу принадлежал и Зах⁴¹². Чавлович, непосредственно занимавшийся изданием «Бранислава», пользовался поддержкой этого общества⁴¹³. По делам «Бранислава» приезжал в Белград Шулек в 1845 г.⁴¹⁴

⁴⁰⁷ См. «Danica», 1847, br. 15, str. 60; br. 12, str. 47, 48.

⁴⁰⁸ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 205—206.

⁴⁰⁹ Там же, стр. 203, 204.

⁴¹⁰ Там же, стр. 212.

⁴¹¹ Там же, стр. 122, 123.

⁴¹² A. Lisac. Oko «Branislava»..., str. 254; J. Šidak. Hrvatsko pitanje..., str. 110—111.

⁴¹³ J. Šidak. O uredniku i značenju..., str. 84.

⁴¹⁴ A. Lisac. Oko «Branislava»..., str. 255.

Гай поддерживал связь с Белградом также через Степана Цара, который посетил Белград в 1842 и 1844 гг. и общался там с Ф. Захом⁴¹⁵. Гай сам лично в 1846 и 1847 гг. ездил в Сербию.

Образованные сербы с сочувствием следили за национальным Возрождением хорватов и оказывали ему известную поддержку. Иным было отношение сербской общественности к объединительным идеям иллиризма. Большинство представителей сербской общественности опасалось, что объединительные тенденции иллиризма угрожают поглощением хорватами сербов, ведут к ослаблению позиций сербов среди южных славян в пользу хорватов. Некоторые политические деятели Сербии усматривали в иллиризме пропаганду Австрии и особенно католической церкви. Петрониевич в беседе с Чижовым в 1845 г. заявил: «...На них (хорватов. — И. Л.) имеет большое влияние Австрия и особенно католицизм»⁴¹⁶. Отсюда теории иллиризма прямо противостояли идеи объединения югославян, смысл которых (идей) сводился к руководству этим процессом со стороны Сербии, или же провозглашаемая загребскими деятелями идеология принималась с оговорками, имеющими, впрочем, те же тенденции.

В целом среди сербов идеи иллиризма не получили достаточной поддержки. Основная причина этого заключалась в сильном развитии сербского национального самосознания, но определившую роль сыграли также религиозные противоречия, борьба вокруг литературного языка в среде самих сербов, великодержавные претензии сербской буржуазии.

Деятели иллиризма помещали в своих изданиях некоторые материалы и о Болгарии, но прямой связи с болгарами у них не было.

Итак, хорватские национальные деятели в одних случаях завязали, в других — значительно расширили связи Хорватии и Славонии с другими славянскими землями. В 1835—1837 гг. контакты еще были слабыми, они стали живыми с начала 40-х годов. Эти связи с разными сла-

⁴¹⁵ J. Horvat, J. Ravlić. Pisma..., str. 92; J. Šidak. O uredniku i značenju..., str. 80.

⁴¹⁶ «Славянский архив», 1958, стр. 208.

вянскими областями были неодинаковы как по интенсивности, так и по характеру.

Наиболее тесный и живой контакт был установлен деятелями иллиризма с югославянскими землями внутри и за пределами Австрийской империи. Они достигли кульминации в начале 40-х годов, но после запрещения названия «иллиры» в 1843 г. несколько ослабли. Открыто эти отношения развивались как литературные, культурные, идеологические, личные, но за ними скрывались политические интересы. За этими связями стояла необходимость совместной борьбы против национального угнетения. Но преследуемые при этом разными национальными деятелями политические цели не всегда и не во всем совпадали. Некоторые общественные деятели югославян, в том числе Гай и его ближайшие единомышленники, сходились на мысли о создании самостоятельного политического объединения югославянских народов.

Чешско-хорватские и словацко-хорватские связи развивались в области культуры, литературы, печати, книгообмена, личных отношений. То же следует сказать о польско-хорватских и русско-хорватских связях. Хотя отношения Гая с польской эмиграцией имели отчетливо политическую направленность.

Было бы неправильно думать, что до иллиризма у хорватов не было контактов с другими славянскими народами. Связи существовали и временами притом весьма тесные. Иллиризм значительно расширил их, проложив контакты в новых сферах, и завязал их там, где они ранее не существовали. Главное же состояло в том, что за хорватско-славянскими общественными связями в период иллиризма стояли прогрессивные общественные силы, что эти связи служили делу национального освобождения.

Хорватское национально-освободительное движение было особенно тесно связано с национальным движением славян внутри Австрийской империи и национальными движениями югославян вообще. Тесные связи австрийских славян между собой в первой половине XIX в. объяснялись тем обстоятельством, что национальное Возрождение их пришлось приблизительно на одно время, что перед славянскими народами Австрийской империи на повестке дня стояли одни и те же исторические задачи, что национальные движения славянских народов внутри империи

развивались в близких по своему характеру условиях. Неудивительно поэтому, что у славян Австрийской империи (исключая Галицию) в первой половине XIX в. было много общего как в области национальной идеологии, так и тактики национальной борьбы, что эти движения, тесно связанные между собой, развивались в одном общем русле.

Тесные связи иллиризма с патриотично-освободительным движением других югославян основывались на ближайшем родстве югославянских народов между собой. Родственная близость югославян в условиях, когда большая часть из них переживала национальное угнетение, а другая часть еще полностью не была свободна от него, порождала тяготение югославянских народов друг к другу, заинтересованность во взаимной поддержке, взаимное влияние друг на друга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение иллирийского движения для общественного развития хорватского народа

Национально-освободительное движение, развернувшееся в Хорватии и Славонии в 30—40-е годы XIX в. и получившее по своей ведущей идеи название иллиризма, было связано с развитием капитализма внутри феодального общества и складыванием на этой основе хорватской нации. Оно получило некоторый отклик в других хорватских землях — Военное Гравице, Приморье и Далмации, — а частично и в остальных югославянских областях. Иллирийское движение было направлено на разрешение общественных противоречий, на административно-политическое объединение хорватской территории и улучшение условий национального, политического, культурного и экономического развития хорватских земель, на духовное соединение югославян, на политический союз югославянских народов.

Вызванный к жизни развитием капитализма и хорватской нации, тесно связанный в идеологическом и тактическом отношении с национальным Возрождением других славянских народов, иллиризм знаменовал собой качественно новый этап в истории хорватской национальной борьбы. Хотя по своей социальной структуре и потому в идейном отношении иллирийское движение не было однородным, включая в себя как буржуазно-дворянское, так и консервативно-дворянское течения, оно направлялось передовыми общественными силами, объективно выражавшими потребности буржуазной эпохи. В то же время иллиризм, возникший не в отрыве, а на базе предшествовавшего развития национальной борьбы, которую вели феодальное дворянство за сохранение своих политических и экономических привилегий, многими своими сто-

ронами был связан с феодально-дворянской традиционностью.

Иллирийское движение, ставшее значительным явлением в общественном развитии хорватского народа, в свою очередь оказало сильное влияние на политическую, национальную, культурную и экономическую жизнь хорватского общества.

Иллиризм значительно продвинул вперед процесс национальной консолидации хорватов. Первостепенное значение в этом отношении имела разработка национальными деятелями Возрождения основ общехорватского литературного языка. Избрание ими в качестве основы национального литературного языка штокавского говора, на котором говорила большая часть хорватского населения, и отказ от своего родного кайкавского диалекта как языка национальной литературы облегчили литературно-языковое слияние хорватского народа, которое тем не менее протекало с большим трудом и в 40-е годы еще не завершилось.

Литературно-издательская деятельность представителей Возрождения, выразившаяся в издании и распространении газеты, журналов и разнообразной литературы на национальном языке, способствовала ознакомлению хорватского общества с жизнью самых разных областей и районов Хорватии и Славонии, а также Военной Границы и Далмации, разрушению духовной замкнутости отдельных мест, пробуждению в самых удаленных углах интереса к общественным вопросам, национальному сплочению хорватского общества.

Созданные деятелями иллиризма публицистика и художественная литература, пропитанные духом патриотизма, идеалами свободы и национальной целостности народа независимо от административных границ, религиозных различий и местных наименований, углубляли и расширяли в хорватском обществе сознание общности хорватской территории, национального единства всех хорватов. Публицистика и литература иллиризма явились важным оружием в процессе формирования хорватского национального самосознания.

Пробуждению национальных чувств содействовали устраивавшиеся активом иллиризма вечера, собрания, балы и национальные общества. В период иллиризма были заложены основы общехорватской национальной культуры.

туры, которая имела своим основанием народное творчество и выражала складывавшуюся общность психологии и национального характера хорватов.

Иллиризм своей постановкой вопроса о национальном хорватском единстве и национальной целостности хорватской территории и практическими связями с Военной Границей и Далматией способствовал пробуждению национального самосознания в этих землях и оживлению национальной жизни в них. Иллиризм ускорил созревание хорватского национального самосознания и в Истрии.

В годы иллиризма произошло сближение хорватов и сербов в Хорватии, Славонии, Военной Границе и Далмации. В основе этого сближения лежала необходимость совместной борьбы против национального угнетения. Но ему, безусловно, способствовала объединительная идеология иллиризма и приятие хорватскими деятелями штокавицы в качестве основы национального литературного языка как значительный шаг к ее реальному воплощению.

Выдвинувшее идеологами иллиризма положение о единстве южных славян и поставленная перед движением цель их литературно-языкового слияния, подкрепленные идеей равенства католиков и православных, с одной стороны, несомненно, оказали тормозящее влияние на процесс национальной консолидации сербов в хорватских землях и вызревание в сербском обществе сознания своего национального отличия от хорватов и других южнославянских народов, с другой — содействовали практическому объединению усилий хорватов и сербов в борьбе против национального угнетения, осознанию общности стоящих перед ними исторических задач. Сербы в Хорватии, Славонии, Военной Границе и Далмации, разобщенные, в национальном отношении далеко еще не сплоченные, удаленные от политического, национального, экономического и культурного сербского центра, оторванные от складывавшегося ядра сербской патрии, видели в национальном освобождении хорватских земель путь к улучшению условий своей жизни и развития. Этим объяснилась их поддержка иллиризма.

Национально-освободительное движение ускорило политическое размежевание внутри хорватского общества. С иллиризмом связало зарождение в Хорватии и Славонии либеральной идеологии. Либерализм был проникнут

протестом против национального неравенства и угнетения хорватского народа, характеризовался стремлением к политическому объединению и национальной самостоятельности хорватских земель, был направлен против абсолютистской политики Габсбургов и заключал в себе буржуазные идеалы. Все это делало либерализм, представлявший новые общественные стремления, в условиях хорватской действительности первой половины XIX в., когда на появление для стояли задачи ликвидации феодализма, достижения политического единства и национальной свободы хорватских земель, прогрессивным явлением. В то же время либеральная мысль предполагала осуществить политические преобразования соглашательским путем, за счет компромисса с феодально-монархическими силами. Она требовала лишь уступок у Габсбургов, но не отрицала их прав на господство в монархии.

В ходе хорватского национально-освободительного движения, начавшее 1848 г., в результате внутренней дифференциации либерального течения созрели элементы буржуазно-демократического сознания, хотя ввиду своей слабости и господствовавших цензурных ограничений оно до 1848 г. открыто о себе не заявляло. Буржуазные демократы были сторонниками более последовательной борьбы против феодализма, нежели либералы. Буржуазно-демократическая идеология из всех идейных направлений того времени была ближе всего к интересам хорватского народа. При всей ее слабости она была лучшей из того, что способна была дать хорватская общественная мысль в рассматриваемое время.

Развитие буржуазной идеологии оказало известное влияние на взгляды феодально настроенной части хорватского общества, подтолкнув ее в какой-то мере к пониманию необходимости и неизбежности буржуазных преобразований. Но главную роль в этом играла борьба крестьян.

Разгоревшаяся в 40-е годы XIX в. в Хорватии и Славонии политическая борьба была первым политическим проявлением пробудившейся к жизни и деятельности хорватской нации. В этой борьбе окрепло ее политическое сознание, она приобрела опыт для будущих выступлений.

С национально-освободительным движением был связан подъем науки, дальнейшее развитие образования и просвещения в Хорватии и Славонии. Либеральные дея-

тели иллиризма считали просвещение одним из самых сильных факторов сохранения и прогресса каждого народа. Они искренне верили в силу и значение просвещения широких масс.

Обращение деятелями национального Возрождения серьезного внимания на просвещение и практическая деятельность их в этом направлении, выразившаяся в издании и распространении книг по различным отраслям знаний на языке, понятном для широких слоев хорватского населения, выпуске литературы специально для крестьянства, основании просветительских учреждений и обществ, содействовали распространению знаний в хорватском обществе, повышению его духовной культуры.

В общеимперском масштабе иллирийское движение имело противоречивое значение. Направленное против национального патриотизма, политического унижения и угнетения, на улучшение условий национального, политического и экономического развития хорватских земель, несущее на своих знаменах буржуазные идеи национального единства и свободы, иллирийское движение самим фактом своего существования в условиях, когда в Австрийской империи не было революционных очагов, расшатывало феодально-абсолютистскую империю, подрывало и ослабляло позиции Габсбургов. В то же время готовность к сотрудничеству с австрийским двором со стороны не только консервативных, но и либеральных деятелей иллиризма и проистекающие отсюда пеоднократные обращения руководства хорватского национально-освободительного движения за помощью к австрийскому правительству, попытки найти у него покровительство и защиту перед лицом националистических притязаний венгерского дворянства — позволяли Габсбургам маневрировать в нужные моменты с целью укрепления своих позиций в империи и ослабления венгерского либерального национального движения, в котором Вена небезосновательно видела наибольшую серьезную угрозу феодально-абсолютистскому строю и целостности империи.

Гай и его ближайшие единомышленники допускали мысль о политическом объединении югославян вне границ Австрийской империи. Однако их политическая позиция была петвердой и колеблющейся, и идея самостоятельного югославянского государства, весьма туманная и неясная, была далека от воплощения в реальные действия,

хотя некоторые подготовительные шаги все же делались в данном направлении, выражаясь в пропаганде объединительных идей и установлении контактов с единомышленниками. Являясь важным фактором в развитии хорватского политического сознания, указанные тенденции в силу малочисленности их носителей и своей незрелости не могли еще тогда иметь реального значения для судей Австрийской империи.

Политическая ограниченность и непоследовательность хорватских буржуазно-дворянских национальных деятелей, связанные с классовой сущностью либерализма, в период революции 1848—1849 гг. имели трагические последствия для судей хорватского народа. Лояльность, хотя и на известных условиях, хорватских либералов к австрийскому престолу, готовность их идти на уступки феодально-монархическим силам, враждебность революционному движению народных масс позволили имперской контрреволюции, независимо от субъективных устремлений хорватских национальных лидеров, использовать хорватское национальное движение для подавления революции и восстановления абсолютистских порядков в империи.

В ходе национально-освободительного движения значительно расширились и окрепли связи хорватского народа с другими славянскими народами. Развивавшиеся по идеологической, литературной, культурной, научной, а в ряде случаев и по политической линии связи хорватского национально-освободительного движения с национальными движениями других славян содействовали сближению славянства, укреплению дружбы и сотрудничества славянских народов.

То многое, что деятели иллиризма сделали для укрепления связей Хорватии и Славонии в первую очередь с югославянскими, а также и с другими славянскими землями сыграло большую положительную роль в общественном развитии хорватского народа. Расширение контактов содействовало более глубокому знакомству хорватского общества с богатствами литературы, искусства, культуры и науки других славян. Регулярное ознакомление его с успехами национальной жизни славян укрепляло оптимизм, веру в будущее у хорватов. Связи иллиризма с национальным движением других славянских народов обогащали активные в национальном отношении силы Хорватии опытом национальной борьбы.

Иллиризм с его объединительными идеями оживил в хорватском обществе создание особой близости и родства югославян, укрепив его сознательным стремлением к национальному освобождению и политическому объединению югославянских народов. Иллиризм знаменовал собой возникновение в хорватском обществе осознанной потребности политического союза югославян, которая в дальнейшем не прерывалась и не исчезала, хотя и меняла формы и виды своего выражения.

Иллиризм укрепил и развил контакты Хорватии и Славонии с другими югославянскими землями. С именами деятелей хорватского национального Возрождения связано установление хорвато-сербского литературно-языкового единства, значительно сблизившего эти ближайшие родственные народы, облегчившего их общение, улучшившего условия развития хорватской и сербской литературы. Широкий книгообмен, личные контакты, сотрудничество хорватских деятелей в органах югославянской печати, участие в хорватских изданиях югославянских авторов, регулярное освещение на страницах периодической хорватской печати национальной, культурной и политической жизни югославянских народов, наконец, конспиративные связи были конкретным проявлением того практического вклада, который внес иллиризм в югославянское сближение. В то же время начертанная на знамени хорватского национально-освободительного движения идея культурного и литературно-языкового слияния всех югославян, противоречившая направлению национального развития югославянских народов, как и элементы центрохорватизма в идеологии деятелей иллиризма, несомненно, тормозили югославянское сближение, отталкивая ведущую часть югославянской общественности от практического содействия и поддержки иллиризма.

Иллиризм оказал влияние на общественную жизнь югославянских народов, стимулируя возникновение и развитие здесь национально-освободительных идей и тенденции к югославянскому сближению,

У К Л А З А Т Е Л Ъ И М Е Н

- Адамич 34
Адамович И. 21
Аджич К. 97, 139, 140
Айвазовский И. К. 297
Аккурти А. 277
Аппони Д. 265
Аугустин Ю. 84
- Бабукич В. 61, 62, 69, 83, 84,
123, 137, 139, 186, 222, 224,
228, 234, 237, 245, 248, 284,
290, 291, 303, 315, 316, 318,
320
- Бадалич И. 10
Бадров Н. 313
Байрон Д. Г. 229, 231
Балтич М. 55, 276
Бапич Ф. 172
Барац А. 9, 70, 164
Бедекович Л. 82
Бенкендорф А. Х. 178
Беркович Н. 287
Бернолак А. 292
Бёрнштейн Х. 241
Бичапич Р. 9, 70, 104, 149,
205, 209
Блажек Т. 143
Блейвойс Я. 310, 311
Богданов В. 8, 9, 70, 71, 223,
275
Богорич А. 128
Бодянский О. М. 300, 302, 304
Богович М. 77, 229, 240, 243
Бонавентура П. 226
Бранкович 321
Бриглевич Я. 84
Брлич И. 139
Броз М. 96, 171—174, 287
Бужан Г. 81, 256
Булгарин Ф. В. 297, 298
- Ваканович А. 12, 66, 147, 186,
236, 259, 320
Валентич Н. 284
Вебер-Ткачевич А. 93, 97,
293, 294
Верстовский А. Н. 297
Видович А. 284
Вильднер 215
Вишкович М. 73, 140
Витезович П. 135
Водник В. 310
Войкффи Ж. 82
Враз С. 72, 227—232, 239, 243,
248, 249, 255, 258, 273, 281,
286, 291, 295, 298, 302—308,
314—316, 318
- Врацицани А. 35, 36, 87, 236,
256, 259, 260, 262
Врацицани Н. 87
Врбапчик С. 222, 294, 298
Врховац М. 51, 52, 80
Врховский А. 289
Вукович Ст. 97
Вукотишич Л. 12, 69, 76,
77, 106, 167, 184, 195, 205—
209, 214, 215, 218, 220, 227,
229—233, 239, 240, 243, 274,
302, 316
- Гавличек И. 230
Гавличек Боровский К. 289
Габсбурги 3, 14, 32, 80, 166,
183, 197, 271, 274, 329, 330
Гаврилович Й. 321
Гай Л. 7, 10—12, 54—63, 66,
68, 69, 74, 80, 84—86, 88, 92,
95, 96, 100, 104—118, 123—
126, 128—137, 139—143, 145,
148, 150, 163, 164, 167, 170—
172, 174—183, 185, 186, 193

- 194, 198, 204, 205, 207, 224—
 227, 229, 233, 235, 238, 240,
 241, 243—245, 248, 253, 256,
 257, 259, 260, 262, 264—266,
 270—273, 276, 277, 280—287,
 290, 291, 295, 297—302, 304,
 306—310, 312—314, 317, 318,
 320—324, 330
 Галац Д. 259
 Галлер Ф. 258, 261, 263, 265
 Гапка В. 48, 50, 227, 230, 289,
 295, 302, 304
 Гарашанин И. 176, 322
 Георгиевич К. 10, 104, 149, 165
 Георгиевич М. 92
 Гердер И. Г. 47, 133
 Глиника М. И. 297
 Гоголь Н. В. 296, 298
 Годжа М. 289
 Голый Я. 292
 Гомер 231
 Григорович В. И. 300, 304
 Гүйдөвін Л. 285
 Гүндулич И. 52, 231, 238, 280
 Гурбай И. 289
 Гюго В. 229
 Дашичич Дж. 138
 Даите А. 231
 Деак Ф. 147
 Дежелич В. 11
 Деметер Д. 56, 83, 86, 138,
 224, 229, 231, 240, 242, 243,
 298, 302, 307, 315
 Деркос И. 61, 64—66, 128
 Дефишис 282
 Дешевфи 271
 Добровский И. 48, 50, 51
 Драшкович А. 251
 Драшкович Я. 21, 63—67, 73,
 81, 104—106, 110—112, 115,
 116, 126, 148—166, 186, 197,
 209, 223, 224, 236, 237, 242,
 244, 249, 256, 259, 260, 262,
 263, 290, 320
 Дробиц И. 234, 309
 Дружевич И. 282
 Дубровский П. 231, 295, 296,
 304
 Елаичич Л. 250
 Ерап Л. 310
 Жерявич Ф. 167, 182
 Живанчевич М. 275
 Жигрович Ф. 76, 233
 Жувич А. 97
 Жупан Л. 61, 298
 Жупан (Зупан) Ф. 204, 215,
 302
 Зах Ф. 176, 177, 183, 272, 322,
 323
 Зденчай И. 82, 147, 256, 261,
 320
 Зидарич И. 73, 76
 Зубац Т. 172
 Ивичевич Ст. 284
 Илич Л. 232
 Иосиф П. 14, 15, 31, 46, 251,
 252
 Йовапович П. 318
 Йосипович А. 249, 251, 252,
 269
 Кадави Я. 295
 Казначич А. 282
 Казначич И. А. 284
 Каич А. 313
 Каллабар Ф. 97
 Караджич В. 48, 55, 137—139,
 232, 315, 316, 320
 Карамзин Н. М. 297, 298
 Карас В. 244
 Карготич-Мирославич Ф. 282
 Качич-Миошич А. 50, 51, 55,
 137
 Кеглевич С. 82
 Киринич В. 65
 Кларич С. 226
 Клаузал 147
 Клобучарич Д. 147, 236, 259
 Кничапин С. 181
 Кобе Ю. 309
 Ковачевич Ф. 282, 283
 Кокаповичи 88
 Коллар Я. 4, 49, 57, 68, 107,
 109—111, 119, 136, 229, 289—
 291, 312
 Коловрат Ф. 270
 Кольцов А. В. 296
 Конитар Е. 48, 50, 51, 184, 308
 Корощец С. 308, 309
 Кочевар Ш. 55, 307
 Кошут Л. 251, 252, 265, 269,
 270

- Кошчак Т. 54
 Кияжевич Д. М. 300
 Краинович Б. 313
 Крашна Я. 309
 Кремпл А. 308
 Кристианович И. 184, 302
 Кречелич Б. 51
 Кузманич А. 282—285, 321
 Кукович Й. 98, 147
 Куклевич А. 261
 Кукулевич-Санкинский И. 12,
 73, 75, 77, 78, 87, 138, 167,
 171, 181, 187, 195, 229, 231—
 233, 240, 241, 259, 265, 268,
 283, 286, 298, 302, 314, 316
 Кулаковский П. А. 6, 61, 104,
 149, 164, 178,
 Кульмер Ф. 83, 98, 262, 263,
 265, 266
 Кундек Й. 63
 Курелац Ф. 56, 61, 62
 Куторга М. С. 303
 Кухарский А. 56, 61, 62, 295
 Кушевич Й. 65, 153
 Кушлап Д. 175, 262, 273, 275,
 286
 Лалич Й. 226, 246
 Лентулай М. 75, 263
 Лермонтов М. Ю. 296, 298
 Либковитц 21
 Ливадич Ф. 240, 243
 Линхарт А. 310
 Лисац А. 10
 Лисинский В. 243
 Лищницкий А. 175
 Ловрич Ф. 87, 203
 Лучин Е. 173
 Львов А. Ф. 297
 Лэнг С. 216
 Мажуранич А. 61, 62, 69, 84,
 123, 225, 234, 246, 257, 270,
 280, 291, 300, 303, 311, 314,
 320
 Мажуранич И. 84, 86, 138,
 143, 194, 230, 231, 234, 238,
 242, 256, 273, 275, 295, 298,
 311
 Мажуранич М. 311, 312
 Малавашич 310
 Маллин Й. 87, 88
 Мандич Б. 317
 Маракович 61, 62
 Марич Й. 61, 62
 Марц Й. 246
 Мария-Терезия 31
 Мароевич Б. 282
 Мароушник Е. 309
 Мартинович И. 46, 51
 Мартич Л. 312, 313
 Мартипович Ст. 170, 313
 Матишич Ю. 55
 Маханович М. 53
 Мацеевский В. 295
 Маяр М. 308
 Майер Й. 125, 126, 135, 226
 Мейер 21
 Мелишевич А. 306
 Меттерних К. В. 257, 261
 Мехмед-Воджихи паша 257
 Миклошич Ф. 138, 307
 Миклоущич Т. 53, 54
 Микулич Й. 84, 87
 Милчотич И. 6
 Михайлович Е. 319
 Миханович А. 52, 229
 Мицкевич А. 295
 Млипарич С. 167, 209
 Мойзес С. 68
 Мурко А. 55, 56, 310
 Муршец Й. 308
 Мушицкий Г. 319
 Надеждин Н. И. 300
 Надъ А. 53
 Негош П. П. 314
 Недич М. 312
 Нейштедтер Й. 81
 Немчин-Гостовинский А. 76,
 77, 95, 201, 208, 231
 Нессельроде К. В. 257
 Николаевич Дж. 281
 Николай I 178
 Новакович Д. 175
 Носсан А. 88
 Нугонт А. 81, 171, 262, 313,
 322
 Обрадович Д. 48, 119, 315, 316
 Ожегович М. 73, 81, 236, 260
 Озерецковский 178
 Орбини М. 55
 Оршич А. 78
 Оршич Ю. 81, 244
 Очич П. 84
 Павлович Т. 319

- Палацкий Ф. 227, 289
 Палмотич Ю. 280
 Панов В. А. 300
 Пантелич Г. 319
 Парташ Й. 202, 203, 209
 Петр Крешимир IV 121, 122
 Петрапович Б. 280, 281, 312
 Петрович 80
 Петрович Г. 319
 Петрович-Блазиавац М. 181
 Петрошиевич А. 323
 Некович Ст. 272
 Нечевич 22
 Пинтар Л. 309
 Писачич Хижановечкий Т.
 75
 Погодин М. П. 118, 178, 298—
 300, 304
 Поклукар Й. 309
 Попович А. 87
 Попович М. 298, 318, 319
 Попович П. 319
 Попович Ш. 285
 Прауниспергер Б. 73
 Прейс П. И. 300, 303, 304
 Прерадович П. 283—286
 Преттер И. 275
 Прешерн Ф. 305, 310
 Прич А. 277
 Пуцич М. 283
 Пушкин А. С. 296, 298
 Равлич Я. 10, 11, 165, 175
 Равникар М. 309
 Радакович Н. 277
 Радакович 306
 Раденичкий Г. 200—202, 214
 Рац Й. 316
 Раковац Д. 12, 59, 60, 62, 63,
 68, 69, 84, 106, 108, 120,
 121, 124, 167—170, 186—189,
 191, 224, 225, 227, 239, 243,
 248, 249, 250, 255, 291, 302,
 306, 316, 319
 Раух А. 251
 Раух Л. 251
 Раячић Ј. 181
 Ригельмац Н. А. 300
 Риет—Райнер А. 175
 Розеншён 242
 Рубидо Эрдеди С. 69, 243
 Сабляр М. 244
 Салонек 21
 Себескини Н. 282
 Селли Д. 234, 235, 239
 Серенчи Ст. 17
 Скарпа 34
 Смирдин А. Ф. 296
 Смичиклас Т. 7, 104, 164
 Смодек М. 63
 Смоле 310
 Срезневский И. И. 230, 280,
 289, 296, 300—304
 Стазич А. 283
 Стаматович П. 318
 Стапчевич Й. 226
 Старчевич Ш. 285
 Стефанович Т. 172
 Стоянович 324
 Стоянович И. 175
 Студенац П. 287
 Суботич Й. 319
 Татищев Д. П. 257
 Текели С. 319
 Тирол Д. 321
 Ткалац И. 24, 82, 250, 252,
 275
 Топалович М. 96, 101, 125,
 135, 232, 246, 298, 316
 Тордицац Дж. (Юрай) 96, 129
 Торре Л. 282
 Трамонтаца Л. 282
 Трикский И. 231, 243, 276, 280
 Трстеник Д. 308
 Туркович И. 226
 Ужаревич Я. 222, 224, 234
 Утешенович-Острожинский О.
 276
 Фашцев Ф. 7, 8, 104
 Филипович А. 54
 Финк С. 96
 Фодроци А. 260, 270—272
 Форко Л. 51
 Франкович 34
 Фрацц П. 51, 69
 Фрейганг В. И. 179
 Хаджич Й. (Светич М.) 319,
 321
 Халтер И. 306
 Хаулик Ю. 98, 265, 271
 Хергович Х. 97
 Херкалович С. 174—176, 178—
 181, 280, 311, 321, 322

- Херцберг 21
Хойч С. 66
Хомяков А. С. 298, 299
Хорват Й. 10, 11, 175
Хорват П. 75
Хорват Р. 7

Цар С. 176, 265, 323
Цар Я. 243
Цаф О. 306, 308

Чавлович П. 262, 322
Чаич М. 87, 321
Чарторыйский А. 174—176, 183, 295
Чегель И. 75
Челаковский Ф. 229, 232, 289
Чижков Ф. В. 70, 81, 89, 93, 94, 96, 102, 143, 179, 181, 222, 227, 295, 300, 301, 323
Чокрлян И. 143

Шафарик П. И. 48—50, 57, 62, 107, 109, 115, 116, 119, 134, 135 227, 231, 232, 289—292, 299, 301
Швагель М. 75
Швартнер 131
Швеар 233
Швайцар Н. 245
Шидак Я. 9, 71, 104, 171, 273
Шиллер Ф. 229
Шиматович И. 318
Шимунович А. 75

Шипуц Й. 52
Шишич Ф. 7, 164
Шишков А. С. 297
Шомчиц 147
Шпорер Ф. 200, 205
Шпорер Ю. 52—54
Шротт 261, 262, 273
Штаудуар А. 313
Штоос П. 62, 63, 69, 96, 125, 144, 186, 302
Штрига А. 243
Штур Л. 289—294
Шулек Б. 12, 72, 78, 106, 108, 111, 115—117, 120—122, 136, 144, 167—169, 184—192, 208, 217—219, 224, 248, 262, 268, 272, 273, 275, 289—290, 292, 319, 322
Шурмилл Дж. 7, 164

Эрбен К. 289
Эрдеди А. 251
Эрдеди Дж. 82
Эрдеди И. 75, 256, 263

Юкич И. 312, 313
Юпгман Й. 227
Юрапич К. 276
Юратович 243

Ягич И. В. 61
Языков П. М. 299
Япеляп 127, 128
Яриевич Д. 231, 275
Яриник У. 308

in slav

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Г л а в а и н в р а я	
Социально-экономические и политические предпосылки иллиризма	13
Г л а в а в т о р а я	
Начало иллирийского движения и его социальные основы	45
Г л а в а т р е т ъ я	
Общественно-политические направления в иллирийском движении и их программы	106
Г л а в а ч е т в е р т а я	
Деятельность сторонников иллиризма	224
Заключение	326
Указатель имен	333

Ирина Ивановна Лещиловская
Иллюризм

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор М. А. Борисов

Редактор издательства Н. П. Бобрик

Технические редакторы: А. Н. Федотова, Ф. М. Хенок

Сдано в набор 26/II 1968 г. Подписано к печати 29/VII 1968 г.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 2. Уч.-изд. л. 18,1.

Тираж 1500. Т-11531. Тип. зак. 926

Цена 1 р. 20 к.

*Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21*

*1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12*

О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
9	10 сн.	doci	noči
66	7 св.	национального	национального литературн.
82	8 сн.	1846	1845
115	5 сн.	Übernik	Uhernik
227	16 сн.	Палацким	Палацким
257	6 св.	были	были продиктованы
328	6 сн.	объяснилась	объяснялась
337	3 сн.	Япелян	Янелин

in slav

МЕДИАБИБЛІОГРАФІЯ

І.І.Лещиловська • І.Лімрізм

inслав

14.20к.